

Двести двадцать две проповеди на ежедневные Церковные Апостольские и Евангельские чтения протоиерей Вячеслав Резников

От автора

В помощь постоянному читателю Нового Завета

По благословию святейшего Патриарха Московского и
всея Руси АЛЕКСИЯ

Книга представляет собой значительно дополненное и переработанное издание, выпущенное Братством святителя Алексия в 1995 году брошюры «СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ ПРОПОВЕДИ на ежедневные церковные апостольские и евангельские чтения начиная от Пасхи. В помощь постоянному читателю Нового Завета».

Издательским Советом Московского Патриарха новое издание рекомендовано в качестве пособия учащимся духовных школ.

От автора

Священное Писание неисчерпаемо. Оно – и для всех, и для каждого в отдельности. И цель постоянного Прочтения Писания – чтобы оно ожило для тебя, чтобы прозвучало и для тебя живым словом Живого Бога. Это очень трудно, а для одного совсем не под силу. Существует 2000-летний церковный опыт чтения Писания. Я молитвенно благодарю проповедников всех времен, которые своей любовью к Слову Божию помогли мне; и, в свою очередь, хочу в этой книге поделиться со всеми желающими и своим опытом чтения Священного Писания. Причем, я старался охватить вместе Евангельское и Апостольское «зачала», так не случайно они составлены вместе и порой удивительно взаимораскрывают или дополняют друг друга.

Автор.

Пасха. Светлая Седмица

Пасха

Ин. 1:1–17

Деян. 1:1–8

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

Христос воскрес!

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»»..

Так Святая Церковь каждый год обновляет круг евангельских чтений. Снова и снова начинается проповедь о том, что все, что есть, – все по воле Бога «начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»; проповедь о том, что только в Боге – жизнь, которая есть единственный свет для нас, людей; о том, что этот свет «во тьме светит, и тьма не объяла его».

Слово Божие сегодня звучит особенно торжественно, особенно победоносно, потому что оно сегодня озарено светом величайшего дела Божия, светом Его победы над грехом и смертью, светом открытых врат Царства Небесного. Слово Божие сегодня звучит среди неповторимых пасхальных песнопений, среди непрерывных восклицаний: «Христос воскрес!». Оно звучит на разных языках, и, понимая мы эти языки или не понимаем, все равно чувствуем всемирность Слова, для которого нет границ.

Проповедь Воскресения Христова – это проповедь живых свидетелей. Воскресший Господь сказал им:» *«вы примите силу, и будете Мне свидетелями... даже до края земли»».*, и каждый Апостол всюду радостно возвещал о том, что *«Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его».* Уверуйте в Него, и он даст вам невиданную *«власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, ни от Бога родились».*

От опустевшего гроба Христова свет Его Воскресения стал неудержимо разливаться по всему миру, изгоняя смерть и делая жизнь поистине жизнью. И каждый церковный праздник, каждое

святое воспоминание обретает свой смысл именно в свете Воскресения. Потому что, если Христос не победил смерть, то – для чего чистота Пресвятой Девы? Для чего страдали мученики? Для чего преподобные отрекались от мира?.. и даже все воспоминания, связанные с земной жизнью Спасителя, и даже самое Его Рождество: потому что, если Христос не воскрес, то и незачем Ему было родиться!

Вот какой сегодня день, и Церковь зовет: «просвятимся, людие: Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе, победную поющая».

Но как важно при таком торжестве не пропустить ни одного евангельского слова! – А кто из нас остановился на таких, например, словах: *«В мире был, мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли...»* – А ведь это говорится о Нем же, о Боге Слове, о Господе нашем Иисусе Христе! Но как же так? «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя», а мир Его не познал? Адская тьма не может поглотить Его, а свои могут не принять? Может ли быть такое безумие? Но лучше вспомним читанное на страдной седмице: когда Господь сказал Апостолам: *«один из вас предаст Меня»*, то «они все опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: *«не я ли Господи?»*» (Мф.26:21–22). Так и сегодня: кто эти «свои», которые не приняли? Не я ли, Господи?

Чему я стою и радуюсь? Песнопениям? Праздничному убранству? Концу поста? Или я радуюсь только Господу, Который есть *«первый и последний, Который был мертв, и се жив»*? (Откр.2:8). Чего я жажду? Послабления плоти, или – наоборот: все претерпеть, чтобы только возвеличился *«Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью»*? (Флп. 1:20).

Господь сегодня зовет на Свой праздник: и тех, кто с первого часа трудился, и тех, кто с шестого: и в *«единонадесятый час пришедших»* призывает. Воздержанных и ленивых, постившихся и не постившихся, чтобы никто не мог отговориться. Он все глубже и глубже сходит за нами. Он поистине «снисшел... в преисподняя земли». Но и мы способны

тоже – все глубже и глубже уходить от Него – в бездонную пропасть греха и богоотвержения... не я ли Господи?..

Но «да не одолеет наша злоба Твоей неизглаголанной благодати и милосердия»; да разбудит нас от греховного сна всемирная весть: Христос воскрес!

О священной иерархии

Пасхальная вечерня

Ин. 20:19–25

Мы не знаем точного времени, когда воскрес Христос. Жены-мироносицы еле дождались начала дня, следующего за субботой; было еще темно, но камень был отвален, и тела Иисусова уже не было во гробе. Ангелы возвестили Его Воскресение, потом Он явился Марии Магдалине, потом – другим мироносицам, потом Петру, потом – двум ученикам по дороге в Эммаус.

И вот прошел день, и наступил вечер. Ученики Христовы собрались в месте в доме, и вдруг Сам Господь явился среди них и сказал: *«Мир вам!»*. Он явился, когда двери горницы *«были заперты»*. Евангелист Лука говорит, что ученики при этом, *«смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа»*. Но Господь показал им *«руки и ноги и ребра Свои»*. Лука повествует также, что Господь спросил: *«есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, пред ними»*. Все это убедило учеников, что пред ними их Господь, что Он действительно воскрес, был мертв и вернулся к жизни, вернулся к ним. Его Тело, хотя и было Его Телом, но все же оно стало как бы другим. Теперь оно вместе с духом мог проникать сквозь материю, сквозь любые времена и расстояния, казалось бы, теперь Господь мог бы явить Себя всем людям и наглядно, неоспоримо доказать Свое воскресение из мертвых. Но Он благоволил явиться только Своим верным ученикам, свои призванным Апостолам. Он вторично сказал: *«Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»*. Сказав это, дунул и говорит им: *«примите Святого Духа. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»*. Твердо и навсегда запомним эти слова: в них – Божественная сила. Точно так же, как когда-то Бог говорил: *«Да будет»* ... и по каждому слову из небытия возникали одна за другой части нашего мира (Быт.1); так и здесь: Господь сказал, – и возникла священная иерархия,

появились на земле люди, наделенные властью прощать грехи и тем самым соединять людей с Богом. Враги истины, не признающие священной иерархии, в своем так называемом «новом современном переводе» Нового Завета «перевели» эти слова так: «если будете прощать грехи другим, то они будут прощены и вам. И если вы не будете прощать, то и вам грехи не простятся». Трудно более ясно обнаружить перед всем миром своего отца, который есть отец лжи; и трудно сильнее доказать важность этих евангельских слов, этой Божественной заповеди.

Апостолы во всей полноте получили эту власть от Самого Христа; потом они передавали ее своим преемникам: епископам и священникам тех церквей, которые возникали по их проповеди. Дошла эта власть и до современных священнослужителей; каждому из них в таинстве священства Господь сказал: *«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас... Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся...»*.

И когда мы слышим на любом богослужении: «Мир всем!» – это не что иное, как несмолкаемое приветствие, сказанное тогда воскресшим Христом. В каждом священном таинстве действует все тоже дуновение Господне. А благословляющая рука священника – это как бы живое продолжение благословляющей Господней руки.

Будем же крепче держаться за эту руку, чтобы не кончался для нас и этот благословенный День, и этот благословенный вечер, чтоб всегда перед нами был Господь с Его победоносной плотью, с Его язвами, принятыми за нас, и чтобы всегда в наших сердцах горело радостное: «Христос воскрес!».

О свидетельстве и свидетелях

Понедельник

Ин. 1:18–28

Деян. 1:12–17, 21–26

Христос воскрес!

Этими словами Святая Церковь свидетельствует пред всем миром, что замученный и убитый Иисус Христос воскрес из мертвых, воскрес, чтобы никогда не умирать. Свидетельствуют обычно о том, что сами видели. И Апостолы, когда им надо было принять в число двенадцати кого-то вместо Иуды предателя, еще не зная, кого именно выбрать, твердо знали, что это должен быть непременно» один из тех, кто находился» с ними «во все время, когда пребывал и обращался» с ними Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова и до того дня, в который он вознесся». И свидетельствуют не только словами, но и всю жизнью, и порой самый вид свидетеля, и то, как именно он говорит, сильнее всего доказывает истину его слов.

Сегодня мы читали о самом великом свидетеле пришествия Христова. *«Был человек, посланный от Бога: имя ему Иоанн... Он был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете...»* (Ин. 1:6, 8). И как же он свидетельствует? Рассуждает ли? Доказывает ли? Нет, он только одно постоянно повторяет: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф. 3:2). Если грозит опасность, только одно кричат: «Берегись!» Так и Иоанн постоянно повторял свое: «Покайтесь!», то есть как можно скорее исправьтесь, приведите себя в должный вид, ибо Господь приблизился.

А тут вдруг *«Иудеи прислали спросить его: кто ты»* Казалось, куда проще вопрос? – но как трудно стоящему перед Богом взглянуть на себя! И вот первое, что сразу отвечает Иоанн, зная за кого его могут принять: *«Я не Христос!»* Посланные снова спрашивают: *«что же? Ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет»*.

Но люди не отстают: *«Кто же ты? Чтобы дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом?»* И тогда,

наконец, Иоанн говорит: *«Я глас, вопиющий в пустыне...»*. Как – глас? Ведь это лишь мгновенное сотрясение воздуха, как круги на воде от брошенного камня. Да и глас какой-то прозвучавший? *«Исправьте путь Господу»*. – как сказал пророк Исайя, который жил несколько сот лет назад!

Вот тот, о ком Господь сказал, что *«из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя»*. Вот, сам он почитает себя ничем, гласом, на мгновение прозвучавшим по воле Божией. Истинный свидетель Божия величия тот, кто при этом увидел и свою малость, свое человеческое ничтожество.

А мы с вами, когда произносим пасхальное приветствие: *«Христос воскрес!»*, – то заявляем себя свидетелями не только пришествия Христова, но и Его Креста, и Его славного Воскресения. Но редко увидишь на лице произносящего эти слова ту небесную радость, с которой жены-мироносицы бежали от опустевшего гроба!

И да научит нас Господь, как нам нести в мир принятое от предыдущих поколений свидетельство о Его победе над смертью, о светлом Христовом Воскресении, как нам просто даже произносить эти слова: *«Христос воскрес!»*.

О приготовлении души

Вторник

Лк. 24:12–35

Деян. 2:14–21

Христос воскрес!

Но разве только Христос воскрес? Воскресли и Лазарь, и дочь Иаира, и вдовы наинской. И даже может показаться, что они–то и воскресли по-настоящему. Только что лежали бездыханными, но вот – встали, возвратились в круг своих близких, никуда не исчезают, и каждый может их видеть.

А Господь – не так. Никто не видел, как Он восстал из гроба; вот лежат Его пелены; вот о нем возвещают Ангелы. Вот, наконец, Он и Сам является мироносицам, ученикам; но эти явления кратковременны: Он внезапно возникает и внезапно исчезает, и сначала Его или не видят, или не узнают. Мария Магдалина видит Его и думает, что это садовник; Апостолы видят и думают, что это призрак.

Сегодня мы читали об одном явлении Господа, которое особенно подробно описано в Евангелии.

Два ученика шли и говорили о последних событиях. Иисус приблизился, но *«глаза их были удержаны, так что они не узнали Его»*. Господь спросил, о чем у них беседа, и, когда получил ответ, сказал: *«О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!»* ... – и объяснил из Писания, что все именно так и должно было произойти. затем сделал вид, что хочет идти далее, но они упростили Его остаться. И вот, только в доме, во время трапезы, Он открылся, но тут же стал невидимым...

Итак, сначала Господь попустил ученикам какое-то время идти одним, рассуждать своим умом и предаваться своим чувствам. Когда они говорили между собой, то, наверное, как это бывает между своими, говорили полусловами, полупонамеками. А Господь, задав вопрос, заставил их собраться с мыслями и все изложить последовательно, вроде как для другого, а на самом деле – для самих себя. И только, когда они

высказали до конца все, что знали и о чем недоумевали, Господь Сам стал говорить и говорить на их языке, отвечать именно на их недоумения, продолжать именно с того момента, на котором они остановились. Они слушают, и сердца их горят неведомой радостью. Тут Господь делает вид, что хочет расстаться. И это тоже случайно: Господь побудил их удерживать Его, выражать свое желание еще и еще слушать слова истины, еще и еще чувствовать горение сердца. И Господь вошел с ними, и тут, во время трапезы, *«взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его; но Он стал невидим для них»*.

Вот так Господь приготовил души учеников: зажег огнем любви, напитал истиной, пробудил волю.

Как должно встречают гостя, только если ждут, думают о нем, любят его. Кто размышляет о Господе, чье сердце горит любовью к Нему, кто больше всего на свете, чтобы настало Царствие Его, – для такой души достаточно даже не то, что видеть воскресшего Господа, а просто услышать весть о Его Воскресении. И только к такой душе приложимо пророчество Иоилия: *«И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется»*. Потому что имя Господне только тогда сможет вытащить нас из бездны и вознести на небо, когда ухватится за все в нас, до последнего уголка души. Потому-то и готовит нас Церковь ко дню Воскресения Христова молитвой, постом, чтением слова Божия

О свидетелях и лжесвидетелях

Среда

Ин. 1:35–51

Деян. 2:22–36

Евангелие говорило нам сейчас о первых учениках Господних, а книга Деяний Апостолов – о том, как они впервые вышли на проповедь. Между этими двумя событиями немногим более трех лет. Все это время Апостолы неотлучно были со Христом, много слышали, много видели, и сами сподобились благодатью Божией исцелять больных и изгонять бесов. Но все же нельзя сказать, чтобы за эти три года они заметно изменились. Все время у них то сомнения, то недоумения, то непонимание, то споры. А в последних главах мы видим даже и страх, и трусость, и предательство, и отречение.

Но вот проходит еще несколько дней, и ученики дерзновенно выходят на улицу и перед многотысячной толпой проповедают Христа. И видим, что это уже другие люди: они не оглядываются назад, не боятся не угроз, ни страданий; они ни во что не ставят и самую смерть. Что же произошло за эти несколько дней? – А произошло то, чему были посвящены богослужения страстной седмицы и последующих светлых дней: их Учитель был осужден, убит и погребен и вдруг в третий день явился к ним воскресшим! И не так, как сын вдовы наинской, или как Лазарь, которые получили только временную отсрочку. Христос воскрес, чтобы уже не умирать во веки; явился в новом духовном теле, которому уже ничто не может причинить вреда.

«Воскресение Христово видевши», Апостолы несомненно уверовали и в свое грядущее воскресение; они избавились от страха смерти, который делал их рабами. Они и всю землю исходили, возвещая, что «сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели». Для Апостолов Христос воистину воскрес, и поэтому они стали воистину другими. А значит, и люди верили им и отвечали: «Во истину Христос воскрес!» А когда мы с вами говорим: «Христос воскрес!», то в ответе слышим: «Если Он воистину воскрес, то почему же вы сами не живете по Его

заповедям?» Мы говорим: «Христос воскрес!», – а нам отвечают: «Если Он воистину воскрес, то почему же вы ничуть не меньше нас привязаны к земному, к тленному, к удобствам жизни, к вещам?» – И нам нечего ответить. Мы выходим перед людьми лжецами, потому что возвещаем людям величайшее событие, а сами живем так, как будто этого события никогда не было! Епископ Феофан Затворник пишет: «Слова Ангела «тецьте и миру проповедите» в отношении к нам значат, что живите так, чтобы ваша жизнь была единым словом: «Христос воскрес», – и, чтобы, смотря на вас, все люди могли сказать: «Воистину воскрес», – потому что видимо живет в Его последователях». Христос воскрес!

О рождении свыше

Четверг

Ин. 3:1–15

И днем, и ночью приходят к Господу Иисусу ученики. Днем – те, кто нашел в себе решимость все оставить и последовать за Ним; а ночью – кто хотя и тянется к истине, но еще не в силах оставить мирских привязанностей, не в силах подняться выше мирских страхов. И Господь всех принимает: каждому дает то, что он может вместить, и каждого подвигает на большее и на лучшее.

Однажды ночью пришел и Никодим, один из начальников иудейских. Он пришел и заговорил об одном, а Господь заговорил с ним о другом, о главном, о необходимости заново родиться, если хочешь быть с Богом: *«Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия»*. Никодим не понял и удивленно спросил: *«Как может человек родиться, будучи уже стар?»* какое может быть рождение, когда скоро смерть? На что Господь ответил: *«Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не войти в Царствие Божие...»*

Здесь Господь говорит о Святом Крещении. Как в рождении по плоти: младенец находится в материнской утробе в полной тьме и вдруг выходит в ослепительный свет. Его сразу окружает множество предметов, на него начинают действовать воздушные перемены, он слышит голоса родителей. Для него все новое, но ребенок не сразу осознает, что с ним произошло; лишь постепенно у него развивается способность ощущать и запоминать. Лишь постепенно он осваивается в Божием мире, но потом уже и не представляет, как могло быть иначе, как он мог не существовать?

Таки во Святом Крещении: человек рождается от воды и Духа в жизнь вечную; сын плотских родителей усыновляется Небесному Отцу, Который есть Дух. и как свет Божьего мира не сравним с утробной тьмой, так и свет Царствия Небесного н

сравним с этим миром; и увидевший этот свет уже не представляет, как он мог жить без него.

И даже когда крестившийся не испытывает полноты чувств, – все равно: событие произошло, и теперь при достаточной духовной пище, он будет жить и духовно расти и все отчетливее слышать голос Отца Небесного, о чем Господь сказал Никодиму: *«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»*. Не знаем от куда. Не знаем куда, но знаем, что везде звучит для нас этот голос Духа: и в церковном богослужении, и в Священном Писании, и в подвигах истинных христиан, и в премудром устроении мира. И конечно же, пасхальная радость, которую мы переживаем в эти дни, – тоже голос Духа. Казалось бы, откуда это? Мы же видим, что люди умирают, знаем, что и нас ждут врата смерти и тления. Так откуда же у нас радость, откуда надежда? Не знаем, откуда приходит и куда уходит, но знаем, что это есть. И настолько это есть, что заглушить этот голос не смогли и не смогут, как писал Апостол Павел, *«ни скорбь, ни теснота, ни гонения, ни голод, ни нагота, ни опасности, ни меч»* (Рим. 8:35).

И все мы с вами от этого Духа родились, и пусть мы еще младенцы духовным возрастом, но и мы в эти дни вместе с совершенными радуясь о Господе, Спасителе нашем, несем друг другу великую весть.

Христос воскрес!

О биче Божьем

Пятница

Ин. 2:12–22

Когда все свершилось, и Господь воскрес, ученики вспомнили и поняли многое, чего раньше не понимали. Вспомнили они и слова, которые однажды сказал Господь: *Разрушьте храм сей; и Я в три дня воздвигну его*». Вспомнили и уразумели. Что это «Он говорил о храме Тела Своего». Вспомним и мы, по какому поводу эти слова были сказаны.

Однажды Господь пришел на праздник «и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег». Тогда Он, «сделав бич из веревок, выгнал из храма всех и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» ... невыносимо видеть, как дом Отца Небесного превращается в вертеп разбойников, но вес же и человек тоже призван быть храмом Духа Святого, а тут его, как скотину, гонят кнутом. И хотя мы не можем сомневаться, что в делах Иисусовых всегда – правда, но как нам-то самим поступать в подобных случаях?.. некоторые говорят: «и мы тоже должны брать в руки бич».

Но посмотрим внимательнее на это событие, посмотрим, что было до и что – после него. Когда Господь только еще подходил к Иерусалиму, то, «смотря на него, заплакал о нем и сказал: О, если бы ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это скрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:41). А после – книжники подошли и спросили: «Каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?» – Тогда-то Господь и ответил: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его».

И вот, если уж Небесный Учитель почел Своим объясниться, то тем более ученик, желающий подражать Его ревности, тоже должен быть готов отвечать. Вот ты взял в руки бич, чтобы

сурово наказать нечестивцев. Но – плакал ли ты, подобно Господу, о тех страшных бедствиях, которые они уготовили себе и в этой, и в будущей жизни?.. во-вторых, готов ли ты, как Господь, предать за них на поругание и разрушение храм своего тела? Боюсь, что все мы перед этими вопросами окажемся в положении тех иудеев, которых Господь спросил, указывая на пойманную грешницу: *«кто из вас без греха, первый брось в нее камень»* (Ин. 8:7). И придется нам тоже, бросая наши бичи, *«уходить один за другим, начиная от старших»*, то есть тех, кто поумнее, и до *«последних»* (Ин. 8:9). А уж третий вопрос окончательно в пыль сокрушит нашу гордыню: а сможешь ли ты, как Господь, опять воздвигнуть храм своего тела?..

Нет, бич Господень не для наших рук, а для наших грешных спин. Это ясно. Вот только, почему Церковь напоминает нам именно теперь, на пасхальной седмице, когда, наконец-то, пришло время радости и утешения? ..., но в том, что мы сегодня читали, и есть как раз величайшее для нас утешение: потому что не собственно о биче напоминает Церковь, – что о нем напоминать, когда этот бич, то есть страдания и скорби, всегда либо на нас, либо перед нашими глазами. Церковь утешает нас, показывая, в Чьей руке этот бич. В руке Того, Кто не только плакал о наших грехах. Кто не только предал Себя за нас, но Кто еще и чудесно восстал из мертвых. Вот Кто стоит над всем, и в Чьей руке все и вся. И разве может от этой руки исходить что-либо злое, что-либо несовершенное, что-либо неразумное?.. И как часто в нашей жизни мы думали: пришла беда, случилось несчастье; а ведь это – Господь Своей могучей любящей рукой оттолкнул нас от края адской пропасти.

И вот, прославляя Воскресение Христово, мы сегодня с особым чувством произносим слова молитвы Господней: *«да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли»*. Прославляя Воскресение Христово, мы с особой радостью принимаем и прославляем эту Его спасительную власть нами. *«Слава Воскресению Твоему, Христе, слава Царствию Твоему, слава смотрению Твоему, Едине Человеколюбче!»*

О росте и умалении

Суббота

Ин. 2:22–23

Деян. 3:11–16

Путь к воскресению Христову начался уже в раю, когда Бог утешил падших прародителей, пообещав, что некогда семя жены сотрет семя змия. Потом Бог через пророков и праведников долго готовил людей к принятию Спасителя, а после Воскресения – через Апостолов и других святых помогал приходить к Нему. Бог вечен, и дело Его идет через тысячелетия, а дни человеческой жизни – *«семьдесят лет, еще же в силах, осемьдесят лет»* (Пс. 89:10). И каждый кого избирает Господь, какое-то время находится как бы на самой грене дела Божия, а потом неизбежно отходит в сторону. Но Божий человек всегда остается Божиим человеком, и сегодняшние чтения показывают нам примеры таких людей и в расцвете, и на исходе их служения.

Вот Апостолы, исполненные Святого Духа, совершают чудесное исцеление. *«И как исцелевший хромым не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбежался к ним...»* Что же плохого в том, что собрались люди? А, между тем, Апостолы как бы отталкивают их от себя, даже укоряют за то, что они собрались: *«Что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто мы своей силою или благочестием сделали то, что он ходит?»* – и далее Апостолы – нет, чтобы забыть все прошлое! – начинают еще и прямо обвинять собравшихся в преступлении против Христа, Которого они *«предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его. Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу; а Начальника жизни убили...»* Апостолы знали, что истинных детей спасения, тех, кого призвал Бог, – таких не оттолкнешь словами справедливого укора, но скорее приведешь к умилению и покаянию. А отойдут обиженными и разгневанными только те, кто сбежался поглазеть на них самих как невиданных чудотворцев.

Иоанн Креститель тоже на миг не обольщался, что вот, мол, идут к нему люди. И он не ласкал толпы проходящих, но жестокими словами обличал их: *«порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?..»* (Мф. 3:7). А сегодня мы читаем и о времени его заката. Только недавно *«Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность иорданская выходила к нему»* (Мф. 3:5). И вот уже другой стал центром внимания. Он и крестит, Он и творит чудеса, и все идут к Нему, оставляя Иоанна. Ученики переживают за своего учителя, но сам Иоанн не скорбит, не рассуждает о неверности человеческой славы; он от всего сердца радуется и говорит ученикам: *«имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша радость жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяться...»* И мы помним, до какой степени умалился Иоанн: до тюрьмы, до смерти, причем, смерти-то какой: просто зарезали его в тюрьме в угоду блуднице. Но можем ли мы сомневаться, что, чем ниже умалился этот великий муж, тем сильнее радовался о Женихе Небесном, о Господе Иисусе Христе, слава Которого возрастала с каждым днем!

Вот как истинные делатели стараются отвлечь от себя славу и радуются, когда Сам Господь отводит ее.

Мы не знаем, даст ли нам Бог потрудиться для Его дела, но знаем, что умаления не миновать никому. И вот мы вполне можем, подобно Иоанну Крестителю, при любом умалении, от чего оно ни происходило, сказать, как и он: «Ему должно расти. А мне умоляться».

Даже если не видим Христа, как видел он, даже если вокруг нас умножается нечестие и всякое зло, – все равно мы не имеем права забывать о величии и непобедимости нашего Господа. Пусть у нас уже нет сил выполнять свои обязанности, не что же, это только то значит, что, наконец-то, Господь призовет более достойных, более любящих, более бескорыстных, и теперь дело Божие пойдет так, как оно и должно идти...

Но вот уже умалилась и светлая пасхальная седмица. Сегодня последний праздничный день, и вечером закроются Царские врата. Но пусть растет наша вера в Воскресшего Господа. Ему должно расти – в нашей жизни, в наших сердцах, наших делах, а нам – умиляться пред Его бесконечной премудростью и силой.

Седмица 2-я по Пасхе

О блаженном неверии

Неделя вторая по Пасхе

Ин. 20:19–31

Первое воскресение после Пасхи носит название: «Неделя о Фоме». В этот день Господь через семь дней после явления Апостолам явился еще раз – ради одного Фомы, которого тогда не было со всеми. *«Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу ран на руках его от гвоздей и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю»*. Но как он смел не верить братьям, которые сами видели и слышали, и свидетельствовали в один голос? Почему за свою дерзость Фома заслужил величайший дар, а не примерное наказание?

О Фоме очень немного сказано в Евангелии, но это не многое очень важно. Когда Господь Узнал о смерти Лазаря и собрался идти в Иудею, Он сказал ученикам: *«Лазарь умер, радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему»* (Ин. 11:14–15). А что значит «пойдем к нему», если Лазарь мертв, и, если иудеи ищут и Самого Иисуса!?! И вот, только один Фома сказал со всей решимостью: *«Пойдем, и мы умрем с Ним»* (Ин. 11:16). Такие слова услышишь не часто, и такие слова не забывают ни люди. Ни Бог.

И вот слова «если не увижу... не поверю» приходится слышать постоянно. Но, как правило, их произносят люди, которые сами не ищут Бога, не ищут истину и уж, конечно, не собираются ни с кем и ни за кого умирать. Такому Господь никогда не явится, чтобы не вызвать прямого богохульства, когда человеку некуда будет деться перед неопровержимой истиной.

Господь явился Фоме, потому что Фома готов был, еще даже не зная о победе над смертью, умереть вместе с Иисусом; потому что еще тогда Фома решил для себя; если Иисуса с ним не будет, то и самая жизнь потеряет смысл.

Господь явился, как и в первый раз, и сразу обратился к Фоме: *«подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и будь не верующим, но*

верующим». И Фома только и мог сказать: *«Господь мой и Бог мой!».* После этого Господь произнес Свой укор: *«ты поверил, потому что увидел Меня; блаженные невидевшие и уверовавшие».* Но слышал ли Фома этот укор, переживал ли из-за него, когда он был поглощён радостью снова видеть своего Господа? Теперь не только укору готов он был терпеть, но и любые страдания, чтобы только доказать свою любовь возлюбленному Иисусу.

Но и нам Господь тоже обещает блаженство, если мы, не видя, будем стараться уверовать в Него, если поймем, что вопрос веры и неверия – это вопрос жизни и смерти. Ведь блаженство в том-то и состоит, чтобы встретить Христа не как доказательство того, что Он есть, но как долгожданного гостя, по которому истомилось сердце и без которого невозможно жить.

Поэтому – блажен Фома, наконец увидевший и уверовавший, и блаженны все, не видевшие, но тоже уверовавшие и ждущие в надежде.

О самом первом Чуде

Понедельник

Ин. 2:1–11

Деян. 3:19–26

Сегодня мы читали о самом первом чуде, которое совершил господь Иисус Христос: *«... был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был даже зван Иисус и ученики его на брак»*. И вот на этой свадьбе *«недостало вина»*. Заметим, что именно не достало; люди уже выпили и еще хотят. Тогда Мать Иисуса говорит Своему Божественному Сыну: *«вина нет у них»* ... В последствии Господь исцелял больных, изгонял бесов, кормил голодных, но самый первый раз Его святой волей было – умножить вино на свадьбе. Он велит слугам налить воду в водоносы, потом почерпнуть и нести к распорядителю пира, который *«не знал, откуда это вино; знали только слуги, почерпавшие воду»*. Пробует уже распорядитель и хвалит жениха за то, что он *«хорошее вино сберег доселе»*. Жених, видимо, не стал оправдываться, не стал доискиваться, откуда на самом деле взялось вино, а просто велел подавать его на столы. Очевидно, здесь Господь хотел только утешить людей, а к Себе не привлекать внимания. Так и вышло: сразу в суете никто толком ничего не понял, а открылась истина позже, при сопоставлении свидетельств всех участников, и тогда уже *«уверовали в Него ученики его»* ...

Это самое первое чудо очень поучительно. Ведь у нас как бывает: если мы не веруем, то для нас каждый верующий – сумасшедший, и его надо срочно лечить. А если уж мы с горем пополам уверовали, то для нас становиться сумасшедших любой неверующий, и мы хватаем, тащим его к спасению, бесцеремонно вырывая из рук предметы его земных привязанностей.

Мы сочувствуем друг другу только тогда, когда у нас одни и те же пристрастия, одни и те же интересы. Если мы пьем, то непьющий – гордец, не уважает нас. А если мы не нуждаемся в

вине, то пьющий вам противен и непонятен, и, если у него не останется вина, он никогда не дожидется нашего сочувствия.

Но кто менее нуждался в винном утешении, чем Господь, Дух Животворящий, о Котором возвещали *«все пророки от Самуила, и после него»*? И ведь когда Мать Иисусова говорит слугам, указывая на Своего Сына: *«что скажет Он вам, то сделайте»*, – это слова той же силы и значения, что и слова пророка Моисея: *«Господь Бог воздвигнет вам... Пророка... слушайте Его во всем, что Он ни будет говорить вам. И будет, всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа»*.

И вот он посочувствовал бедным людям. Господь пришел на землю, чтобы возвести спасительную волю Отца Небесного, но в данный миг Он – на свадьбе; Он видит, для чего собрались люди, чего им сейчас больше всего не хватает, и, дав им нужное, Господь больше ничего не говорит. Так, хотя и принес Он на землю бесценный дар, но прежде всего Он показывает, что даже самое высшее благо не будет благом, если человек еще не расположен принять Его.

О Божьем суде

Вторник

Ин. 3:16–21

Священное Писание часто говорит о грядущем Божьем суде; и в церковных песнопениях мы слышим эти мотивы: «Судии сидящу, и ангелом стоящим, трубе гласящей, пламене горящу, что сотвориши, душе моя, ведома на суд? Тогда бо лютая твоя предстанут и тайная обличатся согрешения». Как-то бывает не то по себе от таких слов, и мы начинаем вопрошать: как же так? почему суд? И как совместить Божие милосердие с вечной мукой?

Сегодняшнее чтение тоже посвящено суду. Господь в беседе с Никодимом говорит на эту тему только несколько фраз. И первая из них вовсе не о суде: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»*.

Вторая даже прямо отрицает идею суда: *«Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтоб мир спасен был чрез Него»*.

В третьей – тоже не удастся увидеть Бога судящим, потому что и *«верующий в Него не судится»*, что вполне понятно, но и неверующий тоже не судится, потому что, оказывается, *«уже осужден»*.

Начало четвертой обещает четкое определение: *«Суд же состоит в том...»*, – но это снова не происходит, и далее читаем: *«Суд же состоит в том, что свет пришел в мир»* ...

В общем, пока мы обращены к Богу, пока мы вопрошаем Его святую волю, мы всякий раз вместо судейского кресла видим Крест Его Божественной любви. И выходит, что не Бога надо вопрошать о суде, а взглянуть на себя. И вот тут оказывается, что свет-то, хотя и пришел в мир, но люди сами «более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий зло, ненавидит свет, и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в

Боге соделаны». Вот, оказывается, в чем дело: мы сами своими делами и своей любовью ко тьме превратили Милостивого Бога в Судию судящего и согревающий свет Его любви – в нестерпимый «пламень горящий». И сами ведем себя на этот суд и на это осуждение.

Бог есть любовь. Он не хочет никого судить. Он принес в мир Свой свет. Но нам почему-то этого не надо, мы не ищем света, не хотим, чтобы он был, иными словами, просто не веруем в него... А неверующий поистине уже осужден, потому что веруем мы или не веруем, а свет этот есть; а что не есть свет, то – во тьме, где *«плач и скрежет зубов»* (Мф. 8:12).

А верующий в Него поистине не судится, потому что не остается добровольно во тьме осуждения, но – медленно начинает свой путь к свету, где нету суда. Ведь тянет во тьму и отвращает от света лишь до тех пор, пока не прекращаешь делать зло. Но стоит хотя бы раз во имя Христова удержаться от зла или сделать что-нибудь доброе, как сразу почувствуешь, что тебя неудержимо потянуло к свету. И пусть за спиной будет очень много уже содеянного зла, но кто перестал делать новое, тот уже не боится, что свет просветит и обличит все старое, каким бы страшным и многочисленным оно ни было. Кто светом Божиим высветил в себе зло и сам беспощадно осудил его, тот по истине не судится. *«Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы»* (Кор. 11:31).

Мы твердо верны, что из любой тьмы можно с Божьей помощью выбраться. Мы верим, что та душа, которая еще не растворилась во тьме, которая еще не стала сама тьмой, которая еще отделяет себя от тьмы, – та душа еще не погибла... Ведь для того явился в мир свет, чтобы помогать нам побеждать даже самую страшную тьму...

Мы помним, что хромоте от чрева матери достаточно было только взглянуть на Петра и Иоанна, чтобы исцелиться от своего недуга, когда те *«всмотревшись в него, сказал: всмотревшись в него, сказал: взгляни на нас»* (Деян. 3:4–5).

Так и Господь взглядом, полным милосердия и силы, смотрит на нас и ждет, когда же и мы, наконец, ответим Ему взглядом веры и надежды. И Церковь, рисуя картину Страшного

суда, всегда тут же показывает нам и ту узкую тропу, по которой этот суд можно миновать: «Тем же прежде конца возопий Судии: Боже, очисти мя и спаси мя!»

«Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему», – говорит Господь.

О служении истине

Среда

Ин. 5:17–24

Деян. 4:13–22

Господь говорил своим ученикам: *«Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой»* (Мк. 13:11). И вот смотрите, как Апостолы, наставляемые Духом истины, отвечают своим обвинителям. Старейшины иудейские *«приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали»*. Сколько здесь спокойного достоинства, простоты и силы! Апостолы помнят, с кем они говорят: со старейшинами богоизбранного народа, которые считают, *«что ведом во Иудее Бог»*. И Апостолы предлагают самим старейшинам рассудить с точки зрения простой справедливости: разумно ли предпочесть чью-либо волю воле этого Бога? Вы велите нам замолчать, но, если бы мы говорили свое, человеческое, то, конечно, должны были бы замолчать перед вашим всенародным авторитетом; но не преступно ли замолчать и перестать свидетельствовать о тех Божьих делах, которые мы сами *«видели и слышали»*?

В таком же духе защищался и Сам Господь. Его особенно обвиняли в том, что Он исцелил в субботу. И однажды Господь ответил: *«Отец Мой доныне делает, и Я делаю»*. Господь ссылается на Бога Отца Своего, ведь Он говорит с теми, кто утверждает, что чтит Бога, знает Его и служит Ему. А как же, зная Бога, можно предположить, что Он хотя бы на миг может прекратить заботу о мире? Мир тут же распался бы в прах. Ведь и заповедь о субботе была дана, чтобы обязать людей оказывать милосердие подвластным. Бог заповедал: *«не делай»* в субботу *«никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой,*

ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнули раб твой и раба твоя и осел твой, как и ты» (Втор. 5:14).

И если Он обязал людей в субботу, милосердствуя, не принуждать ни к чему своих ближних, то как же Ему может быть неуютно прямое делание добра? Господь говорит людям, которые должны знать об этом. Сам же Он – Сын этого Отца, и он делает только то, чему научен: *«Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам»*. Разве может быть у Отца «выходной» от добрых дел? И разве может Сын сказать тому, кто в субботу просит у Него милости, – «приходи завтра»? ведь и в Писании сказано: *«не говори другу твоему: «поди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе» (Притч. 3:28).*

Но иудеи «еще более искали бить Его... за то, что Он ни только нарушал субботу, но Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» ...

Очень трудно, многою кровью входит истина в растленный грехом мир, и все же подвизаться за истину – великое счастье. Чтобы защитить истину, не надо специального искусства, не надо особого красноречия.

У истины есть говорящее за себя дело. У истины есть мирное, спокойное слово. Посланец истины твердо знает, кем он послан, у кого научился; для него истина самоочевидно; он не ищет своего, и поэтому никакие лишения его не пугают.

А защитникам лжи приходится и закрывать глаза, когда невозможно не видеть, и закрывать уста, когда «нельзя ничего... сказать вопреки»; им приходится с угрозой запрещать, свидетельствуя о своем окончательном бессилии, – *«ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину» (2Кор. 13:8).* «О, мужи! – говорит Зоровавель во второй книге Ездры, – Велика земля, и высоко небо, и быстро в своем течении солнце; ибо в один день оно обходит круг неба и опять возвращается на свое место. Не велик ли Тот, Кто совершил это? И истина велика и сильнее всего. Вся земля взывает к истине, и небо

благословляет ее, и все дела трясутся и трепещут перед нею. И нет в ней неправды... и нет у ней лицепрятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого, и все одобряют дела ее. И нет в суде ее ничего неправого; она есть сила и царство и власть, и величие всех веков; благословен Бог истины!» (2Езд. 4:34–40).

О молитве

Четверг

Деян. 4:23–31

Однажды святые Апостолы Петр и Иоанн исцелили человека, который от самого рождения был хромым. Его приносили и сажали у входа в храм для собирания милостыни. В Иерусалиме его знали, и на глазах у многих произошло это исцеление. Изумленным людям Апостолы объяснили, чьей силой совершено это чудо; и по их слову обратилось около пяти тысяч человек. Тут же Апостолы были взяты под стражу и на следующий день предстали перед начальниками. Старейшины, хотя и кипели злобой, но побоялись народа, и Петр с Иоанном благополучно вернулись к своим. И, выслушав их рассказ, никто не стал хвалить друг друга, не проклинать гонителей. *«Они, – как сказано, –выслушав, единодушно возвысили голос к Богу»,* то есть, единодушно встали на молитву и, как от избытка сердца говорят уста, так и в молитве у них вывелось то, что всегда при всех случаях жизни переполняло их сердца. И первым делом они исповедовали перед Богом Его Всемогущество. Они сказали: *«Владыко Божие, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них!»* Исповедали, что всегда знают и помнят, Кто превыше всего, и от Кого – все, и без Чьей воли ничто не совершается на свете. Потом исповедовали они перед Богом Его Всеведение и Премудрость, ибо в Писании почти за тысячу лет было предречено все, чему они были свидетелями. Они сказали: *«Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мнутя язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князя собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским».* Но, хотя они и распяли Господа Иисуса, однако же сделали не более, чем предопределила рука Божия и совет Его.

И вот, если уж такие, бесстрашные, богато одаренные люди ни на минуту не забывали, что они сильны только постоянно молитвенной связью с Богом, то и нам необходимо об этом помнить. Молитвой надо начинать каждое дело, с молитвой делать и молитвенно за все благодарить. «Приобретенное многими молитвами и трудами бывает твердо и прочно», – читаем у преподобного Иоанна Лествичника. «Кто непрестанно опирается о жезл молитвы, тот не преткнется; а, если бы это случилось, то не падет совершенно...», потому что молитва по сути своей есть «пребывание и соединения человека с Богом», – Ему честь и слава вовеки.

О первой лжи

Пятница

Деян. 5:1–11

Известно, что чем ярче свет, тем гуще тени; и, кому больше дано, с того больше спросится. Много было предателей, но страшнее всех Иуда, потому что был в сонме учеников вокруг Солнца правды. Также и грехи первых христиан кажутся особенно уродливыми на фоне общей святости первохристианской общины: *«У множества... уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великою силой свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех них. Не было между ними никакого нуждающегося; ибо все, которые владели землями и домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов»* и каждому давалось, *в чем кто имел нужду»* (Деян. 4:32–35).

И вдруг – этот случай с Ананией и Сапфирой. Они тоже продали свое имение, тоже принесли и положили к ногам Апостолов деньги. Но принесли не все, а только часть, сказав при этом, что принесли все. Апостол Петр обличил Ананию: *«Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце своем? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен»*. Та же участь постигла и его жену, которая пришла позже и повторила то же. Если Всемиловитый Господь так сурово поступил, значит, тут произошло действительно нечто из ряда вон выходящее; значит, здесь начиналось то, что надо было пресечь самым решительным образом.

А начиналась здесь ложь...

Бог вечен. Он всегда был и будет. Он всегда есть. А ложь, это как раз то, чего нет. Солгать человеку, это – низко. Но

солгать Богу, Всеведущему и Всеблагому, пытаться подсунуть Ему пустоту вместо своего сердца, пытаться вставить в возводимую стену Церкви пустой камень, призрак камня, – этому какое можно дать название?!

Господь умертвил Ананию и Сапфиру, не дав им даже раскрыть рта, потому что кто решился солгать Святому Духу, тот ни за что не покается, но будет оправдываться до конца, прилагая ложь ко лжи, и так – неудержимый поток лжи хлынет в Церковь. И Господь сразу пресек это в назидание и им, и нам.

Этот единственный в своем роде пример показывает, насколько Христовой Церкви чужда ложь во всех ее видах: как притворство, как мнительность и подозрительность, как лицемерие, как ханжество, как все, что имеет лишь благочестия, но не имеет его силы. Этот пример живо показывает, какой смертоносный меч готовит себе лжец.

Преподобный Дорофей пишет, что «нужно большое внимание, чтобы нам не быть окраденными ложью, ибо лжец не имеет общения с Богом». Ложь чужда Богу. В Писании сказано, что *«ложь от лукавого, и что он ложь есть и отец лжи»* (Ин.8:44). Вот, отцом лжи назван диавол, а истина есть Бог, ибо Он Сам говорит: *«Аз есмь путь, истина и живот»* (Ин. 14: 6). Видите, посему, от Кого мы отлучаем себя и с кем соединяемся ложью: очевидно с лукавым. Итак, если мы по истине хотим спастись, то мы должны всю силою и всем усердием любить истину и охранять себя от всякой лжи, чтобы она не отлучила нас от истины и жизни.

О Небесном и Земном хлебе

Суббота

Ин. 6:14–27

Деян. 5:21–33

Когда после чудесного насыщения пяти тысяч пятью хлебами Иисус переправил на другой берег Геннисаретского озера, весь народ последовал за Ним. И даже говорили: *«Это истинно Тот Пророк, Которому должно идти в мир»*. Но Господь с грустью укоряет: *«Истинно говорю вам: вы ищете Меня не по тому, что видели чудеса, но по тому, что ели хлеб и насытились»*. И через минуту это подтвердилось. Когда Господь далее сказал: *«вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал»* (Ин. 6:29), – то в ответ услышал: *«какое же Ты дашь знамение, чтобы мы... поверили Тебе?.. Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть»* (Ин. 6:30–31). – Вот чего ждали от Иисуса: еще хлеба. И мало того, они еще и хотели *«придти, нечаянно взять Его и сделать царем»*, – чтобы хлеба и всегда было вдоволь.

А Господь говорит: *«Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий»*. Да, от хлеба – жизнь. От земного хлеба – земная, временная жизнь. А от Небесного – вечная, небесная. С земным просто: откусил, разжевал, проглотил, – и продлятся твои дни на земле. А к Небесному порой не знаешь и с какой стороны подойти. Но о земном сказано: *«Пища для чрева, и чрево для пищи, но Бог уничтожит и то, и другое»* (1Кор. 6:13). А Небесный хлеб таков, что Сам Господь питается им. *«Моя пища, – говорит Он, – в том, чтобы творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его»* (Ин. 4:34). И этот же хлеб, оказывается, настолько сроден и человеческой душе, что вкушивший не откажется от него даже под угрозой отъятия земного хлеба и земной жизни. Апостолы, когда их в очередной раз привели в синагуг и с угрозами заставляли молчать, – спокойно и твердо ответили: *«должно повиноваться более Богу, нежели человекам»*. Здесь не шутки; здесь вопрос о

вечной жизни, и Апостолов поистине питает знание, что *«Бог... воскресил Иисуса, Которого... умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать... покаяния и прощения грехов»*. А упорные поклонники земного хлеба при этих словах *«разрывались от гнева и умышляли умертвить их»*.

Человек не сразу привыкает к Небесному хлебу, как и ребенок не сразу привыкает к твердой пище. И первый тут шаг, первое, как сказал Господь, *«дело Божие, чтобы веровали в Того, Кого»* послал в мир Бог Отец. Заметим, что о необходимости веровать в Самого Пославшего Господь и не говорит, как о чем-то совершенно для всех очевидном. В то время весь мир так или иначе еще веровал в некое Верховное Существо. И мы сразу не увидим в Деяниях Апостолов, чтобы они пришли к совершенным безбожникам. Они приходят или к иудеям и доказывают, что Иисус Тот Самый Спаситель, о Котором писали пророки. Или приходят к язычникам и проповедуют им того Неведомого Бога, Которого те, не ведая, чтут перед воздвигнутым Ему алтарем (Деян. 18). А современному миссионеру зачастую приходится даже доказывать, что насыщение пяти тысяч пятью хлебами – далеко не самое удивительное из Божьих чудес; несравненно удивительно то, что он тысячи лет из года в год произращает столько хлеба, что им кормятся миллиарды обитателей земли... Что же, каждый начинает свой путь со своего места, но все-таки каждому прежде всего надо научиться так смотреть на Божий мир, чтобы все привычное и обычное раскрывалось как величайшее чудо, только что перед нами, специально для нас сотворенное руками Божьими. Вот тогда и самый обычный земной хлеб станет для нас частицей хлеба Небесного, дающего вечную жизнь.

Седмица 3-я по Пасхе

О безрассудной верности

Неделя 3-я по Пасхе

Мк. 15:43–16:8

Третье воскресение по Пасхе Святая Церковь посвящает тем, кто первый сподобился узнать о Воскресении Господа нашего Иисуса Христа и первым увидеть Его Воскресшим. Церковь называет их женами-мироносицами. Среди них и Пречистая Мать Господа, и Мария Магдалина, и другие женщины, которые оставили все, чтобы, когда Господь был жив, всюду быть с Ним. Когда же Он был убит и погребен, они сочли своим долгом следовать за Ним и за мертвым, следовать до куда возможно, и служить Ему, чем только возможно – и мертвому... И вот, словно навсегда умершие для всего, идут мироносицы ко гробу. Они знают, что там огромный камень, с которым им не справиться; знают, что все уже безнадежно кончено; знают, и все-таки отправляются в путь, едва начался день, следующий за субботой.

Так и мы, когда в ночь Светлого Христова Воскресения начинаем крестный ход, это еще не есть победное, торжественное шествие; это мы еще с мироносицами выходим в путь ко гробу, чтобы обрести там смерть и тление, чтобы отдать последний долг любимому Учителю и навсегда расстаться с Ним.

Мы идем в самый безнадежный, в самый отчаянный путь, не будучи уверенными даже, что сможем отвалить огромный камень, и что, хотя бы мертвым, увидим нашего Господа.

Так шли мироносицы.

И вдруг – как первый удар колокола в ночной тишине: *«и взглянув, видят, что камень отвален»*. Они входят внутрь темной пещеры, ожидают увидеть мертвое тело, и вдруг – второй удар: *«И вошедши в гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду, и ужаснулись»*. И тут вдруг удар за ударом – слова Ангела: *«не ужасайтесь... Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам*

Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам».

Что тут они пережили? Какой пасхальный благовест поднялся в их сердцах! *«И вышедши, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись...».* В Евангелии от Матфея говорится, что они побежали *«со страхом и радостью великою»* (Мф. 28:8). Когда приближается Бог, когда отворяется рай, тут все: и страх, и ужас, и радость великая, и *«неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать»* (2Кор. 12:4).

Но приблизились они к этим райским дверям именно безрассудной любви и верности. А в самом деле, где граница преданности Учителю? Докуда она должна простираться? До того ли, как Он еще способен учить и руководить? До того ли, как Его душа расстанется с телом? Мудрые века сего, может быть, считают так; и они не будут хлопотать с риском для жизни, чтобы получить мертвое тело; мудрые не будут вставать чуть свет для того только, чтобы помазать мертвеца ароматами. Но Господь посрамляет человеческую мудрость ради богоподобной любви, которая не останавливается и перед гробом.

И мы, когда выходим вместе с мироносицами в крестный путь ко Гробу Господню, мы тоже как бы подражаем этому святому безумию. Как драгоценность, несем мы с собою все, что осталось от Него: пречистое Его изображение; Крест, на котором Он испустил дух; Книгу с Его словами. Все это само по себе никогда не сможешь утешить, но, наоборот, – будет терзать сердца, напоминая о страшной утрате. Но все-таки мы свято храним все это и несем с собою ко гробу. Мы тоже выходим из храма, чтобы идти с Ним до конца. И тоже, как мироносицы, находим Его Воскресшим.

Так что пусть живет в нас уверенность, что Господу угодно не только когда мы изучаем Писание, молимся или совершаем добрые дела; но и когда украшаем свой храм, когда мы лобызаем то, что напоминает Его, когда мы поклоняемся и возжигаем свечу или лампаду перед Его образом. И пусть мудрые и разумные века сего иронически пожимают плечами, дескать, кому это нужно? Где это написано? – но мы-то знаем,

что именно те, кто пошел совершать, по-видимому, бессмысленное безрассудное, именно они сподобились первыми вкусить небесную радость, которой да сподобит Господь и всех нас.

О первомученике Стефане

Понедельник

Деян. 6:8–7, 5:47–60

Сегодня мы читали о святом Апостоле, первомученике архидиаконе Стефане. *«Исполненный веры и силы»*, он *«совершал великие чудеса и знамения в народе»*. Некоторые вступили с ним в спор. Но поскольку *«не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил»*, прибегали к клевете. И вот Стефан перед судом первосвященника. Его обвиняют, что он будто бы *«говорил хульные слова на Моисея и на Бога»*, *«на святое место сие и на закон»*, что будто бы *«Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи»*, заповеданные Моисеем. Первосвященник спрашивает: *«Так ли это?»* – Но Стефан, вместо того чтобы оправдываться, неожиданно начинает говорить о призвании Богом Авраама, о судьбе его потомков, о переселении в Египет; о том, как Бог через Моисея вывел народ из рабства, дал закон, научил богослужению; как, наконец, народ вошел в землю обетованную. Он говорит о царе Давиде и доходит до Соломона... Для Стефана как будто бы нет ни суда, ни смертной опасности, и он не защищается, а просто продолжает, как и прежде, возвещать истину. А истина для него в том, что Священное Писание – это не просто законы и обычаи, не просто факты минувшей истории; для него Священное Писание – живые дела Живого Бога, Которому он служит; для него эти события – самое реальное, самое убедительное, что только может быть. Он и сам с благоговением их созерцает, и других зовет созерцать вместе с ним. У него одна цель: слава Живого Бога, и он очень остро чувствует, когда появляется опасность умаления ее. Вот он доходит до построения храма: *«Соломон же построил Ему дом»*. Здесь – высшая точка Божией заботы о Своем народе: Бог освятил место, где положил принимать жертвы и посылать благословения. Здесь и величайшее торжество, но здесь-то и величайшая опасность: замкнуть Бога в четырех стенах, окончательно присвоить Его, забыв, что Бог –

не только Бог иудеев, но и всех народов мира, и что Он не только щедро дает, но и строго спрашивает. Здесь кроится камень преткновения, и Стефан сразу перестает говорить о промысле Божиим и начинает говорить о Самом Боге: да, *«Соломон построил Ему дом. Но Всевышний в нерукотворных храмах живет, как говорит пророк: «Небо престол Мой, а земля – подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сие?» (Ис. 66:1–2).* А поскольку перед ним как раз люди, которые преткнулись об этот камень, то Стефан бесстрашно обличает их, как будто он не подсудимый, а судья: *«Жестоковыйные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествия Праведника, Которого предателями и убийцами сделали вы. Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили».*

Все, что говорил Стефан, было постоянно перед его мысленным взором. И поэтому, когда он кончил говорить и, *«будучи исполнен Духа Святого», воззрел на небо, то он увидел и телесными очами «славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога» ...*

Мы называем страдальцев за Христа «мучениками», а греки называли их «свидетелями». И поистине только свидетели славы Божией могут терпеть такие мучения, о которых нам и читать-то бывает страшно. И для Стефана, как и для последующих свидетелей Христовых, смерть – не смерть, а исход на небо: *«Господе Иисусе! Приими дух мой!»* И поэтому убийцы для него не враги, а несчастные, заблудшие люди: *«Господи! Не вмени им греха сего!»* Такие, как Стефан, и под угрозой смерти совершающие свое служение – продолжают его и после смерти. Еще более укрепленные приближением к Богу, они таинственно участвуют в жизни Церкви. Их же молитвами да будет и Сам Господь, и Великие дела Его всегда перед нашим мысленным взором.

О белой магии

Вторник

Ин. 6:27–33

После убиения Стефана *«произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии»* (Деян. 8:1). Но Господь и здесь обратил зло во благо: гонение привело к распространению веры. *«Так Филипп пришел в город Самарийский, и проповедовал им Христа. Народ единодушно внимал тому, что говорит Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса»* (Деян. 8:5–6).

В Самарии в то время был некий *«муж именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого»* ... И вот, часто жизнь задает такие загадки: и у того чудеса, и у этого. – За кем же идти?.. Но обратим внимание, какие слова Писания употребляет в том и другом случае. Симон *«изумлял»* народ своими волхвованиями, а по поводу Филиппа говорится: *«и была великая радость в том городе»*. В одном случае *«изумление»*, то есть бесплодное напряжение ума, а в другом – *«радость»*, то есть чувство духовного насыщения.

Но вот и Симон уверовал, и даже *«не отходил от Филиппа»*. Но будем внимательны: в то время, как в народе была радость, Симон теперь сам *«изумлялся на Филиппа»*. И поэтому бесплодному напряжению ума уже перед истиной, можно заключить о порочности сердца, которое истину никак не может вместить.

Симон по натуре так и остался волхвом, хотя внешне и принял крещение. Потому что существует не только черная магия, когда хотят достичь своих целей с помощью сатаны и его служителей; есть и белая магия, когда стремятся, хотя и с помощью церковной святыни, но – опять же во что бы то ни стало достичь своих целей. Священник молится и все предает на волю Бога, а маг – гарантирует успех. И хотя в белой магии используется святыня, но используется она так, что незаметно

совершенно искажается смысл. Например, чтобы прошла зубная боль, читают столько-то раз молитву «Отче наш», крестя больной зуб. Казалось бы, что здесь плохого? Но что получается? несколько раз читаются слова «да будет воля Твоя» с целью... чтобы непременно совершилась моя воля: чтобы непременно прошли зубы.

Или советуют, чтобы выздороветь, три дня подряд причащаться. Что тут плохого? но дело в том, что всякая Евхаристия, всякое причащение Тела и Крови Христовых есть полнота, есть совершенная Пасха. Можно причащаться хоть каждый день, если к этому есть живое стремление, но применение счета к величайшему таинству – уничтожает его. Всякая обязательная цифра как накладывает клеймо неполноты и недостаточности на каждую единицу, входящую в нее...

Волхвованию учатся, учатся, какие магические действия нужно совершать, чтобы достичь поставленной цели.

Филипп совершал великие дела, и Симон внимательно наблюдал за ним, пытаясь уловить какие-то закономерности, чему-то научиться. То есть он как раз, вопреки слову Христову, старался «о пище тленной», о стяжении могущества и славы, а не о «пище, пребывающей в жизни вечную». Но вера Христова проста, бесхитростна, и нельзя научиться делам веры, пока по-детски, всем сердцем не уверуешь.

Симон лишь тогда оживился, когда пришли Апостолы Петр и Иоанн, и он увидел, как «*через возложение рук Апостольских подается Дух Святой*» (Деян. 8:18). То есть увидел, наконец, определенные закономерные действия и сразу попытался научиться этому за деньги, что обычно для волхвов, но что совершенно чуждо Христовой Церкви...

Враг очень тонко проникает в Церковь, проникает даже во Святая Святых, чтобы незаметно подменить и уничтожить спасающую силу

Господь же попускает этому, чтобы мы учились вниманию, чтобы учились все делать разумно и сознательно, точно постигая смысл всякого церковного действия.

О святыне и деньгах

Среда

Ин. 6:35–39

Деян. 8:18–25

Когда Симон волхв увидел, что «*через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сею. Чтобы тот, на кого я возложу руки, получают Духа Святого*».

От имени этого волхва грех торговли священством и получил свое название: «симония». В двадцать девятом Апостольском правиле говорится: «Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он, и поставивший его, и от общения совсем да отсечется, яко Симон волхв...»

Столь же сурово Церковь относилась к торговцам и другими таинствами. Двадцать третье правило Шестого Вселенского собора говорит: «Никто из епископов или пресвитеров, или диаконов, преподавая пречистое причастие, да не требует от причащающегося за такое причастие денег, или чего иного. Ибо благодать не продаема: и мы не за деньги преподаем освещение Духа, но неухищренно должно преподавать оное достойным сего дара...».

И в то же время мы знаем, что и Апостолы жили от благословения, и в последствии церковный клир всегда был на иждивении у мирян. Но – одно дело, когда священник с готовностью трудится, не ставя никаких условий, а прихожане по своим возможностям благодарят его. И совсем другое, когда плата становится непременно, а то и единственным условием. Святитель Тарасий Константинопольский в своем каноническом послании пишет, что таковые делают Бога Духа Святого своим рабом. «Поелику всякий господин все, что имеет, продает, раба ли, или иное что из стяжаний своих; такожде и покупающий, желая быть господином покупаемого, ценою сребра приобретает оное». То есть тут грешат оба: и покупатель, и продавец; и тот, кто говорит: не получишь, если не заплатишь; и тот, кто

нуждается, а не приходит, не просит, только по тому, что считает обязанным заплатить, а заплатить ему не чем. И тот, и другой ставят бесценные дары вечной жизни в один ряд со всем тленным и суетным, что в миру продается за деньги. На обоих одинаковый грех. Но надо напомнить, что все же раньше явился свято-покупатель, а не свято-продавец. Не Церковь несет в мир грех и соблазн, но они извне проникают в нее. И Симон волхв – это первый образ приходящего к Церкви человека, который не понимает, куда, к Кому и зачем он пришел. Да, первым явился покупатель и услышал: *«Серебро твое да будет в погибель с тобою; потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги...»*

Но как быть человеку, который приходит в Церковь и видит, что тут уже все таксировано; что в свечном ящике на все стоят твердые цены: и на таинства, и на священные предметы, и на священническую молитву перед Престолом Божиим? Что посоветовать тем, для кого это становится стеной соблазна? Во-первых, как учил Господь, пробовать вынуть бревно из своего глаза. Подумай, чем для тебя самого являются деньги, с которыми ты пришел в храм: платой за благодать или добровольной жертвой? Думаешь ли ты, что за свой рубль или три рубля получишь благодати ровно на эту цену? Или ты всегда помнишь, что *«не мерю дает Бог Духа»* (Ин. 3:34) ?.. И общее обновление Церкви, и исправление всякой закравшейся неправды зависит от намерений и от расположения каждой души, в том числе и твоей. Поэтому, когда идешь в храм, заранее реши, сколько ты хочешь пожертвовать. Столько и пожертвуй: или подай записку за ту или иную цену, или купи свечу, или просто, тайно от всех, положи деньги в церковную кружку. Когда будешь думать, сколько пожертвовать, вспоминай слова Апостола: *«Если есть усердие, то оно принимается, смотря по тому, что кто имеет, а не по тому, чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но, чтобы была равномерность»* (2Кор. 8:12–13), *«каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением»* (2Кор. 9:7), чтобы жертва твоя была *«как благословение, а не как подбор»* (2Кор. 9:5). Помни ту вдовицу,

две лепты которой были перед Богом драгоценнее многих богатых даров. Но главное – помни, что сколько бы ты не пожертвовал, все это – ничто перед бесценными дарами Святого Духа, и что не наши деньги, не наши жертвы спасают нас, но одна только милость Божия. Только тогда серебро твое будет не в погибель, а во спасение. И если тебе нечего пожертвовать, все равно приди; Господь никогда не обделит тебя, и получишь ничуть не меньше, чем все остальные.

Господь сказал: *«Приходящего ко Мне не изгоню вон»*. Не возводи стену между Ним и собою, и тогда никто, никакие стены не помешают тебе придти к Нему.

О чуде воцерковления

Четверг

Ин. 6:40–44

Деян. 8:26–39

Священное Писание говорит нам. Что Бог есть Дух. и хотя он пребывает везде всей полнотой Своего Божества, но грешный человек не может Его видеть. А это человек, это – плоть, которую можно видеть и слышать, и осязать. Бог во Христе нераздельно соединился с человеком. Он жил среди людей. Люди видели человека, но, видя Его чудесные дела, должны были понять, что это – Бог. И все же для многих трудно было от человечности Христа подняться к его Божественности, от видимой плоти к невидимому Духу. Для многих человечность Христа была соблазном, и когда Он говорил: *«Я есмь... сшедший с небес»*, люди роптали: *«Не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? как же говорит Он: Я сшел с неба?»*

Так мы всегда: если не можем видеть, требуем: «покажи тогда поверю!» А если видим, то – придумываем «научное объяснение». Мы не в силах без помощи свыше познать: как это немощная плоть может быть в то же время и Всемогущим Богом?..

Вот и Церковь, которую Господь основал на земле, тоже двуедина. В ней есть и плоть: это те, кто считает себя ее членами; в ней есть и освещающий и животворящий Дух Божий. И вот если уж сквозь пречистую, безгрешную плоть Христову люди далеко не всегда могли подняться к Духу, то как же трудно бывает через нашу грешную плоть приходить ко Христу! Про нас говорят: разве они не такие же порочные и слабые, как и мы? Как же они говорят, что с ними Бог?.. Но все же люди приходят к Богу, все же присоединяются к Церкви, и это в наше время выглядит как величайшее чудо. Но и всегда приход человека в Церковь – чудо, и сегодня в книге Деяний Апостолов мы слышали об одном из них.

Некий вельможа ехал по дороге. Душа его была расположена к исканию Бога, и он по пути читал книгу пророка Исайи. Сам же он никогда не уразумел смысла пророчества, но в это время Ангел Господень сказал Апостолу Филиппу: *«Встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу»*. Апостол встал, пошел и пристал к колеснице вельможи. А тот как раз читал о страданиях грядущего Спасителя. Филипп спросил: *«Разумеешь ли, что читаешь?»* – и объяснил, о Ком говорит пророк, и что нужно для спасения. Тут подъехали к воде, вельможа принял крещение, Дух Святой сошел на него, и он продолжал путь, радуясь. А Филипп Ангел Господень восхитил к новым трудам.

Вот – обычное, рядовое событие, вот будни Церкви. Просто это событие показано как бы в разрезе, где вскрыто невидимое. А так – и всегда, во всем, что случается с нами и вокруг нас, тоже участвуют и Ангелы, и другие посланцы Божии; и над всем этим – Сам Бог. Он следит за малейшим движением сердца, и как раз вовремя посылает и книгу, и истолкователя, и приводит в храм. Поэтому и говорит Господь: *«Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший меня»*. И дай нам Бог научиться всегда и во всем чувствовать над собой Его руку, и в каждом подошедшем человеке видеть вольного или невольного Божьего посланника.

О обращения гонителя

Пятница

Деян. 8:40–9:19

Сегодня мы читали о чудесном обращении Савла, будущего святого, славного и всехвального, и первоверховного Апостола Павла. Вначале он был самым жестоким гонителем христиан. О нем говорится, что *«он терзал церковь, входя в дома и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу»* (Деян. 8:3). Но гнать только в Иерусалиме ему было мало, и он, *«еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин, и женщин, связав, приводить в Иерусалим...»*, но, когда Савл шел с отрядом воинов к Дамаску, *«внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю, и услышал голос, говорящий ему: Савл! Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна»*. Внушаемся в этот Божественный голос и в эти Божественные слова: «Савл! что ты гонишь Меня?» – что плохого Я сделал тебе или твоим ближним, объясни Мне?.. И потом – с истинным сочувствием к человеку, который трудится, не жалея себя, но – заведомо обречен на неудачу, Господь говорит: *«трудно тебе идти против рожна»*.

И сразу – где злоба, где прежние намерения? – перед нами уже не хищный жестокий волк, но – кроткий агнец, спрашивающий своего пастыря: *«Господи! что повелишь мне делать?»*

Вчера мы читали, как Господь послал Апостола на помощь человеку, а тут Господь явился Сам.

Но почему Он не сделал этого раньше? Ведь когда убивали Стефана, и Савл был тут же. Почему же Господь в этот миг не призвал его и попустил зайти так далеко?.. Во-первых, чтобы не лишить победных мученических венцов и того же Стефана, и других, кому пришлось пострадать от Савла. А во-вторых, как

как это покажется странным, – чтобы и самого Савла привести в совершенство. Господь сказал о нем: *«он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми»*. Известно, чем выше здание, тем глубже оно должно быть врыто в землю. А основание для Божиего служителя – смирение. И вот, даже много лет спустя после этого события, в разгар своих бесконечных апостольских трудов, Павел пишет в послании к Коринфянам, что он *«недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию»* (1Кор. 15:9). И еще однажды Апостол писал: *«И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился»* (2Кор. 12:7). Что это? Может быть, и телесная болезнь, а может быть, как раз постоянное мучительное воспоминание о своем богоборческом прошлом...

Удивительными и многообразными путями призывает Господь людей, но прежде, чем ввести в Царствие Небесное, Он на земле приводит в Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Так было и с Савлом. Три дня, ослепший, пребывал он в Дамаске, пока, наконец, Господь явился Апостолу Анании и послал его к Савлу. Анания и крестил Савла, и избавил от слепоты, и исполнил Святого Духа, и ввел в сообщество учеников Христовых, чтобы всем им в союзе мира и любви, в одном Духе возвещать «пред народами и царями» спасение во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает честь и поклонение вовеки.

О твердой руке Господней

Суббота

Ин. 15:17–16:2

Деян. 9:20–31

Сегодня мы читали отрывок из последней беседы Господа Иисуса Христа со своими учениками.

Обычно, когда человек хочет увлечь за собой других, он обещает быстрый легкий успех, смягчает возможные трудности, преуменьшает опасности. А Господь вместо этого вот какие обещает «блага»: *«вы не от мира... потому ненавидит вас мир. Если Меня гнали, будут гнать и вас... Изгонять вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу...»*

Человеку для его дел отпущено слишком мало сил и времени; ему нужно в кратчайший срок воодушевить своих последователей. А Господь – мало того, что рисует картину предстоящих гонений, Он еще и говорит о Своей смерти, которая должна последовать через несколько часов.

«Промедление смерти подобно», – говорит мирской вождь; а Господь не боится за успех дела, не боится за учеников. Потому что Он – Бог. В Его руках времена и сроки, и Он говорит, как власть Имеющий. Он знает все. Он знает, что Он умрет, но знает, что и воскреснет. Он знает, что и Сам никогда не оставит Своих учеников, и всегда придет им на помощь, всегда подаст им руку. Он знает, что пошлет им Утешителя, Духа истины. Для учеников это пока только слова, но Сам-то Он знает, что Дух Святой всегда чудесно восполнит оскудевающее и даст новые силы. Господь не боится сказать правду, потому что Он знает, что может любому дать такую внутреннюю силу, которой ничто на свете не может противостоять. Он знает, что зло, и гонения всегда обратит на благо; что и самых злобных гонителей сможет сделать избранными сосудами Своей Церкви.

Взять хотя бы то, что произошло с Савлом. Вчера читали о его чудесном призвании, а сегодня – о первых шагах жизни во Христе. Самый страшный гонитель стал самым великим

ревнителем. Прошло только несколько дней, и он *«стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий... и приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос»*.

Эта невиданная сила обращения была страшна как для иудеев, так и для самих христиан: *«И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих Имя сие?»* Иудеи ненавидели его больше, чем других. И в то время, как церкви *«по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое»*, – один только Савл испытывал на себе всю злобу врагов. В Дамаске *«иудеи день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его»*, – так что ему пришлось в корзине спуститься со стены и бежать. *«Покушались убить его»* и в Иерусалиме, но *«братия, узнав о сем, отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс»*. А перед этим и христиане *«все боялись его, не веря, что он ученик...»* Страшен для живых воскресший мертвец, тот, кто от временной смерти возвращен к временной жизни. Но настоль же должно быть страшнее переход человека от вечной смерти к вечной жизни! Он стремительно поднимается вверх, и как бы весь ад тянется за ним, стараясь удержать. Кто, кроме Господа, может дать силы на такой путь?.. Потом Апостол писал: *«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе...»* (Флп. 4:13).

Будем же твердо и спокойно ходить под невидимой рукой Божией, зная, Кому мы себя посвятили, Кому мы себя вверили.

Седмица 4-я по Пасхе

О надежде сверх всякой надежды

Неделя 4-я по Пасхе

Ин. 5:1–15

Каждое четвертое воскресение по пасхе Святая Церковь предлагает нам чтение о том, как Иисус Христос исцелил расслабленного возле овчей купели, называемой «Вифезда», что значит «Дом милосердия». Человек этот страдал тридцать восемь лет, а Господь единым повелением: *«Встань, возьми постель твою и ходи»*, – воздвиг его от болезни. В этом проявлении силы нашего Господа – великое для нас утешение; но и в поведении расслабленного находим немалое назидание.

Возле чудесной купели всегда было много больных, все ждали момента, который был раз в году: Ангел Господень возмущал воду, и кто первым входил в нее, получал исцеление. Можно себе представить, что делалось в этот момент! Мы, даже когда знаем, что всем достанется, и то часто устраиваем давку, лезем друг через друга, и плохо приходится тем, кто слабее. А тут только один, первый, получал желаемое. И на что уж было надеяться бедному расслабленному! И тем не менее, он год за годом не отходил от купели. Наверное, если бы его спросили, на что он рассчитывает, – он не смог бы толком ответить. Он только видел, что здесь действует сила Божия, а если так, то надо быть ближе к этому месту. Он поистине надеялся сверх всякой надежды. Он не знал, не мог себе даже представить, как именно это будет, но тридцать восемь лет верил, что Бог не оставит его...

А до Христа люди не видели далее этой жизни и не знали ничего выше телесного здоровья. Даже когда Бог через Моисея побуждал народ соблюдать заповеди, Он обещал за это всего лишь: *«чтобы вам долго жить и наслаждаться на земле, которую Я дам вам»*.

Мы же, спасенные и просвещенные Христом, чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. И мы знаем, что помешать нам достичь вечного блаженства может только грех. Мы знаем путь к вечному блаженству; но бываем одержимы

какой-то духовной расслабленностью. Грехи одолевают; едва встанет, как снова падаем. И кажется, так будет до самой смерти, и кажется, что спасение невозможно... Но, напоминая, как Господь исцелил расслабленного, Церковь предостерегает от отчаяния. Ведь, если мы хотя бы видим в себе грех, если страдаем от него, значит мы еще духовно живы. И пока мы прилагаем усилия, чтобы победить грех, – хотя бы при этом и не ощущали явных результатов, – мы не должны терять надежды. Потому что Господь видит все наши дела и мысли, как видел веру и надежду того несчастного, далеко оттертого толпой от чудодейственного источника. Он видит даже самые слабые попытки борьбы с грехом. Господь видит, как мы каждый раз приходим к таинству покаяния и исповедуем, исповедуем грехи, которые постоянно одолевают нас; видит, что мы *«не имеем человека»*, мудрого наставника, который помог бы нам, объяснил бы, что мы не так делаем... Господь видит все это, и, когда придет час, о котором только Он один знает, – Он подойдет и скажет: *«Встань... и ходи»*! – и этот момент сразу перевесит всю прошлую жизнь, все 38 или более лет казавшегося бесплодным ожидания.

О Святой Чаше

Понедельник

Ин. 6:56–69

Кто для нас Господь Иисус Христос? Учитель? Наставник? Что мы должны делать по отношению к Нему? Слушать Его? Творить волю Его? Подражать Ему?.. Все это хотя и трудно, но понятно. А вот в беседе, которая занимает почти всю шестую главу Евангелия от Иоанна и которую мы сегодня заканчиваем читать, Господь говорит совершенно немыслимые вещи.

Он начал с того, что сказал: *«Старайтесь не о пище тленной, но и о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог»* (Ин. 6:27). Иудеи как-то пропустили слово «пища» и спросили Его, казалось бы, о более серьезном и высоком: *«Что нам делать, чтобы творить дела Божии?»* (Ин.6:28). Иисус ответил: *«вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал»* (Ин.6:29). Иудеи стали требовать, чтобы Он им показал им чудесное свидетельство, причем именно такое, как Моисей, который *«хлеб с неба дал»* (Ин.6:31). Господь поправил их и пообещал дать подобное: *«Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес, и дает жизнь миру»* (Ин.6:35). Иудеи выразили готовность принять такой хлеб, и Господь указал им на Себя: *«Я есмь хлеб жизни»*. Иудеи уловили только одно и этим возмутились: *«не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? как же говорит Он: Я сшел с небес?»* (Ин.6:42) ... Тогда уже Господь сказал прямо: *«Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира»* (Ин.6:51). Этим Он привел иудеев в недоумение, и они *«стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам Плоть Свою?»* (Ин.6:52). А Господь сказал еще более твердо и определенно: *«истинно, истинно говорю вам; если не будете есть Плоти Сына человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в*

себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье». Иудеи почувствовали, что никакого иносказания здесь нет, и что здесь открывается что-то небывалое и непонятное: выходит, что для достижения вечной жизни необходимо есть плоть и пить кровь вот этого Человека, называемого Иисусом. «Какие странные слова! кто может это слушать?» Да, здесь действительно кончается общечеловеческое, общепонятное, общерелигиозное и начинается собственно христианское; здесь начинается слово о Святом Кресте и о Святой Чаше, что «для иудеев соблазн, а для еллинов безумие» (1Кор. 1:23); здесь начинается бездна, перед которой умолкает ум. И «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним».

Тогда Господь обратился к оставшимся: «Не хотите ли и вы отойти?» И Симон Петр ответил от лица двенадцати: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни».

А между тем, Апостолы ничуть не больше остальных поняли, что говорит Господь; но они не отошли, потому что в отличие от других знали, что идти некуда: больше никто и нигде не говорит. Как власть имеющий, о вечной жизни, об этом самом вожделенном даре для живого человека.

Для нас уже открыто более, нежели для них тогда. Мы уже знаем, что значит вкушать Тело и Кровь Христовы под видом хлеба и вина; мы умеем облекать в слова великие тайны искупительного страдания и смерти Сына Божиего, Господа нашего Иисуса Христа. Но и мы до конца не понимаем, как это мы поистине едим Плоть и Кровь нашего Бога?! Как это Сын живет Отцом, и как это ядущий Сына может жить Им? Как это возможно – быть в Боге и чтобы одновременно Бог был в нас?

Все христианство – животворящая тайна, перед которой мы стоим, которой дышим, которую созерцаем. Она иногда страшит и отталкивает, но знаем, что все придет в свое время, всем насытит нас Господь, как и Апостолов насытил, – если мы только не отойдем от Него, если с детской доверенностью

будем говорить при всяких искушениях и сомнениях: *«Господи! к кому идти нам? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали, и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живого»*.

О спасении вне Церкви

Вторник

Деян. 10:21–23

Мы выбрали Христов путь как единственный путь, ведущий к вечной жизни. Но все-таки порой волнуют вопросы: неужели путь к спасению только один, через Церковь? А как же другие люди, которые иначе веруют или вовсе не веруют, а добра делают гораздо больше, чем иные христиане?.. Мы в разговорах часто поднимаем эти вопросы, и у каждого своего мнения. Но разве наши «мне кажется» или «мне думается» – способны зажечь адский огонь или погасить его? Отворить врата Царствия Небесного или затворить их?.. Будем лучше со вниманием и смирением читать Слово Божие и там искать ответа.

Сегодня как раз продолжается повествование о Корнилии сотнике. Он именно из тех, после которых мы начинаем сомневаться в единственности нашего пути. Корнилий не был христианином, но знал, что Бог один, и был муж *«благочестивым и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу»*.

И вот однажды ему является Ангел и говорит... Что же он говорит? Наверное, *«Корнилий, ты угодил Богу своей жизнью, ты спасен, войди в Царствие Небесное!»*... – Казалось бы, что еще достоин услышать этот замечательный человек? Но Ангел говорит: *«Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак, пошли людей во Иоппию, и призови Симона, называемого Петром... Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой»*. Корнилий призвал Петра, услышал от него о Иисусе Христе, о Его воплощении, о земной жизни, о Его распятии нас ради человек и нашего ради спасения, о Его воскресении из мертвых. И когда Корнилий слушал эти слова, Дух Святой сошел на него, и он вместе со всем своим домом принял от Апостола святое крещение.

Пример этот ясно говорит, что не вера просто в Единого Бога, ни молитвы, ни добрые дела сами по себе не спасают. Спасает только вера воплотившегося и распятого за нас Бога, вера в Иисуса Христа. Дверь спасения открывает нам только пролитая за нас Кровь Христова, и мы входим в эту дверь только таким образом, как заповедовал Сам Искупивший за нас, то есть через святое крещение.

Конечно же, Господь хочет спасения всем. Он и Апостолу Петру повелел, чтобы тот *«не почитал ни одного человека скверным или нечистым»*. Конечно же, всякая вера не тщетна, и добрые дела не напрасны. Конечно же, всякая вера не тщетна, и добрые дела не напрасны. Но все это только свидетельствует перед Богом, что душа еще жива и небезнадежна для спасения. Всякое благочестивое усердие не скрыто от Бога, и Он в свое время пошлет благовестника, чтобы показать дверь спасения тому, кто чистосердечно и усердно ее ищет... Но спастись, обойдя эту дверь, которая есть Христос, нельзя, потому что только Он есть Путь, Истина И Жизнь.

Итак, если для нас действительно не безразличны судьбы заблудшего человечества, – послушаем, что и нам с вами говорит Апостол Петр: *«братия, более и более старайтесь делать твердо ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь. Ибо так вам откроется свободный вход в вечное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа»* (2Пет.1:10–11).

Иными словами, если вопрос будет для нас не в праздном любопытстве: кто спасется, а кто не спасется? – а в насущной потребности: как мне самому вернее спастись? – то и мы, как Корнилий, спасем и свой дом, многих вокруг себя.

О том, как узнать посланца истины

Среда

Ин. 7:14–30

Деян. 14:6–18

Однажды Господь Иисус Христос на празднике кущей, *«в половине уже праздника вошел ... в храм, и учил»*. Но, чему Он учил, не говорится. Наверное, не было там ушей, которые могли бы слышать. И хотя слушали, по-видимому, внимательно (сказано *«дивились иудеи»*), но первым же вопросом выдали себя, говоря: *«Как Он знает Писания, не учившись?»* Вот так часто бывает: из всех сил стараешься объяснить суть дела, а в ответ только слышишь: «Ах, как хорошо вы говорите! Где вы этому научились?»

Но как же все-таки человеку принять Божественное учение? Вот Господь далее и показывает, во-первых, что для этого должно быть в самом человеке, а во-вторых, по какому вернейшему признаку можно узнать посланца Божественной истины. Во –первых, Господь говорит: сто только «тот узнает о сем учении, от Бога ли оно», «кто хочет творить волю Его». Выходит, что человек не может даже опознать Божией воли, если прежде в нем не родится желание выполнить ее. Без этого желания никакие слова, никакие убеждения, никакие авторитеты не помогут. Так случилось с иудеями, когда им показалось, что даже их старейшины признали Христа: *«Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос?»* – то они сами тут же придумали отговорку, придумали несомненный, на их взгляд, призрак Христа: *«но мы знаем Его, откуда Он»* ... Господь ответил на эту их «мудрость»: *«И знаете Меня, и знаете, откуда Я»*, – все-то вы знаете, все произошло своим умом, *«но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете»*. А вот по какому вернейшему признаку они могли при желании опознать посланца истины: *«Говорящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Пославшему Его, тот истинен и нет правды в Нем»*. Ученики Христовы, например, прямо-таки страшились

даже невольно присвоить себе то, что принадлежит только их Учителю. Вот Павел и Варнава исцелили больного в городе Листре. И вдруг народ при этом стал единодушно кричать: *«боги в образе человеческого сошли к нам»* и хотели принести им жертву. *«Но апостолы... услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: «Мужи! что вы это делаете?..»* – такой ужас они испытали, когда им хотели воздать Божеские почести.

Во Христе же все было в высшей степени, в том числе и желание прославить Отца и нежелание присвоить славу Себе. Все это, без сомнения, было в каждом слове, в каждом шаге Его святого пути. Нам это трудно даже представить. Пророк Исаия, проведя духовными очами, говорил: *«Господи! Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который бы привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его»* (Ис. 53:1–3).

Вот Тот, Кто говорил: *«Мое учение не Мое, но Пославшего Меня»*, – Кто пришел искать славы Отцу Своему и возвестить волю Его. А в ком нет готовности выполнить Божию волю даже до смерти, то в нем непременно проявится желание противиться этой воле даже до смерти, то в нем непременно проявится желание противиться этой воле даже до Богоубийства. Среди разговора Господь неожиданно спросил: *«За что ищете убить Меня? Народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?»* – но потом стало ясно, что именно к этому шло дело. И только тот, кто жаждет познать и выполнить эту волю, кто устал от своей греховной воли, кто при этом не отчаялся, но верит, что все-таки должна быть на свете правда, кто понял, что жить так, как живешь, недостойно человека, – только такой человек способен узнать Посланца Неба в этом презренном и умаленном пред всеми Муже скорбей.

О жизни во свете и во тьме

Четверг

Ин. 8:12–20

Деян. 10:34–43

Однажды в беседе с иудеями Господь сказал: *«Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»*. Господь превыше всякого света, как Он превыше всего, что мы знаем. Но Он часто сравнивается с разными явлениями видимого мира и особенно – со светом. Что такое для человека свет? – то, без чего невозможно ступить шага, без чего не видишь даже собственной руки.

А что такое духовная тьма?.. Вот, приходит человек впервые на исповедь. Священник спрашивает его: «В чем согрешил?» – А он отвечает: «Ни в чем» ... И это за несколько десятков лет жизни! Значит, свет Христовых заповедей ему неведом, и всю жизнь для него только: «мне так нравится», «я так хочу», «я так считаю», «мне так приказали», «у меня такой характер». И только, когда он начнет читать Евангелие, в его душу войдет свет, и он поймет, что есть добро, которое обязан делать, несмотря ни на что; и есть зло, которое делать нельзя, хотя бы весь мир в нем погряз.

Но вот человек познал свои грехи, в нем пробудилась совесть, и настолько пробудилась, что жизнь стала не мила: он не видит, кто бы снял с него этот страшный груз. Но вдруг в его душу, как в дом Корнилии сотника, мощным потоком света входит Апостольское слово: *«Бог... послал ...слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа... Он ходил... исцеляя всех, обладаемых диаволом, и мы свидетели всего, что делал Он... О нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его»*. – вот и осветился путь, к Кому идти, чтобы получить желаемого.

Но и вся наша жизнь, все вообще, что с нами случается, может быть во тьме, а может быть во свете. Вот иудеи, хотя и ненавидели Иисуса, но на этот раз *«никто не взял Его»*. Почему? Потому что им не делали? Потому что побоялись?

Потому что Он скрылся? – Так судят те, кто еще во тьме. А на самом деле его не взяли только потому, что *«еще не пришел час Его»*. В руке Божией все сроки, и кто всегда помнит об этом, тот уже не во тьме.

Сотворенные, чтобы жить во свете, мы не должны быть во тьме. Когда иудеи не верили Господу, говоря: *«Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно»*, – то Он ответил им: *«Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, Пославший Меня»*. И если Сердцеведец Господь указывает, как на свидетеля, на Своего Отца, то это безусловно значит, что, если бы не погрузились во тьму богоотступничества, то столь же реально, как и воплотившегося Сына, видели бы и Небесного Отца и слышали бы Его свидетельство.

Начинается же для нас свет Христов – со святого Евангелия. Этот свет просвещает всех, и если у тебя нет Евангелия, то никто в этом не виноват. Нет, значит, не ищешь как следует, как хлеб ищут; нет, значит, не молишься, чтобы Господь послал; нет, значит не даешь обета каждый день открывать эту Святую Книгу. А то – возьми у знакомых и перепиши. Ведь раньше книги только так и распространялись, и христианство завоевало мир, когда типографий еще не было. В прошлом веке Евангелие было доступнее любой книги, но потом стало почти как во времена гонений. И Господь не напрасно попустил этому. В своем безумии мы не ценим то, что дается нам даром, как мы не ценим солнечный свет. И теперь, прежде, чем открыть Свою волю, Он ждет, чтобы ты делом показал, что действительно хочешь познать ее и сделать законом своей жизни.

Порой очень трудно идти к свету, но оглянешься назад – там непроглядная, безрадостная тьма. И если обычная тьма вызывает страхи, не дает видеть, передвигаться, на каждом шагу таит опасности, то какова же тьма вечная?.. – от которой да избавит нас Всемиловитый Господь.

О тайне Святого Креста

Пятница

Ин. 8:21–30

Однажды Господь сказал иудеям: *«Я отхожу, и будете искать Меня; и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, туда вы не можете придти»* ... Но разве Господь не для того пришел на землю, чтобы люди, наконец, смогли придти на небо? Зачем же Он сразу, с такой резкостью и прямоотой показывает пропасть между Ним и людьми? Он как бы захлопывает дверь: *«Куда Я иду, туда вы не можете придти...»* – И они в недоумении стоят и гадают, что бы это значило? *«неужели Он убьет Сам Себя, что говорит: куда Я иду, туда вы не можете придти?»* А Господь вместо ответа снова о том же, снова жесткой чертой отделяет небо от земли, всему показывая свой предел: *«Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, я не от мира сего. Потому Я и сказал вам, что если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших»*. А *«кто же Ты»*, чтобы нам веровать в Тебя?.. – *«От начала Сущий, как и говорю вам»*. То есть если не уверуете, в ту же самую пропасть, что *«вы нижних, а Я от вышних»*, то неизбежно умрете во грехах ваших. Господь продолжает: *«Много имею говорить и судить о вас, но Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру»*. Они же снова *«не поняли, что Он говорил им об Отце»*. Так они и стояли, не понимая, чего же Он хочет от них ждет? И тут, наконец, Господь прямо указал им: *«Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я...»* А все тогда прекрасно знали, что значит «вознести». Господь же говорит об этом просто, как о самой обычной вещи: когда вознесете Меня на Крест, когда замучаете и убьете Меня, тогда и узнаете, что это Я. Господь стоит перед людьми, ради которых Он пришел, и как бы говорит им всем то, что впоследствии скажет только Иуде: *«что делаешь, делай скорее»* (Ин. 13:27). Он как бы говорит им: переполняйте меру зависти и злобы, возводите для Меня крест, только этим вы спасетесь!..

Господь для того и пришел в мир, чтобы все неуправляемое море человеческой злобы, человеческого греха собрать в один узкий, страшный поток: *«распни, распни Его!»* – и чтобы Самому стать в этом потоке как бы мельничным колесом, чтобы перемолоть этот величайший грех богоубийства – в величайший дар вечной жизни. Господь спокоен за успех Своего дела, и не потому, что собрал верных последователей, а потому, что ясно видит всю безнадежную человеческую злобу, знает, что Ему не миновать распятия, знает, что не миновать быть жертвой, не миновать быть зерном, брошенным в землю; а значит – не миновать и воскресения. А значит, аду не миновать быть сокрушенным; а значит, диаволу не миновать быть поверженным. И тогда-то люди вдруг вздохнуть облегченно, как будто с них снимут огромный камень, и тогда-то с ними уже можно будут говорить, как с людьми, можно будет послать им Святого Духа. Тогда-то и придет к ним спасительное знание: и Кто Он, и Кто Его Отец, и в чем жизнь, и в чем блаженство...

«Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я, и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю». Здесь – прикосновение к неисчерпаемой тайне Святого Креста, которое величайшее зло пресуществил в величайшее благо, которому мы поклоняемся и которым защищаемся от всякого зла.

О отцах

Суббота

Ин. 8:31–42

Однажды Господь сказал иудеям: *«Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина, сделает вас свободными»*. Господь обещает величайший дар, и Он вправе ожидать, что при слове «свобода» встрепет всякая душа. Но Ему ответили: *«Мы... не были рабами никому никогда: как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?»* Вот тебе и ответ! Тут сразу можно ставить точку: если человек не чувствует своей несвободы, то говорить на тему свободы с ним бесполезно. Однако же Господь не уходит; Он должен сказать все, чтобы не желающие понять не могли бы Его же и укорить, будто Он что-то заведомо скрыл. И Он продолжает: *«Всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает дома вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»*. Он пытается объяснить иудеям, что они рабы греха; а если рабы, то значит – не дети, не наследники, хотя и находятся в доме. И только истинный Сын, истинный Наследник может и простить их, и освободить, и даже возвысить до Себя.

Но иудеи совершенно уверены, что свободны, что навсегда дети Божии, и ни в ком не нуждаются для своего освобождения... Поэтому они просто не могут, не способны вместить в себя Господних слов...

Ну что же, бывают ведь разные языки, бывает, что люди по-разному думают. Почему бы иудеям, если они столь уверены в себе, если они даже не понимают языка, на котором говорит Господь, – почему бы этим иудеям просто не пожать недоуменно плечами? Почему бы им, наконец, просто не посмеяться над странными и нелепыми словами? Почему Господь вынужден так сурово обличить их: *«Вы ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас»*. Откуда такая ненависть?

А дело в том, что обычно за простым человеческим непониманием Божественных слов скрывается некто. Этот некто все прекрасно понимает, прекрасно знает, чего он хочет, и делает свое дело, оставаясь невидимым. Господь же пришел, чтобы вытащить его на белый свет и показать всему миру, кто на кого работает, кто с кем; и вот Он говорит своим собеседникам такую странную вещь: *«Я говорю то, что видел у Отца Моего, а вы делаете то, что видели у отца вашего»*. Но для иудеев вопрос их сыновства решен раз и навсегда: *«отец наш есть Авраам»*, друг Божий. Это – их вера, их надежда. Чада Авраамовы, значит чада спасения, значит, навсегда благословенные Богом. У каждого иудея свято хранилась его родословная, восходящая к Аврааму. Господь же продолжает наносить удары именно в это, самое, казалось бы, надежное место: *«если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога; Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего»*. Но у иудеев родословные простились не только до Авраама, а и далее до самого Адама, а значит, до Самого Бога, из рук Которого вышел Адам. Кто смеет и кто может опровергнуть это? – они и отвечают гордо: *«Мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога»*. Но Господь снова говорит: *«Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел, и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня»*.

«Если бы Бог был Отец ваш...» – вот какую жуткую загадку задал Господь иудеям. А правда: каково будет сыну, спокойно рассчитывающему на богатое наследство, вдруг узнать, что он вовсе не сын своего отца? И каково будет некоторым, даже уверенным, что они до последней клеточки сотворены Богом, вдруг оказаться совсем не Его детьми? *«Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»*, – предостерегает Апостол.

Седмица 5-я по Пасхе

О пшенице Господней

Неделя 5-я по Пасхе

Ин. 4:42

Однажды на пути в Галилею Господь Иисус Христос остановился у колодца близ города Самарии. Когда ученики ушли достать что-нибудь поесть, к колодцу за водой подошла женщина, и Господь заговорил с ней. Когда же вернулись ученики и женщина ушла, Господь сказал: *«Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступила жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве»*. Господь сказал так, потому что немногие вопросы, заданные самарянкой, немногие слова, ею сказанные, – напоминают спелые зерна, уже готовые при первом прикосновении отделиться от колоса и войти в Господню житницу.

Разговор начался с того, что Господь просто попросил пить, и другая просто дала бы Ему воды, не рассуждая, кто Он и какой веры. Но эта удивленно спросила: *«Как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня самарянки? ибо иудеи с самарянами не сообщаются»*. И этот ответный вопрос был первым зерном в Господнюю житницу, потому что обнаружил, что для самарянки есть нечто высшее телесных потребностей, есть религиозные законы, и она искренне удивлена, как может этот серьезный, благочестивый человек нарушать их?

Если бы женщина просто дала Ему воды, то разговор не возник бы; а тут – Господь продолжает и говорит: *«если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: дай мне пить; то сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду»*. Женщина удивилась: *«Господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодец глубок; откуда же у тебя вода?»* – и этих словах еще нет ничего особенного, но тут же она прибавила: *«Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец, и сам из него пил, и дети его, и скот его?»* А это уже – второе зерно в житницу Господню: этот вопрос обнаружил, что женщина

помнит о своих корнях, о своих праотцах, помнит, что от кого унаследовала.

Но вот Господь говорит ей нечто более трудное для понимания. Он говорит, что здесь в пустыне у Него Самого есть живая вода, и кто будет пить Его воду, *«тот не будет жаждать вовек»*, и что вода эта сделается в нем – *«источником воды, текущей в жизнь вечную»*. Женщина не поверила и иронически попросила: *«Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды, и не приходить сюда черпать»*. Но Господь сразу поставил ее на место *«пойди, позови мужа своего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей; и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе»*. Тут женщина сразу поняла, с Кем имеет дело, и воскликнула: *«Господи! вижу, что Ты пророк»* ... Пророку открыто больше, чем другим, и, представляется возможность говорить с пророком, то спрашивают о самом главном... О чем же спрашивает самарянка? – *«Господи!.. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме»*. – И это – третье зерно в житницу Господню, потому что далеко не для всех главный вопрос жизни – о том, где и как нужно служить Богу.

Господь на это открывает о приближении новых времен, когда все *«истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине»*. И женщина сразу говорит Ему не это: *«знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все»*. – Здесь женщина обнаружила свое сокровенное ожидание грядущего Спасителя мира. И когда Господь заговорил с ней о новых временах, женщина сразу связала эти обещанные благие времена именно с личностью ожидаемого Спасителя. Это – четвертое зерно.

Господь на ее слова прямо сказал: *«Это Я, Который говорю с тобою»*. Женщина и тут обнаружила новое, пятое зерно своей духовной зрелости: едва услышав последние слова, она, ничего более не говоря, сразу ставила все, быстро, *«пошла в город, и говорит людям: Пойдите, посмотрите*

Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?»

Ученики между тем вернулись, принесли еду и «попросили Его, говоря: Равви! ешь». Но Иисус сказал: «У Меня есть пища, которой вы знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня, и совершить дело Его». А в чем это воля? – впоследствии Господь не раз говорил: «Воля же Пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Ин. 18:14).

В самарянке Господь нашел такую душу, которая, хотя и была еще во мраке неправой веры и неправедной жизни, но едва ее коснулся луч Христова света, как весь мрак тут же рассеялся. И она, до сих пор чужая, в один миг стала ближе тех, кто сказался своими...

Пусть же и в нас никогда не утихает духовная жажда – напиться словами Божественной премудрости, чтобы и нам самим быть чистой и совершенной пшеницей Господней.

О лжи и смерти

Понедельник

Ин. 8:42–51

Однажды Господь сказал *«народу и ученикам Своим: ... и отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Отец, Который на небесах»* (Мф. 23:1–2,). Здесь Господь хотел всех мысленно провести сквозь цепочку земных отцов – к Единому Небесному Отцу, Который прежде всех и Который всем дает жизнь. А сегодня вдруг говорится о возможности другого отца: *«Если бы Бог отец ваш, то вы любили бы Меня»* ... Конечно, жизнь едина, и в ней не может быть двух начал, двух отцов. Но кроме жизни есть еще и смерть, и она тоже едина. И есть и у смерти начальник, и Господь называет его, обращаясь к своим ненавистникам: *«Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего»*.

Нам не надо выбирать отца по плоти; но от кого родиться по духу, – в нашей власти. Господь же всегда говорит, обращаясь ко всем: *«Придите ко Мне... Изберите жизнь»*. И при этом Он всегда разоблачает путь, который ведет в смерть. Он говорит: *«ваш отец диавол»* и в то же время называет диавола *«отцем лжи»*. Значит, между ложью и детьми диавола – знак равенства. Значит, когда мы лжем, тогда именно и усыновляемся диаволу, который и *«сам есть ложь»*.

Но еще диавол назван *«человекоубийцей от начала»*. То есть между убийством и ложью тоже знак равенства. Убийца убивает жизнь, а лжец убивает истину. А гибнет истина, то неизбежно гибнет и жизнь. И всякий грех либо – прямая ложь, если он против Бога; либо заставляет лгать, если он против ближнего. Ну, если грех является предметом гордости, значит – все общество уже безнадежно погрузилось в ложь. А царстве лжи все призрачно, невозможно никому верить, невозможно ничего принимать всерьез, невозможно ничто принимать всерьез, невозможно делать общее дело. Все, добытое ложью, не дает радости, и все, построенное на лжи, рано или поздно разваливается с великим треском.

Преподобный Дорофей учит, что даже, когда человек вынужден малой ложью избавиться от большой беды, он и тогда «не должен оставаться беспечальным, но каяться и плакать пред Богом считать такой случай временем искушения». А иначе – одна ложь повлечет за собой другую, и так – без конца. В один прекрасный день солжешь и скажешь: «А зачем я это сделал?» А не зачем. Просто ложь стала нормой твоей жизни. И говоришь только ложь, и остатки правды тогда только терпишь, когда она приукрашена ложью, то есть как бы уже тронута тлением. И наконец, можно до того развратить себя всякими баснями, всякими вымыслами человеческими, что не только перестанешь понимать речи Господа Иисуса Христа, Который есть Истина, но даже не сможешь слушать слов Его... И вдруг – скажет тебе Господь: *«Кто от Бога, тот слушает слова Божию; вы по тому не слушаете, что вы не от Бога»*. Значит, уже родился в смерть, чтобы вечно умирать.

Доходим мы иногда и до того, что даже в слове Божием ухитряемся видеть защиту лжи. Так, семнадцатый стих тридцать второго псалма: *«Ложь конь во спасение»*, – часто понимают в смысле, что ложь, это – конь, несущий к спасению! Но тут как раз наоборот: ложен, то есть ненадежен конь для спасения. А о лжи псалмопевец прямо говорит: *«возненавидех всяк путь неправды»* (Пс. 118:104).

Возненавидим же и мы ложь, какой бы она ни казалась соблазнительной; возлюбим истину, какой бы ответственности она ни требовала от нас, – и тогда мы раз и навсегда родимся от Самого Бога, выйдем из самых Его рук, чтобы вечно жить.

О невидении смерти

Вторник

Ин. 8:51–59

Продолжая разговор с иудеями, Господь сказал: *«Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдает слово Мое, тут не увидит смерти вовек»*. На что иудеи ответили: *«теперь узнали мы, что бес в Тебе; Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: «кто соблюдает слово Мое, тот не вкусит смерти вовек; неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты себя делаешь?.. Не зря Господь говорил своим противникам, что их отец – диавол, потому что для них смерть – как торжество истины, они не верят в возможность победы над смертью. Они и смерть своих пророков и праведников приводят в пример, как некую добродетель: «Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер, и пророки умерли?»*».

Это поистине апостолы смерти, и они готовы всякого, кто скажет слово против смерти, тут же отправить в ее область.

Они верно служат своему отцу, диаволу. Но напрасно они будут ждать верности от него: ведь он – ложь и отец лжи. Он лжет уже в том, что смерть – это не видеть и не слышать, как Авраам, по их мнению, не мог увидеть день Господень и возрадоваться.

Господь же прямо говорит: *«Кто соблюдает слово Мое, тот не увидит смерти вовек»*. И отсюда следует жуткий вывод: значит, тот, соблюдает слово Господне, тот – хочет он этого или не хочет, верит он в это или не верит – увидит собственную смерть, не умирание, а именно смерть?.. Ну, а как же может быть иначе? Если смерть просто ничто, то как можно иметь ключи от смерти и ада (Откр. 1:18), как она может быть первой и второй (Откр. 20:6), и как она может отдавать своих мертвецов (Откр. 20:13)? Слово Божие свидетельствует, что смерть – это не просто небытие.

Но при этом Господь прямо запрещает исследовать тайны смерти и мысленно спускаться в *«так называемые глубины*

сатанинские» (Откр. 2:24). Он, напротив, зовет нас соблюдать слово Его, чтобы как раз не увидеть смерти вовек. Своей крестной жертвой Он сделал это возможным, и церковная история дает много примеров. На первом месте славное Успение Божией Матери. Когда пришло время, Сам Ее Божественный Сын с Небесными силами явился за Ней и принял к Себе.

Святитель Игнатий в своем «Слове смерти» приводит случаи безболезненного и радостного перехода душ в иной мир. К одному рабу Божию, когда настал час его кончины, явились архангелы Михаил и Гавриил. «Один сел на правую, другой на левую сторону странника, и начали упрашивать душу его, чтобы она вышла. Она не хотела оставить тело и не выходила. Тогда Гавриил сказал Михаилу: «возьмем душу и пойдем». Михаил отвечал: «нам повелено Господом взять ее без болезни, не можем употребить насилия». И только когда Господь послал Давида с другими небесными певцами, «душа, услышав псалмопение и гласы их, вышла» ... «и принята была с радостью».

«Когда настало время умирать преподобному Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: «вот пришел авва Антоний». – Помолчав несколько, сказал: «вот лик пророческий пришел» – Потом просветился более и сказал» «вот пришел лик апостольский». И опять сугубо просветилось лицо его: «... Ангелы...» – И еще более сияло лицо его, засияло как солнце. Все убоялись. Он сказал им: «смотрите, – Господь пришел и изрек: принесите Мне избранный сосуд из пустыни». С этими словами он испустил дух».

Когда на пути представилась покаявшаяся Таисия, старец, который сопровождал ее, проснулся и видит: «образовался некий путь от того места, где почивала Таисия, до неба; Ангелы же Божии возносят ее душу. Он встал и начал будить ее, но она уже скончалась».

Бог только тогда – Бог, когда Он Бог не мертвых, но живых. Он только тогда Бог, когда Его слово обладает такой силой, что соблюдающий его может побеждать все, и даже самую смерть.

Пусть она ополчится на тебя, обступит со всех сторон, но ты неведимо пройдешь посреди сени смертной, как и Сам Господь неведимым прошел посреди толпы иудеев, уже поднявших на Него камни.

О соработниках Господних

Среда

Ин. 6:5–14

Деян. 13:13–24

Сегодня мы читали, как Господь наплат пять тысяч человек, которые пошли за Ним *«на ту сторону моря Галилейского»*. Он взял пять хлебов, *«и, воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики»* – народу, *«также и рыбы, сколько кто хотел»*. И люди не только насытились; они, и мы вместе с ними, увидели здесь и могущество Господа, как источник нашей надежды на Него. Увидели и Его милость, и снижение к человеческой природе: хотя и Он принес бесценный хлеб вечной жизни, но Он не гнушается накормить и обычным земным хлебом. Потому что одно дело – подвижник, добровольный постник, а другое – просто голодный человек, которого, если не накормить сначала, то и Божественное учение ему не пойдет. Учит также Господь относиться к пище как дару Божьему, с подобающим благоговением. Он сказал: *«Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало»*.

Кроме того, в этих хлебах богословы видели и прообраз пяти язв, полученные Господом во искупление наших грехов (пронзенные руки, ноги, грудь). А в умножении их – прообраз того, как вот уже две тысячи лет под видом хлеба бесконечно умножается святое Тело Христово и насыщает нас на Божественной Литургии.

Видим мы и то, что в этом чуде участвовали ученики Господни. Господь не Сам, а через них раздавал хлеб народу. Как это происходило? Евангелие упоминает о двенадцати коробах, в которые Он повелел собрать остатки. Очевидно, Он клал малую часть каждому Апостолу в его короб, а они уже из коробов вынимали и раздавали народу чудесно умножающийся хлеб. Очевидно, при этом была опасность и для народа – почесть Апостолов за чудотворцев, а также и для Апостолов – почесть себя таковыми. Поэтому в самом начале Господь испытал их, спросив: *«Где нам купить хлебов, чтобы их*

накормить?» Он дал некоторое время, так чтобы Филипп успел прикинуть: *«Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу»*. А Андрей успел уже поискать, поспрашивать и кое-что сделать: *«Здесь у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?»* Судя по всему, именно этих ответов Господь и ждал. Ведь что в них содержится? Первое: что поставленная задача невыполнима и неразрешима человеческими средствами. Второе: что все-таки сделано все, что могло быть сделано людьми. И третье: что, хотя сделано все, но это по существу – ничто.

Значит, именно такие соработники нужны Богу: не те, кто помогал бы Ему, но – те, через кого Он мог бы делать Сам, те, кто не мешал бы Ему, кто не затмевал бы Его своей самостью. Попробуем же в своей жизни руководствоваться этими правилами. Когда предстоит какое-то важное дело, когда надо помочь кому-то или наставить кого-то, иными словами, когда в твоём сердце звучит вопрос: *«где нам купить хлебов, чтобы их накормить?»* – что скажи первым делом, как Апостол Филипп: *«Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу»*. Непременно скажи так, хотя бы дело и казалось на первый взгляд совсем нетрудным. Потом сделай все, что можешь, помоги, как можешь, как Андрей разыскал единственные пять хлебов и две рыбы. И тут же обязательно прибавь, как он прибавил: *«но что это для такого множества?»* Обязательно скажи эти слова, сколь не велики были бы твои труды! Этим ты даешь место Господу, и Он примет тебя в участники Своих чудес, Своего могущества и Своей милости.

О истинном пастыре

Четверг

Ин. 9:39–10:9

Господь говорит: *«Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник. А входящий дверью есть пастырь овцам: Ему придверник отворяет, и овцы слушаются его, и он зовет своих овец по имени и выводит их ... за чужим же) овцы «не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса».* В этой притчи овцы – люди Господни, которых он особо ограждает Своим попечением. До пришествия Христова таким избранником Божиим был народ иудейский, а потом – Его Святая Церковь. Но в какой-то степени овчий двор, это – весь мир, все люди; потому что на каждом – образ и подобие Божие, и Господь хочет спасти всех Своих овец. Он добрый пастырь Своему стаду, но Он же и – дверь, ведущая в овчий двор: *«Истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам».* Дверь, это – первое, с чем соприкасаются, входя в помещение; так и идя на служение людям, чтобы это служение было на благо, надо сначала приобщиться к Христу и служение свое совершать по Его воле, его именем и в Его Духе. А кто входит иным путем, кто перелезает инуде, тот, как говорит Писание, *«вор и разбойник».* И даже если он идет из самых лучших побуждений, но не по Божиему призванию, – его непременно постигнет неудача. Это очень хорошо видно на примере святого пророка Моисея.

Сорок лет он воспитывался у дочери фараона, но, наконец, решил вернуться и послужить своему народу. Однажды он увидел, как египтянин бьет еврея. Моисей вступился и убил египтянина. В другой раз он увидел, как двое из его народа ссорятся. Он решил рассудить и помирить их, а в ответ услышал: *«Кто тебя поставил начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?».* Услышав это, Моисей испугался и убежал. Так и кончилось его самовольное служение. Овцы не узнали его голоса. После этого

он сорок лет был в изгнании, женился и собирался спокойно дожить свой век. Но тут исполнились времена и сроки, и Господь Сам призвал его. Однажды, когда Моисей пас стадо, он увидел терновый куст, который горел и не сгорал, и из пламени был ему голос: *«Моисей! Моисей!.. Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова ... Я видел страдания народа Моего в Египте и услышал вопль его... Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону; выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых»*. Господь научил Моисея как поступить, дал силы совершать знамения, дал ему в терпение, и вот Моисей всех овец Божиих вывел из рабства и привел в землю обетованную. Вот здесь Моисей явился истинным пастырем, потому что дверь к овцам, получив повеление и благословение от Самого Бога. А как он совершал это свое служение! Не силой, не принуждением, но – кротостью, непрестанной молитвой; он скорбел за грехи народа, заступался за народ перед Богом; был готов и душу положить, если понадобится.

Но не только такое великое служение, которого удостоился Моисей, а и любое человеческое дело лишь тогда приносит истинную пользу, когда совершается так, как делал Христос: с молитвой, любовью и смирением.

«Я есмь дверь», говорит Господь. *«Кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет и пажить найдет»*. И мы знаем, что этой дверью в мир входит разумное, доброе, вечное, и только этой дверью выходят овцы Христовы на тучные пажити блаженного, Небесного Царствия.

О истинных овцах Христовых

Пятница

Ин. 10:17–28

Деян. 15:5–34

Книга деяний Апостолов сегодня повествует о первом церковном соборе. В то время появилось мнение, что уверовавшим язычникам необходимо обрезываться и соблюдать весь закон Моисеев. По этому поводу Апостолы и пресвитеры и собрались в Иерусалиме.

А в Евангелии сегодня мы видели противоположный пример. Господь сказал нечто, а между слушателями сразу произошла распря. *«Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?»*

В первом случае даже человеческое разномыслие побудило людей собраться вместе, потому что это те, о ком Господь сказал: *«Овцы Мои слушают голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною»*. А во втором случае – слова Того, Кто есть Истина, привели к распре и разделению, потому что были услышаны теми, о ком сказано: *«... но вы не верите, ибо вы не из овец Моих»*. Распря ничем так и не разрешилась. А собравшиеся в Иерусалиме тщательно рассматривают спорный вопрос. Петр напоминает, как он крестил язычника Корнилия со всем его домом и как при этом Бог *«дал свидетельство, даровав им Духа Святого»*. Павел и Варнава рассказали, *«какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников»*. Апостол Иаков приводит древние пророчества, что и язычников призовет Бог. И убедившись в истине, *«Апостолы и пресвитеры со всею церковью»* выносят постановление: не налагать на новообращенных бремени закона, кроме некоторого необходимого, чтобы они *«воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленнины и крови, и чтобы не делали другим того, что не хотят себе»*. Апостолы

подчеркивают, что рассудили они об этом единодушно и что Святому Духу угодно это решение.

Слово Божие предупреждает христиан: *«надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»* (1Кор.11:19). В чем искусные? – конечно же, сначала в рассуждении, способные отличить ложь от истины. Но главное – искусные в любви, то есть способные различить ложь и в себе, способные без сожаления отвергнуть ее от себя ради торжества истины и единства. Ведь единство – первый признак Церкви, которая называется Единой и Апостольской. И вход в этот благословенный союз единого Пастыря и единого стада, – один, о котором применительно к Себе и говорит Господь: *«Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимет ее у Меня, но Я сам отдаю ее»*. Не случайно и Апостолы, отправляя Павла и Варнаву с соборным определением, в знак того, что это истинные посланцы Церкви, плоть от плоти и дух от духа ее, называют их *«человеками, предавшими души свои за Господа нашего Иисуса Христа»*.

Со стороны может показаться, что нет ничего проще, ничего примитивного единства; и только войдя внутрь, видишь, что нет ничего труднее, чем его достичь и сохранить. Потому что враг нашего спасения всюду старается всеять разномыслие в души овец Христовых, чтобы оторвать от Пастыря, разогнать и погубить. Даже между теми же Варнавой и Павлом враг вскоре попытался посеять раздор. Они собрались в очередное миссионерское путешествие, и *«Варнава хотел взять с собой Иоанна, называемого Марком»*, но Павел не захотел брать его, потому что однажды Марк самовольно их покинул. *«Отсюда произошло огорчение»*, и пути их разделились (Деян. 15:36–41). Но Господь же сказал о тех, кто предал Ему душу и вошел в Его благословенное стадо: *«Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из рук Моей»*. И эту кратковременную размолвку Господь обратил к добру, и в результате больше церквей в разных краях были охвачены апостольским попечением.

Ну, а кто не совершил таинственного акта предания своей души Христу, тот так и обречен бродить, как овцы, не имеющие пастыря, и бесплодно препираться по всякому поводу; тот так и обречен без конца спрашивать: *«долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты Христос, скажи нам прямо»*; тот так и не вразумится, хотя и будет в который раз слышать все тот же ответ: *«Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне; но вы не верить...»*

Тот, предал душу Господу Иисусу Христу, всегда помнит, что при всех возможных разномыслиях истина все же – одна; что нельзя разойтись, не определив ее; что нельзя двоим пребывать в распре и в то же время в истине; и что быть отлученным от истины, это значит быть отлученным от Христа, Который есть только Истина, но и Жизнь.

О Боге и богах

Суббота

Ин. 10:27–38

Продолжая беседу о Добром Пастыре, Господь сказал: *«Овцы Мои слушают голоса Моего, и Я знаю их, и Они идут за Мною»*. Вообще возможность общения – великая тайна. Существа, возникшие на земле, никогда не могли бы слышать, понимать, сочувствовать друг другу, если бы не вышли из рук единого Творца. *«Отец Мой, Который дал их Мне, больше всех»*, – говорит Господь. Да, наш Творец дал нас друг другу. Мы можем говорить и слышать, потому что каждому Он дал и голосовые связки, и ушную перепонку, настроенные на одинаковые звуковые частоты. И души Он устроил по единому образу, и как бы натянул в них одинаковые струны. И когда душа слышит слово, струны ее звучат, и она слушает, соглашается, сочувствует. Благодаря этому возможно и единение между людьми.

Но это все – о людях, о существах одной природы. А разве не справедливо возмутились иудеи, когда услышали: *«Я и Отец – одно»*, где «Я» – видимый человек, а «Отец» – невидимый и Всемогущий Бог? Что общего у Творца с тварью, и как-они-то могут соединиться в одно? Так, *«иудеи схватили камень»* и сказали Человеку Иисусу: *«Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты будучи человек, делаешь Себя Богом»*.

И тогда Иисус не стал сразу защищать Свое Божественное достоинство, но неожиданно заговорил о достоинстве человеческом. Он напомнил иудеям восемьдесят первый псалом, где есть такие таинственные слова: *«Бог ста в сонме богов, посреде же боги рассудит... Аз рех: бозе есте (Я сказал: вы боги) и сынове Вышняго вси...»*. Иудеи, конечно же, никогда не отрицали, что слово Божие обращено было к их народу. Но ведь надо идти до конца: если струны человеческой души могут откликаться на Божественные звуки, – значит, в этих самых струнах – Божественный строй. То есть если Сам Бог –

Бог по естеству, то человек – бог по благодати. Вспомним, что сотворил Бог человека именно *«по образу Своему, по образу Божию сотворил его»* (Быт. 1:27). Вспомним, что человек, пока не согрешил, мог буквально видеть и слышать *«Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня»* (Быт. 3:8). Вспомним и то, сколь безграничны возможности человека: *«верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больших сих сотворит»* (Ин. 14:22).

«Не написано ли в законе вашем: «Я сказал: вы боги?» (Пс. 81:6) – и, если так велико человеческое достоинство, если Бог *«назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите «богохульствуешь», потому что Я сказал: «Я Сын Божий»?*

Но только ли потому иудеи подняли на Господа камни, что Он, по их мнению, богохульствовал? А может ли вообще это определение «вы боги», даже правильно понятое, вызвать в человеке «чувство законной гордости»? легко ли слышать «вы боги» и видеть действительную глубину своего падения? Легко ли слышать, что душа твоя сотворена, чтобы вместить Самого Творца, и чувствовать, как она безнадежно наполнена всяким хламом? Ведь так хочется духовно и нравственно самоограничиться, положить себе пределы совершенства, делать все «от сих до сих» и спокойно ждать за это положенной награды!.. Но вочеловечившийся Бог беспощадно возвеличивает нашу человеческую природу, говоря: *«Я и Отец – одно»*. Посреди нас, как посреди равных Себе, Бог в сонме богов, стоит Он и справедливо укоряет: *«Доколе судите неправду, и лица грешников приемлете? ... Не познаша, ниже уразумеша, во тьме ходят... Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете...»* Подумать только; Он упрекает в том, что мы умираем, как упрекают в каком-то обычном неблагоприятном поступке! Насколько же чужда смерть нам по естеству и насколько своей, неотъемлемой, сделали мы ее своими грехами!..

Найдем же в себе для начала силу и решимость со всей ответственностью принять это свое первозданное человеческое

достоинство, а значит – со всей ответственностью принять весь позор своего падения, позор нашей жалкой нынешней жизни и жалкого умирания. И при этом не станем бежать, прятаться от лица Божия, как наши прародители, но смиренно и мужественно скажем Ему те слова, которыми кончается восемьдесят первый псалом и непосредственно начинается праздник Пасхи, праздник победы над смертью: «Воскресни, Боже, суди земли: яко Ты наследилши во всех языцех».

Прокимен вечерни Великой Субботы.

Седмица 6-я по Пасхе

О зрении и слепоте

Неделя 6-я по Пасхе

Ин. 9:1–38

Деян. 16:16–34

Господь сказал: *«На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы»* (Ин. 9:39). И сегодняшние чтения: и евангельское, и апостольское, – показывают два примера такого суда.

Однажды, увидев на улице человека, который от рождения был слеп, ученики спросили: *«Равви! кто согрешил, он, или родители его, что он родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии»*.

Мы знаем, что Исав еще во чреве матери заслужил ненависть, а Иаков – благоволение (Рим. 9:13). Иоанн Креститель еще во чреве матери взыгранием приветствовал подошедшую Деву Марию. Так и этого человека Господь еще тогда предузнал и счел достойным, чтобы явить пример как чудесной целительной силы, так и не менее чудесного духовного прозрения.

Начать с того, что он все-таки хотел видеть, хотя и не мог знать, что значить видеть. И это уже чудо. Так и всякий верующий, еще не видя Царствия Небесного, стремится войти в него. Господь ничего особенного не говорил слепцу, ни о чем не спрашивал; Он смешал землю со слюной, помазал ему глаза и сказал: *«умойся в купальне Силоам»*. Слепой не спрашивает, что значит «прозреть» и для чего это надо. Он чувствует, как ему чем-то залепили глаза, потом идет к источнику, чувствует прикосновение воды, и вдруг – ему открылось то, о чем он не мог подозревать! И дальше он поступает как вполне и духовно зрячий, понимающий, что от чего происходит в мире. Когда его спросили: *«как открылись у тебя глаза?»* – то ничего не было бы удивительного, если бы он сказал: от брения и от воды. Но он сказал: *«Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои, и сказал мне: подойди в купальню Силоам,*

и умойся, я пошел, умылся и прозрел». Он указал на Исцелителя, хотя мог указать и на вещество. И он твердо стоял на своем, когда его повели к фарисеям, там его спрашивали с пристрастием. Слепой ничего великого не слышал от Господа, но, когда фарисеи спросили, что он сам думает о своем целителе, то ответил: *«это пророк».* Ему клеветают, говорят: *«Мы знаем, что человек тот грешник».* Но он не дает запутать себя: *«грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу».* И как его ни пытаются сбить, доказывая, что Иисус не от Бога, и вообще неизвестно откуда, истинно прозревший не поддается ни на хитрости, ни на угрозы твердо стоит на своем: *«Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего».* Когда же он был выгнан, Иисус нашел его и сказал: *«ты веруешь ли в Сына Божия? Отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! и поклонился Ему».* Истинное прозрение всегда завершается поклонением Богу.

А в книге Деяний мы видим совсем другой пример. В Филиппах была женщина, одержимая духом прорицательным. Эта женщина в течение многих дней ходила за Павлом и его спутниками и *«кричала, говоря: сии человеки рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения».* Казалось бы, вот истинное духовное зрение! Но *«Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час».* Почему Павел так поступил? Ведь была явная польза: известная во всем городе прорицательница многих бы привела к Апостолам. А теперь и сам Павел попал в темницу.

Но дело в том, что, хотя женщина и говорила правдивые слова, – она лгала. Потому что если здесь рабы Бога Всевышнего и путь к спасению, то почему же ты ходишь не с ними, а только за ними?.. И так часто бывает: человек много говорит о Боге, но никак не хочет поклониться Ему вместе со всею Церковью.

А для славы Христовой лучше быть изгнанным с бесчестьем, как прозревший слепец; лучше быть заключенным

в темницу и на время вынуждено замолчать, как Павел, – чем без конца говорить о Христе без должного Ему поклонения.

О даре священства

Понедельник

Ин. 11:47–57

Когда был воскрешен Лазарь, то *«одни, видя, что сотворил Иисус, уверовали в Него»*; другие пошли и донесли, как говорится, куда следует; а те, кому было донесено, *«с этого дня положили убить Его»*. Так, для одних – это великое чудо становится дверью на небо, разрушает пределы видимого мира, а другие ухитряются и такое событие втиснуть под колпак этой жизни, рассудить о нем как о самом обычном деле, которое может быть удобным, полезным или вредным. В данном случае оно им неудобно: *«этот человек много чудес творит: если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют местом нашим и народом»*. – Так члены совета единодушно вынесли приговор Иисусу, и первосвященник сказал заключительное слово: *«Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»*.

Но вслушаемся в слова первосвященника и обратим внимание, как Евангелист объясняет их: Сие же сказал он не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но, чтобы и рассеянных чад Божиих собрать во едино». И ведь правда: как-то не совсем логично построена жизнь первосвященника. Он вроде и согласен с остальными, но в то же время как бы ускоряет их: *«Вы ничего не знаете и не подумаете...»*. Конечно же, он вовсе не хочет защитить Иисуса; но дело в том, что он, хотя и грешник Божий, и его сану принадлежит дар пророчества; как грешный человек, он хочет сказать одно, а по Божией воле выходит другое. Он хочет вынести счетный приговор одному Человеку, а произносит пророчество о спасении всех людей именно этим Человеком. Он хочет, чтобы Иисус умер во избежание гибели всего народа, а в его слова невольно вложен тот смысл, что Иисус умрет именно за народ, то есть вместо

народа, станет искупительной жертвой за всех. И имеющие уши – вполне могут это услышать.

Но, конечно же, не оправдание недостойных священнослужителей напоминает нам Церковь этот случай. Каждый сполна ответит за свои нераскаянные грехи, но Господь всегда будет заботиться, чтобы при любой греховной растленности человечества, на земле оставалось место, где всякий ищущий мог бы найти Бога. Для того-то Он и установил институт священства, чтобы не по личной праведности, которая может колебаться, но по твердому избранию свыше охранялось это место. И ветхозаветное священство только тогда кончается, когда восстает новый Первосвященник и когда Он устанавливает на земле новое священство, чтобы всюду нести слово истины и Кровь Христову, омывающую грехи мира. И мы свято верим, что тот, кто в простоте сердца, с детской верой, с истинным покаянием придет в Церковь Божию, тот никогда не уйдет из нее обделенным: и грехи ему простятся Самим Богом – пусть и рукою недостойного священника; и истинных Тела и Крови Христовых он причастится; и в самой неумелой проповеди он услышит важное для себя слово, которое Бог Сам вложит в уста проповедника, специально для единственного, может быть, верного слушателя. Мы не можем не верить, что *«сердце сокрушенно и смиренно Бог»* никогда не уничтожит (Пс. 50:19).

О пути к истинной славе

Вторник

Ин. 12:19–36

Когда Господь перед своими вольными страданиями входил в Иерусалим, Он был торжественно встречен народом. Люди, наслышанные о Его чудесах, стояли с пальмовыми ветками в руках, как обычно встречают царей-победителей. Под ноги осла, на котором Он ехал, подстилали одежды и восклицали: *«Осанна! благословен грядый во имя Господня Царь Израилев!»* Фарисеи, пораженные этим зрелищем, с досадой говорили: *«видите ли, что не успеваем ничего? Весь мир идет за Ним»*. И вот, некоторые обратились к апостолу Филиппу с просьбой: *«Господин! Нам хочется видеть Иисуса»*. Их желание передали, но Господь ничего не ответил. Он знал, что просьба вызвана именно этой земной, человеческой славой, которая сегодня есть, а завтра превратится в ненависть. Его мысленный взор был обращен вперед, к той вечной славе, которая ожидала Его на земле и на небе. И Он видел, что начаться эта слава должна не с восторженных восклицаний, а с воплей: *«распни, распни Его!»* И Он сказал ученикам: *«Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю. Не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»*. И мы знаем, что слава полно пшеничного колоса начинается именно с того момента, когда зерно падает в мокрую, холодную землю. Земля давит на него со всех сторон, оно мокнет, разбухает, теряет свою форму, и кажется, что оно совсем разложилось, умерло. Но тут неистощимая сила Божия совершает чудо: из развалившейся, полусгнившей скорлупки вдруг появляется свежий зеленый росток, который и радует глаз, и дает богатый плод. Так Господь сначала притчей рассказал о Своих грядущих страданиях, смерти и воскресении, а потом и прямо, без притчи: *«Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе»*, – то есть когда в крестной жертве будет явлена миру великая Божественная любовь.

Вот и мы часто стремимся в Церковь, привлеченные лишь внешней, временной славой: торжественностью богослужения, красотой пения, желанием исцелиться от телесного недуга. Мы забываем, что ничто земное, в том числе и церковное благолепие, не защищено от разрушения, попрания и истления. И если мы только в земной жизни надеемся на Христа, то мы, как пишет Апостол Павел, *«несчастнее всех человеков»*; и вера наша, и труды наши тогда тщетны. Если мы христиане, то должны твердо верить в воскресение из мертвых и с надеждою ждать жизни будущего века. Господь искупил нас от власти греха и зовет к Себе: *«Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой»*. Но следовать за Христом к Его славе и к Его блаженству можно только его же путем, путем пшеничного зерна, путем самоотверженной любви. Потому что любовь, это всегда – жертва: жертва чем-то своим ради Бога и ради ближнего: своим именем, своими удобствами, своим временем. Так и Иоанн Креститель, когда его спрашивали: *«что нам делать?»* – только и отвечал: *«у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же»* (Лк. 3:10–11). Любовь, это всегда как бы умирание во Христе, потому что, жертвуя ради небесного земным, мы как бы сбрасываем с себя лишнюю тяжесть, лишнюю плоть, лишнюю скорлупу, становимся легче, духовнее, ближе к Богу, и нет сильнее той любви, как если кто до конца положит душу свою за друзей своих.

Господь говорит: *«любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»*. И действительно, смерть кажется чем-то страшным, потому что мы больше всего любим самих себя, и рука у нас привыкла грести к себе. А кто в подвигах любви почувствовал сладость приближения к Богу, тот не боится смерти, и вместе с Апостолом Павлом может сказать: *«хочу разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»* ...

Вот и проверим себя, истинные ли мы последователи Христа; *ибо «еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет»*. И пока в наших глазах еще есть

свет жизни, пока нам доступен свет Христова учения, пока в церковных таинствах подается нам свет благодати, – постараемся стать истинными сынами света, чтобы нам вовеки не увидеть тьмы.

О последнем дне

Среда. Отдание Пасхи

Ин. 12:36–47

Деян. 18:22–28

Сегодня – отдание праздника Пасхи. Сегодня – последний день, когда воскресший Господь является своим ученикам, чтобы сказать им последние слова о Царствии Небесном. Сегодня мы последний раз приветствуем друг друга восклицанием: «Христос воскрес!». Завтра Господь вознесется на небо.

А сегодняшнее Евангелие напоминает нам о другом последнем дне Господа Иисуса: о последнем, самом великом дне Его земной славы: вот Он торжественно входит в Иерусалим, а завтра же начнется закат Его земной жизни, начнется Его крестный путь, когда многие соблазняются о Нем.

И сегодня, в этот последний день перед Вознесением, Церковь напоминает нам, что Он сказал в тот последний день: *«Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света»* ... Последний день Его земной славы, когда даже младенцы восклицали: *«Благословен грядый во имя Господне!»*; последний день Его земной жизни, когда даже солнце померкло и земля сотряслась; последний день перед Его вознесением на небо – ведь это те самые дни, которые *«многие пророки и праведники желали видеть ... и не видели»*. Да и все дни пребывания Господа на земле, – все это были такие небывалые и неповторимые дни человеческой истории, когда поистине солнце сошло с неба и было совсем рядом, было во всей своей страшной силе, но не сжигало, а давало каждому ровно столько тепла и света, сколько он мог вместить ...

А наша земная жизнь – это зачастую жизнь упущенных возможностей. Упустить какие-то слова Господа, что-то недоделать, в чем-то недоразобраться в иные неповторимые

дни, – все это очень печально. И не случайно нам часто бывает грустно, что вот прошел пост, приходит Пятидесятница, вот уже и отдание Пасхи, скоро Троица, а мы все те же, с теми же грехами! «Столько чудес сотворил Он перед ними, а они не веровали в Него!».

Правда, не все же не веровали. Вот даже и *«из начальников многие уверовали»*, но ... *«ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги; ибо возлюбили более славу человеческую, нежели славу Божию»*. Вот она – наша вера! И хотя Господь рад всякому нашему шагу навстречу, но мы-то сами должны иметь мужество все называть своими именами, никогда не почитать себя совершенными и всегда быть открытыми для обличения и исправления.

Деяния Апостолов повествуют о некоем Аполлосе, который уж на что был *«муж красноречивый и сведущий в Писаниях»*, смело говорил в синагогах, горя духом; но, когда простые ремесленники Акила и Прискилла *«точнее объяснили ему путь Господень – тут же со смирением послушал их. И никогда не поздно исправиться. Если последний день поста, – хоть этот день провести построже; если последний день праздников, – хоть в этот день провести благоразумное воздержание. А главное, чтобы все эти последние дни напоминали нам, что всякий день может стать последним днем нашей земной жизни, когда «возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу. Который дал его» (Еккл. 12:7)*. Святые отцы Церкви и советуют каждый день проживать так, как будто бы это – последний день жизни. Тот, кто был обречен и чудом спасся. Знает, что это такое. Здесь неверующий – в ужасе и бездействии, а верующий, напротив, стремится скорее сделать то, чего ждет от него Господь. Обратиться, покаяться, примириться с врагом – все это можно в один миг; но беду, когда и этот миг потеряешь, – не выразить никакими словами.

О невозможности оставаться на Земле

Четверг. Вознесение

Мк. 16:9–20

Лк. 24, 36–53

Деян. 1:1–12

Воскресший Господь же не может более оставаться на земле; победивший смерть уже не может быть среди тления. Он совершил все, для чего был послан Отцом, и Ему уже больше незачем оставаться на чужбине. И хотя, по евангелисту Лук, Он еще *«в продолжение сорока дней являлся своим ученикам»*, тот же евангелист так передает ход событий: *«В первый же день недели»* мироносицы были у гроба и рассказали обо всем Апостолам; *«В тот же день двое из них шли в селение»*, где Господь к ним явился. Как только Он стал невидимым, они *«вставши в тот же час, возвратились в Иерусалим»*. В тот момент, когда они рассказывали о происшедшем, *«Сам Иисус стал посреди их»*. Он вывел их вон из города до Вифании, где тут же и *«стал отделяться от них и возноситься на небо»*. Все – тут же, в тот же день, в тот же час. Как будто ранним утром Он воскрес, а поздним вечером уже вознесся. И ничего тут нет противоречивого, потому что, когда совершатся дело Божие, то день как тысяча лет и тысяча лет как один день. Евангелист Лука остро чувствовал это, чувствовал, что, хотя проходят сорок дней, но Господь, подобно растянутой пружине, неудержимо стремится к Отцу, на небо ... И вот, наконец, *«Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их...»*.

Когда Апостолы взглядом провожали Его, *«вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, каким вы видели Его восходящим»*. Апостолы смотрели вверх, и Ангелы отвлекли их, потому что отнюдь не видимое небо есть престол Божий. Как о Духе Святом говорится, что *«голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»*(Ин. 3:8), так и здесь: не дано знать, где небо, куда вознесся

Христос, но дано быть неразрывно связанными со Христом и тоже подобно растянутой пружине стремиться за Ним.

«В Иерусалим Апостолы возвратились с великою радостью». Да и как не радоваться! До сих пор человек отходил в страхе и трепете, и мы провожали его вниз, в землю. И вдруг – такой прорыв! – Человек восходит вверх, на небо, восходит, как Победитель, возносится во славе, и даже тело Его не брошено, как скинутая одежда, но преображено, пронизано духом и тоже восходит с Ним! Как же не радоваться, когда наш Брат, самый лучший, самый любящий из всех братьев, – поднялся до Самого Бога, от Которого исходят потоки жизни, в руке Которого судьба каждого из нас. Как же не радоваться, если то, что раньше казалось таинственным, далеким и непознаваемым, – теперь вдруг обрело человеческое тепло; то, что казалось страшным, ничего непредвиденного, ничего неразумного и непонятного с нами не произойдет!

И отныне Апостолы будут с радостным терпением ожидать от Него бесценных даров оттуда: вскоре – Духа Святого, потом – непрерывной помощи и поддержки, и, наконец, – Его Второго Пришествия.

И отныне человек сможет чувствовать себя, хотя и грешным, и недостойным, но вместе с тем – как бы магнитом, который неудержимо притягивает к себе все небо, всю Божественную любовь; чувствовать себя, хотя, казалось бы, и песчинкой, но – такой песчинкой, ради которой *«как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет Пришествие Сына Человеческого»* (Мф. 24:27).

Будем же во всем *«подобным людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему»* (Лк. 12:36).

О пути, истине и жизни

Пятница

Ин. 14:1–11

В эти дни от Вознесения до Троицы в Церкви читаются те главы Евангелия от Иоанна, которые содержат последнюю беседу Иисуса Христа. Иуда уже вышел из горницы, отправился к первосвященникам с доносом, и Господь старается приготовить учеников к предстоящим испытаниям. *«Да не смущается сердце ваше, – говорит Он, – веруйте в Бога и в Меня веруйте».* Веруйте в Мое всемогущество, в Мою победу, веруйте, несмотря ни на что; веруйте, хотя и увидите Меня оплеванным, избитым и распятым; веруйте в Мое бессмертие, даже если увидите Меня мертвым... Он и раньше говорил о Своем крестном пути, но ученики так и не могли понять, к чему это. Господь и теперь не объясняет, потому что все равно не смогут понять, пока Святой Дух не сошел на них. времени осталось мало, и Господь хочет ободрить учеников; Он прямо указывает на блаженную цель: *«В доме Отца Моего обитателей много... и, когда приготовлю вам место, приду опять и возьму вас».*

Но как трудно понять новое: что за дом Отца, где он? На небе или на земле? И куда должен отойти Иисус?.. Но вот неожиданно Господь говорит: *«А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете».* Тогда Фома удивленно спросил: *«Господи, не знаем, куда идешь, и как можем знать путь?»* – и услышал в ответ: *«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».* *«Я есмь путь»*, – говорит Господь. Вы оставили все и последовали за Мною, – значит, вы тоже встали на путь Царствие Небесное. Вы разделили со Мною нищету и опасности, значит, вы шли по этому пути. Вы ходили за Мною из города в город, но на самом деле вы прямым путем поднимались на небо. И вы все это сами достоверно почувствуете, когда Дух Святой просветит вас... Но ученики все же недоумевают: куда ведет этот путь? Господь говорит, что к Отцу. Но – какой Он, Отец? Можно ли увидеть Его?.. Но Филипп

попросил: *«Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас»*, – Господь ответил: *«Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца. Я в Отце и Отец во Мне»*.

В Священном Писании нам открывается, что Господь Иисус Христос и – священник, приносит жертву. Он – и самая жертва, закланный Агнец Божий, взявший на Себя грех мира. Но Он же и Тот, Кому жертва приносится. Точно так же Господь есть и путь в райские обители. Он же и – немеркнущий Свет этих обителей, но Он же и приводит туда человека, рабски служа ему. Ведь Он для того и пришел, чтобы, как Своим господам, ценой Своей Крови приобрести нам покои в Царствии Небесном...

Видите, Христос – не только путь к возжеленной цели. Но Он Сам – это цель, потому что Он в Отце и Отец в Нем. Он – то же, что и Отец. Он единосущен Отцу, хотя Отец все же остается Отцем, а Сын – Сыном. Бог – не путь к какой-то цели, но Он Сам единственная Цель жизненного пути человека. И отсюда ясно, что христианство – это не какая-то прикладная дисциплина, чтобы заставить людей лучше выполнять свои земные обязанности; наоборот, все наши дела, все наши добродетели лишь тогда имеют смысл, когда они совершаются во имя Христова, чтобы достичь Христа; потому что Он – Истина, Он – Вечная Жизнь и Вечное Благо, и только Он способен утолить всякую нашу духовную жажду.

О «том дне»

Суббота

Ин. 14:10–21

Деян. 20:7–12

Продолжая Свою последнюю беседу, Господь сказал, обращаясь к Филиппу: *«разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?»* – и в этом вопросе – детское, простосердечное удивление: разве не удивительно, что человек не верит Богу? Творение – своему Творцу? Образ и подобие – своему Первообразу? И тем не менее, очень немногим Господь может просто сказать: *«Верьте Мне»*, гораздо больше тех, кому Он говорит: *«...а если не так, то верьте Мне по самым делам»*. Но высота для всех одна, содержание веры для всех одно, и в Своей последней беседе Господь особенно глубоко это раскрывает. Он говорит: *«Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне»*; верьте, что *«Я говорю не от себя; Отец, пребывающий во мне, Он творит дела»*. В этих немногих словах Господь продолжает открывать великую тайну, учит вере не просто в единого Бога, и даже не просто в Бога Отца и Бога Сына; но – в Бога Отца и Бога Сына, неразрывно и непостижимо, взаимопроникновенно соединенных любовью. Отец весь в Сыне, и Сын весь в Отце, то есть нет ничего, что бы разъединяло Их; есть только любовь, которая и не дает Им быть двумя богами. И имеется ввиду именно эта вера, это конкретное знание о Боге, когда далее говорится: *«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит»*. Потому что знание единства Отца и Сына открывает и нам возможность в это единство войти. Ведь сказав о Себе и Отце, Господь тут же говорит и о Себе, и о нас: *«В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас»*. О Себе Господь говорит: *«если чего просите»* (не у Меня, а) *«у Отца во Имя Мое»*, (то не Отец, а Я с полной готовностью) *«то сделаю»*, (и сделаю с единственной целью), *«да прославится Отец в Сыне»*. Так и, когда у Христа просят, а раб Христов видимо совершает, то это

– Христос, пребывающий в нем, *«Он творит дела»*, и, если говорит раб Христов, то говорит он *«не от себя»* и все делает с единственной целью: чтобы возрастала слава Христова ко спасению всех людей.

Но о каком же *«том дне»* говорит Господь: *«в тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас»*? – Конечно, имеется в виду тот *«День Господень, великий и славный»* (Деян. 2:20), когда окончательно пришедший на землю Господь *«осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения»* (1Кор. 4:5). Но ведь и всякий день, когда Церковь собирается для молитвенного и таинственного общения с Господом, называется Днем Господним и носит на себе отблеск грядущего великого дня. И сегодня Деяния Апостолов повествуют об одном из таких дней. Однажды христиане города Троады собрались на воскресное богослужение, *«для преломления хлеба»*. Апостол Павел тоже был здесь, *«беседовал с ними и продолжил слово до полуночи»*. Люди слушали, забыв о времени, не заметив, как прошла полночь. У всех было *«одно сердце и одна душа»* (Деян. 4:3). И вдруг *«юноша ...сидевший на окне, погрузился в глубокий сон, и ... упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым»*. Тогда Павел, *«сошед, пал на него, и обняв его, сказал: не тревожьтесь; ибо душа его в нем. Взошед же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого и не мало утешились»*.

Для внешних это – сверхъестественно и невероятно, а для тех, кто вместе с Павлом собрались прославить Воскресшего Господа, – воскресение юноши просто не могло не произойти. Ведь способность совершать чудеса, если она от Бога, – это не просто сила, чтобы распоряжаться ею по своей воле; чудо, содеянное в Боге, это – следствие живого соединения людей со Христом и друг с другом, как и Сам Христос соединен с Богом Отцом.

А если этого нет, если славить нам хочется не Христа, а самого чудотворца, то и об этом Господь предупредил: *«восстанут лжехристы лжепророки и дадут великие знамения*

и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24:24). Господь сказал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня». А если не видим не только соблюдения заповедей, но даже и знания их, и при этом человек дерзает возлагать руки на больных, – то что сказать о таком «чудотворце и целителе»?

Господь обещал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам», не прельстимся же в ожидании нашего Небесного Отца ни на какие могущество и силу, чтобы не быть нам отлученными от любви Христовой, в которой – и могущество, и сила, и жизнь, «Ибо Я живу, и вы будете жить», – говорит Господь.

Седмица 7-я по Пасхе

О единосущии Отца и Сына

Неделя 7-я по Пасхе

Ин. 17:1–3

Деян. 20:16–18, 28–36

Сегодня, в воскресенье перед праздником Троицы, – память святых отцов Первого Вселенского Собора. Перед праздником Троицы мы прославляем тех, кто обличил арианскую ересь и научил нас православно исповедовать Отца и Сына, и Святого Духа, Троицу Единосущную в Нераздельную.

Арианство родилось, как рождаются все лжеучения. Гордый ум говорит: «Я не могу этого понять, а значит, этого не может быть». И Арий стал учить, что истинный Бог – лишь Бог Отец, а Сын только подобен Ему. Это учение более понятно для ума, и оно увлекло многих.

Когда-то Апостол Павел сказал пастырям Церкви: *«Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею. Ибо Я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою...»*. Мы видим, что так потом и пошло, и во все времена приходилось оберегать Христовых овец от лютых волков. Потому что, кто привносит ложь в учении о Боге, тот поистине губит души: всякая ложь о Боге уродует всю религиозную жизнь и незаметно направляет человека совсем в другую сторону. И святые Отцы Церкви на Первом Вселенском Соборе не свое личное мнение противопоставили мнению ариан, но тщательно рассмотрели Божественное Писание. А там во многих местах и прямо, и косвенно говорится о единосущии Бога Отца и Бога Сына. Вот и сегодня мы читали слова молитвы Сына к Отцу. Казалось бы, если молитва, то значит молящийся ниже того, кому молится. Но вспомним какими словами молился Иисус, например, перед воскрешением Лазаря:

«Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин. 11:41–42). Еще прежде просьбы – уже благодарит, как будто бы все, о чем Он собирается просить, уже свершилось. Так и в сегодняшней молитве ход мысли – очень странный для нас. Сначала Он говорит: *«Отче! ...прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя».* То есть прославление Сына – условие прославления Отца. И тут же Он говорит: *«Я прославил Тебя на земле ... и ныне прославь Меня Ты, Отче».* А здесь – прославление Отца – условие прославления Сына.

Также и, когда Господь молится о людях, Он говорит: *«Они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое».* Как будто все верные принадлежали только Отцу; Отец Сам все открыл им, и они только должны сохранить это. Но тут же видим, что знание об Отце люди получили только от Сына: *«Я открыл имя Твое человекам ... слова, которые Ты дал Мне, Я передал им» (Ин. 17:6,8).* И именно Сын должен дать им *«жизнь вечную».* *«Они Твои»*, – говорит Господь о людях Божиих и в то же время молит за них Отца, как будто они только Ему, Сыну, принадлежат и еще чужды Отцу. И здесь нет противоречия; просто логика здесь не земная, а Божественная, небесная.

У Лиц Святой Троицы одна воля, одна жизнь. Хотя Бог Сын и принял человеческое естество, но Он остался совершенным Богом, между Ним и Отцом, как и прежде, нет ни малейшего расстояния; нет также ни малейшего промежутка времени между просьбой и выполнением ее. Господь просто, с полным жертвенным послушанием исповедует: *«И все Мое Твое»*, и тут же с полным сыновним дерзновением продолжает: *«и Твое Мое» ...* И поэтому Святая Церковь торжественно исповедует Бога Сына единосущным Богу Отцу.

Казалось бы, что такое одно слово? Однако в нем живой источник христианской надежды. Потому, что совершенный Бог, соединившись во Христе с человеческой природой, мог у врачевать ее от греха и смерти; мог воскресить ее, вознести на небеса, и, поправ смертью смерть, открыть путь в Царство Небесное, к вечной блаженной жизни.

Будем же молитвенно прославлять и благодарить тех, кто не дал помрачить истину и сохранил для нас путь к Богу во всей первоначальной чистоте.

О единении в свободе

Понедельник

Ин. 14:27–15:7

Деян. 21:8–14

Господь Иисус Христос разных сторон подводит к пониманию того единства с Богом, в которое призваны войти люди. Недавно Он привел притчу об овцах, которые знают голос своего пастыря и всюду следуют за ним. А сейчас перед нами образ виноградной лозы: *«Я есмь виноградная лоза, а Отец Мой – Виноградарь... Я есмь Лоза, а вы ветви...»*. Каждое сравнение подчеркивает свою сторону: овцы, хотя и наделены некоторой свободой, но не составляют с пастырем совершенного единства; а ветви, хотя и неразрывно связаны с лозой, но лишены своего лица. Но уже скоро Господь прямо, без всякой притчи, будет молиться: *«Отче! ... да будут едино, как Мы едино»* (Ин. 17:22) ... Приходит время, когда ученикам станет ясно, как это возможно: и неразрывно соединиться с Лозой, и во всей полноте сохранить свободу; поймут они и то, как через свободу очищаются словесные ветви Христовы. Книга Деяний сегодня очень наглядно показывает, как это бывает.

Апостол Павел идет в Иерусалим. Идет он *«по влечению Духа»* (Деян. 20:22), то есть Лоза питает и направляет его. Но из той же Лозы исходит и сила сопротивления его замыслу. Дух Святой в то же время *«по всем городам свидетельствует, говоря, что узы ждут»* его (Деян. 20:23). В Тире ученики *«по внушению Духа говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим»* (Деян. 21:4). В Кесарии некий пророк Агав *«взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников. Когда же мы услышали это, то ... просили, чтобы он не ходил в Иерусалим»*. Так настойчиво, многократно Дух Святой предостерегает Павла, а он все-таки идет. Не противится ли он Божией воле?

Но предупреждать о страданиях, это не значит – запрещать. Узнав о том, что ему неизбежно предстоит, человек,

задумавший доброе дело, начинает более тщательно взвешивать все «за» и «против». И иной, рассудив, скажет: а зачем, собственно, мне это надо? – и отложит задуманное. Значит, когда он собирался, им двигало вовсе не желание добра, но преобладали гордость, тщеславие или корысть, которые теперь перевесила трусость. Значит, и плода от этой ветви не могло быть. *«Отец Мой – Виноградарь»*, – говорит Господь; *всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, а всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода»*. А Павел на все отговоры, на все предостережения неизменно отвечает: *«Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за Господа Иисуса»*. Вот очищенная от всяких посторонних, страстных побуждений, плодоносящая ветвь истинной Лозы.

Ну, а другие братья, неужели они противятся Духу, который ведет Павла на подвиг? Нет, Дух Святой наставляет и их. Духу угодно, чтобы они дорожили своим Апостолом как даром Божиим и старались бы сохранить его для своего спасения. Но когда они *«не могли уговорить его»*, когда увидели, что он ясно понимает, что его ждет, но все же твердо стоит на своем, то, наверное, вспомнили слова Господни: *«Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу»*, – и они *«успокоились, сказавши ему: да будет воля Господня!»* Так и их любовь к Павлу Виноградарь очистил, чтобы и они более приносили плода.

«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3:17). И рабы Господни, при всей совершенной преданности Ему, не теряют своего лица, своей неповторимости, своей свободы. Господь не превращает их в слепые орудия Своей воли; Он всегда честно и ясно ставит перед ними выбор. И они всякий раз снова и снова, трезво и сознательно, выбирают Христа.

О единосущии Отца и Сына, и Святого Духа

Вторник

Ин. 16:2–13

Как не утешал Господь учеников во время последней вечерни, все равно сердца их были переполнены печалью о предстоящей разлуке. И вот что Он сказал в утешение: *«Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел: ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам»*. Господь обещает Утешителя. Но что может утешить, если мы потеряли любимого человека? – Ничто, кроме одного: если этот человек сам будет нам возвращен. И что могло бы утешить Апостолов, потерявших дорогого Учителя? – Конечно же ничто, кроме возвращения им Его Самого. А ведь Господь обещал истинное утешение. И значит, Утешитель Святой Дух должен был не более и не менее, как возвратить Апостолам Самого Христа. И мы знаем, что в день Пятидесятницы это и произошло.

Господь говорил ученикам, что даже *«лучше для вас, чтобы Я пошел»*. И поистине так, потому что Святой Дух открыл Апостолам Иисуса Христа не только как Совершенного Бога, – чего они до сих пор не могли вместить.

А если так, если Бог Святой Дух может вместить в Себя Сына Божия, значит, Сам Он во всем подобен, единосущен Ему, как и Бог Сын единосущен Богу Отцу. Но все же Бог Святой Дух остается Самим Собою, остается третьим Лицом Святой Троицы, и Он не только вернул Апостолам Христа, но и Сам пришел к ним навсегда, чтобы совершить дело их очищения и освящения. Господь говорил, что Дух, *«пришел, обличит мир о грехе, о правде и о суде»*. До этого Апостолы были еще плотскими, привязанными к миру, сердца их были окамененны, и Христос, пока был на земле, Сам обличал перед учениками мир, лежащий во грехе, учил и утешал их. А когда Господь отошел к Отцу и послал Апостолам Святого Духа, они уже сами Духом Святым обличали мир о грехе, о неверии в Господа Иисуса Христа; возвещали о правде, что Он есть истинный Сын

Божий, сшедший с небес, искупивший нас от вечной гибели и вновь восшедший к Отцу; и – о суде, что князь мира сего, диавол побежден и осужден и желающим наследовать спасение уже ничто не может помешать.

И еще говорил Господь перед Своими страданиями: «многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить; когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину».

И вот, с того момента, как Святой Дух сошел на Апостолов, Он непрерывно наставляет Церковь: сначала – непосредственно через Своих избранных мужей, через Апостолов, пророков и святых учителей Церкви. А потом – через оставленные ими Писания. Причем, в Писаниях – не меньшая сила, чем в живом слове. Ведь сказано же, что кто не слушает Моисея и пророков (уже заключенных в Писания), того ничто уже не вразумит: даже если кто из мертвых восстанет и явится ему (Лк. 16:31).

О тщетности компромиссов

Вторник

Деян. 21:26–32

Сейчас мы читали о последнем приходе Апостола Павла в Иерусалим, когда он был взят под стражу и, в конце концов, отправлен в Рим, чтобы предстать перед судом кесаря. Из-за чего же обрушилось на него такое гонение?

В Иерусалиме в то время все христиане были из обрезанных, то есть из иудеев. Все они хотя и приняли христианство, но не оставляли и Моисеева закона. Они не могли отстать от обрядов, которыми иудейский народ жил около полутора тысячи лет, и были убеждены, что выполнение их так же нужно для спасения. Как и вера во Христа. И поэтому своей внешней жизнью они мало отличались от тех иудеев, которые Христа не приняли, так и не принявших, сохраняли уверенность, что их народ так и будет особым, богоизбранным народом, а другие так и останутся чем-то вроде Божиих пасынков.

И поэтому, когда Апостол Павел приходил в синагоги, иудеи спокойно слушали лишь до тех пор, пока он не начинал говорить, что и язычникам должно быть проповедано слово Божие.

Когда же Апостол проповедовал язычникам, то не принуждал их выполнять всего Моисеева закона, не отягощал тем, что уже потеряло смысл. И это тоже не нравилось иудеям.

И вот Апостол пришел в Иерусалим. Первым делом он явился к старейшинам христианской общины. В Иерусалиме было, как нигде, много его недоброжелателей, и поэтому старейшины сказали: *«видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих, и не поступали по обычаям. Итак, что же? Верно, соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе...»*. И они посоветовали Павлу вместе с несколькими другими людьми

совершить один иудейский обряд. Апостол согласился. Но едва иудеи увидели его в храме, они *«возмутили весь народ, и наложили на него руки, крича: мужи израильские! помогите: это человек всех повсюду учит против народа и места сего... Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма...»*.

Мы видим, что Апостол решил принять участие в том, что само по себе не имело спасительного значения и было шагом назад. И видим, что ожидаемой пользы это не принесло. Но видим и то, что Апостол пошел на это, во-первых, искренне желая церковного мира, а во-вторых, по послушанию; и уж конечно, не ради того, чтобы просто избежать страданий.

Для нас же пусть этот случай послужит предостережением. Потому что мы, если отступаем от истины, то делаем это совсем не по любви и послушанию, а по своеволию и трусости. И какие бы мы тут мотивы ни придумывали, чтобы усыпить совесть, все равно, выше, чем у Апостола Павла, они не будут. А отсюда для нас должно быть совершенно очевидным, что никакое отступничество, никакое искажение истины в угоду человекам или своим страстям, или так называемым «высшим соображениям» никогда и никого ни к чему доброму не приведет.

О истине и ее осколках

Среда

Ин. 16:15–23

Деян. 23:1–11

Когда Апостол Павел после своего последнего путешествия пришел в Иерусалим, он был оклеветан и чуть не растерзан толпой. Римский военачальник силой отбил его и на следующий день поставил перед синедрионом, *«желая достоверно узнать, в чем обвиняют его иудеи»* (Деян. 22:30). Сначала все единодушно были против Павла, но Павел вовремя произнес всего лишь одну фразу, и тут же *«произошла распря», «собрание разделилось», «сделался большой крик»,* всем стало не до Павла, и так он избежал суда. А перед этим описывается, как он избежал побоев, вовремя открыв свое римское гражданство. Но для чего же тогда Павел говорил на пути в Иерусалим: *«Я хочу не только быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса?..* Однако далее все объясняется: *«В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме».* А чтобы отправиться в Рим на суд императора, нужно и римским гражданином быть, и показать неправду иудейского суда. И хотя Павлу все стало ясно только теперь, но все-таки шел он в Иерусалим *«по влечению духа»* (Деян. 20:22). Дух вел его и побуждал на те или иные действия, истинная цель которых теперь, наконец, открылась.

В синедрионе же Павел сразу понял, что судьи собрались не для того, чтобы его слушать, что тут никого не интересует, как Христос явился ему и призвал его. Едва он начал говорить, как первосвященник *«приказал бить его по устам».* Тогда Павел, узнав, *«что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил: мужи братия! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят».* То есть Павел произнес одну из частных истин христианства. И он, конечно, знал, что саддукеи *«говорят, что нет воскресения, ни Ангела,*

ни духа, а фарисеи признают и то и другое». И мгновенно произошло разделение. Потому что истина, даже частная и ограниченная, имеет свойство сразу входить в душу человека и бороться за нее. И фарисеи сразу как бы опомнились: с кем мы? С теми, кто проповедуют вечную смерть? И против кого? Против человека, который, как и мы, верит и в Ангелов, и в воскресение мертвых?

И в тоже время истина, если она не полная, бессильна изменить человека. Всякое знание должно быть на твердой основе. Фарисеи отвергали воскресение Иисуса Христа, а между тем, только в этом событии – залог всеобщего воскресения частная истина, в которую они веровали, только произвела распря, шум и крик, а потом они снова сомкнули ряды против Павла.

Христианство же начинается не с частных истин, не с той пользы, которое оно может принести обществу, не с культуры и истории, на которое оно может воздействовать, не с нравственности, которую оно может поднять, и даже не с вопросов – возможно или невозможно вообще воскресение из мертвых. Начинается оно только с Самого Христа: с Его Божества, с Его Человечества, с Его реальной жизни на земле, реальной смерти, реального Воскресения и Вознесения на небо, с Христа, Которого любили и за Которого умирали христиане, помня Его слова: *«Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но, когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек».*

Весь мир пронизан частными истинами веры, как бы множеством осколков драгоценной вазы. От этого он сотрясается, враждует, проливает кровь. А познавший Христа, не станет ни с кем препираться; он просто выйдет из среды спорящих и враждующих и пойдет за Ним. И будут в сердце живые слова Христовы: *«вы теперь имеете печаль; но Я вижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем».*

О совершенной радости

Четверг

Ин. 16:23–33

Заканчиваю Свою последнюю беседу, Господь сказал: *«Истинно, истинно говорю вам: доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна»*.

Когда-то Бог явился царю Соломону и сказал: *«проси, что дать тебе»*. И Соломон просил у Него *«сердце разумное, чтобы судить народ... и различать, что добро, и что зло»* (3Цар. 3, 5, 7). Так, Соломон сначала просил, а потом получил премудрость. Но теперь выходит наоборот: Господь уже все открыл Своим ученикам, всему научил их, и вот, как венец премудрости, дал эту последнюю заповедь: *«просите и получите»*; как будто в этом – единственный смысл, единственная цель учения Христова, единственный предмет совершенной радости!

Ну, разве не так? Разве не говорил Господь: *«если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 18:3)? Господь пришел, чтобы нам, которые возомнили себя взрослыми, ни в чем не нуждающимися, будто бы могущими обходиться без Отца, дать последнюю возможность, последний шанс снова стать Божьими детьми, снова в простоте сердца предстоять пред Ним, как тогда, в Раю, радостно просить и получать бесконечно больше того, что просим.

Быть сыном великого Отца – это не обязанность, а блаженное право. Господь приглашает нас воспользоваться этим правом. Он приводит нас к Отцу и, ободряюще подталкивая, говорит: *«будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас; ибо Отец Сам любит вас...»*.

Кто-то из святых сказал, что не тот верит в Бога, кто просто говорит, что Он есть, а тот, кто просит и верит, что получит просимое. Между просто рассуждающим о Боге и молящимся

Ему огромная разница. Как для правителя Феста: иудеи спорят *«о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждает, что Он жив»*. Ибо для просто рассуждающих о Боге Он – мертвый, а для молящихся Ему Он – Живой. Ведь что происходит, когда человек в молитве призывает имя Божие? – в этот миг исчезает время и пространство, рушатся стены и преграды, становятся бессильными бесы и их пособники, и мы – пред нашим Отцом Небесным!.. но есть одно необходимое условие: *«Отец Сам любит вас»*, – сказал Господь, – но только *«потому, что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога»*. Да, наше право на молитву только в том, если мы Христовы, и наша молитва будет настоящей молитвой, если мы веруем в Него, знаем о Нем и учимся у Него. И не случайно у христиан принято перед молитвой осенять себя крестным знамением. Это – как краткое и исчерпывающее свидетельство о праве на молитву, о соблюдении условий, поставленных Христом. Осеняя себя крестным знамением, мы как бы говорим: *«Вот, Отче, на этом кресте Твоим Сыном за Меня заплачено, за все мои грехи, прошлые и будущие, заплачено, за все мои грехи, прошлые и будущие, заплачено с лихвой. Я знаю это, всегда помню, бесконечно ценю, – прости же меня!»*

«Просите и получите», – говорит Господь. Поэтому, вставая утром на молитву, скажем себе: *«вот, я приступаю к самому главному делу, без которого никакие другие дела не пойдут, как должно»*. И среди наших дневных занятий будем помнить, что вечером предстоит во всем отчитаться перед Богом. А отходя после молитвы ко сну, радостно помыслим о том моменте, когда Господь снова воздвигнет нас от одра *«во еже утреновати и славословити»* Его державу. Слава Богу, давшему нам такое право! *«Просите и получите, – говорит Господь, – чтобы радость ваша была совершенна»*.

О буре и надежде

Пятница

Ин. 17:18–26

Деян. 27:11–44

Вынужденное путешествие Апостола Павла в Рим было очень трудным. Говорится, что *«многие дни не было видно ни солнца, ни звезд, и продолжалась немалая буря»*. Дошло до того, что *«наконец исчезла всякая надежда к ... спасению»*. Был момент, когда корабль сел на мель: нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн». Был момент, когда корабельщики при удобном случае *«хотели бежать с корабля»*. Был момент, когда воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал...

И среди этого ужаса только один человек и сам сохраняет спокойствие, и другим помогает, хотя среди тех – и опытные моряки, и выдавшие виды воины. А сам он – кто? – узник, всего лишенный и отправленный на суд, который еще не известно, чем кончится... Но дело в том, что Павел – один из тех, кого Господь Иисус Христос посвятил Себя, *«чтобы и они были освящены истиною»*, за кого Он молился перед тем, как принести в Себя в жертву на всемирном жертвеннике Креста: *«Отче!.. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир...»*. Ведь и Павла, как и двенадцать Своих Апостолов, Господь послал Сам. Он явился ему и сказал: *«Держай, Павел: ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так и надлежит тебе свидетельствовать и в Риме»* (Деян. 23:11). Он послал Павла, как Отец послал и Его Самого: побеждать силой Креста, и поэтому, чем более Павел унижен за Христа, тем более возвышен; чем крепче за Него связан, тем более свободен; чем больше вокруг опасностей, тем ярче видна на нем царская печать, делающая его неприкосновенным: *«Да будут все едино: как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...»*. Кажется, что Он в зависимости от каждого человека, будь то воин или корабельщик, но на самом-то деле *«Бог даровал»* именно ему *«всех плывущих с ним»*, и все они

обязаны вольно или невольно способствовать его делу, *«да уверует мир, что Ты послал Меня»*.

И не случайно именно сегодня, вместе с рассказом об этом путешествии, звучит молитва Господа Иисуса Христа к Отцу. В этих двух чтениях соединено самое тяжелое и самое радостное. С одной стороны – непрерывно многие дни бушует буря, разверзается бездна гибели. А с другой – является бездна Божественной Троической любви. Слова молитвы Бога Сына к Богу Отцу, как ступенька спасительной лестницы, спускаются к страждущему, чтобы он мог войти в круг этой любви и утешиться: *«Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, и в них будет, и Я в них»*.

Эта лесенка протянута и ко всем нам, потому что Господь молит Отца не только об Апостолах: *«не о них же только молю, но и о верующих в Меня по славу их»*. И Церковь сегодня учит, чтобы мы в наших бедах вспоминали именно эту последнюю молитву Бога Сына к Богу Отцу, чтобы мы не с чужих слов, а своими ушами слушали, как постоянно живет, как пульсирует и дышит эта любовь Христова к Отцу и к верным Своим чадам.

О прощении Петра

Суббота

Ин. 21:15–25

Деян. 28:1–31

Сегодня мы читали последние строки Евангелия от Иоанна, где описывается третье явление воскресшего Господа Иисуса Христа Апостолам.

Семеро, и среди них Петр, пошли ловить рыбу, и ничего в ту ночь не поймали. Наутро Господь предстал им на берегу и велел снова закинуть сети. На этот раз они вытащили много рыбы; а когда вышли на берег, Господь уже разложил огонь и приготовил пищу.

Когда они обедали, Господь трижды спросил Петра, любит ли он Его?..

Читая это место, мы не можем не вспомнить другой эпизод из жизни Петра. Там тоже был костер, только развели его враги Господни; тоже неподалеку был Господь, только не воскресший, а судимый и мучимый; тоже рядом был Иоанн Богослов, который и привел Петра во двор первосвященника; и были по существу те же три вопроса, только заданные врагами Иисуса: но там Петр трижды отрекся, сказав, что даже и не знает «человека сего», а здесь – трижды сказал, что любит. И конечно же, три вопроса, которые задал ему Господь на этот раз, – в самой прямой связи с теми тремя вопросами. Конечно же, те три ответа лежали на Петре тяжким грузом, и Господь снова задал ему эти три вопроса, чтобы развязать, наконец, его больную совесть. И судя по всему, Христос пришел на этот раз специально ради Петра, как в предыдущий раз пришел ради Фомы. Пришел Он не при всех учениках, а при немногих, и, хотя говорил, кажется, при них, но они, скорее всего, не знали, в чем тут дело, как и окружавшие Петра в саду не знали истины. Знал только Иоанн Богослов, и Господь спрашивает Петра именно при нем, так, как и тогда он один из учеников был свидетелем отречения Петра. Господь спрашивает трижды. Обычно, когда верят, спрашивают только один раз. А тут Господь мало того,

что спрашивает трижды, но и вопросы ставит как-то странно. Сначала спрашивает о силе любви: *«Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?»*. А во второй и третий раз спрашивает Петра: а вообще, *«любишь ли ты Меня?»*. И как тогда, в саду первосвященника, ему не верили, и с каждым повторным вопросом ему становилось все страшнее, и после третьего он, наверное, подумал, что вот, сейчас перестанут спрашивать и начнут бить и распинать, – так и тут, с каждым вопросом для Петра все более и более сужается путь, все теснее становится ему, так что после третьего он весьма опечалился. Он, наверное, подумал: что же это такое? Третий раз спрашивает, хотя и Сам знает, что я люблю Его. Неужели Он ни мне, ни даже Себе не верит?

А ведь дальше – еще теснее: *«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам, и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки свои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога»*, то есть через распятие, потому что когда тебя кто-то препоясывает, то ты простираешь руки в стороны, чтобы не мешать ему. Получается, что и там страх распятия, тут обещание того же. Господь тут именно восставил Петра, снова вывел его на тесный путь, с которого он тогда сошел, вывел и сказал: *«Паси овец Моих»*, и *«иди за Мною»*.

Церковь прославляет Петра как первоверховного Апостола. Но здесь речь не о вручении ему первоверховенства. И чтобы у нас не было сомнения, мы в следующих же строках Евангелия читаем: *«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус»*, то есть Иоанна Богослова. *«Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: ... что тебе до того?»* Что тебе до других? Сейчас речь только о тебе, *«ты иди за Мной»*. Иди, как он и шел, и продолжает идти.

Это Евангелие читается сегодня, в субботу, накануне дня Пятидесятницы, когда на учеников Христовых излился Святой Дух. Это, чтобы мы вспомнили, как каждый из нас перед своей собственной пятидесятницей, перед тем, как был крещен и

получил благодать Святого Духа, тоже трижды отвечал на вопросы священника: «отрицаешь ли ты сатаны и всех дел его, и всех ангелов его, и всего служения его и всея гордыни его?», – то есть отрицаешься ли от своего безбожного, богоотступнического прошлого? А потом трижды спрашивал: «Сочетаешься ли Христу?» – то есть как невеста – жениху, чтобы всегда, везде и во всем быть вместе.

Этот тройной, мучительный вопрос, как будто нам не верят, как будто нас не слышат, чтобы до дна исчерпать нашу решимость, чтобы мы чувствовали страх быть неслышанными и непринятыми.

Потом, после крещения на нас надели крест, в знак того, чтобы и мы были готовы, когда придет время, простереть руки, «и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь». И только потом, через помазание святым миром со словами: «Печать дара Духа Святого. Аминь», – мы приняли в себя семена Святого Духа.

И теперь нам надо идти за Христом, идти, не оглядываясь, независимо от того, как идут другие и идут ли вообще.

Вспомним же об этих наших отречениях и обетах, еще раз переживем их в сердцах, чтобы благодать Святого Духа завтра сильнее и живее коснулась нас.

Пятидесятница

О единстве церкви

Пятидесятница

Деян. 2:1–11

Ин. 7:37–52:8:12

Сегодня мы вспоминаем тот день, когда Святой Дух сошел на первых учеников Христовых. *«При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единомысленно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. и исполнилось все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать»* (Деян. 2:1–4). Апостолы получили не только дар языков, но и другие обещанные дары: *«Именем Моим будут изгонять бесов ... будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы»* (Мк. 16:17–18). Безусловно, подобные дары и раньше давались людям. Вчера, например, мы слышали в паремии, как Бог послал Духа Своего на 70 избранных Моисеем мужей. Вспомним еще хотя бы пророка Елисея, который, когда на нем почил Дух Божий, – смог и разделить иорданские воды, и от проказы очистить человека, и даже мертвого воскресить. И сами Апостолы Христовы еще до Пятидесятницы – и больных исцеляли, и бесов изгоняли, и огонь могли сводить с неба, и другие чудеса совершать. Но все же в Пятидесятницу совершилось великое и небывалое. В этот день Дух Святой сошел не для того, чтобы просто совершить какое-либо частное дело Промысла Божия. Вчера на всеобщем собрании мы слышали слова, которых Он никогда не говорил никому: *«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20:21–23). А в сегодняшнем Евангелии Он обращается ко всем тем, к кому Он послал своих Апостолов: *«Кто жаждет, иди ко Мне, и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в*

Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал о Духе, Которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7:37–39).

Когда Святой Дух излился на старейшин израильских, то целью было просто дать народу мудрых судей; когда Дух сошел на пророка Иону, целью было отвратить от греха жителей города Ниневии. А в Пятидесятницу Дух Святой излился затем, чтобы положить на земле начало Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Поэтому он излился только на учеников Христовых, на тех, кто единократно пребывал вместе, в одной горнице, под одной крышей, в едином молитвенном устремлении к Богу. Так Святой Дух сошел только в один единственный день, в одном единственном месте и тем самым открыл на земле один единственный источник живой воды, призванный напоить всю жаждущую вселенную.

И если до Пятидесятницы могло быть такое – помните? – однажды Апостол Иоанн спросил: *«Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами» (Мк. 9:38)*. Господь тогда ответил: *«Не запрещайте ему»*. Теперь же Святой Дух подается только через тех, кто получил его в Пятидесятницу, подается или по их молитвам (Деян. 8:15); или при их проповеди, как у Корнилия сотника, или сразу после крещения.

Почему же только один такой животворящий источник открылся на земле? Да по тому что Бог – Един, и путь к Нему может быть только единым; чтобы жаждущие знали, куда им идти, чтобы уже имеющие могли в простоте сердца дать, а не имеющие – не сомневаясь, получить, чтобы могли во Святом Духе соединиться через Бога Сына с Богом Отцом, соединиться в единое тело Христово, оживотворяемое единым Духом.

Вот какому великому источнику мы с вами причастны. И как в зерне, маленьком и невзрачном, содержится растение, так и когда после крещения преемник Апостолов, епископ или священник, помазал нас Святым миром со словами «Печать Дара Духа Святого», – мы получили ту же благодать, что и Апостолы. Оно в нас, это семя, полное животворящей силы; оно

может всегда прорасти и принести плоды Духа, такие же, как и в Апостолах, – если только мы потрудимся сделать землю своей души не такой холодной и сухой, как она есть. Подумайте, какое сокровище мы носим в себе, и какая страшная ответственность лежит на нас, если Посеявший придет и увидит его в небрежении, среди всякой нечистоты! Подумайте, какая страшная будет беда, если Дух Святой со Своими небесными дарами так и останется Сам по Себе, а мы тоже сами по себе со своими страстями, со своею суетой; если земная жизнь пролетит, а небесная так и начнется? Царю Небесный, очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша!

О чуде Пятидесятницы

Пятидесятница

Деян. 2:1–11

Ин. 7:37–52:8:12

Сегодня – праздник Пятидесятницы, день, когда по обетованию Господню на Его учеников сошел Святой Дух, и началась Церковь Христова на земле. В этот день ученики *«находились единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнился весь дом, где они находились. И явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. и исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им просвещать»*. Собранный необыкновенным шумом народ стал свидетелем и участником великого чуда, он *«пришел в смятение»*: *«все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились...?»* – и далее перечисляется полтора десятка различных наречий. Но чудо – не в том, что Апостолы вдруг заговорили каждый на каком-то новом языке: в этом случае никто не расслышал бы ни единого слова. чудо Пятидесятницы в том, что вдруг совсем исчезли языковые барьеры. Кондак праздника напоминает, когда эти барьеры появились: когда *«разделяше языки Вышний»*, чтобы прекратить безумное строительство Вавилонской башни. Теперь же, Господь *«огненные языки раздаяше, в соединение вся призва»*. И все как бы все забыли, и одно только было и в них, и вокруг них, и во всем мире: небесный голос говорил *«о великих делах Божиих»*. Этот голос от Апостолов и исходил, и не исходил, поэтому кто-то слышал их говорящих его наречием; а иные видели их как бы отчужденно от этого голоса, как бы не в себе, и, *«насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина»*. Чудо Пятидесятницы на миг показала людям, на что они способны в общении с Богом и друг с другом, для чего они созданы, к чему должны стремиться, и что такое Церковь.

Но все же только Апостолам схождение Святого Духа навсегда принесло полноту, осуществления ожидаемого, потому что только они были научены за три года общения с Господом нашим Иисусом Христом. Дух Святой не может соединить тех, кто сам еще не стремится к единению, кто еще словесно не научен ни истинам веры, не должному отношению друг к другу.

И сегодня Святое Евангелие дает нам первый урок. Однажды в синагогине, где снова возводились обвинения против Иисуса, встал праведный Никодим и сказал: *«судит ли закон наш человека, если прежде не выслушивают его и не узнают, что он делает?»*. Иными словами, выслушав обвинение, спроси обвиняемого: так ли это? А если не можешь спросить или если он скажет «нет», и если вину нельзя доказать, то никто не смеет называть его виновным... Какое простое требование здравого смысла! Мы справедливо возмущаемся тем судом, который только на основании доноса уже готов обвинить; но не зря говорит господь: *«Каким судом судите, таким будете судимы»* (Мф. 7:2). Пока мы сами не разучимся верить сразу и передавать другим услышанное дурное о человеке, – до тех пор и нас будут судить таким же пристрастным, бесчеловечным судом. И если на этом гнилом месте застанет нас Господь и разрушит оболочки наших душ, то мы окажемся в страшном смятении, потому что тогда со всей ясностью обнажится наша чуждость и друг другу, и Самому Богу.

Пусть же всегда, когда кто-то будет нам говорить или писать, или показывать недоброе о наших знакомых или незнакомых, о великих или о малых мира сего, шептать на ухо или трубить на весь мир, – пусть всякий раз в нашем сердце и нашими устами прозвучат эти слова праведного Никодима: *«Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушает его?»*. Если же мы не способны даже на это, то никогда не будет для нас и высшего единения в любви во Святом Духе.

Седмица 1-я по Пятидесятнице

О «малых», о согрешающих и о просящих

Понедельник Св. Духа

Еф. 5:9–19

Мф. 18:10–20

Вот прошел первый день существования Церкви Христовой на земле. Вчера Святой Дух сошел на Апостолов и сообщил полноту Божественных даров; кончились праздничные дни Пятидесятницы, которые начались в день светлого Христова Воскресения. Через неделю начнется Петров пост. Все свершилось, все дано, все открыто, и теперь наступает время подвига, время терпеливого вынашивания семени и принесения духовного плода, который *«состоит во всякой благодати, праведности и истине»*.

И вот сегодня, в нарочитый день Святого Духа, Слово Божие дает первые наставления, как жить в Церкви, в этом сообществе верных, призванных, искупленных и освященных Богом. Во-первых: *«Смотрите, – говорит Господь, – не призирайте ни одного из малых сих»*. Кто же эти «малые»? Как о них говорит Сам Господь? А он говорит – ни много, ни мало – что *«Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего небесного»*; Он говорит, что для того Он и пришел на землю, чтобы *«взыскать и спасти погибшее»*; Он говорит, что, если потеряется одна из Его овец, то Он оставляет всех ради нее и, найдя, *«радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся»*. Ясно, что для Господа «малых» нет, и Он хочет, чтобы и мы это помнили.

Но что делать, если кто-то из братьев причинит нам зло? Господь отвечает: *«Если согрешит против тебя брат твой; пойди и обличи его между тобою и им одним. Если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего»*. Видите? – первым делом наедине, щадя его самолюбие, желая вразумить, веря, что он поступил не по злу, а по неведению, – честно и прямо скажи ему. Мудрые люди так советуют начинать подобные разговоры: *«Прости меня, брат, меня смущает то-то и то-то...»*. Если же он не признает вины, то *«возьми с собою еще одного,*

или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось каждое слово» – может быть, слово этих людей, как беспристрастных, будет более веским для него. *«Если же не послушает их, скажи церкви»*, то есть практически, очевидно, или всему собранию общины, или тому, кто уполномочен говорить от лица ее, кому дана благодатная учительная власть квалифицировать совершенный поступок, опираясь на слово Божие, на законы Вселенской Церкви. Если же он и тут, *«если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* ... Мы обычно поступаем наоборот: с самим согрешившим промолчим, чтобы «не связываться», а – сразу найдем «одного или двух», но лишь для того, чтобы в разговоре с ними дать волю осуждению и негодованию. А потом пойдем и потихоньку донесем начальству... Господь же учит и не бояться обличить в глаза, и найти силы порвать с упорным, чтобы не быть участником в чужих грехах.

Говорит Господь и о великой пользе того, что мы вместе, в Единой Церкви. Он говорит: *«если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле; то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего небесного. Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их»*. Некоторые по лукавству или по недомыслию пытаются эти слова, обращенные к Церкви, использовать против нее. Они считают, что достаточно двум или трем собраться во имя Христова – и ничего больше не надо. Но что значит «во имя Христова»? Это значит – не только помня звучание Его имени, или – выборочно – то, что нам подходит в Его учении; нет, собраться во имя Христова, это значит – собраться, принимая все, что Он творил и чему учил. А Он как раз и пришел, чтобы было *«одно стадо и Один Пастырь»* (Ин. 10:16).

И когда говорят, что, чего бы мы ни просили – будет нам, то это, конечно, не значит, что мы можем просить чего-либо греховного. Об этом у Апостола Иакова сказано: *«Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для вожделений ваших»* (Иак. 4:3).

Итак, прежде всего *«испытывайте, что благоугодно Богу»*; *«смотрите, поступайте осторожно, не как*

неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, не познавайте, что есть воля Божия; и не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу».

О блаженствах

Вторник

Мф. 4:25–5:13

Сегодня в церкви читается начало Нагорной проповеди Господа Иисуса Христа, так называемые «заповеди блаженств». Увидев народ, Господь *«взошел на гору; и когда сел, приступили к нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...»*. Но учение Его построено как-то странно. Вот на Синайской горе даны были заповеди, как прилично Богу: в огне, в дыме, в трубном звуке!

А здесь Господь не повелевает, Он даже как бы и не учит; Он даже как бы и не обращается к присутствующим, а говорит о ком-то третьем: о каких-то «нищих духом», о каких-то «плачущих», которые «блаженны». Только в конце Он обращается прямо к слушающим, обещая им блаженство; но обещает в тех обстоятельствах, где блаженства как раз невозможно ожидать: *«Блаженны вы»,* – говорит Он, – *когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь...»*, – и далее – снова обращается прямо к слушателям, причем, обращается уже как к совершенным, говоря им: *«Вы соль земли...»*. И это «вы» никак не перетолкуешь: вы и есть – вы, здесь стоящие, видящие Господа и слушающие Его слова.

Заповеди блаженства, это поистине – веяние «хлада тонка», пережитое некогда Илией на горе Хориве (3Цар. 19:12). Косвенно говоря о тех, кто блажен, Господь дает людям возможность самим, без насилия, пробудиться, дает возможность самим потянуться к обещанному блаженству, почувствовать и в самих себе начаток духовной жизни, тончайшее движение угодных Богу чувств и настроений, то есть начать с самого начала, изнутри, от самой сердцевины. И, во-первых, Господь говорит: *«блаженны нищие духом... блаженны плачущие... блаженны кроткие...»* – блажен, кто перво-наперво ощутил, наконец, свою духовную нищету, свое отпадение от Бога, свое постыдное порабощение греху: блажен, кто плачет об

этом и только об этом; блажен, кто ни на кого не гневается и только себя винит в своей беде. То есть блажен, кому открылась бездна собственной пустоты, и через это начало действовать как бы втягивающая сила, которая одна только способна привлечь Божью благодать, Божье милосердие и, в конце концов, стяжать и истинное утешение, и право владеть и управлять Божьим творением, и самое Царство Небесное. *«Блаженны алчущие и жаждущие правды...»* – блажен, кто в своей блаженной нищете ясно понял, чего он хочет: только правды, какой бы суровой она ни была. Блажен, кто ощутил тягу к истинной духовной пище, к Слову Божию, к этому источнику всякой правды. Ибо только слово, исходящее из уст Божиих, может насытить живую душу; только Тот, Кто сотворил землю, может научить жить на ней. И дальше Господь ублажает тех, в ком уже давно теплится огонь Божией благодати, в ком уже водворились милость, частота сердца, желание и способность поддерживать мир и внутри, и вокруг себя, то есть в ком уже как бы засверкали кристаллики Божественной соли, и кто теперь уже может рассчитывать и на помилование, и на ведение Бога, и на усыновление Ему.

А по-настоящему соль Господня видна только в искушениях, и что обещано было в самом начале, подтверждается только после испытания: *«Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное»*. И поэтому только теперь Он обращается прямо к слушателям, как бы только теперь увидев их, только теперь обретших истинное бытие: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедливо злословить за Меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли...»*

Заповеди блаженств поются на каждой Литургии, и в это время священник совершает вход с Евангелием. Евангелие – это как бы Сам Христос, снова и снова идущий на проповедь, вернее, это нескончаемое продолжение той единственной проповеди. А «соль земли» – это снова никто иной, как вы, которые собрались здесь, вокруг Него, невидимо присутствующего; вы, которые слушаете Его слова и участвуете

в Его Таинствах. Другого места образования Божией соли нет и не может быть, и, став здесь, вы взяли на себя страшную обязанность быть солью земли, предохранять землю от порчи и разложения. В этом теперь ваша главная задача, ваша главная ценность...

Как веяние «хлада тонка», звучат Господни Слова, и говорят они как бы о ком-то третьем; но если не расслышишь их, если, постояв у этой горы, снова отступишь от нее, то не вернешься на прежнее место, откуда пришел: теперь, по слову Апостола, вернешься уже как пес на свою нечистоту (2Пет.2:22) и при всех прочих достоинствах будешь лишь солью, потерявшей силу, которая уж *«ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям»*.

О дубе и желудях

Среда

Мф. 5:20–26

Рим. 1:18–27

Господь сказал: «Без Меня не может делать ничего» (Ин. 15:5). И это первую очередь относится к деланию того, что называется «добром». А «без Меня» означает не только «Без Моей помощи», но и «без Моего повеления»; а прежде всего, конечно, – «без познания Меня». Мы же видим, как появился закон: сначала Бог вывел Свой народ из рабства со многими знамениями и чудесами и только потом уже сказал: «*Не убивай; кто же убьет, подлежит суду*». И в последствии, когда Он еще более приблизился к людям, неразлучно и неизменно соединился с человеческим естеством, жил рядом с людьми, творил еще более великие чудеса, – только тут Он и законы нравственные дал более глубокие, сказав: «*всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду*». Чем ближе Бог, тем, разумеется, ближе к Нему должен быть и человек. Поэтому и говорит Господь Своим новозаветным слушателям: «*если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев*» (то есть ветхозаветных праведников, воспитанных на прежнем, менее полном знании Бога), «*то вы не войдете в Царствие Небесное*».

Так Господь учил Свой народ, в котором должно было начаться спасение и всех остальных народов. Но и о тех Господь никогда не забывал. И хотя ни не видели всего, что дано было видеть народу израильскому, но Дух Святой устами Апостола свидетельствует: «*что можно знать о Боге, явно для них: потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны*». Вот, Богодухновенный Апостол указывает на весь мир, как на откровение Божие, как на величайшее и бесконечное чудо, где на всем видна печать Божьего могущества, премудрости и единства. Апостол утверждает, что видящие творение и не

познавшие Творца – безответны, то есть не могу иметь никаких оправданий. Мы знаем, что среди язычников всегда были люди, которые очень правильно учили о Боге. Один греческий мудрец так писал еще за несколько веков до пришествия Христова: «Один есть Бог, ни видом, ни мыслию не похожий на смертных; Он вест – зрение, весь – слух, весь – мысль. И без труда Он господствует над миром Своим умом». Но так думали немногие.

В основном же люди «осустились в умствованиях своих», и мы видим в истории огромное разнообразие заблуждений: от совершенного безбожия – и до всяких извращенных понятий. Люди «славу нетленного бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца». Поэтому и «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою», – как на иудеев, так и на язычников. Ведь всякое ложное понятие о Боге неизбежно влечет духовное и телесное раствление. Когда человеческая природа теряет в Едином Боге центр своего бытия, она начинает расползаться во все стороны; она становится беззащитной пред всевозможными хищниками: и бесами, и страстями. Это неизбежно само по себе, и Бог может либо временно приостановить, либо – предать закономерному ходу. Гнев Божий и заключается в том, что Он предает все идти своим путем. Так и о Своем народе Он однажды говорил через пророка: *«Истреблен будет народ мой... Будут есть и не насытятся; будут блудить и не размножатся... Блуд, вино и напитки завладеют сердцем их»*, – и все это именно «за недостаток ведения», за то, что *«оставили служение Господу»* (Ос. 4:6:10:11). Когда Господь предает богоотступников самим себе, тогда их греховное раствление выступает во всей неприкрытой, безобразной наготе, так что они *«сквернят сами свои тела»*, разжигаются *«похотию друг друга, мужчинах на мужчинах, делая срам, и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение»*. Так что едва человек отступил от Бога, – *«тайна беззакония уже в действии»* (2Сол. 2:7). И если еще сохраняется внешнее благообразие, значит, Господь

по Своей милости еще не дал пожать посеянное. А рассуждая при этом о нравственности, гуманности и духовности, мы только подбираем желуди, некогда упавшие на землю с древа Божественного откровения.

Поднимем ж голову, взглянем вверх, чтобы увидеть, откуда что нам дается, чтобы, наконец, перестать подрывать корни, обрекая самих себя и своих детей на голодную смерть.

О чужой и о своей жене

Четверг

Мф. 5:27–32

Рим. 1:28–2:9

В сегодняшнем чтении из послания к Римлянам Апостол продолжает показывать связь между отношением к Богу и нравственностью. И вот мы видим, что мало – познать Бога и прославить Его (Рим. 1:21); мало – даже поклониться и служить Ему (Рим. 1:25). Необходимо еще и постоянно «иметь Бога в разуме». Ибо если человек не будет постоянно содержать в разуме то, что есть единое на потребу, то разум его будет занят всякими непотребствами, и такой человек неизбежно будет исполнен «всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, ... зависти, убийства, распрей». И это порой доходит до такой степени, что люди делают не только эти непотребства, *«но и делающих одобряют»*, окончательно потеряв и страх, и стыд, и чувства добра и зла. Позже Господь скажет: *«Из сердца человека исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»* (Мф. 15:19). И поэтому с самого начала Он обращается к сердцу человека, говоря о необходимости тщательно хранить его от злых помыслов: *«Вы слышали, что сказано древним» «не прелюбодействуй»*. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». При этом Господь говорит, что даже *«если правый глаз твой соблазняет тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну»*. Глаз, рука – это непосредственно орудие души. Они призваны мгновенно выполнять нашу волю. И может ли быть что-либо противоестественнее, чем самовольное блуждание глаз, самовольное движение рук? И глаз, и рука должны быть в строгом повиновении, иначе они никому не нужны.

Итак, Господь осудил наравне с грехом и самое желание греха. Но ведь тут неизбежен вопрос: а самое вождение к чужой жене не есть ли по своему качеству то же, что и к своей? И не логично ли ожидать, что далее Господь к этому нас и поведет, что, мол всякое стремление к женщине есть грех, что в браке, что вне брака, и что лучше или не жениться, или немедленно разойтись?.. но видим другое. Развод, оказывается, был только допущен по несовершенству древних людей. *«А Я говорю вам, – обращается Господь к Своим слушателям, – кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует»*. То есть, с одной стороны, предписывается даже мысли не иметь о чужой жене, а с другой – даже мысли не иметь оставить свою, хотя вождение к женщине лежит в основе как прелюбодеяния, так и брака.

Как разрешить этот вопрос? ... Природа пола есть природа самого человека. Это – великая сила и великая тайна. Не зря же и премудрый Саломон, говоря о четырех непостижимых для себя вещах, называл среди них и *«путь мужчины к девице»* (Притч. 30:19). И Господь не говорит о том, чего мы не можем вместить, а только показывает пути, которыми можно безопасно провести свой корабль через эту стихию. И один из них – путь брачной жизни. *«Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»* (1Кор. 7:9), – пишет Апостол. Но христианский брак отличается нерасторжимостью, уважением друг в друге образа и подобия Божьего. И если до смерти хранится во Христе верность друг другу, то в ней, очевидно, сама собой перегорают всякая нечистота в отношениях между мужем и женой.

А глазу в руке, если они захотят уклониться в своеволие и произвести соблазн, будем тут же напоминать грозные прещения Господни, что если так, то мы предпочтем лучше без них войти в Царствие Небесное, чем с ними быть вверженными в геенну огненную.

О двух болезнях

Пятница

Мф. 5:33–41

Рим. 2:14–29

В послании к римлянам Апостол часто сопоставляет иудеев и язычников. И, во-первых. Он показывает. Что никто не обделен Божией заботой. И хотя иудеям Бог Сам открылся как единый Бог, дал им закон о богослужении, дал заповеди о добре и зле, – но и другие народы Он не оставил. В сердце каждого человека Он вложил таинственную способность познания как Самого Бога, так и того, что угодно Ему. Он каждому дал разум. Чтобы из рассматривания творений познавать силу и Божество Творца (Рим. 1:20). Он дал каждому и нравственное чувство: *«Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую»*.

Но Апостол показывает, что – как язычники не хотели ничего видеть и слышать, так и иудеи не столько старались о выполнении заповедей, сколько гордились, что эти заповеди им даны. И Апостол обличает их: *«Вот, ты называешься иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен в себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? Гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, преступлением закона бесчестишь Бога?»* Ко времени прихода Христа в мир, и иудеи до предела возросли в своей религиозно-национальной гордыне, и язычники до предела затоптали голос совести. И если бы не пришел Христос, то и иудеи, *«которые под законом согрешили»*, были бы осуждены

по этому закону, и язычники, *«которые, не имея закона согрешили»*, вне закона и погибли бы (Рим. 2:12).

Но иудейство и язычество – это не просто религиозные группы того времени; это – две вечные болезни человеческого духа. В каждом из нас, в большей или меньшей степени, живут как иудей, так и язычник. Язычник старается на все закрыть глаза, чтобы можно было сказать: я не виноват, мне не говорили, меня не предупреждали. Язычник старается все свалить на судьбу, на предопределение, на расположение звезд и планет, на роковую нашу зависимость от всевозможных причин и влияний. А гордый иудей, если уж видит что-нибудь, или поймет, или усвоит, сразу же ставит это себе в заслугу, в повод превозноситься над другими; дескать, именно меня избрал Господь и привел в Свою церковь, именно мне Он открыл Свои законы!.. – как будто бы законы даются в награду, а не чтобы их выполнять.

И мы часто вполне по-иудейски осуждаем неверующих, негодуем на них, что вот-де, живут и закона Божьего не хотят знать! – и при этом вполне по-язычески сами толком не знаем наших христианских законов. Если мы не убиваем, не крадем, не прелюбодействуем, если мы даже не курим и не пьем, то разве этого достаточно для усыновленных Богом?

«Вы слышали, что сказано «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто хочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». – Вот о чем сегодня напомнило Евангелие.

Нам, новому Израилю, Своей Церкви, собранной из всех народов, Господь дал и совесть. Будем же внимательно читать Слово Божие, чтобы оно будило нашу спящую совесть. И будем стараться, чтобы каждое движение пробуждающейся совести сразу бы находило твердую опору в Божественной заповеди.

О православии

Суббота

Мф. 5: 42–48

Рим. 1:7–12

В Евангелии есть разные заповеди. Одни – общие с другими религиями и с теми обычаями, которые стали общечеловеческими, а перед другими – даже считающий себя верующим стоит в недоумении. Так сегодня слышим: *«Просящему у тебя дай, а от хотящего занять у тебя не отвращайся»*. У мирского «здорового смысла» сразу – множество вопросов: а любому ли просящему давать? А не на водку ли он просит? А отдаст ли во-время? А не развратит ли его моя доброта? Но Господь никак не оговаривает, ничем не ограничивает. Он на все случаи жизни говорит: *«просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»*.

В Истории Церкви есть удивительные примеры. Мы знаем Филарета Милостивого, который, неуклонно выполняя эту заповедь, поначалу совсем разорил свою семью. Его не остановили ни укоры, ни ропот, потому что он твердо усвоил, что выполнить данную Богом заповедь, это – лучшее проявление заботы о семье. Поэтому Господь и его прославил, и семью обогатил. А главное, во всех умножилась вера в неусыпный Божий Промысел.

Был еще такой патриарх Иоанн Милостивый. Когда он шел по городу, его служитель нес мешок с деньгами, и, по слову Иоанна, давал просящим. Подошел нищий. Иоанн велел подать. Но этот проситель обежал вокруг квартала и снова подошел. Иоанн велел снова дать. Но тот забежал в третий раз. Тут служитель не выдержал: «Владыка! этот наглец уже третий раз подходит». Тогда святой человек говорит: «Дай ему вдвойне: уж не Христос ли мой меня искушает?» Вот как можно выполнять эту заповедь. А ведь дальше Господь заповедует такое, что может привести еще в большее недоумение: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Но кто может любить желающих

сжить его со света? Конечно же, только тот, кто, еще будучи здесь, уже утвердил свое жительство на небе, кто сердцем своим уже там, где Христос одесную Бога.

В истории Церкви много и таких примеров. Вот умирает старый монах. Вокруг собрались близкие, а он просит позвать соседа, который постоянно обворовывал его и всячески пакостил изо дня в день. Тот приходит. Онах подзывает его к себе и начинает целовать ему руки, говоря: «Братия! вот этими руками вхожу я ныне в Царствие Небесное!».

Известный Афонский подвижник старец Силуан говорил, что главное, что отличает православного от любого другого, называющего себя христианином, это – отношение к врагам: любишь ли ты их?.. Православный – тот, кто право славит Бога, чьей жизнью Бог настолько прославляется, что люди вокруг тоже начинают веровать и славить Его. Если ты за слабой нищенской рукой видишь могучую руку Небесного Хозяина, то люди тоже будут видеть ее. А если в мучителях и врагах ты видишь лишь несчастных, которые губят только себя, а тебя только приближают к вечному блаженству, то, глядя на таких, как ты, каждый от всего сердца воскликнет: «Благодарю Бога моего Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире».

О тайне и о суде святых

Неделя 1-я, Всех Святых

Мф. 10:32–33, 37–38, 19:27–30

Евр. 11:33–12:2

Сегодня, как всегда в первое воскресенье после сошествия Святого Духа, совершается праздник в честь всех святых.

Для мира жизнь и подвиги святых – непостижимая тайна. Мир недоумевает, читая о людях. Которые «верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих... другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча; скитались в милостях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли». Мир вопрошает: «Как это возможно? к чему это нужно? зачем этот фанатизм?»...

Да, есть некая тайна святых, и, не найдя к ней ключа, невозможно понять их удивительную стойкость и верность. Сегодняшнее Евангелие в немногих и кратких словах дает ключ к этой тайне. Церковь напоминает два изречения Господа Иисуса Христа: *«всякого, Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я перед Отцем Моим Небесным»*. И другое: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; а кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»*. Вот, собственно, и вся тайна. Просто те, которых мы называем «святými», приняли Христа не как «идеал», не как «принцип» или «идею», но – приняли Его как живую Божественную Личность; они выбрали Его из всех других личностей – и человеческих, и ангельских; они не постыдились и не побоялись ввести Его в общество тех, для кого Он или ничто, или нечто туманное и неопределенное, ввели как своего Избранника,

Который для них бесконечно дороже любых, самых высоких человеческих связей.

Отныне, кто бы ни сказал им: «выбирай: я или Христос», – они, не сомневаясь, выберут Христа. Поэтому и Христос исповедует их пред Отцом Небесным; поэтому дает им и силу, и терпение; поэтому, когда придет время последнего Страшного суда, *«когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей»*, сядут и они *«на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых»*. Господь сказал тогда только об Апостолах, потому что тогда только они были в числе Его учеников. Потом, устами Апостола Павла, Он сказал, что и все *«святые будут судить»*, и не только двенадцать колен Израилевых, но и весь «мир» (1Кор. 6:2). И как суд Божий состоит в том, что *«свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы»* (Ин. 3:19); так и суд святых только в том, что будет Христос; будут они, которые выбрали Его и последовали за Ним, и будут те, которые выбрали Его и последовали за Ним, и будут те, которые не выбрали, погнушались, постыдились, побоялись. А Он – вот, с Отцом Небесным, со Святым Духом, со святыми Ангелами, Весь – Слава, Весь – Могущество, Весь – Любовь. Весь – Такой, Каким, собственно, и был всегда. Вот и весь суд.

Но, слава долготерпеливому Богу, что еще есть для нас время на покаяние. Святые уже выбрали, а мы еще колеблемся. Святые уже дошли, а мы еще идем. Святые уже восстали совершенным восстанием, а мы еще падаем встаем, встаем и снова падаем... Но, *«имея вокруг себя такое облако свидетелей ... с терпением будем проходить предлежащее нам поприще»*.

Седмица 2-я по Пятидесятнице

О лукавстве

Понедельник

Мф. 6:31–34:7:9–11

Рим. 2:28–3:9

Апостол пишет в послании к Римлянам: *«Бог верен, а всякий человек лжив»*. И пророк Давид свидетельствует: *«нет праведного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны»* ... И сегодня мы видим, как приходится Апостолу говорить пред лицом этой всеобщей человеческой неверности. Так, даже сынам богоизбранного народа он должен доказывать, что они напрасно будут надеяться на свое избранничество и на обрезание как на внешний знак этого избранничества, если сердца их не будут принадлежать Богу: *«Ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, по плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве...»* – но тут же Апостол говорит о том, что все-таки и к избранничеству по плоти, и к обрезанию нельзя относиться пренебрежительно. *«Итак, какое преимущество быть иудеем или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие»*. Конечно, обрезание потеряло в Новом Завете свое значение. Но дело в том, что лукавый человек вообще лишь до тех пор дорожит внешними знаками, пока они являются знаками избранничества и господства; но как только начинает чувствовать, что они становятся знаками подчиненности и ответственности, тут же уходит в другую крайность: начинает утверждать, что внешнее – ничто, а важно только то, что в душе. И – человек ускользает от положительной религии в чистый, безответственный идеализм.

Наше лукавство бесконечно. И если даже прижат в угол, если ничего не можешь возразить против факта своей вины, то можно и придумать и такой, поистине сатанинской «логический» ход: да, мы грешники; да, во всем видна наша неправда и Божия правда. Но если так, если «наша неправда открывает» и

подчеркивает «правду Божию, то что скажем? Не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? ... Ибо если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить грешника? и не делать ли нам зло, чтобы вышло добро?» ... И – открывается бесконечный путь делания зла. Бог же заведомо объявляется несправедливым, если вздумает изъявлять гнев. Апостол говорит, что некоторые так и понимали христианство и злословили христиан, будто они учат специально делать «зло, чтобы вышло добро» ...

Что же, действительно, величайшее зло богоубийства Бог пресуществил в величайшее благо спасения человечества... «Бог верен» Своему творению. Это верность видна везде и во всем. Даже еще не искупленным и не примиренным с Богом людям Он говорит: *«не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или «во что одеться?» ... потому что Отец Ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом».* «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень?.. Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Ваш Небесный...»

Но оттого, что Бог верен и человеколюбив, зло не становится добром, ложь становится правдой, и уж, разумеется, богоубийство не становится боголюбием. Бог не нуждается в тьме, которая бы выгодно оттеняла Его присносущный свет, и тьме нечем тут гордиться и не на что надеяться, а напротив: «праведен суд на таковых».

Наше лукавство всегда обернется нашему посрамлению. Да и зачем оно? – когда Отец Небесный и так в отеческой простоте всегда «даст блага просящим у Него».

О добрых и о худых плодах

Вторник

Мф. 7:15–21

Рим. 4:4–12

Господь предостерегает от ложных пророков, которые приходят *«в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные»*. Господь говорит, что они узнаются по плодам, ибо *«всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые»*. Внешность может быть привлекательной, но когда проследишь конечную цель, так сразу и увидишь волчьи зубы. И наоборот, у истинного пророка даже на самой неблагоприятной почве произрастают добрые плоды.

Апостол сегодня продолжает говорить об иудеях и язычниках, о вере и законе, об обрезании и необрезании. Чему же он учит и каковы плоды его учения? Вот он показывает, что все люди одинаково под грехом, что все мы во Адаме согрешили. Он показывает также, что все мы и спасение находим только во Христе. Ясно, что Апостол старается соединить весь рассеянный человеческий род, и пока ему это удается.

Но вот Он касается Авраама. Авраам – это как раз тот, кого Бог избрал, отделил и дал заповедь обрезания как внешний знак отличия от всех других. Авраам для его потомков, евреев, стал залогом их избранничества, воплощением вечного разделения. На этом держалась иудейская гордость: *«Мы чада Авраама»*, и в этом – все!..

Но Апостол вдруг указывает на самую простую вещь. Сказав, что Аврааму его глубокая вера вместились в праведность и что *«блажен человек, которому Господь не вменит греха»*, Апостол неожиданно спрашивает: *«Блаженство сие относится к обрезанию или к необрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера его вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания?»* И сразу видим то, чего, казалось бы, и нельзя не видеть, что вера Аврааму

вменилась в праведность *«не по обрезании, а до обрезания»*. То есть сначала Авраам был в том же положении, как и все люди, и Бог избрал его не по прихоти, не по пристрастию, а за то, что Авраам именно имел веру, которая, собственно, и вменилась ему в праведность.

И вот, оказывается, Авраам – не только родоначальник богоизбранного народа, не только «отец обрезанных», но – истинный отец и «всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилась праведность».

В том, что видимо разделяло, Апостол показал то, что как раз объединяет. Господь не отвергает никого из необрезанных, как не отверг необрезанного Авраама, а обрезанному, но не ходящему *«по следам отца нашего Авраама»* вовсе нечем превозноситься. *«Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не язычников? Конечно, и язычников»*. вот почему учит истинный пророк, какой приносит плод единения в мире, собирает рассеянное, упраздняет повод для вражды. А что скажем о тех, кто пытается внести разделение в Единую Святую Церковь, кто пытается какой-либо народ провозгласить особым, богоизбранным народом, который будто бы должен принести спасение другим? Не сеет ли он как раз те семена, плодом которых будет пустое самообольщение? *«По плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»*.

О вере Авраама

Среда

Мф. 7:21–23

Рим. 4:13–25

У Апостола Павла говорится, что вера человеку вменяется в праведность и вспоминается святой праведный Авраам как замечательный пример веры в Бога. Апостол даже называет Авраама *«отцем всех верующих»*. Вера – это первая добродетель. Без веры угодить Богу невозможно. Потому что прежде, чем идти к Богу, прежде, чем выполнять Его заповеди, надо сначала уверовать, что Он вообще есть и что Ему не безразличны ищущие Его (Евр. 11:6). Вообще вера не есть что-то необыкновенное. На вере строятся отношения между людьми. Мы живем с человеком под одной крышей, делаем одно дело только потому, что верим ему: верим, что он не причинит зла, что в трудную минуту не оставит, верим, что под внешним доброжелательством не кроется злой умысел.

Так и отношения человека с Богом строятся на вере. С самого начала, как Бог сотворил первых людей, Он окружил их великими дарами. И люди, принимая эти дары, должны были веровать только в то, что впереди их ожидает еще большее блаженство. И веровать тогда было очень легко потому так и ужасен грех неверия, который допустили первые люди. Грех сразу исказил как самого человека, так и весь мир. И хотя Бог остался Тем же, но искаженному человеку веровать, восходить к Богу сквозь этот искаженный мир стало очень и очень трудно.

И если для Адама вера была нормальным делом, а неверие противоестественным, то для Авраама, который жил несколько тысячелетий спустя, вера стала уже настоящим подвигом, которому не устаем удивляться. Авраам, по повелению Божию, оставил родную землю, оставил близких и отправился в незнакомую страну. Он не усомнился, когда Бог обещал, что от него и от Сарры, почти уже столетних, родится сын. И, наконец, не поколебался Авраам, когда Бог повелел ему принести этого долгожданного сына в жертву всежжения.

Неверующий скажет: «Какое неразумие – уходить из родной земли на встречу неизвестности! Какая нелепость – ждать, что от столетних может родиться ребенок! И особенно – какое изуверство – зарезать и сжечь собственного сына!» ... Да и мы, считающие себя верующими, не можем без содрогания читать об этом. Мы хотим думать, что это только притча, только некое иносказание. Но это событие происходило именно так, как описывает Библия: Авраам привел сына на гору, связал, возложил на дрова и занес руку с ножом... Авраам верил, что от Бога не может исходить зла; верил, что Создавший небо и землю, Создавший естество всякой твари, может и изменить чин естества; может и ребенка дать в глубокой старости, может и воскресить его, если он умрет. А воля Божия должна быть выполнена: именно воля Божия дает людям жизнь, и только пребывающий в Его воле имеет надежду сохранить жизнь и себе, и своим ближним... И вот, он уже занес нож над сыном, когда Господь остановил его руку. Так Авраам оправдался верою. Не делами, потому что во всех этих делах: и в оставлении отечества, и в готовности убить сына – в самих по себе, действительно, нет ничего достойного похвалы и подражания, нет ничего великого. Велико то, что он совершал эти дела по послушанию Богу, по вере в Него...

Будем же просить у Бога веры, этого главного сокровища, без которого ничто на свете не принесет пользы. Будем неустанно молить, как некогда Апостолы: «Господи, умножи в нас веру!» И верим, что Он не оттолкнет, если увидит, что действительно желаем получить то, что просим.

О «основаниях»

Рождество Иоанна Крестителя

Лк. 1:5–25:57–68,76,80

Рим. 13:12–4:4

О проповеди Иоанна Крестителя пишут все евангелисты, а о рождестве только Лука. Адресуя свое Евангелие некому Феофилу, он обещал *«по тщательном исследовании все сначала, по порядку»* сообщить *«твердое основание того учения»*, в котором тот был уже наставлен (Лк. 1:3–4). И в самых первых строках он пишет о священнике Захарии и жене его Елизавете, которые *«были праведны пред Богом»*. Они были бездетны, а бездетность в Божьем народе считалось проклятием, и такие были в поношении у людей. И вот они дожили до старости, потеряли надежду на чадородие. Бог как бы отвернулся от них, а они все хранили Ему верность, *«поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно»*. Вот, были такие верные Богу люди на земле, и это стало основанием милости Божией основанием схождения Бога в мир.

А когда Архангел возвестил Захарии о том, что у него родится сын, предназначенный *«возвратить... непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ, приготовленный»*, Захария изумился: *«По чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных»*. И – вот основание, на котором Бог начинает непосредственно созидать дом нашего спасения: это...человеческое бессилие и человеческое бесплодие. Это – чтобы здание было прочнее, чтобы никакая человеческая глина не примешалась в Божественный камень, чтобы *«никакая плоть не хвалилась пред Богом»* (1Кор. 1:29); чтобы Захария и Елизовета, ощутив силу промысла Божия в зачатии и Рождестве Иоанна, ни на минуту не забывали, что на младенце рука Божия, и не мешали бы этой руке вести его.

В Рождестве Иоанна видим мы и основание того, почему, когда он вышел на проповедь, с такой верой и с такой

готовностью *«выходили к нему вся страна иудейская и иерусалимляне»*. Потому что все, связанное с его Рождеством, происходило на виду у всех. Когда Архангел говорил с Захарией, народ ожидал его *«и дивился, что он медлит в храме»*. А когда он вышел, опаленный небесным страхом и пораженный немотой, то *«все множество народа... поняли, что он видел видение»*. Многие были свидетелями и чудесного разрешения от бремени Елизаветы, и чудесного разрешения от немоты Захарии, и того пророчества, которое он изрек о своем сыне. *«И был страх на всех, живущих вокруг них; и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской. Все слышавшие положили это на сердце своем»*. И тридцать лет ждал народ, *«что будет младенец сей?»*. А он к тому же находился в пустынях до дня явления своего Израилю. За это время истина обросла слухами, реальность стала похожей на легенду, и – весь народ хлынул, как только он вошел *«пред лицом Господа – приготовить пути Ему»*. Итак, *«ночь прошла, а день приблизился»*, тот самый *«День Господень, великий и страшный»* (Иоил. 2:31), о котором полторы тысячи лет предвозвещали пророки.

А путь Господу готовится всегда один: *«отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиروваниям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти. Но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти»*.

О пребывании в грехе и в благодати

Четверг

Мф. 8:23–27

Рим. 5:10–16

Сегодня слово Боже говорит о путях греха и благодати. О пути греха говорится, что *«одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили»*. А о благодати говорится, что *«благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих»*.

Как это может быть? Справедливо ли нам расплачиваться за грех прародителей? И как это может добродетель одного распространиться на всех?.. Но, во-первых, у Бога, Который есть Любовь, может ли быть хоть малейшая несправедливость? *«Судия всей земли поступит ли неправосудно?»* – спросил однажды Авраам (Быт. 18:25). И Господь ответил, что Он не погубит целого нечестивого города, если там найдется хотя бы десяток праведников! А когда Господь выводил из обреченного Содома единственного праведника, Лота, с его семейством, то поторапливал, говоря: *«Поспешай... ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь»* в безопасное место (Быт. 19:22) ... Даже с одним человеком Всемогущий Бог не мог поступить несправедливо, как же Он мог за грех одного наказать всех? Не за грех Адама мы расплачиваемся; мы сами *«в нем согрешили»*. Но как я мог согрешить в нем? Разве все наши миллиарды душ, имеющих родиться, и моя в том числе, были тогда в душе Адама, и все добровольно согласились на грех? Моя душа не помнит этого. Но вместе с тем я остро чувствую, что все-таки вина Адама есть реально и существенно – моя вина. И разве я не вижу в себе греховной воли, глубоко солидарной с волей первого человека, и отвергнуться этой греховной воли для меня все равно, что отвергнуться самого себя? Разве я не сделал бы того же? Разве я не делаю постоянно более того?

А каким образом «Благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих»? Вот, сегодня в Евангелии мы читали, как ученики переправлялись через море. Господь тоже был в лодке и, видимо, спал. Поднялась буря, и ученики возопили: *«Господи! спаси, мы погибаем»*. Подобно как мы порой в отчаянном напряжении ума восклицаем: «Как могло случиться то или иное, где же Бог и Его благодать?»... Господь укорил учеников в маловерии: они забыли, с Кем удостоились плыть в одной лодке...

Глубоко таинственна связь между людьми. Таинственно передается жизнь в плотском рождении, и вместе с ней таинственно передаются грех и смерть. Но и праведность, и благодать одного тоже таинственно охватывает многих. Она – как единая лодка, как единый ковчег посреди бушующих волн. Выбрал Христа, все оставил, чтобы плыть вместе с Ним, и вот, ты под кровом Его благодати. И если даже «смертию Его», когда Он, кажется, не видит и не слышит (сон – сестра смерти), апостолы все равно были в безопасности, «то тем более... спасемся жизнью Его», если только пребудем в ковчег Его Церкви, если не будем выходить за пределы Его воли.

О вине и мехах

Пятница

Мф. 9:14–17

Рим. 5:17–6:2

Однажды подошли к Господу Иисусу Христу ученики Иоанна Крестителя и спросили: *«Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертого брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься».*

Господь, конечно, не ответил бы так, если бы пост был в числе прямых установлений Моисеева закона, ибо все это Он соблюдал тщательно. Но пост – это не предписание закона, а естественное выражение печали. Непосредственное чувство, это как бы вино, а пост как бы мехи, необходимые для сбережения этого вина. Так и Давид постился, желая сохранить свое больное дитя, и ниневитяне постились, желая вернуть милосердие Божие. А у особо ревнующих о благочестии людей, претендующих на сильные религиозные чувства, например, у фарисеев постепенно установились регулярные посты (вспомним, как фарисей в притче гордился, что он постится два раза в неделю) (Лк. 18:12). В этих ветхих мехах содержалось все старое вино Ветхого Завета: выполняй от сих до сих и Богом данное и человеками добавленное – и благо тебе будет.

С этим-то ветхими ученики Иоанновы и подошли к Иисусу, предполагая, что лучше этого вина ничего нет и не может быть. Но Господь сказал им о новом, молодом вине, которое уже есть, и которое невозможно вливать в мехи ветхие, потому что *«иначе прорвутся мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое».* Господь напомнил им и о том, что кроме вина есть еще и жених, который – в центре пира и определяет и время веселия, и время печали. Жених этот, и это молодое вино – Сам Господь Иисус Христос, Живой, воплотивший Бог. Потому что только правдой Его одного *«всем человекам оправдание к*

жизни»; только послушанием Его одного «сделаются праведными многие, и только приемлющие от Него обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни». И не может быть печали, когда Он приходит. Но на время Он снова покинет нас, и тогда снова наступит время печали, время стремления к Нему, уже обручившему нас Себе.

И наши посты все – вокруг нашего Небесного Жениха. Пост перед Рождеством – это пост в ожидании Его пришествия на землю. Великий пост – это пост нашего сострадания Его страданиям и смерти за наши грехи. А когда Он дается и возвращается нам в Рождестве и Воскресении, поста нет. Пост святых Апостолов – это пост души, желающей достойно послужить и угодить Ему. А Успенский пост – это томление души, желающей скорее и навсегда соединиться с Ним. Весь же год, каждую седмицу, мы постимся и в среду, потому что в этот день Господь был предан и продан Его врагам, и в пятницу, потому что в этот день Он был распят и отнят от нас. Всякое же воскресенье, это – воспоминание великой радости, когда Он был нам возвращен...

Так, в наших постах и праздниках, как в новых мехах, хранится молодое вино радости о Бозе Спасе Нашем. Здесь прошедшее и будущее соединяется перед нами, и мы призваны уже здесь соприкасаться с вечностью, чтобы всегда перед нами была и Его жертвенная Любовь, и Его Всемогущество, и Его Премудрость, чтобы достойно приготовиться нам к окончательной и великой встрече и чтобы вместе с Ним *«пить новое вино в Царствии Божию»* (Мк. 14:25).

О трех сторонах правды

Суббота

Мф. 7:1–8

Рим. 3:19–26

Все мы много говорим о правде: требуем правды, ищем ее, боремся за нее, вздыхаем по ней. Но когда наши искания сталкиваются, оказывается, что у одного правда одна, у другого другая. Шли, казалось бы, к одной цели и вдруг оказались непримиримыми врагами. Значит, или не искали правду, или нашли вовсе не ее...

Сегодня посланец Божественной правды как раз возвещает нам о ней: *«Ныне, – пишет Апостол – явилась правда Божия, о которой свидетельствует закон и пророки»*. Правда эта одна *«во всех и на всех»*. И, во-первых, она в том, что правых среди нас нет, что *«все согрешили и лишены правды Божией»*. И если даже народ, получивший от Самого Бога самый справедливый закон, не спасался, а только обличался этим законом, – то уж конечно *«загрязняются всякие уста»*, и весь мир становится *«виновен перед Богом»*. А тому, кто хотел бы выделиться из всего подсудного человечества и стать судьей. Господь показывает его сугубую подсудность: *«И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему» «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоём глазу бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего»*. Но как вынуть это проклятое бревно, как, наконец, стать правым перед Богом?..

Но пока мы размышляли, с какой стороны начать, мы вдруг услышали неожиданную весть: оказывается, Господь уже объявил всех нас оправданными и призывает только прийти и получить это *«оправдание даром, по благодати Его»*! это – вторая сторона правды. И она показалась бы совершенно невероятной, если бы Апостол не открыл нам и третьей стороны правды: оказывается, получаем мы свое оправдание хотя и

даром, но, тем не менее, *«искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его»* ... Вот откуда взялась наша дармовщина! – Оказывается, платить-то все равно надо, – просто за нас уже заплачено. Вообще всегда удивительно узнать, что кто-то ни с того ни с сего за тебя заплатил; но узнать, что за грешную жизнь заплачено жизнью Единого Безгрешного – это каково?! Причем, плата эта совершенно достаточна и для прощения «грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, и открыта для всех, приходящих к Нему «в настоящее время».

Вот перед нами правда, и другой нет и не может быть. Вот три факта: твоя вина, твое прощение; и цена, заплаченная за тебя. Эту правду надо принять, усвоить, и жить, исходя из нее. Эту правду надо принять, усвоить, и жить, исходя из тебя. Эта правда была, есть и будет, независимо от того, хочешь ты этого или не хочешь. Но если ты примешь ее, она и будет твоей правдой, правдой твоего спасения. Иными словами, она действует только «во всех и на всех верующих»; потому что жертва Христова, совершенная две тысячи лет назад, ныне для нас открывается только «через веру», и благодать прощения и усыновления сходит только на «верующего в Иисуса».

Вот правда Божия. Мы думаем, что она за тридевять земель, а она всегда рядом с нами, мы часто ищем ее, чтобы защититься от других, а она вдруг оказывается против нас. Мы порой перестаем верить в нее, а она вдруг непобедимо вторгается в нашу жизнь.

Будем же искать ее бескорыстно, имея решимость смиренно войти в нее; будем готовы и грехи свои признать, и сораспяться Христу, и смиренно получить, как получают нищие, даром, не имея никакой надежды когда-нибудь гордо и с достоинством отдать долг.

О Царствии Небесном и царстве Земном

Неделя 2-я, Всех святых, в земле Российской просиявших
Мф. 4:18–23

Рим. 2:10–16

В прошлое воскресенье мы со всею Церковью праздновали память всех святых, от века угодивших Богу; а ныне – особо – творим память святых, в земле Российской просиявших. *«Слава и честь и мир всякому, делающему доброе...»!* Но как истинная любовь ко всему человечеству начинается с любви к родным, так и истинное почитание всех святых невозможно без почитания в первую очередь тех, следы чьей жизни остались рядом с нами, на нашей земле. И в самом деле, мы можем посещать места их подвигов, которые доселе посещает их дух; мы можем молиться у их мощей, прославленных многими чудесами; мы можем благоговейно созерцать предметы, когда-то освященные их прикосновением; мы можем брать целебную воду из источников, возникших по их молитвам. Можно бы назвать не один город на месте бедной кельи, когда-то построенной одиноким отшельником. Преподобный уходил в дикие леса работать Единому Богу, а мир смиренно тянулся за ним; люди селились вокруг его жилища, чтобы пользоваться духовным руководством. И постепенно возникал белокаменный монастырь, а потом и целый город.

Смирненные иноки мечтали об уединенных подвигах и молитве, но по послушанию становились епископами, митрополитами, патриархами. Они собирали народ вокруг Христа, и в трудные годы испытаний христианские воины знали, что они защищают не столько временное земное царство, сколько – спасительную православную веру, без которой невозможно наследовать и Царство Небесное.

Так, наши святые старались угодить Богу, по заповеди, а Бог ими же весть путями давал им послужить и всему народу; они хотели трудиться лишь для Царствия Небесного, а Господь через них оказывал блага и царству земному. Здесь действовал

вечный закон Христов: *«Ищите прежде Царства Небесного и правды его, и остальное все приложится вам»*.

Все это были наши земляки, такие же люди, как и мы; и все они сначала занимались такими же земными делами, какими и мы занимаемся. Откуда же взялось в них то, за что мы их славим и чему удивляемся?.. А это уже – тайна, сокрытая от посторонних глаз. И в то же время никакой тайны здесь нет. Просто каждый из них когда-то встретился с Господом, и Господь просто позвал его, как позвал первых Апостолов. *«Идите за Мною»* – *«И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним»*.

Седмица 3-я по Пятидесятнице

О первом приближении Бога

Понедельник

Мф. 9:36–10:8

Рим. 7:1–13

Видя толпы народа, изнуренные и рассеянные, Господь *«сжалился над ними»* и сказал ученикам: *«Жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина Жатвы, чтобы послал делателей на жатву Свою»*. После этого Он послал учеников проповедовать в городах иудейских, что *«приблизилось Царство Небесное»*. Но Господь предупредил, что далеко не все выйдут навстречу проповедникам и примут их в свои дома. Для грешного человека вообще очень трудно перенести первое приближение Бога. Каково было, например, евреям вступать в первый, Ветхий завет с Ним? Какого было испытать это первое приближение к человечеству Царствия Небесного?.. Тяжело было в рабстве. Но вот Бог явился Моисею и велел вывести народ. И что же? На каждое требование Моисея фараон все более ужесточал их жизнь. Потом пришлось бежать ночью с поспешностью. А что ждало впереди? – погоня, враги, отсутствие привычной пищи, сорокалетнее скитание в пустыне, пока, наконец, Господь не ввел в землю обетованную. А изнутри сколько поднималось ропота на Моисея, сколько они восставали против Бога, порываясь вернуться назад в Египет, сколько молитвенных слез пролил Моисей, спасая их от заслуженного гнева!

Дело в том, что пока человек предоставлен самому себе, то есть пока он в плену у диавола, грех, живущий в нем, кажется мертвым; человек как бы не знает о нем и не мучается. Но вот он получает от Бога закон, получает заповедь, которая говорит о чем-то: *«Не пожелай»*. И вдруг он чувствует, что *«грех ожил»*, что грех, *«взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание»*, что *«страсти греховные, обнаруживаемые законом»*, стали действовать в членах наших, *«чтобы приносить плод смерти»*, что *«грех ожил, а я умер... потому*

что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею».

И это страшная картина оживления греха, восстания его и извне, и изнутри, – в той или иной степени повторяется всякий раз, когда Бог призывает человека ко всякому крещению. Начинаются страхи, терзания совести, начинаются конфликты с окружающими. Люди, которые казались интеллигентными и терпимыми, начинают с дикой злобой бросаться на тебя за то, что перекрестился, за то, что стал по воскресеньям ходить в храм. Часто по началу и сам обратившийся, и окружающие замечают, что стал гораздо хуже; а кому-то может показаться, что он вообще сходит с ума...

Но что же делать? Кто тут виноват?

«Неужели доброе сделалось мне смертоносным?» ... Хочется рассказать такой случай. Один христианин пришел в гости к другому и увидел на стене непристойные изображения. Гость удивился, а хозяин объяснил: «Пока эти картинки у меня висят, я живу спокойно и не грешу, а на них даже не смотрю. Но стоит мне снять их, как я сразу неудержимо впадаю в блуд. А как повешу – так снова живу спокойно...»

Что же, свободен ли он греха, когда и не грешит делом? И будет ли виноват в его грехопадениях тот, кто посоветует ему все же снять со стены непотребство? *«Неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди».* Змей греха терпеливо стережет свою добычу и только потому пока не терзает, что она не дергается и не пытается вырваться из клетки.

И неужели надо молчать, оберегая ложный покой плененного грехом человека?

Господь знал, что произведут заповеди в душе человека, и все же дал их. Апостолы тоже прямо возвещали людям, что они уже не принадлежат себе, что они *«умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых».*

И мы должны быть готовы всякому, требующему у нас отчета о нашем уповании, *«дать ответ с кротостью и благоговением»* (1Пет. 3:15).

О высоте и глубине

Память св. апостолов Петра и Павла

Ин. 21:15–25

Мф. 16:13–19

2Кор. 11:21–12:9

Сегодня, в день памяти святых первоверховных Апостолов, Церковь сочла нужным напомнить нам именно тот случай из жизни Петра, когда на вопрос Господа: *«а вы за кого почитаете Меня?»* – он прямо ответил: *«Ты еси Христос, Сын Бога Живаго»*. И тогда Господь сказал ему: *«Блажен ты, Симон, сын Ионин...»* Но блажен вовсе не потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах». А ведь Бог ничего не делает безосновательно; Он не может впустую расточать Свои дары; а значит, блаженство Петра в том, что хотя и несовершен он был тогда по плоти и по разуму, но Бог усмотрел самую глубину его души и именно ему счел единственно правильно открыть и вручить истину о Своем Сыне, пока сокрытую от других. Хотя и другие, по-видимому, были сильнее Петра. Ведь не кого-то, а Петра плоть и кровь заставили тут же прекословить Господу. А немного позже он вообще в страхе трижды отрекся от своего Учителя... И все же то, что было усмотрено Господом в его душе, так и осталось непоколебимым. И хотя пал Петр своими делами, своей плотью, но тот же Петр на мучительно-испытующие, судящие вопросы воскресшего Иисуса: *«Симон Ионин! любишь ли ты меня?»* – из самой глубины души отвечал: *«Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя»*. Да, Господь, и только Он один, все знает, и поэтому Он, несмотря ни на что, не снял с Петра обетования, однажды данного: *«Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее»*.

А Своего второго столпа, Павла, Господь усмотрел еще на большей глубине, когда тот не то что недопонимал что-то по плоти, но был ненасытным гонителем мучителем Церкви. Но одним Своим прикосновением, одним вопросом: *«Савл, что ты гонишь Меня?»* – Господь возродил его к жизни. И вот уже оба

они, Петр и Павел, делают дело Божие, всецело придавая и плоть свою, и кровь в жертву Богу. И в то время, как живущий по плоти хвалится, что он в чести у царя, что он не обременен заботами, – Божий слуга хвалится, что он *«гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти»*. Другие хвалятся, что царь слушает и выполняет каждую их просьбу; а Божий слуга не скрывает, например, что Господь не внял его троекратным молитвам и не удалил жало из его плоти, ангела сатаны, который удручал его. В божьем человеке нет лукавства, он беспредельно всем открыт и поэтому даже как бы бросает вызов: *«Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»*

И постепенно, преображая плоть и кровь, Господь возвышает Своих достойных избранников даже до того, что еще при жизни восхищает в рай и дает слышать *«неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»*, и человек даже не может объяснить, *«в теле, или вне тела»* он это испытал. И – мало того: Он еще и дает *«ключи Царства Небесного»*, и говорит: *«что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах...»*

Так, в каждом человеке есть глубина, где сам еще себя не видишь, но тем не менее, это ты, и никто другой. И сначала один только Бог видит, как, например, в рыбаке Симоне кроется *«Камень»* Петр, и как в гонителе Савле сокрыт *«избранный сосуд»*, Павел. И начинает Господь класть основание Своей Церкви именно с этой сокровенной глубины. И Божий человек потому стоит так твердо, что, как бы высоко ни вознес его Бог, его сокрушенное сердце всегда – на глубине бывшего падения. Павел говорит о себе, что *«недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию»* (1Кор. 15:9). А Петр до самой смерти плакал, слыша пение петуха.

И если павшему Господь говорит: *«вспомни, откуда ты ниспал»* (Откр. 2:6), то и возвеличенный должен помнить, откуда возвел его Господь, чтобы поистине *«ни высота, ни глубина»* не

могли бы нас отлучить *«от любви Божией во Христе Иисусе Господе Нашем»* (Рим. 8:39).

О ждущей душе

Вторник

Мф. 10: 9–15

Рим. 7:14–8:2

Посылая Апостолов, Господь сказал: *«входя в дом, приветствуйте его, говоря «мир дому сему». И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; а если не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится».*

Мы уже слышали, как трудно человеку порой испытать приближение Бога, как оживает при этом грех и как начинает бороться за свою добычу. А сегодня Апостол показывает, что происходит в душе, ждущей Бога, на которую и приходит Его мир.

Мы уже слышали, как трудно человеку порой испытать приближение Бога, как оживает при этом грех и как начинает бороться за свою добычу. А сегодня Апостол показывает, что происходит в душе, жаждущей Бога, на которую и приходит Его мир.

Да, закон пробуждает и оживляет грех. На какое-то время жить становится труднее. Но живая душа, во-первых, не будет обвинять в этом Бога и данный Им закон. Она трезво смотрит и говорит: *«мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху».* Душа ясно видит, где добро, а где зло; она признает закон и хочет следовать ему, *«ибо желание добра есть во мне»*, *«хочу делать доброе»*, и даже *«нахожу удовольствие в законе Божию».* То есть и ум, и воля, и чувства стремятся к свету, но происходит что-то непостижимое: *«не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»*; *«желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».* И душа убеждается, что это не случайно; это поистине *«закон, что хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий*

меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». И видя невозможность идти желаемым путем добра, душа в бессилии даже хотела бы снять с себя и ответственность за это. «Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех» ... И вот, образуется непостижимая греховная раздвоенность. Ужас и состоит в том, что я же хочу и противоположного! Хочу жить по духу, но хочу жить и по плоти. И единственное, что я могу тут сделать, это как раз – то, о чем пишет Апостол: увидеть это в себе, назвать все своими именами, и воскликнуть: «Бедный человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» Потому что только взывающий о своей гибели сможет принять мир Христов, сможет принять слово о спасении, когда оно коснется его; и только он сможет потом от всего сердца и воскликнуть: «Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом Нашим».

О живущих по духу и по плоти

Среда

Мф. 10:16–22

Рим. 8:2–13

Посылая Апостолов в мир, Господь предостерег: *«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища, и в синагогах своих будут бить вас»*. И против кого такая злоба? – Против тех, кто возвестит, что *«Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех»*, что отныне *«закон духа жизни во Христе Иисусе»* освобождает *«от закона греха и смерти»* и что больше нет *«никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе»* будут жить *«не по плоти, но по духу»*! теперь всякий, кто ранее тщетно пытался жить по духу, – сможет свободно следовать своему выбору; и кто ранее не мог пробить стену греха, теперь вдруг почувствует, как она поддается...

Но почему же, принося такую благую весть людям, их надо еще и остерегаться? От кого именно ждать злобы, от кого последуют гонения?.. – А от тех, кто, несмотря ни на что, свободно и сознательно предпочтет жить не по духу, а по плоти. Что можно сказать об этих людях? – А только то, что если теперь *«нет... никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут... по духу (Рим. 8:1)»*, то, значит, живущие по плоти теперь уже не имеют никакого оправдания. Отныне жизнь тех и других стремительно расходится: *«Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном»*. И притом, *«помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир»*.

Борьба здесь неизбежна, потому что живущие по плоти не просто живут по какому-то своему особому, независимому закону; их «закон» в том, что они именно *«закону Божию не покоряются»*, и поэтому *«плотские помышления»* неизбежно *«суть вражда против Бога»*.

И если мы видели, как внутри человека возникает жестокая брань плоти против духа, греха против праведности, то как же

она не возникнет у тех, в ком побеждает плоть, против тех, в ком побеждает дух? для одних смысл жизни – последовать воле Божией, а для других – противостоять ей, заглушая и голос совести, и голос проповедников истины. А третьего ни чего нет. Отсюда и жестокость гонений, о которой предупреждал Господь: *«Предаст же брат брата на смерть, и отец сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их, и будете ненавидимы всеми за Имя Мое»*. Но слово Божие прямо говорит: *«если живете по плоти, то умрете»*, – хотя бы и гнали, хотя бы и убивали других; а если *«духом умерщвляете дела плотские, то живы будете»*, хотя бы и мучили вас, хотя бы и убивали вас рабы плоти. Господь говорит нам: *«претерпевший... до конца спасется»*. И даже в самых страшных обстоятельствах, когда *«будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»*. Но только всегда *«будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»*. Будьте мудры, всегда и во всем распознавая волю Божию; а потом следуйте ей с голубиной простотой.

О духовных руках

Четверг

Мф. 10:23–31

Рим. 8:22–27

Апостол пишет: *«вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего...»* Все мы слишком хорошо знаем, сколько страданий и стенаний в мире. Мы знаем и с чего это началось: Слово Божие открывает нам о соблазнителе – диаволе и о нашей пораженности грехом. Но почему же и теперь, когда Христос Своею смертью нашу «смерть поправ», почему же все продолжается, как и раньше? Слово Божие объясняет, что *«мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении»*.

Мы постоянно встречаем в Новом Завете эти слова: вера, надежда... Мы видим, что как правда Божия открывается нам *«от веры в веру»*, так и спасение наше совершенно *«в надежде»*. Но почему Бог не дал нам все это прямо в наши телесные руки, которыми мы так привыкли пользоваться?.. Ну, а что можно взять телесными руками? Хлеб, камень, нож, палку. Телесные руки имеет и безумный. А сокровище спасения, сокровище вечной жизни, можно дать только в духовные руки. Вот вера и надежда – это и есть две духовные руки. И Господь хочет, чтобы уже в этой жизни они окрепли, чтобы мы могли охватить ими и прошлое, и будущее, и видимое, и невидимое; чтобы мы приучились этими духовными руками держаться за Бога, Который тоже есть Дух.

Но можно сказать и то, что вера и надежда – это как бы две части нашего духовного существа: верую принимаем, а надеждой удерживаем, делаем своим, неотъемлемым. Верую принимаем слова Господни: *«...нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было узнано... Не*

бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И не одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены». А надежда позволяет жить, исходя из этих слов: и не бояться убивающих тело, и не бояться говорить при свете то, что слышали в темноте, и не бояться говорить при свете то, что слышали в темноте, и не бояться проповедовать на кровлях то, что слышали на ухо.

Без веры и надежды невозможно противостоять миру. Ты протягиваешь к нему свои телесные руки, и он хватается за них и тащит тебя в свой водоворот. А кто верой и надеждой держится за Бога, тот побеждает мир; тот зачастую выживает вопреки полной невозможности выжить.

О помиловании и ожесточении

Пятница

Мф. 10:32–36:11:1

Рим. 9:6–19

Однажды Господь сказал ученикам: *«не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»*. А между тем Апостолы в Рождество Христово пели: *«Слава в вышних Богу, и на земле мир»*, – и Сам Господь приветствовал учеников словами: *«мир вам»*... Но все «противоречия» Священного Писания только от нашего нежелания думать. Да, Господь принес мир. Но Он знает, что Он пришел к свободным существам, и Он знает, что одни примут Его; другие не примут, и воздвигнут гонения на христиан, так что мир Христов обернется для них мечем.

Апостол Павел сегодня тоже рассуждает об одном видимом противоречии. Еврейскому народу в лице его родоначальников Авраама, Исаака и Иакова были даны и *«усыновление, и слава, и заветы, и законоположения, и богослужение»*, – а этот народ в подавляющем большинстве ожесточился и отпал от Бога. *«Но не то, чтобы слово Божие не сбылось»*, – говорит Апостол, и тут же поясняет, что *«не плотские дети суть дети Божи»*.

Вообще большинство наших недоумений лишь оттого, что мы принимаем всерьез только плоть. А между тем все происходящее по плоти при всей своей очевидности и осязаемости лишь тогда становится реальным и действительным, когда получает Божье одобрение и Божье благословение. Так и с самого сотворения мира: *«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»*, то есть благословил все, что Им же было создано. И только с этого момента *«и был вечер, и было утро»*, и потекло время, и началась жизнь (Быт. 1).

И сегодня Апостол напоминает, что у Авраама прежде Исаака родился сын Измаил; что у Иакова – Израиля был брат близнец Исав, который первым увидел свет. Но Бог сказал Аврааму: *«В Исааке наречется тебе семя»*, и о близнецах

сказал: *«Больший будет в порабощении у меньшего»*. Таким образом, не плотское рождение определило судьбу, а Божье благословение, и старшие по плоти остались в стороне, а младшие получили достоинство истинных детей и наследников. Об этих двух случаях нам открыто в Писании, но можно ли сомневаться, что и на всякое вообще плотское рождение Бог невидимо ставит ту или иную духовную печать, и когда приходит время, то вдруг оказывается, что *«не все те Израильтяне, которые от Израиля, и не все дети Авраама, которые от семени его»*.

И не только бессознательное плотское рождение, но и всякое сознательное человеческое дело само по себе – ничто. Апостол подчеркивает, что при любых твоих трудах и подвигах, помилование все же зависит *«не от желающего и не от подвизающегося»*; оно зависит *«от Бога Милующего»*. Желая разрушить самоуверенность Израиля по плоти, Апостол заостряет эту мысль до предела, даже до чувства крайней несправедливости, приводя пример с Иаковым и Исавом: *«Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого – дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от призывающего, сказано было... «больший будет в порабощении у меньшего», как и написано: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел»*. Но потом Апостол показывает, что у Бога, конечно, не может быть несправедливости: *«Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак. Ибо Он говорит Моисею: «кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею»*. То есть все-таки только тех Он милует жалеет, кто достоин, чтобы их миловать и жалеть. И если человек даже еще *«не сделал ничего доброго или худого»*, то Бог все равно видит и справедливо оценивает его душу, которая таинственно самоопределяется еще во чреве матери.

Но узнаем мы, что не только милует Господь, кого хочет, но *«кого хочет»* и *«ожесточает»*. Мы возмущены: тогда *«за что же обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?»* Но Апостол и тут сначала ставит на место гордый ум: *«А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал»? не властен ли горшечник над*

глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого»? (Рим. 9:20–21). А потом уже Апостол на примере фараона показывает, как «ожесточает» Господь: «Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе?..» (Рим. 9:22–23). И оказывается, что что не лепит Господь сосудов для низкого употребления; и что ожесточение это на самом деле – долготерпение над тем, кто сам своими делами упорно готовит себе гибель...

Не бывает, «чтобы слово Божие не сбылось»; оно не может противоречить самому себе. Для желающего с чистым сердцем вникнуть и понять, истина всегда откроется, и любой воздвигнутый меч все-таки снова обернется Христовым миром.

О вере и делах

Суббота

Мф. 7:24–8:4

Рим. 3:28–4:3

Апостол часто противопоставляет веру закону. Он пишет, например, что *«человек оправдывает верою, независимо от дел закона»*, и что Бог *«оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру»*. Но когда отсюда возникает вопрос: *«Итак, мы уничтожаем закон верою?»* – то Апостол решительно отвечает: *«Никак, но закон утверждаем»*.

Противоречия между верой и законом нет. Верим мы в Бога, Который и дал закон. И дела закона только тогда спасительны, когда человек совершает их не случайно, не по личному пристрастию, не по народной традиции, но – движимый живой верой в Живого Бога, Который и заповедал их совершать. Иными словами, когда человек верит в Бога и хочет заслужить похвалу от Него. А просто хороший, просто порядочный, но не верующий человек, конечно, тоже *«имеет похвалу»*, ... *«но не перед Богом»*, а перед тем, кому он старается угодить. Мы, например, ничего не знаем о прежних делах Авраама. И лишь с тех пор, как Бог призвал его, и он поверил Богу, *«это вменилось ему в праведность»*.

Дела без веры бессмысленны. Но гораздо страшнее – вера без дел. Верить в Бога, слышать Его слова и... не выполнять – что может быть безумнее? Вот и Евангелист Матфей, пересказав Нагорную проповедь Господа Иисуса Христа, заканчивает Его же словами: *«Итак, всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что был основан на камне. И всякий, кто слушает слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое»*.

И когда после этого Господь исцелил прокаженного, то сказал ему: *«смотри, никому не сказывай; но пойди, покажи себя священнику, и принеси дар, какой повелел Моисей во свидетельство им»*. Вот, человеку, в котором через чудесное исцеление умножилась вера, Господь повелевает пойти и во свидетельство этой веры исполнить обряд Моисеева закона. Но Он же и запретил ему разглашать о случившемся. Почему? А чтобы не хлынули люди, движимые или праздным любопытством, или желанием обрести только телесное здоровье; чтобы эти любители строить на песке своей грубой толпой не оттеснили от Господа тех, кто – больной или здоровый, – желал смиренно слушать, веровать и выполнять, кто имел твердую решимость строить на камне дом своего спасения.

О темном и светлом око

Неделя 3-я

Мф. 5:22–33

Рим. 5:1–10

Господь говорит: *«Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно»*. Здесь Господь в очередной раз показывает, что человеческое око не просто орган зрения; оно на столько тесно связано с нашим свободным разумом, что прямо отождествляется с ним. И поистине увидеть, значит – оценить, составить мнение. Преподобный Дорофей приводит пример: стоит человек ночью на улице. Проходит кто-то мимо него и думает: *«Вот, ждет, кого бы ограбить»*. А проходит другой и думает: *«Вот раб Божий ждет друга, чтобы вместе пойти помолиться»*. Потому что у одного темное око, а у другого светлое. Светлое око видит во всем добро, во всем видит пользу, потому что во всем видит Бога. И Господь хочет, чтобы у нас было светлое око, и учит нас, как надо смотреть, например, на природу. Он говорит: *«Взгляните на птиц небесных»*, – и что тут можно увидеть? А то, что *«они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец ваш Небесный питает их»*. Затем Он говорит: *«Посмотрите на полевые лилии, как они растут»*, – и зовет нас, во-первых, удивиться их неповторимой, Богом данной красоте и сравнить, как далеко до нее нарядам самого богатого человека, чьи желания выполняют сотни и тысячи самых искусных делателей: лилии *«не трудятся, ни прядут; но...и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»*. Господь учит нас смотреть и на себя как на того, кто сотворен быть царем всей твари и кто поэтому в праве рассчитывать на гораздо большую заботу со стороны Творца. Он говорит: если *«траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры?»* Поэтому *«не заботьтесь для души вашей,*

что вам есть и что пить, и для тела вашего, во что одеться».

Но скажет кто-нибудь: «Что же, надо сидеть и ждать, пока Бог за нас все сделает?». А Господь на это снова подсказывает нам: *«Взгляните на птиц небесных...»* А правда: разве хоть минуту находятся они в праздности? Они без усталости летают, выют гнезда, собирают корм... Но – посмотрите на них: вот пришла ночь, и они спокойно спят, не заботясь, не переживая, «что день грядущий мне готовит». Так и нас Господь зовет не к праздности, не к легкомысленному расточению приготовленного на завтра. Он только предостерегает от безбожной озабоченности завтрашним днем, чтобы мы не терзались при виде неудачно складывающихся обстоятельств, чтобы мы темным оком не смотрели в завтрашний день: «что нам есть?» или «что нам пить?» или «во что одеться?» Так, заботясь о завтрашнем дне, мы уже как бы переживаем те скорби, которых еще нет и, может быть, вообще не будет. А ведь истинные воины Христовы радуются даже действительным скорбям, как и Апостол пишет: *«хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть».*

Поэтому будем светлым оком смотреть вперед. Что будет завтра? – А будет Бог, как Он был и вчера, как Он есть и сегодня; Бог вовеки Тот же, и *«Свою любовь он доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы кровью Его, спасемся Им от гнева. Ибо, если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его».*

Седмица 4-я по Пятидесятнице

О «сомнении» Иоанна Крестителя

Понедельник

Мф. 11:2–12

Рим. 9:18–33

«Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас...» (Рим. 5:8), – пишет Апостол. Жертва жизнью, это высшее проявление любви. Но любовь проявляется и в умении отвлечь от заблуждения. Любовь подсказывает, как сделать, чтобы истина сама говорила за себя. Мы помним, как Иоанновы ученики возревновали об умаляющей славе своего учителя. Иоанн тогда сказал им о себе как о друге Жениха, о том, что Иисусу должно расти, а ему – умаляться (Ин. 3). Но не все вняли его словам. Надо было, чтобы они сами увидели Иисуса и Его дела, и Иоанн устроил это с мудростью, подсказанной любовью. Он не сказал им просто, мол, пойдите и убедитесь. В этом случае ученики могли ответить: никого нам не надо, никого не хотим знать выше тебя. И поэтому он послал их, как бы и сам сомневаясь и желая точнее убедиться: *«Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»* И когда они пришли и спросили, то Иисус, провидя Духом замысел Иоанна, тоже ответил, как бы не для них: *«пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне»*. И конечно же, от соблазна Он хотел уберечь не Иоанна, а его учеников, и когда те ушли, Он обратился к окружающим, чтобы и они, в свою очередь, не соблазнились об Иоанне Крестителе. Но и тут Он не стал убеждать словами, что дескать, не мог соблазниться тот, кто еще во чреве матери взыгранием приветствовал своего Господа, когда Тот еще был во чреве Пресвятой Девы; Он не стал доказывать, что не мог поколебаться в своей вере тот, кто по велению Божию вышел проповедовать пришествие Христа, кто сам крестил Его и видел Духа Святого, сходящего на Него. Он не стал ничего объяснять и доказывать, Он просто побудил

людей вспомнить облик Иоанна Крестителя. Он сказал: *«что смотреть ходили вы в пустыне? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы?»*.

Но, вразумив людей относительно Иоанна, Господь тут же предостерегает их и от соблазна чрезмерного увлечения человеческим величием. Он говорит, что все-таки, хотя *«из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его»*. Царствие Божие принадлежит Богу, и дать его может только Бог. И до того, как Сын Божий Своей крестной жертвой открыл вход в Царствие Божие, до тех пор все, даже величайшие праведники, по смерти сходили во ад. И память кончины Иоанна Крестителя – это день постный, потому что он погиб до Креста и Воскресения Христовых. И будучи величайшим из рожденных женами, он тоже, как и последний грешник, сошел в преисподнюю и пребывал там, пока Воскресший Господь, разрушив узы ада, не вывел его со всеми, кто ждал Его в надежде. И конечно же, в Царствии Небесном святой Иоанн не меньший, но высший всех людей, после Пресвятой Богородицы.

Да, господь властен перед своим творением. И хотя Он сказал, что *«отныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»*, – нам сказано и то, что все-таки не подвиги нас спасают, но – милость Божия; что помилование все-таки зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога Милующего (Рим. 18:16), а милость Божию испрашивают в непрестанных молитвах. Поэтому труды не освобождают от необходимости молитвы, но – напротив: чем больше труды, тем горячее должна быть молитва, чтобы труды не пропали даром. И как в Церкви, которая есть истинная школа жизни, мы утверждаем себя и стоянием пред Богом, и многократным повторением «Господи, помилуй!» – так и во всей нашей жизни, при каждом шаге, это «Господи, помилуй!» – должно быть с нами, чтобы нам, хотя бы и самыми меньшими, но войти в Царствие Божие, по бесконечной милости Господа

нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцем и Святым Духом слава
во веки веков.

О первом приближении Бога

Вторник

Мф. 11:16–20

Рим. 10:11–11:2

Священное Писание говорит о Господе нашем Иисусе Христе, что *«всякий верующий в Него не постыдится»*, что *«всякий, кто призовет имя Господне, спасется...* Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали?..» но разве может Бог, Который есть Любовь, обойти хоть одного человека? Разве может кому-то не послать слова спасения? Ведь сказано: *«Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их»*. Начал же Господь со Своего избранного народа. И уж они-то «разве... не слыхали?.. Разве Израиль не знал?» И если потом проповедовали простые люди, то тогда – сам Иоанн Креститель, больший которого не восставал из *«рожденных женами»*; и Сам Господь Иисус Христос, Спаситель мира!.. А что же Израиль? Павел Приводит слова пророка Исайи: *«Господи! кто поверил слышанному от нас?»* Но ведь учение Христово, это – свет, истина и любовь, – как можно отмахнуться от него?.. А очень просто. Вот два примера.

Пришел Иоанн Креститель. Он проповедует покаяние, и сам он великий подвижник: живет в пустыне, одевается в грубую одежду, *«не ест, не пьет»*, – как сказал о нем Господь. И многие чтут и слушают его. А вот тот, кто не хочет отстать от греха, но в то же время и стыдится сказать, что покаяние – плохое дело, – тот выдумывает клевету на самого проповедника, и говорит: *«в нем бес»*. Дескать, человек не может так жить, как Иоанн, он не такой, как все, он ненормальный, – что его и слушать?

А вот второй пример. Пришел Иисус Христос, Сын Человеческий и Сын Божий. Он исцеляет больных, освобождает от власти бесов и тоже проповедует: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»*. Но, в отличие от Иоанна, Он живет среди людей, ест и пьет то же, что и они, входит в дома

ко всем, в том числе и ко грешникам. Казалось бы, если тебя смущает жизнь Иоанна, послушайся Иисуса, покайся, обратись от греха. Но теперь именно это и становится пунктом обвинения: *«Вот Человек, Который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»*. Дескать, Он такой же, как и все, что нам Его и слушать?

Вот так мы умеем и закрывать глаза на то, что прямо побуждает нас трудиться; и – находить себе оправдание, произвольно толкуя слово Божие. Например, ленясь посещать храм, мы старательно изыскиваем в Священном Писании те места, где говорится, что Бог присутствует на всяком месте. И это, конечно, так. Но ведь и другое говорит Писание: что и Сам Господь посещал еще ветхозаветный храм и ревновал о его святости; что и первые христиане не поодиночке спасались, но постоянно собирались вместе для молитвы и для причащения Святых Христовых Тайн.

А не желая поститься, мы с радостью находим в Евангелии, что ничто, входящее в уста, не оскверняет человека, и что Царство Небесное не пища и питье. Но совершенно не хотим видеть, что Господь и Сам постился и говорил о пользе поста, и что тому же учили Его Апостолы.

А как часто мы, видя рядом с собой подвижника и праведника, вместо того, чтобы подражать его жизни, пытаемся отыскать в нем хоть какой-то недостаток, хоть к чему-то придраться, чтобы потом говорить, как фарисеи говорили о Христе: *«Вот Человек, Который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»*. А если человек недоступен для таких обвинений, то говорим: «это фанатик». А кто такой фанатик? – в переводе с греческого это значит: «стоящий насмерть». Все истинные христиане и всегда стояли насмерть за Христа, а не искали, как бы спастись без труда, со всеми удобствами. Языческий мир презирал христиан за их непонятное упорство. Что для христианина похвала, то для язычника – ругательство.

И если мы тоже себя христианами, то будем же, по крайней мере, читать Священное Писание и смотреть вокруг себя не с постыдной надеждой найти оправдание своим грехам и

слабостям, но – с твердым желанием познать и выполнить волю нашего Бога.

О том, как Бог не отверг народ Свой

Среда

Мф. 11:20–26

Рим. 11:2–12

Сегодня мы слышали суд Господень иудейским городам, где *«наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаются: Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаются. Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо, если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе»*. Господь говорил и более суровые слова. ученики потом и на себе испытали ожесточение и нераскаянность иудеев и могли подумать, что Бог навсегда *«отверг народ Свой»* (Рим. 11:1). Но Апостол Павел решительно возражает на это и тут же приводит самый главный для него аргумент: *«Ибо и я израильтянин, от семени Авраамова, от колена Вениаминова»* (Рим. 11:1). Так, в понимании Апостола – отвергнуть или не отвергнуть народ, это не значит – в полном составе погубить или спасти; не отвергнуть народ – значит не закрыть возможности для желающих из этого народа встать на путь спасения. Потому так и говорит Павел: я же израильтянин, следовательно, *«не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал»*. И далее напоминает историю пророка Илии. Когда тот жаловался на отпадение Израиля: *«Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили, остался я один и моей души ищут»*, – то Господь открыл ему тайну: *«Я соблюдал Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом»*. *«Так и в нынешнее время, – продолжает Павел, – по избранию благодати, сохранился остаток»*. И как для Илии остаток, о котором говорил ему Бог, был сокровен, а перед глазами было одно отступничество, так и Апостол имеет в виду некий остаток,

который пока неразличим среди окружающей вражды. Остаток, который сохранился именно *«по избранию благодати»*, а не *«по делам»*, потому что дела этого «остатка» пока подобны делам самого Савла-Павла до его обращения: это – дела смерти. А благодать хранит до поры до времени в этих людях невидимые никому семена жизни. Благодать не дает этим семенам погибнуть, но и не торопит их прорасти, так что выходит, как будто до времени *«Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят и уши, которыми не слышат»*.

И вот, как среди враждебного Богу Израиля невидимо таились семь тысяч человек, ради которых Господь щадил весь народ; как в толпе гонителей христиан, в лютейшем из них, в Савле, был до времени сокрыт великий Павел, – так и будет во все времена. Бог никогда не даст сомкнуться пучине зла; никогда не позволит злу перейти невидимую черту, проведенную Им во всем ли мире, в сердце ли одного человека. Пророк Давид знал это и молился нашему Творцу и Вседержителю: *«Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад – тамо еси»*. И, конечно, угодно Богу, если мы иногда и в толпу безбожников, и в толпу злобных гонителей взглянем как божественную сокровищницу, где тоже, может быть, до времени хранятся и некогда удивят мир невиданные цветы веры и благочестия.

О Маслине и ее ветках

Четверг

Мф. 11:27–30

Рим. 11:13–24

Господь говорит: *Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас*» Господь говорит именно «*приидите... все*», – на всех хватит радости, на всех хватит мира и покоя. И мы привыкли, что на земле все дается строгой мерой, и чтобы получить, надо непременно кого-то оттолкнуть, и чтобы получить больше, надо, чтобы другому не досталось совсем. И эта позорная ревность становится совсем уж ревностью не по разуму, когда начинает простираться на Божественные дары. Даже на пути к Богу мы подозрительно оглядываемся на того, кто идет рядом: не обгонит ли? не достанется ли ему больше? Был такой грех и в самые первые годы Церкви. И иудеи с ревностью смотрели на обращающихся язычников, дескать, как это дерзают приходить к их, Иудейскому Богу?! А язычники, с возмущением видя, что иудеи в основной массе не торопятся принимать во Христе своего же Бога, думали, что Бог и совсем отверг этот народ.

Апостол Павел помогал прийти в разум и тем, и другим. Сегодня его слово – к христианам из язычников. Он рисует Церковь как благородную маслину, посаженную Богом на земле и имеющую давние, глубокие корни. Он подчеркивает, что Церковь – хотя и новый, небесный, духовный, но именно – Израиль; и он указывает бывшим язычникам на святых праведных Авраама, Исаака и Иакова, которые некогда получили от Бога благословение и обетование быть корнем этой маслины.

А «если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви». Апостол учит христиан благоговейно относиться к священной истории, к тому пути, которым Бог благоволил вести к спасению человечество. Ведь и все потребное для жизни Бог не сбрасывает с неба, но – Своей силой выращивает из земли.

Так и глубочайшие исторические корни нашей веры – одно из доказательств ее истинности.

Апостол, конечно, слишком хорошо видит, что *«некоторые из ветвей отломились»*. Но приобщение людей из других народов к Христу происходит только так, что *«ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины»*. И Апостол предостерегает от гордости перед отпавшими: *«Они отломились неверием, а ты держишься верою... Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли тебя. И так видишь благость и строгость Божию: строгость к отпавшим, и благость к тебе, если прибудешь в благости Божией: иначе и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, привьются: потому что Бог силен опять привить их. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины, и не по природе привился к хорошей маслине: то тем более сии природные привьются к своей...»*. Конечно, не принявший Христа иудей перестает иметь какое-либо отношение к Аврааму, Исааку и Иакову и становится *«как язычник»* (Мф. 18:17); но и каждый миг пребывания отсеченной или не привитой ветви вне маслины тоже определен только ее верой и свободой. Поэтому тех, кто уже здесь, Апостол предостерегает: *«Не гордись, но бойся»*. А остальных Господь неустанно зовет: *«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»*. И чтобы все ветви: и природная, и привитая – с одинаковой полнотой питались единым соком Божией маслины.

О спасении всего Израиля

Пятница

Мф. 12:1–8

Рим. 11:25–36

Сегодня Апостол Павел подводит итоги своих рассуждений о судьбах еврейского народа. Сначала он сказал коротко и загадочно, что *«от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность»* (Рим. 11:11). Теперь он говорит более подробно и определенно: *«Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников... В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божию ради отцов... Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы»*. Здесь Апостол открывает нам некий Божественный промыслительный ход, где Бог, использует низкое в людях, чтобы через это вдруг неожиданно и премудро возвести на высоту. Он использует тогдашнюю взаимную неприязнь евреев и не евреев. Евреи всегда жили обособленно. Закон Моисеев запрещал смешиваться с другими народами, чтобы они не отступали от Истинного Бога и не стали служить чужим, ложным богам. Эта обособленность, конечно, никому не могла внушить ни любви, ни доверия к евреям.

Но в конце-то концов *«неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников»* (Рим. 36:29). Но как могли иудеи из своей крайней замкнутости вдруг выйти с открытой проповедью любви? И если бы все иудейские общины стали принимать христианство, то окружающим народам было бы очень трудно разглядеть истину из-за стены вековой вражды. И поэтому, желая спасти всех, Бог не препятствовал, чтобы на приходящих проповедников Христа обрушивалась почти единодушная ненависть иудейской общины. Тогда уже эти проповедники могли с чистой совестью сказать: *«Вам первым надлежало*

быть проповедану слово Божию, но как вы отвергаете его, и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46). Язычники же при этих словах более располагались слушать и *«радовались и прославлялись слово Господне»* (Деян. 13:48).

Но Апостол пишет, что это будет *«до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется»*. Но что значит «весь Израиль»? невозможно допустить, что Апостол имеет в виду всех потомков Иакова-Израиля по плоти. Иначе для чего веровать и креститься? Если весь Израиль по плоти, то значит и Иуда, и все гонители, так и умершие в ожесточении против Иисуса Христа? Конечно же, для Апостола священное слово «Израиль» могло означать лишь тот «остаток», который сохранился *«по избранию благодати»* (Рим. 11:5); конечно же, он имел в виду только тех иудеев, которые либо уже приняли Христа, либо примут, как только *«войдет полное число язычников»*. Ведь и говоря бывшим язычникам: *«Вы помилованы, по непослушанию их»*, – он тоже имеет в виду не всех коринфских язычников, а только обратившихся ко Христу.

Итак, весь истинный Израиль спасется. А пока, по Своему таинственному промыслу, *«всех заключил Бог в непослушание. Чтобы всех помиловать»*... Мы, конечно, понимаем, что Бог не может сознательно вводить в грех непослушания. Мы понимаем, что Бог только попускает до времени кому-либо ходить в непослушании. Но почему Апостол выразился именно так, подавая косвенный повод обвинять Бога? Разгадка здесь в словах *«чтобы всех помиловать»*. Апостол, как никто, испытал радость быть помилованным, и он понимал, сколь большее наслаждение – самому миловать; он понимал, сколь естественно это Богу, Который есть Любовь, Апостол, очевидно, и хотел выразить это ненасытимое Божественное желание, как бы бесконечное искание повода миловать. Но он сделал это человеческим, а не ангельским языком, а наш язык всегда вносит искажение при попытке говорить о Божественных предметах.

Так называемый Божий Промысел о всех народах, Апостол зовет вместе с ним благоговейно воскликнуть: *«О бездна*

богатства и премудрости, и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему и слава вовеки. Аминь».

О жертвах и жертве

Суббота

Мф. 8:14–23

Рим. 6:11–17

Сегодня мы слышали. Как Господь исцелил от горячки Петрову тещу, как потом *«к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных»*. Это – видимая для всех, славная сторона дела. Но что происходило невидимо в то самое время, когда больные радостно получали вождеденное здоровье и прославляли Исцелителя? – Эту тайну приоткрывает слово Божие устами пророка Исайи. Оказывается, ничто на земле не исчезает бесследно: в том числе и наши немощи, и наши болезни, и тем более наши грехи, как их прямая причина. Все это – пребывает либо на нас, либо на том, кто согласится взять их на себя. Господь и *«взял на Себя наши немощи и понес болезни»*. Это очень трудно осмыслить, не зря же Бог за тысячи лет начал психологически готовить людей к пришествию Агнца Божия, призванного взять на Себя грех мира. Чтобы с разных сторон осветить сущность предстоящей всемирной, всеобъемлющей жертвы, в ветхозаветной религии были установлены разные виды жертв. Была жертва всесожжения, когда жертвенное животное полностью сжигалось. Была жертва мирная, когда все участники жертвоприношения вкушали приготовленное мясо закланной жертвы. И была регулярно приносимая жертва за грех всего народа: возложив руки на голову животного, первосвященник исповедовал *«над ним все беззакония сынов Израилевых, и все преступления их и все грехи их»*. После этого животное отсылалось *«с нарочитым человеком в пустыню»*, да понесет оно *«на себе все беззакония их в землю непроходимую... в пустыню»* (Лев. 16:21–22).

Невозможно одно и то же животное и принести во всесожжение, и употребить в пищу, и отпустить, чтобы оно понесло на себе грехи. Господь же принес Себя во всесожжение послушания Отцу и в то же время дал всему миру вкушать Свои

пречистые Плоть и Кровь. Но также Он и *«взял на Себя наши немощи и понес болезни»*. Поэтому все время Своей жизни на земле Он испытывал чувство неприкаянности, чувства изгнанничества. И когда один книжник выразил готовность следовать за Ним, куда бы Он ни пошел, Господь сказал: *«лисицы имеют норы, а птицы небесные гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить главу»*. Хотя фактически это было неправдой, ведь многие из учеников с радостью дали бы Ему приют, да и просто желающих видеть Его под своим кровом было немало. Господь же говорил именно о Своей жертвенной грехоносной неприкаянности, ибо *«Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас»* (Ис. 53:4–6), – так далее пророчествует Исайя. И тех, кто, не понимая этого, просто хотел царствовать с великим чудотворцем и целителем, Господь предупреждал, что Ему на самом деле негде приклонить главу. А в ком Он видел готовность поддержать плечом Его жертвенный крест; в ком Он видел готовность считать себя мертвым *«для греха, живым же для Бога»*; в ком Он видел стремление представить *«себя Богу, как оживших из мертвых... в орудия праведности»*, – тому Он помогал сразу и решительно выбрать. И когда такой человек говорил: *«Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего»*, – то Иисус отвечал: *«Иди за Мною, и предоставь мертвых погребать своих мертвецов»*.

О вере сотника

Неделя 4-я

Мф. 8:5–13

Великий и неприступный Бог вочеловечился, пришел на землю во Христе Иисусе и стал близким и доступным. Он входил в дома, ел с людьми, прикасался к ним, и они прикасались к Нему, к Его одежде и через это общение с видимым Человеком, получали благодатную помощь от Самого невидимого Бога. И отойдя на небо, Господь оставил нам возможность простого общения с Ним. Он обещал, что всегда будет невидимо присутствовать среди тех, кто соберется во имя Его. И вот, мы можем написать записочку о здравии или об упокоении наших близких во Христе, чтоб она была прочитана священнослужителем перед Святым Престолом; мы получаем просфору, елей, воду, которые Господь освятил и наделил благодатной силой; мы в домах держим Его святые изображения, и знаем, что Он всегда принимает всякое наше поклонение перед ними. И всегда, когда мы принимаем какую-либо святыню или благословение от священника, когда мы участвуем в каком-либо церковном обряде, мы должны помнить именно о Боге, невидимо стоящем здесь и Своей невидимой рукой подающем видимое благословение. Но хотя Бог и устроил для нас весь благодатный церковный чин, но Самому-то Ему ничего не стоит подать нам всякую помощь и без всякого посредства. Ему не надо никаких видимых действий, никаких предметов, а достаточно не то, что единого слова, а единого желания. И мы должны это помнить, ведь христианство существует в нашем отечестве уже тысячу лет!

Сегодня как раз Евангелие преподает пример живой веры человека, воспитанного в стране, где более тысячи лет процветало язычество. Однажды некий римский сотник подошел к Иисусу и сказал: *«Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении жестоко страдает»* и когда Иисус выразил готовность придти, сотник вдруг сказал: *«Господи! Я не достоин, чтобы Ты вошел под мой кров; но скажи только*

слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай то», и делает». Господь удивился, увидев такую живую, такую правильную веру в человеке, которого на родине совсем не тому учили, и сказал окружающим: «Истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут... в Царствии Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Это Господь сказал о фарисеях, которые забыли о Живом Боге за своими бесчисленными законническими предписаниями. Но это же Господь может сказать и нам, называющими себя христианами, если мы забудем о Живом Боге за великолепием храмов, за красотой богослужения и за обилием святыни в церкви...

Мне вспоминается один случай. Был престольный праздник. После ранней обедни было освящение воды, была давка, ругань, опрокинули и сломали столы. Наконец, все кончилось, всю воду разобрали. Тут пришла одна старушка, подошла к батарее отопления, отвернула кран, налила оттуда воды в бидончик и говорит: «Вот, еле дошла, на водосвятие не успела, хоть от сюда воды взять, – все из храма Божьего». – И можно ли сомневаться, что господь даст ей по ее вере: даст гораздо больше, чем тем, кто в бесчинии успели взять воды, освященной полным чином!.. Конечно, я не к тому говорю, что для спасения достаточно помолиться дома и набрать воды из-под крана; пренебрегать святыней, пренебрегать богоустановленным священством – это все равно, что пренебрегать Человечеством Христа. И сотник, и старушка сделали как раз все от них зависящее, чтобы найти Христа, приблизиться к Нему, приблизиться к Церкви и церковному священнодействию. Но вместе с тем, они помнили, что пришли не куда-то, не к кому-то, а пришли к Живому Богу. Который выше храма, выше обряда, выше всего видимого и невидимого, и что слово Его способно проникать сквозь любые расстояния, сквозь любые стены; способно вмиг избавить нас от любой болезни, от любой беды, способно и освятить все воды на

земле, и превратить их в кровь; способно в один миг и уничтожить землю, и заново создать ее...

Вот каков Наш Бог. Будем же воздавать Ему должную славу, честь и поклонение во все дни нашей жизни.

Седмица 5-я по Пятидесятнице

О вере в Церковь

Понедельник

Мф. 12:9–13

Рим. 12:4–5, 15–21

Желая показать, в каком единении, в какой любви должны быть друг с другом христиане, Апостол приводит в пример единство человеческого тела. Он пишет: *«как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие составляем одно и то же тело во Христе, а порознь один для другого члены» ...*

Однажды Господь увидел в синагоге человека, имеющего сухую руку и захотел исцелить его. Некоторые напомнили, что сегодня суббота, и тогда Господь сказал: *«Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит?»* По фарисейским законам овцу можно было спасти в субботу, а человека нельзя. Для них дороже овца, потому что – своя; а для Господа: *«Сколько же человек лучше овцы!»* – потому что он свой Господу. Обратим внимание, как сказал Господь: *«Кто из вас, имея одну овцу ...»* – как будто для Него этот стоящий перед Ним человек, – единственный человек на земле! Как и для человека каждый член его тела – единственный и незаменимый. И если так относится Господь к каждому из нас, – то как же мы должны относиться друг к другу? Апостол подсказывает: по крайней, мере, *«радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою: не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе»*. Невозможно даже помыслить тела, члены которого пытались бы вырасти один за счет другого или враждовать между собой. Так же противоестественна вражда между членами Христовой Церкви.

Особенность тела еще такова, что через любой, даже самый маленький член, может проникнуть яд и отравить все тело. Так и любой член Церкви своими пустыми, праздными, нечистыми разговорами, принесенными из мира, может отравить душевное состояние своих собеседников; может всколыхнуть

всех. Каждый христианин ответственен за все тело Христово, и каждый должен уметь остановить зло при самом его зарождении. Как это сделать? – Ну уж, конечно, не умножая зло своим ответным злом, а напротив: со всей решимостью, со всей определенностью усилить делание добра, противоположного возникшему злу. *«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»*, – пишет Апостол: гнев – кротостью, крик – молчанием, суету спокойствием. Укус ядовитой змеи даже прижигают огнем, и поэтому *«если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья»*. И это, во-первых, уголья совести, которая начинает жечь обидчика, если ему не отвечают злом. Но если его совесть мертва, если, видя беззлобие, он становится еще злее, то уже собираются уголья гнева Божия. а гнев Божий – это исцеляющий, праведный гнев в отличие от неразумного, страстного гнева человеческого.

Так, уклоняясь от мести, во славу Божию: *«Мне отмщение, Я воздам»*, – мы показываем, что помним, что у нашего тела есть Глава, а когда начинаем мстить, то говорим Богу: «Ты нам не нужен, мы сами обойдемся...».

Все это более или менее понятно. Но тут встает самый главный, самый трудный вопрос: «А где же эта Церковь? Где это тело, члены которого так взаимосвязаны друг с другом и со своей Главой? Неужели вот эти люди и есть та самая Святая Церковь?!» Но дело в том, что как на Бога нельзя указать пальцем и сказать: «вот Он», так же и на Церковь. И как в Бога мы веруем, так же и Церкви говорим: «Верую... во Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...» Верую, что она несомненно есть. Верую, что она одна, и двух Церквей быть не может, как не может быть двух тел при одной голове. Верую, что она – святая, и все нечистое, греховное, не имеет с ней ничего общего. Верую, что она может быть только там, где есть видимое апостольское преемство. Верую, что есть люди, который всецело находятся в ней. Верую, что и для меня это возможно. Верую и стараюсь теснее входить в нее: через делание заповедей Господних, через покаяние и оплакивание своих грехов, через участие в Таинствах, установленных Самим

Господом; и верую, что, как Господь исцелил иссохшую руку того человека, так и меня, если буду неотступно хотеть этого, – и исцелит, и сделает живой частью единого тела Святой Церкви. И тогда то, что для меня сейчас *«как бы сквозь тусклое стекло, гадательно»*, – я вижу *«лицом к лицу»*; то, что *«теперь знаю я отчасти»*, – тогда познаю во всей полноте, *«подобно как я познан»* (1Кор. 13:12).

О немощных в вере

Вторник

Мф. 12:14–16:22–30

Рим. 14:9–18

Апостол пишет: *«Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подать брату случая к преткновению или соблазну»*. А преткновения могут быть самые разные. Например, в апостольские времена некоторые иудеи, принимавшие христианство, никак не могли отказаться от Моисеева закона, и продолжали делить пищу на чистую и нечистую. Была и другая опасность: по неведению съесть идоложертвенное мясо, то есть мясо животного, закланного в жертву языческим идолам. Для самого Апостола этих проблем не существовало. Для него было совершенно ясно, что *«Ветхий закон был для нас детоводителем ко Христу»* (Гал. 3:24) и время его прошло. Знал он и то, что *«идол в мире ничто»* (1Кор. 8:4), и говорил: *«Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого, только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто»*. Но Он же говорил и то, что *«знание надмевает, а любовь назидает»* (1Кор. 8:1). И Апостол видел, – потому что любовь давала ему видеть, – как трудно бывало приходящим ко Христу сразу вдруг отказаться от этого старого вина. И Апостол укоряет не их, этих немощных в вере, но – тех, кто, как и сам, имеет знание, но в отличие от него, не имеет любви. Он говорит: *«А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата своего?»* – Потому что так, в виде осуждения и унижения всегда складываются отношения между знанием и незнанием, если знание лишено любви. И Апостол, во-первых, показывает, какое страшное, безумное и безбожное дело делает тот, кто осуждает и унижает. Судить может только владелец. А владычествует *«над мертвыми и над живыми»* только Христос, и по очень простой причине: потому что только Он заплатил за это право, и не тленным серебром или золотом, но Своей бесценной кровью. Он *«и умер, и воскрес, и ожил»* и за тебя, и за твоего немощного

брата. И тебя, и его Господь привел сюда; и ты стоишь такой, какой ты есть, и брат твой тоже такой, какой он есть на сегодняшний день. И если ты, имея знание, хочешь в срочном порядке тут же убедить его перемениться, а брат твой еще не может принять и огорчается из-за этого, то ты *«уже не по любви поступаешь»*. Не оскверняй его совесть, не заставляй его из-за твоей пищи воспротивиться и всему тому доброму, чему он уже не противится. *«Не губи своею пищею того, за кого Христос умер. да не хулится ваше доброе»*.

Апостол учит нас бережно относиться к человеческой свободе, с благоговением радоваться каждому шагу во Христе; учит отличать главное от второстепенного, помнить, что *«Царствие Божие, не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе»*. В наше время тоже много таких точек преткновения. Много сложилось всяких местных обычаев, много мнений, по таким, например, вопросам: когда прикладываться к иконам, когда во время богослужения стоять на коленях, а когда не стоять, как ставить свечу, когда осенять себя крестным знамением, и так далее. И очень важно, конечно, понять сущность того или иного обряда и стараться все делать по истине и по совести. Но, с другой стороны, надо помнить апостольские слова о том, что знание все-таки надмевает, а назидает-то – любовь. И любовь должна подсказать, когда надо и отступить, и уступить в чем-то второстепенном, если твое упорство нарушает мир, вызывает гнев, и в итоге – всеобщее разорение, и зачастую – где? – в храме, порой в самый ответственный момент богослужения! Кому это выгодно? У тебя есть знание, а у него еще нет; но и он поднимется выше, Господь наставит его, и, может быть, даже именно через тебя, но только в том случае, если ты сейчас уступишь ему и сохранишь мир. Ибо, как говорит Господь, *«всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»*. *«Кто не со Мною»*, – сказал Господь, – тот против Меня; и кто не собирает со Мною» сокровища Царствия Небесного, то есть *«праведность и мир и радость во Святом Духе»*, *«тот расточает»*, – как бы он был

формально прав, как бы точно ни выполнял внешние предписания и обычаи.

О свободе и ответственности

Среда

Мф. 12:38–45

Рим. 15:7–16

Однажды Господь рассказал такую притчу: *«Когда нечистый дух выйдет от человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: «Возвращусь в дом мой, откуда я вышел». И, придя, находит его незанятым, выметенным убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого»* ... Но почему последнее обязательно хуже первого? И почему раньше нечистый дух не мог призвать к себе тех семерых? Очевидно, человек за время дарованной свободы не только не укрепился, но потерял даже былую малую способность противостоять злу. Очевидно, до изгнания нечистого духа у него было стремление освободиться, было искание помощи, а значит, была и молитва к Богу, была какая-то вера в Него.

Но вот пришло освобождение, дом его души опустел от незваного гостя. Человек облегченно вздохнул. Теперь он в силах свободно выбирать, свободно определить свой путь. И что же он выбирает? – А он просто начинает жить, как живется, жить по плоти. Исчезла необходимость противостоять злу, прекратилась и молитва. Бог нужен был не Сам по Себе, но как временный помощник; и теперь человек говорит своему Избавителю: «Сделал свое дело – уходи!». Господь же никого не насилует. Он постоит у дверей души и уйдет. А вот изгнанному нечистому духу уже надоело ходить «по безводным местам», и он решает возвратиться. А человек не только не впустил Бога, но и порвал с Ним всякую молитвенную связь. А ведь Господь сказал, что *«кто не собирает со Мною, тот расточает»* (Мф 12:30), и теперь в душе освободилось место еще для семи злых духов, и на нее, спящую и бессильную, неожиданно обрушивается горе «хуже первого».

Человек должен свободно выбрать Бога, выбрать спасение, выбрать жизнь. И Бог много раз помогает нам, снова и снова освобождая от пут, снова и снова давая свободу выбора. И страшно видеть, как человек снова и снова пренебрегая данной ему свободой, снова и снова впадает в рабство греху и дьяволу, готовя себе вечную погибель. Потому что у того, кто несвободен, еще есть какое-то оправдание. Но если тебя освободили, а ты и теперь отступаешь от Бога, то делаешь это свободно и сознательно. И тут уже нет тебе никакого оправдания на самом милосердном суде.

Особенно четко это видно на судьбе богоизбранного народа. сколько раз Бог посещал Свой народ, сколько раз освобождал и от рабства, и от религиозно нравственной слепоты, и от поработителей тела, и от заблуждений духа. И вот теперь во Христе Бог пришел уже окончательно освободить в первую очередь именно Свой народ от греха и смерти, пришел *«ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам»*. Сваливаются бремена немощей и болезней, легионами выходят нечистые духи. А люди не хотят этого видеть, не хотят поклониться своему Избавителю, и все искушают Его: *«Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение»*. Но Господь обличает лицемеров. Он приводит в пример неосвобожденных и непросвещенных, но более достойных милости. Он говорит, что *«ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его: ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот здесь больше Ионы. Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его: ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот здесь больше Соломона»*. Непросвещенные светом истинного богопознания тянулись навстречу мудрости, как и одержимый бесом отчаянно искал избавления. А тут освобожденные наученные и очищенные сознательно делают своим отцом диавола (Ин. 8:44).

И вот, размышляя об этом и видя то рабство, в которое мы тоже попали, некогда сбросив благое иго Христово, видя все наше невежество, видя все наши бесконечные работ, заботы, очереди, нельзя не отметить во всем этом и милости Божией.

Связанные по рукам и ногам, мы, глядишь, и вздохнем иногда: «Эх, с радостью бы верил в Бога, да никто меня не учил!.. Сходил бы в церковь, да ни минуты времени нет!.. С радостью бы постился, да здоровье все подорвано». А освободи нас, верни нам здоровье, что мы будем делать? Не бросимся ли сами в объятие злых духов в поисках острых ощущений?

Вспомним же о нашем крещении, о том, как священник заклинательными молитвами изгнал из нас «всякого лукавого и нечистого духа», сокрытого и гнездившегося в сердце нашем. Вспомним, как потом мы, освобожденные, отреклись от сатаны и выразили готовность сочетаться со Христом, вспомним, как Христос возродил нас от воды и Духа, принял «в славу Божию... из милости, чтобы славили Бога». Примем же и мы Его, чтобы больше не был пустым и беспризорным дом нашей души, и чтобы Апостол Павел мог сказать и о нас: *«И сам я уверен о вас, братия мои, что ивы полны благодати, исполнены всякого познания, и можете наставлять друг друга»*.

О Пресвятой, Пречистой и Преблагославенной

Четверг

Мф. 14:46–15:3

Рим. 15:17–29

Однажды, когда Господь «говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: *Вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь*». Враги почитания Божией Матери обычно ссылаются на этот текст как на доказательство того, что в Пречистой Деве, дескать, не было ничего особенного и что Иисус даже и не почитал Ее как Мать.

Но, во-первых, Господь говорил эти слова людям, от которых еще было сокрыто то, что сейчас открыто нам. Мы уже знаем об Архангельском благовещении Деве Марии; знаем, что Она не просто по плоти родила Господа Иисуса, как другие матери рожают детей, не ведая, что из них получится. Мы не можем сомневаться, что Она была самой лучшей из всех людей, да и не только людей: мы чтим Ее как «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим» ... Мы отдаем себе отчет, что если бы Она не была Такой, то Бог не мог бы прийти на землю, не мог бы воплотиться. А чтобы быть Такой, Она несомненно должна была с самого детства совершеннейшим образом «исполнять волю Отца... Небесного». Она прекрасно знала, Кого Она родила и с этого момента тщательно «сохраняла все слова» и Своего Божественного Сына, и сказанные о Нем, – «слагая в Сердце Своем» (Лк. 2:19). И мы чтим Ее не просто потому, что Ей «посчастливилось» родить такого Сына, но чтим Ее, во-первых, как Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, а уже вследствие этого – как Богородицу. Рождение Бога стало печатью Ее величайшей праведности.

Но люди тогда еще не знали этого. Они чудесам Иисуса удивлялись: дескать, вот и Мать Его среди нас, – откуда же это у Него?.. Для людей Она пока еще была просто матерью по плоти, которой по закону Он должен был воздавать почитание. Но Господь-то пришел установить между людьми высшее духовное родство. Он пришел всех усыновить Небесному Отцу и восстановить между людьми совершенную полноту взаимоотношений. Ведь иное – отношение к матери, иное – к брату, иное – к сестре. А у Адама кроме Евы и у Евы кроме Адама не было никого. Они были всем друг для друга. Так и Христос, «указав рукою Своею» на тех, кто собрался вокруг Него, обещал, что, *«кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать»*. То есть в отношениях людей во Христе должны быть в высшей степени и равенство, и чистота, и почтительность... И что если бы, уча этому, Иисус вдруг оставил тех, кто все оставил ради Него, и – пошел бы к Своей Матери по плоти, Которая вдруг захотела с Ним поговорить?! Чего бы стоило Его учение?

Но почему же Она поступила столь, казалось бы, эгоистично, почему Она вдруг при всех решила заявить особые права на Своего Сына? Пытаясь объяснить те или иные поступки Божией Матери, мы должны исходить из того, что Она – Пречистая и Преблагославенная. Вспомним, как незадолго до этого поступил другой величайший человек: вспомним, как Иоанн Креститель, всю жизнь положивший за Христа, ради пользы учеников притворился сомневающимся и послал их как бы от себя спросить: *«Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?»*. Он хотел, чтобы ученики сами услышали, увидели и уверовали, и он не боялся умаления своей славы. И несомненно, что Божия Мать поступила подобным образом. Несомненно, что Ей не надо было ничего, кроме славы Своего Божественного Сына. Несомненно, что Своей просьбой Она хотела еще раз дать повод всем услышать о том, что самое главное в жизни, что объединяет людей и усыновляет их Небесному Отцу. Несомненно, слыша ответ Спасителя, Она радовалась и Своему внешнему унижению, и

Его верности Себе, и тому, что ученики, видя такой пример, еще тверже укрепятся на избранном пути.

О притче

Пятница

Мф. 13:4–9

Рим. 16:1–16

Однажды, когда вокруг Господа Иисуса Христа собрался народ, Он стал поучать их притчами, и первая была о том, как *«вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало у дороги; и налетели птицы, и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли; и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние, и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а иное в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!»* На этом кончается наше сегодняшнее зачало. Но интересно, что точно так же было и тогда. Господь рассказал народу притчу, и – все. Уже потом ученики подошли к Нему и спросили: *«Для чего притчами говоришь им?»* Господь объяснил, в чем дело, а потом растолковал и значение притчи. Но народу Он ничего не пояснял. А только сказал в конце: *«Кто имеет уши слышать, да услышит!»* Как и нам с вами сегодня. И мы слышали, что есть зерно, которое имеет чудесную силу прорасти и приносить плод даже во сто крат; что земля, на которую оно может упасть, бывает разная, и если оно попадет на плохую землю, то при всей сокрытой в нем силе может погибнуть. Видим, что есть и сеятель, который разбрасывает семя повсюду, даже на самую неблагоприятную землю. Но если мы заглянем дальше, то увидим, что вовсе не слепо, не механически сеет наш сеятель, что вовсе не бездумно разбрасывает драгоценное семя. Вот, рассказал Господь только притчу. *«И, приступив, сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано. Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет. Потому говорю им притчами, что они видя не видят,*

и слыша не слышат, и не разумеют...» (Мф. 13:10–13:18). Вот, шел наш Сеятель при дороге и бросил только притчу, а попалась добрая земля, и – посеял истолкование притчи.

Казалось бы, чем темнее люди, тем подробнее надо объяснять, а умный и сам разберется. Но Господь – наоборот: тем, которые *«видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют»*, чье *«огрубело сердце»* (Мф. 13:13–15), кто готов возражать, противиться, – тем Он рассказывает только притчу, которая ничему прямо не учит, ни к чему не обязывает, где нечему прямо возразить, не над чем посмеяться. Она просто врезается в память, и человек стоит перед словом Божиим, сокрытым в себе. Если он пойдет за Господом и попросит истолкования, то получит его, как получили Апостолы. А если не захочет идти дальше, то, по крайней мере, кому меньше дано, с того меньше и спросится.

Но и получить истолкование притчи – это далеко не все. Чтобы плодоносить, слово Божие требует от нас постоянного труда, движение навстречу, требует внимания, напряжения, молитвы, чтобы вдруг отверзались наши уши, и чтобы слово Божие прозвучало вдруг прямо для тебя: прямым повелением, милостивым утешением или властным напоминанием.

Да вообще вся церковная жизнь поначалу предстает перед нами как бы сокрытой сама в себе, как бы замкнутой и не относящейся к нам, и лишь по мере старания войти, церковь вдруг становится для нас родным домом, непонятное становится понятным, понятное раскрывается новым смыслом. Как и простое перечисление знакомых Павлу христиан, тоже прочитанное сегодня, наверное, много может открыть имеющему уши, чтобы услышать. Божественная истина неисчерпаема, а начинается с малого семени, с притчи, с этого таинственного знака, сокрытого в самом обыденном. Да и весь мир – великая притча о своем Творце.

Святитель Тихон Задонский назвал одну из своих книг «Сокровище духовное, от мира собираемое». Эта книга учит, как от простых земных предметов, от простых ситуаций и дел всюду можно услышать Божественное слово.

«Кто имеет уши слышать, да слышит», – говорит Господь. Ну, а кто скажет, что он не имеет ушей? А если так, то чем мы будем оправдываться, если птицы небесные перед нашим носом растащат все, то сокровище, которое Бог приготовил специально для нас?

О нуждающихся и не нуждающихся

Суббота

Мф. 9:9–13

Рим. 8:14–21

Только что Иисус Христос исцелил расслабленного, сказав ему: *«Встань, возьми постель твою, и иди...»* Проходя же *«оттуда, Иисус увидел»* другого расслабленного, но не телом, а духом, увидел мытаря, *«сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея»*. Мытари, во-первых, собирали пошлину в пользу чужеземных завоевателей, а потом – в этой профессии заведомо нельзя было оставаться честным. Мытари даже приравнивались к язычникам (Мф.18:17). Но вот Господь сказал Матфею: *«Следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним...»*

В Евангелие встречаются такие люди, которые внешне еще находятся во грехе, но внутренне их связь с грехом настолько ослабла, настолько для них, по-видимому, грех потерял всякую привлекательность, что Сердцеведец Господь единым словом с корнем вырывает их из прежней жизни. Так было и с Матфеем.

И вот, Господь в его доме. С ним – ученики; здесь же и фарисеи, которые неотступно следовали за Господом и внимательно следили за каждым Его шагом... Но вот пришли сюда также и *«многие мытари и грешники... и возлегли с Ним и учениками Его»*. И хотя в этом было нечто недопустимое по иудейским понятиям, но Господь не возбранил им. Когда же фарисеи с удивлением спросили: *«для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?»*, – то Господь ответил: *«не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»*. Они могли бы сказать Ему: пришел врачевать, ну и врачуй, а зачем же есть вместе с нечестивыми?

Но ведь покаяние, это – когда отпадшее творение снова соединяется со своим Творцом, чтобы, как некогда в Раю, пребывать в вечной радости, символом чего на земле и является совместная трапеза. В том-то и состоит врачевание,

что Он, бесконечно Высший, сошел с Неба, сделал шаг навстречу. И они, зная о Его праведности, о Его высоком учении, об уважении к Нему народа, все-таки дерзнули подойти к Нему. Значит, была в них жажда соединиться с теми, от которых их отторгла греховная жизнь, соединиться с теми, у которых совесть чиста. Их обнадежило, что Господь уже вошел в дом мытаря, и теперь они радуются, что, наконец-то, тоже сделали первый шаг. И Господь, конечно, радуется этой их дерзновенной решимости.

А вот считающие себя праведниками вообще не понимают, что здесь происходит; судя по всему, они и сами в трапезе не участвуют, и учеников пытаются побудить к осуждению Учителя. Они спрашивали тихо, чтобы Он не услышал, и вдруг – как гром среди ясного неба – прямо к ним: «... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» ...

Так, если даже человек пришел в Церковь с самыми возвышенными мыслями, но если он не чувствует себя больным, если он не чувствует себя погибающим, то и к нему может прозвучать этот гневный голос. Кто пришел в церковь не с покаянием – ничего не поймет здесь. Он будет только озираться по сторонам и думать, что здесь только едят и пьют, что здесь вообще собралась какая-то странная, непотребная компания. Он не поймет, что этих участников Божественной Трапезы Дух Божий, как блудных детей, привел, наконец, к Отцу. Дух засвидетельствовал им, что они дети Божии, и они этим Духом усыновления стоят и взывают от сокрушенных сердец: «Авва, Отче!»

«Милости хочу, а не жертвы», – говорит Господь, – и с Ним только тем место, кто понял, что и сам бесконечно нуждается в милости, и другим от всего сердца готов ее оказать. Аминь.

О христианских и нехристианских чувствах

Неделя 5-я

Мф. 8:28–9:1

Рим. 10:1–10

Продолжая печалиться о своих заблудших сродниках по плоти, Апостол пишет: *«Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение. Ибо свидетельствуют им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению»*. А ведь ревность без рассуждения – это как, если прекрасный, снаряженный корабль плывет хотя и быстро, но без опытного кормчего, а значит, чем быстрее, тем на более верную гибель. Ревность иудеев не по разуму заключалась в том, что они, по словам Апостола, *«усиливаясь поставить собственную праведность... не покорились праведности Божией»*. «Собственная праведность» могла быть достигнута через выполнение заповедей Моисеева закона.

А о «Божьей праведности», то есть о праведности, которая даром дается от Бога, Апостол говорит, что *«конец закона Христос, к праведности всякого верующего»*. Но при всем этом Христос по своему Божеству – не только «конец закона», но и начало его. Было время, когда Бог дал через Моисея закон; настало время, и Он пришел Сам. Давая закон, Он говорил: *Соблюдайте постановления Мои, которые исполняя, человек будет жив» (Лев. 18:5)*. А теперь пришел и сказал: не надо вашей праведности, не надо ваших усилий: вот Я все Сам сделал за каждого из вас. Поймите это и примите ... Раньше было (а в других религиях и есть): трудитесь, и получишь; плати своей праведностью и дастся тебе благо от Бога. А Господь Иисус Христос Своим делом, Своей жизнью, Своим учением говорит: вот тебе все, вот тебе Моя праведность, и в ней – прощение, в ней – тебе оправдание от всех твоих грехов. Бери все даром, Я приношу всего Себя за тебя и умоляю тебя об одном: прими эту жертву.

Апостол Павел показывает, как у Господа все и было, и есть просто; какими удобными делает Он для нас пути спасения! Как

тогда, когда Господь через Моисея давал заповеди, которые *«исполняя, человек будет жив»*, – Он давал их не мечтательно, не гадательно, но со всей простотой и определенностью. Давал их так, чтобы не было никаких вопросов, никаких претензий, никаких отговорок. *«Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не доступна для тебя и не далека. Она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее? – и не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?»*. Но весьма близко слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его» (Втор. 30:11–14). И Апостол Павел перефразирует эти слова применительно к Новому Завету: *«не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо?»*, то есть Христа свести; *«или кто сойдет в бездну?»*, то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? *«Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём»*, то есть слово веры, которое проповедуем». Христос здесь, рядом, и настолько правильно мы это понимаем и чувствуем, настолько мы и христиане.

И, во-первых, у христианина должно быть не чувство добросовестного труженика, честно зарабатывающего свой хлеб, но чувство неоплатного должника.

Во-вторых, христиане *«сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению»*, потому что человек состоит из души и тела. И не только нужно веровать сердцем, но и исповедовать устами, и самой жизнью, не боясь и не стыдясь.

И, в-третьих, Апостол пишет: *«...если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Христа Господом, и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься»*. То есть недостаточно знать об Иисусе Христе даже то, что Он воскрес из мертвых, даже то, что Он Бог; надо еще и исповедовать Его именно своим Господом. Как и перед таинством Крещения на вопрос священника: *«Веруеши ли Ему?»* – мы отвечали: *«Верую Ему яко Царю и Богу»*. То есть, не просто, как Богу, но – как своему Царю, Которому обязан всем,

от Которого всецело зависишь и Которому дашь ответ за всю жизнь.

А иначе – будешь упорным, гордым делателем, который «и сам все может», и которому по существу не нужен Христос – Спаситель. Или – будешь лицемером, у которого в сердце одно, а на устах – другое. Или – еще хуже: будешь все знать о Христе, но без всякой пользы для себя, как те бесы, о которых сегодня говорило Евангелие: они исповедали Иисуса Сыном Божиим; они знали, что Он их Победитель; они знали, что без Его воли не смогут войти даже в свиней; и все же не назвали Его своим Господом в своей бесовской гордости, в своем бесовском упрямстве.

Седмица 6-я по Пятидесятнице

О семени и о Земле

Понедельник

Мф. 13:10–23

Рим. 16:17–24

Сегодня мы слышали истолкование притчи о Сеятеле. Господь говорит, что *«...ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге»*.

Да, живущий при дороге находится в особо опасном положении. Он по неволе привыкает целые дни смотреть и смотреть: кто там прошел и, кто проехал? Что там пронесли и что там провезли? Где что случилось, и кто что сказал?.. Применительно к нашему времени, жизнь при дороге, это – жизнь перед телевизором и с газетой в руках. Бывает, конечно, что и по дороге пройдет проповедник истины; бывает, что среди этого шума услышишь здоровое слово. Но привыкший к бесконечному потоку времени – как остановится и как узнает вечное? Привыкший к мельканию множества – как уразумеет единое на потребу?

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется». О ком здесь говорится? Конечно же, о том, кто все принимает поверхностно, без достаточного для себя обоснования; кто с радостью принимает учение Христово, но лишь только с точки зрения пользы для этой жизни, лишь с точки зрения его разумности ли, красоты ли; но кто при этом не углубляет своих знаний о Самом Боге и Его совершенстве, о Его всеведении, всемогуществе, о Его безграничной любви к нам; кто не углубляет своих понятий о реальности воскресения из мертвых и вечной жизни, о неизбежности Страшного суда. То есть кто весь – на самой поверхности бытия. Он даже будет много делать для внешнего

блага Церкви, но, если встанет выбор: жизнь без Христа или смерть с Христом, он подумает и выберет первое.

«А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно». Это – сильная земля, но вся сила ее ушла в терние, и, хотя она не отвергает и Божественного семени, желает вырастить и его, но мало места и сил, и росток обречен быть чахлым и бесплодным.

Ну, а добрая земля и есть добрая земля, которая далека от проезжей дороги, которая начинает с самого корня и не спешит поскорее выпустить хоть какой-нибудь росток; которая, даже и не приняв семени Царствия, не будет растить и терния, чувствуя, что не для этого даны ей силы.

И мы знаем, что Господь рассказал эту притчу не для того, чтобы навсегда разделить нас на заведомо бесплодных и на подающих надежду; Он пришел, чтобы Своей крестной жертвой спасти даже самых безнадежных, даже Своих предателей и распинателей, и Он до последнего момента борется за каждое Свое творение. Он к любому обращается не как к рабу, но как к свободному; не как к бесплодной, но как к тучной земле. Так и этой притчей Господь зовет нас вдуматься и взглянуть в себя: кто ты и что тебе надо, чтобы принять семя и вырастить его? Может быть, надо перестать «так жадно глядеть на дорогу»? Может быть, надо глубже думать и доходить до самого корня, прежде, чем принимать? Может быть, надо ослабить свою энергию, направленную на «заботы века сего и обольщения богатства»?.. Что же, Сказавший притчу и Давший ее истолкование да подаст нам и мудрость разобраться в своей душе, в своей жизни, чтобы стать нам доброй, плодоносной Господней нивой.

О пшенице и плевелах

Вторник

Мф. 13:24–30

1Кор. 1:1–9

Сейчас мы слышали притчу о том, как некий хозяин посеял пшеницу, а ночью враг его посеял на этом же поле плевелы. Когда же рабы хозяина хотели сразу вырвать сорные всходы, он запретил до жатвы. Позже Господь объяснил эту притчу, сказав, что *«поле есть мир; доброе семя, это – сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого» враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы»* (Мф. 23:37–39). И действительно, в мире, на этом огромном едином поле Господнем, есть и добро, и зло; есть и праведники, и злодеи; человека окружает множество соблазнов, множество искушений, так что ни шага по пути добра невозможно сделать без жестокой борьбы. Чистые и светлые Ангелы просят у Бога благословения вырвать плевелы, уничтожить беззаконников и тем самым дать доброй пшенице свободно созреть. Ангелы могли бы это сделать во мгновение ока, и, кажется, тогда наступил бы рай на земле. Но Хозяин не одобрил их усердия... Не будем забывать, то Бог бесконечно добрее Ангелов и бесконечно мудрее их, а делает Он только то, что способствует нашему благу. И значит, необходимо для нашего спасения, чтобы плевелы зла, однажды появившись, уже росли бы до самой жатвы, до окончания века. Так было от сотворения мира. Вот, отпал от Бога первый, самый великий из всех сотворенных ангелов. Появился враг Божий, появилось в мире зло. Казалось бы, уничтожить его, заточить сразу в узы вечного мрака. Но Бог этого не делает. Вслед за первым отпало еще множество ангелов: они стали отвратительными злыми духами, бесами. Но и их Господь не уничтожает. Вот появился человек. Он тоже сотворен, как и ангелы, свободным, а значит способным не только возрасти в добре, но и уклоняться в зло. Казалось бы, нужно сохранить его, не дать доступа к нему злым духам-искусителям. Но Господь и этого не делает. И вот пал и человек. Господь мог бы сразу

вырвать его из жизни и создать нового. Но Господь попускает быть злу и в человеческом род... И во всем этом – не бессилие Божие, но премудрый Промысел о мире. Если бы Бог тут же уничтожил отпадших от Него, то, возможно, не было бы никакого предела падениям. Господь не уничтожает падших, чтобы остальные видели все следствия отпадения, чтобы остающиеся верными Ангелы видели, как светлая природа духов становится темной и мерзкой; чтобы и люди видели, как страсти пожирают человека, как желающие блага только себе во взаимной борьбе мучают и терзают друг друга; чтобы все до конца всё видели и не могли бы допустить в себе и мысли: а что, если и мне попробовать? Может быть, в обход Божией заповеди, сам стану как Бог?..

Итак, продолжение существования зла в этом мире создает как бы страшную огненную стену перед всеми, кто ещё верен Богу, и не даёт им самим стать бесами и злодеями. Ведь зло гораздо легче осудить и отвергнуть, когда оно ещё не в нас, нежели, когда оно исходит от нас самих, как наш собственный промысел, как наше собственное страстное желание. Не выдёргивая до времени плевелы зла, Господь не даёт тем самым доброй пшенице стать плевелами... Можно привести такой пример. Бывает, стоишь в храме, и вокруг очень шумно. Поневоле напрягаешь внимание, и несмотря ни на что, слышишь слова молитв. Но бывает наоборот: полная тишина и благоговение. Казалось бы, стой и молись. А между тем, тут-то и уносишься вниманием и от храма, и от молитвы, а значит, и от Самого Бога... Вот и не дает Господь выдергивать плевелы до жатвы, до кончины мира. А тогда уже повелит собрать все соблазны и делающих беззаконие и ввергнуть их в печь огненную, где плач и скрежет зубов. И тогда-то праведники, закаленные в борьбе со злом, навеки утвердившиеся к ненависти ко злу, – воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Да и в этой жизни Господь не оставляет их и обогащает «всяким словом и всяким познанием»; кто верен Господу, тот не имеет недостатка ни в каком даровании, ожидая «последней жатвы», явление Господа нашего Иисуса Христа.

О семени и о закваске

Среда

Мф. 13:31–36

1Кор. 2:9–3:8

Желая дать предельно возможное понятие о Царствии Небесном, открыть *«сокровенное от создания мира»*, Господь рассказал несколько притч. Сначала Он показал, что разной бывает земля, в которую Сеятель бросает семя. Потом – что разного рода семена могут падать на эту землю. А теперь Он хочет сказать нам о необычной силе семени Царствия Небесного. Оно *«подобно зерну горчичному, которое... меньше всех семян»*. И действительно, среди всего множества земных дел, необходимых и важных, какими пустыми и незначительными могут показаться разговоры о том, что невидимо, что ещё не наступило, о том, что нельзя вот так просто взять, пощупать и с достоверностью кому-то показать! И уж совсем неблагоприятно сеять семя, плодов которого ещё не пробовал. Ведь впервые слово о Царствии Небесном всегда обращено к ещё не духовному, а душевному человеку, который *«не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием»*. А служители нивы Христовой, проповедники Царствия, как раз возвещают *«не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого»*. Они свидетельствуют, что *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»*. Но вот человек всё же, несмотря ни на что и ни на кого, вопреки всей земной мудрости, взял и поверил, взял и посеял на поле своём это семя. И – не посрамился. Оказывается, правду говорили, что оно, *«когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»* ...

Но Господь не ограничился этой притчей; ведь зерно просто вырастает из земли, а земля так и остается землёй, и даже более истощённой, чем прежде. Царствие же Небесное не так.

Господь уподобил его ещё и *«закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё»* в закваске тоже таинственная сила: мало её кладётся, но вскисает много теста. Так и Царствие Небесное: не просто прорастает из души, но – всю её преобразует...

Но пока-то зерно прорастает, пока-то тесто вскиснет; а до той поры кто мы? За кого нам считать и себя, и друг друга, пока ещё птицам небесным нечего делать в наших ветвях? пока ещё закваска Царствия Небесного не преобразила нас? – А такие несовершенные христиане были всегда. И сегодня Апостол даёт утешительный ответ. В послании к Коринфянам он, хотя и называет их *«плотскими»*, *«младенцами»*, которых ещё надо питать *«молоком, а не твёрдой пищей»*; говорит, что они и *«были ещё не в силах, и теперь не в силах»*; обличает их, что между ними *«зависть, споры и разногласие»*. В общем, говорит много слов, которые мы могли применить и к себе. Но при этом он называет их *«братьями»*, и, хотя *«младенцами»*, но всё же *«во Христе»*; и, хотя недостойной взрослых пищей, но всё же питает их. То есть при всём несовершенстве считает их своими, родными и жизнеспособными. Поэтому будем уповать на силу Божественного семени и Божественной закваски, видя, как и совершенный христианин не терял надежды, помогая медленному духовному росту своих немощных братьев во Христе.

О мудрости и «мудрости»

Четверг

Мф. 13:36–43

1Кор. 3:18–23

На одном поле мира растёт и пшеница Господня, и плевелы лукавого. От одной земли питаются, но всё у них разное, противоположное, в том числе и мудрость. Апостол пишет, обращаясь к тем, кто от Бога: *«Никто не обольщай самого себя; если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом»*. Мудрым принято называть того, кто больше знает, более способен предусмотреть. Представим себе двух людей, живущих в одном доме. Допустим, оба они ещё ни разу не выходили за порог. Но один каким-то образом узнал и поверил, что за стенами дома есть и солнце, и небо, и бескрайние просторы. Для него мудрость в том, чтобы как следует подготовиться, собраться и уйти в этот светлый и радостный мир. А другой упрямо не хочет в это верить и считает, что за стенами ничего нет. И для него мудрость в том, чтобы устроить своё жилище и с наибольшей приятностью провести отпущенное время. У них разная вера и поэтому разная мудрость, и мудрость одного есть безумие в глазах другого. Верующий старается жить в честности, в воздержании, а ему говорят: «Безумный! Жизнь дается человеку один раз, и прожить её надо в удовольствиях!..» – ведь они не верят, что только за порогом дома, за порогом этой жизни, начинается истинная, вечная жизнь, для которой надо готовить себя.

Верующий, по заповеди Божией, отдаёт последнее, а ему говорят: «Безумный! на что ты сам будешь жить?..» – ведь они не верят, что Отец Небесный даже за стакан холодной воды, поданный во имя божие, воздаст великую награду. Верующий терпеливо переносит скорби, за всё благодарит, никому не мстит, а ему говорят: «Безумный! тебя же сомкнут, растопчут, уничтожат!» – ведь они не верят, что Отец Небесный восставит его во славе, воскресив даже из мёртвых.

И вот, называя верующих безумными, они сами, считая себя мудрецами, копошатся в своём домике, думая, что от Бога можно отгородиться стенами. Они перебирают вещи с места на место. Наводят внутри порядок и не знают того, что наш общий человеческий дом стоит на песке: в любой миг могут подуть ветры, хлынуть воды, и погибнешь под обломками своего жилища со всею своею мудростью. «Господь знает умствование мудрецов, что они суетны».

А христианин, как когда-то праведный Ной, пока не пришли воды потопа, терпеливо строит ковчег своего спасения. И над Ноем смеялись, считая его безумным, но все мы знаем, кто тогда на самом деле оказался мудрым, а кто погиб в своём безумном противлении Богу. Так и мы не должны удивляться и негодовать, если нас считают безумными, но – сожалеть и сострадать тем, кто, имея очи, – не видит, и, имея уши, – не слышит. А сами мы, если не на словах, а на деле следуем за Христом, если имеем истинную веру в Бога и в вечную жизнь, если мы и здешнюю свою жизнь строим в соответствии с вашей верой, – то и к нам относятся слова Апостола: *«Итак ... всё ваше: Павел ли, Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – всё ваше...»* И поистине так: и Апостолы были посланы на проповедь ради нашего спасения; и прекрасный Божий мир для нас говорит о своём Творце; и жизнь дана нам как время подвига, очищения и совершенствования; и смерть тоже наша: сквозь неё, как сквозь царские врата, Господь вводит в вечную жизнь; и настоящее – наше, с его спасительными трудами; и будущее с его блаженством, всё – наше, если только мы «Христовы». А если мы Христовы, то мы Божьи, потому что и «Христос Божий».

О сокровище, о жемчужине и о неводе

Вторник

Мф. 13:24–30

1Кор. 1:1–9

Вот ещё три притчи, в которых Господь ещё с новых сторон рассказывает о Царствии Небесном. Теперь оно уподобляется *«сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нём идёт и продаёт всё, что имеет, и покупает поле то»*. Отметим благоразумие, решительность и щедрость этого человека. Он как должно оценил то, что нашёл. И ведь не собственно поле ему нужно. Но сокровище находится в границах этого поля, и для человека становятся драгоценными эти самые границы.

Так и для нашего сокровища Царствия Небесного становится драгоценным всё, что имеет на себе его отблеск, всё, что имеет к нему хоть какое-то отношение, иными словами, всё, что заключает в себе церковная ограда.

Ещё уподобляет Господь Царство Небесное *«купцу, ищущему хороших жемчужин»*. Здесь герой притчи – человек, не просто желающий обогатиться, но и понимающий толк в вещах и трезво выбирающий. Он предан своему делу и в своей жизни пересмотрел много жемчуга, научился различать в нём достоинства и недостатки. И вот, он нашёл *«одну драгоценную жемчужину»*, совершенство качества и формы. Он хочет непременно обладать ею, и он *«пошёл, и продал всё, что имел, и купил её»*.

Святой равноапостольный Владимир в посвящённом ему тропаре уподобляется такому купцу. Вспомним, как он исследовал разные религии, желая, наконец, найти истину. Только православная вера показалась ему верхом совершенства, и он всё оставил, чтобы её приобрести.

А третья, из сегодняшних притч неожиданно совсем с другой стороны говорит о Царствии Небесном. Господь на этот раз уподобляет его *«неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился,*

вытащили на берег, и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон». Только что в центре был человек, ищущий, приобретающий Царствие Небесное, и вдруг оказывается, что оно само ищет его и улавливает. Оказывается, Сам Бог закидывает невод Своего Промысла и отделяет злых «из среды праведных», чтобы каждый получил своё. И одно не противоречит другому: безусловно то, что человек ищет Бога, но безусловно и то, что Бог ищет человека.

Человеку надо неустанно выбирать, определять, не скупясь, платить, помня, кстати, что, чем бы ты не пожертвовал, – ты жертвуешь не своим, а Божьим, ибо *«что ты имеешь, чего не получил?»* Но с другой стороны, только Бог на последнем суде сможет оценить каждого: кто чего и как искал, кто что и как приобрёл. Потому и напоминает нам Апостол: *«... не судите никак прежде времени, пока не придёт Господь, Который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога».*

О желании быть отлучённым от Христа

Суббота

Мф. 9:18–26

Рим. 9:1–5

Сегодня мы слышали такие удивительные слова Апостола Павла: *«Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая моя печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян».*

И сказал он это сразу после других, тоже удивительных слов: *«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе Господе нашем»* (Рим. 8:38–39) ... Никто и ничто не может отлучить, а он сам хочет быть отлучённым. И от Кого? от Того, Кто подошёл к умершей, *«взял её за руку, и девица встала».* И кто хочет быть отлучённым? – Тот, кому Сам Христос явился и вырвал со дна погибели; кто ещё при жизни *«был восхищён в рай»*, *«слышал неизречённые слова»* и потом свидетельствовал, что *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»*(1Кор. 2:9); кто говорил, сравнивая жизнь и смерть: *«имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»* (Флп. 1:23); кто, *«забывая заднее и простираясь вперёд»*, стремился, не достигнет ли и он, как достиг его Христос (Флп. 3:12–13)... И вдруг теперь он хочет быть отлучённым от того же Христа! И разве мало ему быть для все всем (1Кор. 9:22)? Не учит ли нас Господь всё же любить ближнего как самого себя, а не более, чем себя?..

Но здесь дело не в ближнем. Обратим внимание, что всё-таки не просто ради братьев по плоти хочет Апостол пойти на такой страшный крест. Сказав о своём желании, он тут же объясняет, почему он готов на это: он тут же напоминает, что

ведь не кому-либо, а именно израильтянам *«принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования»*. Израиль для Павла не просто братья по плоти, но – сосуд, в который были излиты невиданные Божьи дары, сосуд славы Божией, предназначенный, в конечном итоге, для всего человечества. И Павел хочет, чтобы капли не пропало из того, над чем так трудился Господь, к чему Он приложил столько особой любви и особой заботы. Ведь *«их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог, благословенный во веки»*. И поэтому, когда речь идёт о спасении людей, Апостол становится для всех всем; когда же слово заходит о самом основании спасения, о *«Христе по плоти»*, о Его крестной заботе, крестном терпении и крестной жертве, то и любовь Павла теряет предел. Он готов тоже на крест, и даже до того, чтобы пережить пережитое Самим Иисусом: *«Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»* (Мф. 27:46).

Вот – Богоподобная любовь Апостола к своему Господу и к своим братьям, до которой нам ещё очень далеко, но не будем же, по крайней мере, говорить такие легкомысленные слова: *«Пусть Бог меня накажет, только бы его не наказал!»*, *«Пусть мне погибнуть, только бы ему было хорошо!»*, *«Пусть грех твой будет на мне!»* ... мы с вами ещё не знаем, не пережили, не почувствовали ни того, что значит быть со Христом, ни того, что значит быть отлучённым от Него. Одни и те же слова в устах одного человека могут быть выражением высочайшей любви, а в устах другого – свидетельством крайнего невежества и безумия.

О «вере их»

Неделя 6-я

Мф. 9:1–8

Рим. 12:6–14

Сегодня Священное Писание снова напоминает, что Церковь есть единое Тело Христово; и как у каждого члена тела своё назначение, свои возможности, так и все мы все в Церкви *«по данной нам благодати имеем различные дарования»*. Апостол называет, во-первых, дар пророчества, когда через человека Духом Святым открываются тайны промысла Божия. есть дар служения. Есть дар учения, способность убедительно передавать истины веры. Есть дар увещевания, дар побуждать к добру и отвращать от зла. Есть дар – раздавать – своё или порученное, – и делать это надо *«в простоте»*, не усложняя оглядкой (а много ли ещё осталось?) ни личным пристрастием. Есть дар начальствовать, со властью управлять вверенными тебе людьми, и тут нужно *«усердие»*. Есть дар благотворительности, и главное здесь – радушие, потому что, если помощь подаётся с радушием, её легче принять. И все эти взаимосвязи, взаимодействия, взаимослужения призваны скреплять Церковь, делать её неразрывным Телом Христовым.

И как в человеческом теле, если в нём всё исправно действует и взаимодействует, то заболевший член быстро поправляется, так и люди, соединённые в Боге любовью, имеют безграничные возможности помогать друг другу. Тут всё зависит от всех.

Вот, однажды принесли к Иисусу Христу *«расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному»* сначала: *«прощаются тебе грехи твои»*, а потом: *«встань, возьми постель твою, и иди в дом твой»*. Подчеркнём: не его веру увидел Господь, а *«веру их»*, именно по их вере исцелил его. А вера их действительно была необыкновенной. В других Евангелиях даже говорится, что они, *«не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и,*

прикопав её, спустили постель, на которой лежал расслабленный» (Мф. 2:4), к ногам Иисуса. Вот – сила единения людей, сила их согласованных действий, сила их дерзновенной веры в Иисуса Христа и любви к своему больному другу. Вот что значит – прийти ко Христу, а именно к этому побуждает Апостол, когда говорит: «Любовь да будет непритворна... будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте...». А потом, как, придя, надо предстоять, он же пишет: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны...»

Так, когда сделаем всё, что от нас зависит, исполним каждое своё служение, когда как бы составим вместе и положим к ногам Иисуса раздробленные части тела Церкви, – тогда можем смело надеяться, что Дух Божий войдёт, оживотворит его и будет врачевать немощствующее и восполнять оскудевающее.

Седмица 7-я по Пятидесятнице

О суде и неосуждении

Понедельник

Мф. 13:54–58

1Кор. 6:9–5:11

Слыша сегодня слова Апостола о необходимости кого-то судить, мы не можем не вспомнить и слов Самого Иисуса Христа: *«Не судите, да не судимы будете»* (Мф. 7:1). Но в другом месте и Господь тоже говорит о суде в Церкви. Только кто тут судья? *«Слово, которое Я говорил, оно будет судить...»* (Ин. 12:48). Кто обвинитель? – *«Есть на вас обвинитель Моисей...»* (Ин. 5:45), то есть наш единственный судья – Слово Божие, и единственный обвинитель – тот, кому дано его произнести. Произносится же Слово Божие с единственной целью: чтобы согрешающий опомнился, уразумел, что, пренебрегая заповедью, он сам отрекается и от Того, Кто её дал, и от тех, кто остаётся ей верен. И единственное наказание для такого – отлучение от церковного общения. О чём и напоминает Апостол: *«Я писал вам в послании – не сообщаться... с тем, кто, называясь братом, остаётся блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником»*. С такими Апостол повелевает *«даже и не есть вместе»*.

Однако не запрещается общаться *«вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями»*. *«Что мне судить и внешних?»* – говорит Апостол. Какими словами обвинять того, кто ещё не принял Божьего Слова в закон своей жизни? *«Внешних... судит Бог»*, судит по законам, которые от нас сокрыты. Ибо кто, кроме Бога, может рассудить, почему человек ещё не прозрел, не уверовал? Кто, кроме Всеведущего Бога, может оценить степень вины и определить, сколько времени отпустить, чтобы успел покаяться, а не набрать новых грехов?..

Ну, а если запрещено даже судить тех, кто ещё не принял нашего закона, то какое безумие – самим судиться у них?.. Между христианами тоже могут быть недоразумения. В Церкви

люди разной степени совершенства, и далеко не все поняли, что *«лучше... оставаться обиженными»*. Поэтому и тут бывает необходим разумный человек, *«который мог бы рассудить между братьями»*, который судом Слова Божия мог бы помочь виноватому увидеть свою вину и покаяться. А у Коринфян, наверное, была та же болезнь, за которую и Господь упрекал своих земляков: *«не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём»*. А в результате – *«брат с братом судится, и притом перед неверными»*, давая к тому же повод злословить Церковь. И Апостол с негодованием говорит об этом: *«Как смеет кто у вас; имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?»* Ведь там совсем другие законы и совсем другие цели и суда, и самой жизни...

Так что не будем никого судить, но будем всегда и сами с благоговением и трепетом ходить пред судом Слова Божия и другим помогать в этом.

О браке

Вторник

Мф. 14:1–13

1Кор. 6:20–7:12

Сегодня читаем наставления Апостола Павла о браке. Он пишет: *«Во избежание блуда каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена»*. И далее пишет: *«если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, нежели разжигаться»*. Одна и та же Божественная премудрость открывается в творении как души, так и тела. Вспомним первые главы книги Бытия о первых днях мира. Бог создал первую женщину из ребра первого мужчины. И когда Бог привёл её к Адаму, тот, хотя и в первый раз увидел её, но сразу узнал. Не сказано, какие чувства он испытал; сказано только, какими словами он их выразил: *«вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа своего»* (Быт. 2:23). Иными словами, увидев Еву, он сказал: «Это моё. И не просто моё, но – изнутри меня взятое и специально для меня созданное».

Могучей таинственной силой связал Бог первых людей, мужчину и женщину. И хотя нельзя сказать, что каждый – только половина человека, но всё-таки видим, какое здесь положено основание для неразрывности человеческого рода; здесь вместе и принудительное, и радостное средство для преодоления человеческого эгоизма, человеческой греховной самодостаточности.

Первый брак первого мужчины был с женщиной, происшедшей из него самого. Следующие браки были между братьями и сестрами. Но когда человеческий род умножился, то видим две стороны Божьего промысла: во-первых, запрещение брака между ближайшими родственниками, чтобы люди не замыкались на себе и на своих; чтобы семья едилась с

семьей, род с родом, и чтобы то, что дано к единению, не служило бы, наоборот, поводом для распрей. За это и Иоанн Креститель обличал Ирода: *«Не должно тебе иметь... жену Филиппа, брата твоего»*. А во-вторых, запрещено было отдавать дочерей за иноверцев и брать оттуда жён. Мы знаем из Священной истории, сколько через иноверных жён приходило соблазна в богоизбранный народ. А самым первым гибельным смешением было, когда *«сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны»* (Быт. 6:2). Предание объясняет, что сыны Божии – это потомки благочестивого Сифа, а другие – потомки первоубийцы Каина. Из-за этого вся земля развратилась и чуть не погибла в водах потопа.

А браки, совершаемые в Господе, соединялись и семейства, и племена, и целые народы. И Господь Своим пришествием не упразднил этого, хотя и открыл более совершенный, лишённый чувственной принудительности путь. Апостол Павел, вставший на этот путь, желая всех соединить в новом Адаме, во Христе, для всех *«сделался всем»* (1Кор. 9:22). И духовные радости, которые давал ему вкусить Господь, были не сравнимы ни с какими радостями брачной жизни. И в то же время Апостол не отталкивает от брака, и даже запрещает одной стороне самовольно уклоняться от супружеского общения, а только – по взаимному согласию, *«на время»*, и только ради *«упражнения в посте и молитве»*. Апостол, хотя и говорит: *«хорошо человеку не касаться женщины»*, – но он тут же и прибавляет: *«но каждый имеет дарование от Бога, один так, другой иначе»*. В этом – подлинное пастырское величие Божьего человека, способного вместить и тех, и других. И нам надо этому учиться: имея одно дарование от Бога, не предписывать своих законов тому, кто имеет совсем другое дарование от Того же Бога.

О входящем и исходящем

Среда

Мф. 14:35–15:11

1Кор. 7:12–24

Однажды подошли к Иисусу Христу иерусалимские книжники и говорят: *«Зачем ученики Твои преступают предания старцев? ибо не умывают рук своих. Когда едят хлеб...»* Когда-то Бог избрал один единственный народ из среды других народов и хранил его, как хранят неразумных детей, чтобы не переняли злых навыков. Бог оградил его двойной стеной: стеной нравственного Закона и стеной внешнего ритуала, внешнего обособления и отличия от других. И всё это с единственной целью: чтобы Имя Божие хранилось в этом народе, и чтобы в своё время прозвучало для всех. Но иудеи не осознали главной цели своего избранничества. Зато у них очень сильно развилось чувство страха перед чужим, боязнь оскверниться от соприкосновения с внешним миром. И это до такой степени, что после общения с язычниками обязательно мыли руки. Но и всегда перед едой они это делали из страха оскверниться по неведению.

Но незаметно кончается детство. И приходит время лицом к лицу встать перед внешним миром. Тебя вдруг перестают водить за руку, и слышишь новые, «взрослые» слова. ты думал, что нечистота только вокруг тебя и всеми силами старался предохраниться от неё, а тебе вдруг говорят: *«Не то, что входит в уста, оскверняет человека»*. И оказывается, те самые «злые помыслы», которые исходят из твоего сердца, и есть то, что поистине оскверняет тебя. Ты придумывал всякие отговорки от настоящего труда, ты придумал такую детскую игру, что *«если кто скажет отцу или матери: «дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», тот может и не почитать отца своего или мать свою»*. А тебе напомнили взрослые обязанности и взрослую ответственность: Бог заповедал: *«почитай отца и мать»* и *«злословящий отца или мать смертью да умрёт»*.

Труден переходный возраст и у человека, и у народа. даже и принявшие Христа иудеи не сразу осознали, что кончилось их детство. Апостолу Петру даже был специальный знак, был показан сходящий с неба *«некоторый сосуд»*, полный нечистых животных, и когда он отказался их *«заколоть и есть»*, сказано было: *«что Бог очистил, того ты не почитай нечистым»* (Деян. 10:9–16). И только после этого Петр решился пойти в дом к неиудею Корнилию.

Только приняв Христа, этот народ мог стать взрослым, обрести силу стоять лицом к лицу с окружающим миром. Когда-то иудеям, вернувшимся из вавилонского плена, велено было отпустить иноплеменных жён как источник соблазна. Но теперь тем, кто возвращается из плена греха в новый, Горний Иерусалим, в Церковь Христову, говорится: *«если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её»*. Так же и уверовавшая жена. Потому что теперь и верующий муж, и верующая жена способны освящать тех, кто живёт с ними. Да и все, принявшие Христа, обретают эту человеческую зрелость и силу. Поэтому *«призван ли кто обрезанным, не скрывайся... рабом ли призван, не смущайся... каждый оставайся в том звании, в котором призван»*. Теперь *«обрезание ничто, и необрезание ничто, но все – в соблюдении заповедей Божиих»*, то есть во взрослой, активной жизни с ясным знанием поставленной цели.

Затянувшееся детство ненормально, а впадение в детство тяжкая болезнь, от которой да сохранит нас Бог. Тяжело видеть среди нас признаки этой болезни. Вот, например, иные считают, что после причастия нельзя никому давать, в том числе и милостыню, а то, дескать, растеряешь всю благодать. А между тем, заповедь Божия гласит: *«просящему у тебя дай»* (Мф. 5:42). И не безумие ли – думать, что Господь лишит благодати того, кто окажет Ему послушание?.. Ибо *«все – в соблюдении заповедей Божиих»*. И если ты ревнуешь об этом, то никакое общение с кем бы то ни было, ни неверующий муж, ни неверующая жена – не может тебя осквернить. Любая нечистота, любая злая воля сквозь тебя, если только ты сам не выйдешь из своего сердца ей навстречу, движимый или

влечением к ней, или чрезмерным страхом пред ней, или даже просто праздным любопытством.

О горизонтали и вертикали

Четверг

Мф. 15:12–21

1Кор. 7:24–35

Апостол советует новообращённым: *«В каком звании кто призван, братия, в каждый и оставайся пред Богом»*. Человек привык передвигаться по поверхности; он склонен искать причины своих бед или в неудачной женитьбе, или в том, что у него нет жены, или в плохой профессии, или в своём социальном положении... Но вот он услышал призывающий глас Божий. Что предпринять первым делом?.. – И чтобы первый же шаг не стал ложным, Апостол и советует прежде всего оставаться на своём месте. Например, *«соединён ли ты с женой? Не ищи развода. Остался без жены? Не ищи жены»*. Не ищи другого состояния, а ищи, как угодить Богу, если ты один; или как в Боге построить отношения с женой, если она у тебя есть.

Но не всякий может вдруг начать двигаться только по духовной вертикали. Не всякий вдруг способен постигнуть: как это – заботиться *«о Господнем, как угодить Богу»*? И не всякий создан для семейной жизни. Насилие над человеком даже в деле спасения не проходит. Останови птицу в воздухе, так она не подниматься от этого начнёт, а падать. И Апостол не заграждает пути по прямой, он сразу оговаривается: *«Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и, если девица выйдет замуж, не согрешит»*. Допускается и развод, но, конечно, только ради безбрачия (1Кор. 7:11). Мы помним, что и в Ветхом Завете Бог не отвергал Своих людей, когда что-то было для них непосильно. Например, в одно время Бог Сам посылал им вождей, называемых «судьями». А *«они захотели постоянного царя, как у всех народов»*. И тогда Бог через пророка Самуила, хотя и открыл, какие «скорби по плоти» понесут они от этого, но всё же сделал по их желанию. Потому что, в конце концов, и с царём, и без царя, и в браке, и вне брака можно остаться с Богом и спастись; потому что и для царя, и для народа, и для

мужа, и для жены всё – только «в соблюдении заповедей Божиих» (1Кор. 7:19).

В наши дни особенно силен дух времени; нас, как пыль, носит туда и сюда, не давая остановиться и одуматься. «Ещё ли не понимаете, что всё входящее в уста. Проходит в чрево и извергается вон?» – говорит Господь. А мы действительно не понимаем и всё ищем, всё приобретаем, всё устраиваем свою жизнь. «Проходит образ мира сего», – а мы всё гонимся за ним, как за призраком; «время уже коротко», – а мы и душой, и телом всё ещё там. Где «слепой ведёт слепого» ... И вот Апостол даёт нам необременительный совет. Он говорит: живите, как живёте, делаете, что делаете, но с одним небольшим условием: «имеющие жён должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся...» Имеешь ли жену? Вспомни, что Бог дал тебе её, Бог может и взять в любой момент. Плачешь ли? – вспомни об утешении, уготованном всем труждающимся и обременённым. Радуетесь ли? – вспомни, что «все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» (Еккл. 6:7). Приобрёл ли что-нибудь долгожданное? – вспомни, что, может быть, завтра призовет тебя Господь и ничего не сможешь взять с собой.

Даже если просто держишь в уме Апостольские слова, ты уже получаешь пользу: уже всякий твой шаг по земле обрёл в твоей душе как бы противовес и через это хотя бы отчасти перестал быть совершенно односторонним. Уже от этих противоположностей в твоей душе образовалась как бы завязь, как бы ядро твоей личности, предстоящей Богу. Как рабу необходимо почувствовать себя «свободным Господа», так и свободному надо понять, что он – «раб Христов» (1Кор. 7:22), через это, чтобы каждый твёрдо встал на обе ноги перед нашим Господом посреди потока мирской жизни.

О браке и безбрачии

Пятница

Мф. 15:29–31

1Кор. 7:35–8:7

Сравнивая брак и безбрачие, Апостол Павел писал Коринфянам, что *«выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше»*. Так же и вдова *«блаженнее, если остаётся так, по моему совету»*. Апостол жалеет христиан, указывая на трудность креста брачной жизни. Он говорит: *«если женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти»*. Причина возможной скорби в том, что соединяются двое, чтобы взаимно обладать друг другом; чтобы жена была во всём послушна мужу, и чтобы муж так относился к жене, как к собственной плоти (Еф. 5:22–29), и это – неразрывно, на всю жизнь! Апостолы, например, ужаснулись, когда услышали, что разводиться можно только по вине любодеяния... С какой тщательностью советует Иоанн Лествичник выбирать духовного руководителя, которому послушник мог бы навсегда и полностью вручить свою волю! – ведь нужен истинный врач, а не такой же больной. А супруги, хотя и соединяются не менее крепкими узами, но ведь не ради скорбей и креста, не ради тесного пути вступили они в брак, а для радостей брачной жизни. А в результате, как часто они превращаются в двух врагов, скованных одной цепью, каждый из которых не ищет, ни как угодить Богу, ни как угодить другому, а только требует угождения себе. Пророк Давид молился: *«Пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне»* (2Цар. 24:14). А в браке велика опасность впасть именно в руки человеческие. И даже при том, что брак будет заключён *«в Господе»*, то есть, с человеком одной веры, одного жизненного закона, – опасность всё равно велика, потому что мы склонны, совершенно забывая о своих обязанностях, слишком хорошо знать обязанности другой

стороны, и деспотически требовать их выполнения, прикрывая свой эгоизм Божественным авторитетом.

Сквозь человека очень трудно пробиться к Богу, и руку Божию гораздо легче увидеть в огне и буре, чем в злобном издевательстве. Но чем выше подвиг, тем славнее венец, и преподобному Антонию однажды было открыто, что при всех его монашеских трудах он ещё не пришёл в меру неких двух женщин, благочестиво живших в браке.

Итак, путь безбрачия Апостол предлагает, как более прямой путь к Богу: *«Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но, чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развращения...»*

Но обратим внимание, что Павел не просто рекомендует безбрачие как состояние; он говорит очень конкретно: *«Желаю, чтобы все были, как и я»*, – и потом ещё раз повторяет, говоря о вдовах: *«хорошо им оставаться, как и я»* (1Кор. 7:7–8). То есть желающим работать Господу он указывает на живой пример. Потом святые отцы говорили: «хочешь научиться страху Божию? – прилепись к человеку, имеющему страх Божий». Монашеское служение всегда считалось великой наукой, «художеством», которому надо учиться, и не просто учиться, но постоянно видеть пример учителя, постоянно жить с ним. А если нет человека, который на пути безбрачия мог бы сказать: «будь, как я», – если наставник, в лучшем случае, имеет только теоретическое знание, которое «надмевает», и не имеет любви, которая одна только способна «назидать», – то не становится ли такой путь ещё более рискованным, чем путь брачной жизни? Ведь в браке, по крайней мере, не стоит вопрос: «что делать?» – надо и друг другу угодить, и детей накормить, и воспитать. И если делать это с молитвой, с терпением, то во тебе и спасение.

Так что будем очень осторожны в выборе жизненного пути, и не стоит уничтожать хорошее и определённое ради неопределённого и неведомого, в чём нас некому наставить. Но даже если кто-то и дерзнёт позвать тебя и сказать: «будь, как я», – то надо очень и очень поразмыслить, а действительно ли быть, как он, достойно, спасительно и богоугодно?..

О жертве, жертвеннике и участниках жертвенника

Суббота

Мф. 10:37–11:1

Рим. 12:1–3

Апостол Павел писал к церкви: *«Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумного служения вашего»*. Вот каким словом определяется христианское «разумное служение»: «жертва». А что такое «жертва»? в Ветхом Завете для жертвы выбиралось лучшее, не имеющее пороков животное. Его брали от стада, от поля, от загона и вели к храму, где был жертвенник. Жертва не была жертвой, если оставалась живой. Апостол же призывает христиан приносить свои тела в жертву «живую». А приносится такая жертва? – Вот Господь говорит ученикам, посылая их на проповедь: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»*. В этих словах ничто иное, как выделение жертвы из стада, отсечение от предков и потомков. *«И кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* – здесь ведение к месту заклания. *«Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу ради Меня сбережёт её»*. Здесь уже – самое заклание.

Апостол объясняет, каким образом оно должно совершаться: *«не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать. Что есть воля Божия, благая, угодная, совершенная»*. И мы знаем из истории Церкви, как святые пророки, апостолы и праведники переставали сообразовываться с безбожием, с суетой, с ложными ценностями и буквально умирали для мира.

Но всегда, где есть жертва, есть и участники жертвенника (1Кор. 10:18). В Ветхом Завете первыми всегда были животные, а вторыми – люди. Участник жертвенника – это тот, кто хотя и понимает необходимость жертвенного служения, но сам ещё не

имеет решимости стать «живой святой, благоугодной» жертвой Богу. Господь и их не лишает надежды; Он говорит: *«Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика (например, Апостола ради того, что он Апостол Христов), истинно говорю вам, не потеряет награды своей»*. Кто чтит, помогает чем может человеку ради того, что он – служитель Христов, кто принимает такого человека, тот, как говорит Господь, *«принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает пославшего Меня»*...

Вот как через очень малое и всем доступное открывается возможность участия и в великом жертвенном служении совершенных христиан, и через это – в величайшем жертвеннике Креста Господня. Думается, что, когда мы только читаем о подвигах святых угодников Божиих, когда удивляемся им и вздыхаем о своём несовершенстве, мы тоже не остаёмся в стороне от этого Жертвенника ...

Поэтому не будем упускать возможности сделать хоть самую малость во имя Христова; а также, видя великое служение других, перестанем, по совету Апостола, думать «о себе более, нежели должно думать», но всегда «скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил».

О истинном угождении

Неделя 7-я

Мф. 9:27–35

Рим. 15:1–7

Пятнадцатую главу послания к Римлянам Апостол начинает словами: *«Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных...»* Кто это – «мы»? «Мы», это значит – он, пишущий, и я, слышащий или читающий. А кто же тогда «бессильны»? – а все остальные, и в первую очередь тот, кто рядом, «ближний». И вот *«каждый из нас должен угождать ближнему»*. Но угождать далеко не во всём, а, как сказано далее, *«во благое, к назиданию»*, то есть, во-первых, в том, что прямо направлено к истинному благу, ко спасению души. Но и любая помощь в любом житейском деле может быть *«к назиданию»*, может расположить человека славить твоего Бога и идти твоим путём.

Но, угождая в житейском, надо именно *«не себе угождать»*. А то ведь болтливый и любопытный только и ждёт, как бы угодить ближнему, выслушивая пустую болтовню и сам отвечая тем же. Чревоугодник только и ждёт, как бы напоить и накормить ближнего, а заодно угодить и своему чреву. Ленивый с удовольствием не пойдёт на дело Божие по малейшему желанию ближнего ... а вот истинные христиане, если им уж и приходилось оказать любовь и ради ближнего в чём-то отойти от своих строгих правил, – потом тайно ещё больше стесняли себя.

Бывает угождение и от личного пристрастия, когда человеку угождают во всём, угождают как Богу. Это – настоящее идолослужение, и о таких у пророка Давида сказано, что *«Бог рассыпал кости человекоугодников»*. А иногда кажется, будто человек угождает ближнему, а он на самом деле творит прямую бесовскую волю. Ведь на что похвальная добродетель – молчание, – а сегодня в Евангелии мы слышали, что оно бывает и от бесовской одержимости.

И чтобы не довести себя до этого, нельзя совершать в угоду ближнего грех, нельзя оборачиваться назад, взявшись за плуг: например, нельзя, если дал обет безбрачия, соглашаться на брак, хотя бы обещали тебе за это встать на путь спасения. Не имеет право человек, образ и подобие Божие, бросать себя как солому в костёр чужих или своих страстей. Да и никогда твой отход от Бога, хотя бы на один шаг, – никому не принесёт пользы. Святые отцы даже говорили, что, если видишь утопающего, – протяни ему жезл, а не руку. Если он способен выбраться, то ухватится за жезл и вылезет. А уж если потерял себя, то, по крайней мере, не утащит и тебя под воду. А ведь сколько печальных случаев, когда, например, неопытные христианки пытались спасти от пьянства или иных пороков – чужих мужей!

Ну, а тому, кто действительно решился угождать ближнему *«во благое, к назиданию»*, трезво оценив свои силы, тому пример Сам Господь Иисус Христос. Апостол приводит слова пророка Давида, сказанные как бы от лица Самого Господа Своему Отцу: *«злословия злословящих Тебя, пали на Меня...»* Сын Божий пришёл на землю, желая угодить Отцу. Он выполнял Его волю, говорил Его слова. в результате, действительно, всё зло злословящих миновало Отца и всецело пало на Сына и привело Его на крест. Христос угодил нам: но не нашему злу. Не нашим страстям, а всему тому добру, что Он Сам же в нас и пробудил. Поэтому Апостол может сказать желающим достичь совершенства: *«Принимайте друг друга, как и Христос принял вас во славу Божию»*.

И да поможет нам Бог отличать истинное угождение ближнему *«во благое, к назиданию»*, от идолослужения, от человекоугодничества, от потворства своим страстям и от неправильной оценки своих сил и возможностей.

Седмица 8-я по Пятидесятнице

О закваске

Понедельник

Мф. 16:1–6

1Кор. 9:13–18

Однажды Господь сказал ученикам: *«Смотрите, берегитесь от закваски фарисейской и саддукейской»* ... Каждая закваска на свой лад преображает вещество, и, если сразу употребишь не ту, то потом не поправишь дело. А закваска фарисейская всё, к чему прикасалась, пропитывала вкусом лжи, лицемерия. Вот фарисеи просят Иисуса *«показать им знамение с неба»*. Казалось бы, что тут плохого? Но Господь резко ответил: *«Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамение времён не можете?»* Если Господь укорил их, значит, они могли и обязаны были узнать это время, не наступающее, а уже наступившее, и Господа, не грядущего, а уже пришедшего. А раз не узнали, значит, просто и не хотели узнать. А, значит, и спрашивали с целью – искутить Господа, значит все вопросы их были заквашены сатанинской закваской, противоестественным желанием не услышать на них вразумительного ответа. А, значит, чем больше они ходили за Господом, чем больше видели и слышали, – тем сильнее отравляли себя, возрастая во лжи и в противлении истины.

И совсем другая закваска в душе Божьего человека.

Апостол Павел пишет в послании к Коринфянам, что Самим Богом установлено: священнодействующим питаться *«от святылища»*, брать *«долю от жертвенника»*. Но Апостолу закваска бесконечной любви к Богу не давала воспользоваться *«ничем таковым»*. Он никого не осуждает: добросовестный наёмник тоже достоин уважения. Апостол только о себе и только с голоса совести говорит: *«если я благовествую, то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! За что же мне награда?»* – продолжает он. – (Иные тут скажут: «вот, и он о награде хлопочет!») – Ну разве не естественно любящему ждать награды как плода своей любви, как свидетельство

угодности и взаимности? Ведь и Сам Сын Божий, исповедав свою совершенную любовь к Отцу словами: *«Всё Моё Твоё»*, – исповедал и надежду на столь же совершенную награду: *«и Твоё Моё»* ...) Так *«за что же мне награда?»* – размышляет Апостол. – Неужели только за то, что я делаю дело, которое и так обязан делать, как единственное возможное для меня, и при том – доставляющее мне величайшую радость? Апостол не может вменить этого себе в заслугу. Награду же он надеется получить – *«за то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моей властью в благовествовании»* ... Так, не зная покоя в своём святом деле и имея полное моральное право *«жить от благовествования»*, он ещё ухитрялся и простым ремеслом зарабатывать себе на жизнь. И это уже его собственный подвиг, его личный дар Богу.

Не всякому по силе такое. Для иного подвиг и в том, чтобы добросовестно отработать свою зарплату. А для иного даже в том, чтобы лишний раз не совершить зла. Но – на любой ступени совершенства или несовершенства ждёт от нас Господь постоянного понуждения себя на большее и лучшее, ждёт, как от заквашенных божественной любовью, роста, движения навстречу Ему, потому что только в этом – жизнь, только это – истинное бытие. И живой, понявший это человек вместе с Апостолом говорит: *«для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою»*.

О смысле жизни

Вторник

Мф. 16:6–12

1Кор. 10:5–12

Вот Господь сотворил чудо, накормив семью хлебами более четырёх тысяч человек. Когда после этого Он с учениками переправлялся на другую сторону озера, то *«сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Ещё ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали?»* И в этом снова, в который раз, проявилось удивительное маловерие богоизбранного народа. бог поступал со Своим народом, как поступают, когда учат человека плавать: его то поддержат, то отпустят, чтобы сам старался держаться на воде. Но евреи, принимая от Бога дары, тут же отступали, едва Он на миг отпускал свою благодетельную руку. Бог вывел их из Египта, провёл по дну моря, избавил от преследователей; и всё же, когда Моисей удалился на сорок дней на гору Синай, чтобы принять от Бога Закон, то народ впал в малодушие: не видя чудес, забыли Бога, сделали золотом тельца и ему стали совершать служение. И потом – не раз: стоило лишь немного помедлить с очередным благодеянием, как люди тут же начинали роптать, и даже рабская жизнь в Египте казалась им более желанной. И Апостол, что народ. Хотя и был избранным, но всё ж пи всяком отступлении его постигали тяжкие бедствия. Особенно, когда уже подошли к земле обетованной, и Моисей послал некоторых тайно осмотреть её. Посланные увидели красоту и богатство земли, но устрешили могучих жителей, и, когда вернулись, стали плохо говорить о земле и смутили народ. Все словно забыли знамения силы Божией и не поверили, что Бог силен сокрушить и эту последнюю преграду.

И тогда было сказано: «Все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвой обещаю отцам их» (Чис. 14:22–23). И вот Апостол напоминает об этом новому Израилю, Церкви Христовой; напоминает, чтобы уберечь от гордости и самоуспокоенности, от духовного расслабления; напоминает, что все эти события, кроме того, что они на самом деле происходили, являются ещё и «образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них. не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от истребителя...» Иными словами, «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Потому что смысл земной жизни только в том, чтобы научиться плыть по реке Богопознания, чтобы мы уже никогда не колебались, как наши прародители в Раю, – ни от наветов сатаны, ни от собственного похотения; чтобы мы были поистине Благонадёжны для Царствия Небесного.

О том, чтобы не упасть

Среда

Мф. 16:20–24

1Кор. 10:12–22

«Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть», – предостерегает Апостол Коринфян, которых было воздвигнуто гонение. Апостол, во-первых, утешает гонимых, напоминает, что *«верен Бог, который не попустит... быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы могли перенести»*. Самих же христиан он зовёт твёрдо держаться и вооружает умы против соблазна участия в служении идолам. *«Сами рассудите о том, что говорю»*, – пишет он и сначала напоминает о великой Жертве. В которой участвуют верующие во Христа. *«Чаша благоговения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?»* Потом, как на прообраз этой жертвы, Апостол указывает на жертвы ветхозаветные: *«Посмотрите на Израиля по плоти; те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?»* Ветхозаветные жертвы тоже приносили истинному Богу, по Его завету. И совершенно недопустимо сравнение с этими жертвами жертв, приносимых идолам.

Но Апостол пишет, что дело даже не в самих идолах, а гораздо глубже. *«Что же я говорю? – объясняет он, – то ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь? Нет»*. Идол сам по себе лишь статуя, сделанная человеком, но беда в том, что *«язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу»*. Потому что одно дело – самый факт возникновения этих аполлонов, афродит и т.д.; и совсем иное дело, когда этим своим вымыслом, этой лжи люди начинают поклоняться.

Ведь всякое служение, всякое жертвоприношение, всякая молитва – это всегда кому-то, а не чему-то, и желание поклоняться не возникает вдруг, из ничего: к нему всегда, видимо или невидимо, побуждают либо Бог, либо бесы. И

принимают его: либо Бог, если оно совершается в истине, по заповеди Божией; либо бесы, злые духи, враги Божии, – если поклоняемся своему вымыслу; по своим понятиям, по своему произволу.

Обратим внимание, сколько существует, например, самых разных, порой совершенно бессмысленных заговоров и заклинаний от одних и тех же болезней. Потому что дело не в словах, а в самом желании обратиться не к Богу. Для бесов этого вполне достаточно. А третьего ничего нет, и уж, конечно, *«не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его? «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть!»* – постоянно напоминает Апостол. И даже тот, кто избрал Господню Чашу, кто думает, что он стоит на правильном пути Богопознания, должен беречься. Потому что на этом пути нельзя останавливаться: во Христе нам надо познать не только Божественное всемогущество; но и Его крайнее уничижение, даже до смерти. И сегодня мы читали, как Пётр понял первое и исповедал: *«Ты Христос, Сын Бога Живаго»* (Мф.16:16). Но когда *«Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников и быть убиту...»*, – тот же Пётр *«начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!»* И вот это проявление человеческого сочувствия, человеческой любви вдруг вызвало такие страшные слова: *«отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое!»*

Да, поистине, *«кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть!»*, потому что сатана скрывается за каждой ложью, за всякой нашей духовной слепотой, и он тут как тут, едва мы противопоставим самому малому Божьему пусть самое великое человеческое.

О отвержении себя

Четверг

Мф. 16:24–28

1Кор. 10:28–11:7

«Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною». Вся жизнь христианина состоит из таких последовательных отречений. Вчера мы читали, что порой приходится отвергнуться своей человеческой жалости, человеческой привязанности ради Божьего дела. Но иногда надо принести в жертву даже своё более правильное понимание того или иного вопроса. Допустим, что я точно знаю, что идол – ничто; не верю я и в силу надо мною бесов. Совесть моя не смущается, я просто, не исследуя, «с благодарением вкушаю пищу» ... Но вот мне указали на кусок мяса, который я уже собирался положить в рот, и сказали: «это идоложертвенное», то есть, это – часть жертвы, принесённой идолу. Причём, сказал мне это или язычник, или маловерный брат, ещё придающий какое-то значение идолам. Его совесть смутилась, а я почему-то должен при его словах тут же положить взятый кусок на место, и не своей пользы, а «ради того, кто объявил» мне, – кто бы он ни был. Я, умный, знающий, должен лишиться себя пищи ради того, кто гораздо ниже меня. Ноя должен это сделать, должен в этом отвергнуться от себя, потому что посланец Божий говорит мне: *«едите ли, пьёте ли, или иное что делаете, всё делайте во славу Божию. Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни Церкви Божией. Так, как и я угождаю всем во всём, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись»*.

Упоминается сегодня и другой повод отвергнуться себя. Апостол упоминает о церковном обычае, чтобы женщина молилась непременно с покрытой головой. Этот обычай держится и по сей день. И вот такая, казалось бы, простая вещь иными женщинами воспринимается с сильнейшим протестом. Дело тут, конечно, не в самом платке, а в том, что, напоминая об этом обычае, Апостол напоминает о природной

подчинённости жены мужу и о внешнем знаке этой подчинённости; напоминает, что, как «мужу глава Христос». Так и «жене глава – муж». *«Итак, муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа».* И поэтому *«всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову».*

Не люди так придумали, но Бог так устроил. И неужели от Бога может исходить что-либо неразумное, постыдное? Всё прекрасно, когда всё на своём месте. Но женщине, забывшей об этом, воспитанной, как говорится, *«не в отеческом законе»*, женщине, которой заморочили голову всякими примитивными теориями, что, дескать, все равны, и все тут, – такой женщине впервые покрыть голову в церкви – настоящий подвиг, настоящее отвержение себя ради Христа.

Вот только два примера. Но каждый из нас мог бы привести много своих собственных. Потому что каждый, стараясь идти за Христом, преодолевает свои собственные трудности, рвёт свои собственные путы. И не надо жалеть этих пут. Нельзя держаться за что-то губительное только потому, что оно моё. Ибо, что значит «моё»? – а только то, что оно губит только меня ... поистине, *«кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережёт её».*

О Царствии Небесном

Преображение Господне

Мф. 17:1–9

2Пет. 1:10–19

Господь много говорил о Царствии Небесном. Первая Его проповедь была о том, что оно приблизилось. Он говорил, что Царствие Небесное надо искать прежде всего. Он рассказывал притчи, где через земные подобия хотел дать какое-то понятие о Царствии Небесном, о том, кто может, а кто не может туда войти. Речами о Царствии Небесном Он и утешал, и предостерегал. Но вот пришло время, и Господь сказал ученикам: *«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смети, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе»* (Мк. 9:1). И *«по прошествии шести дней взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился пред ними, и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей, и Илия, с Ним беседующие...»*

Вот оно, Царство Небесное. Посреди Господь – и со своими дорогими человеческими чертами, и в то же время – как солнце, сияющий Божественной славой. С Ним рядом два великих мужа, которых уже несколько сот лет как нет на земле, но – вот же, они здесь, говорят с Господом о сегодняшних и завтрашних делах, *«об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалим»* (Лк. 9:31), – как будто нет ни времени, ни пространства, ни смерти. И трое учеников Христовых от восторга только и могут выговорить: *«Господи! Хорошо нам здесь быть!»* Они не могут участвовать ни в их славе, ни в их беседе, но всё равно хотят, чтобы это никогда не прекращалось. Чтобы никогда не покидать этой дивной горы, Пётр предложил: *«если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию»*, – поистине, *«не зная, что говорил»*, – добавляет евангелист Лука.

Но вдруг среди этого блаженства – *«се, облако светлое осенило их; и се, глас, из облака глаголющий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои, и очень испугались» ...*

Ученики ещё не прошли до конца пути верности Отцу и послушания Сыну, верности и послушания даже до смерти; и поэтому они ещё только зрители; им ещё не открылся *«свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа»*, но свет Царства показан им, чтобы они помнили его всю жизнь, и особенно – когда увидят Господа распинаемым.

Апостолу Петру, может быть, только память об этом свете и не дала прийти в совершенное отчаяние после его трехкратного отречения. Он, может быть, как никто, понимал, насколько важно среди искушений хранить в сердце и эту Фаворскую гору, и этот фаворский свет, и поэтому он писал христианам: *«Я никогда не перестану напоминать вам о сем»*. Петр проповедовал, *«не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцем Его величия»*. И нам необходимо помнить, как хорошо было на той горе Петру, Иакову и Иоанну, и постоянно обращаться к этому свидетельству, *«как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не станет рассветать день»* Господень, и не взойдёт *«утренняя звезда»* в сердцах наших. А что это за утренняя звезда? – а вспомним, как однажды Господь сказал, что *«не придёт Царствие Божие приметным образом... Ибо, вот Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк.17:20–21). Во многих подвигах и искушениях таинственно наступает зрелость души, и свет Преображения Господня как бы прививается к ней, как бы становится её собственным светом. И когда наступит День Господень, такая душа уже не ужаснётся голоса Небесного Отца, но наоборот: этот голос сделает совершенной её радость о Боге, Спасителе нашем. И такой человек, вместо детского лепета вроде *«хорошо нам здесь быть»* и *«сделаем три кущи»*, – вольётся в сонмы небожителей, которые от переполняющего блаженства *«ни днём, ни ночью не имеют покоя: взывая, свят, свят. Свят*

Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядёт»
(Откр.4:8).

О волосах и о чести

Пятница

Мф. 17:10–18

1Кор. 11:8–22

Всё в Божьем мире – на своих, Богом определённых местах. Так и отношения мужа и жены находятся в прямой зависимости от происхождения обоих. И хотя об этом ясно сказано в Священном Писании, Апостолу приходилось напоминать, что *«не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа»*. А поскольку человек состоит из души и тела, поскольку он принадлежит как видимому миру, так и невидимому, то жена не просто должна знать и помнить о своём происхождении, но и *«должна иметь на голове своей знак власти над нею»*: покрывать голову вовремя предстояния пред Богом. И даже не для людей это важно, а *«для Ангелов»*. Потому что послушание по плоти говорит о духовном преуспевании, и Ангелы более, нежели люди, способны это оценить.

Но дальше Апостол предлагает и самим Коринфянам рассудить, *«прилично ли жене молиться Богу с непокрытой головой? Не сама ли природа учит нас, – пишет он, – что, если муж растит волосы, это для неё – честь: так как волосы даны ей вместо покрывала»* ... Да, существует некая «тайна волос». Но как мог Апостол говорить о бесчестии для мужа растить волосы, если он знал о ветхозаветных назарях, для которых волосы растить было честью? А как выглядел всеми чтимый пророк Илия; *«весь в волосах, и кожаным поясом препоясан по чреслам»* (4Цар. 1:8). И потом – как мог возникнуть в Церкви обычай для священнослужителей растить волосы и быть во время Богослужения с покрытой головой? Очевидно, когда Апостол говорит о чести, он говорит о чести своего чина. Для живущего в миру, выполняющего мирские обязанности, честь – в одном; а для посвятившего себя Богу, принявшего священство честь – в другом. Когда совершается таинство брака, мужа и жену трижды обводят

вокруг Креста и Евангелия. Когда же совершается таинство священства, ставника трижды обводят вокруг Святого Престола. Его венчают с Церковью. И эти великие узы становятся сильнее брачных уз. По нашим обычаям священник даже перестаёт носить обручальное кольцо, чтобы внешние знаки брака не оспаривали знаков священства. Даже одежда ему положена с застёжками на левую сторону, как у женщины. И теперь растить волосы для него становится честью. Потому что знаки его власти над женой уступают знакам его подвластности Богу и Церкви. И если мужчина в миру чувствует какие-то твёрдые автономные обязанности, основанные на твёрдых законах природы, то, став священником, он уже должен острее чувствовать свою непосредственную зависимость от воли Живого Бога: *«Се яко очи раб в руку Господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу, дóндеже ущедрит ны»* (Пс.122:2).

Так что для всякого честь – быть в своём, Богом поставленном чине. Бесчестие – позорно опускаться ниже или же дерзко, вопреки своей природе, лезть вверх. Всему установлено своё почётное и единственное место, и только условно, на нашем грешном языке одно называется первым, другое – вторым, а иное – третьим. В Господе же – *«ни муж без жены, ни жена без мужа... Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; всё же – от Бога»*.

О суде и неосуждении

Суббота

Рим. 13:1–10

Сегодня читаем об отношении христианина к власти. И первые же слова, казалось бы, исчерпывают суть дела: *«Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Поэтомy противящийся власти противится Божию установлению».*

Казалось бы, всё ясно: власть, уже в силу того, что она фактическая власть, есть уже *«от Бога»*, и противиться ей также страшно, как страшно противиться *«Божию установлению»*, и всё. Но почему-то Апостол не останавливается на этом, а продолжает: *«ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от неё. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое... Они Божии слуги, сим самым постоянно занятые».* Если бы Апостол написал только первое, то у нас не возникло бы никаких вопросов, но вот эта мотивация сразу вызывает множество: *«страшны не для добрых дел, а для злых»* ... а если я вижу, что наоборот? *«Делай добро и получишь похвалу от неё».* А если делаю добро, но не то, что похвалы не вижу. А продолжаю не без оснований бояться? *«Начальник... тебе на добро».* А если я вижу от него только зло? *«Сим самым постоянно занятые»* – А если я вижу, что он вообще ничего не делает из положенного ему?.. И эти вопросы и неизбежны, и законны с точки зрения Божественного права. Потому что, упоминая здесь категории добра и зла, Апостол напоминает нам о той судебной инстанции, выше которой ничего нет и не может быть и которой подсудно всё.

Интересно, что не только в послании к Римлянам мы это видим. И в послании к Титу Апостол Павел пишет: *«Напоминай*

им повиноваться и покоряться начальству и властям», – и тут же продолжает: «быть готовым на всякое доброе дело». И Апостол Пётр пишет в таком же духе: «И так будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, от него посылаемым», – и тоже непременно прибавляет: «для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1Пётр. 2:13–14).

Значит, христианин обязан во всех делах власти, как и во всём остальном, различать доброе и злое и ни в каком случае не называть зло добром только потому, что оно исходит от существующей власти. Не власть – источник добра, но власть так же, как и все, подсудна нравственной оценке. И для христианина страшнее всего потерять способность решительно и чётко различать добро и зло. Господь со всей определённости говорит нам, что *«всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа не простится человеку»*. И далее Господь поясняет: *«Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познаётся по плоду»*. А сказал Господь эти слова после того, как фарисеи выдумали на Него, будто Он *«изгоняет бесов не иначе, как силою Вельзевула, князя бесовского»* (Мф. 12:24). Значит, хула на Святого Духа, это когда мы, видя добрые плоды, вдруг объявляем дерево злым, а видя злые плоды, объявляем его добрым; видя дела любви и милосердия, говорим, что человек бес; и видя дела бандита, называем его *«богоустановленной властью»*. Эта хула потому не простится, что прощать тут уже некому: перед нами мертвец, не способный к различению добра и зла, а значит, не способный к покаянию.

Так, свет Христов, позволяющий нам различать добро и зло, должен быть всегда в наших очах. Как поступить в каждом конкретном случае, – дело совести каждого христианина. Но в любом случае все мы должны, по крайней мере, всё называть своими именами, и не ослеплять себя, глядя на любое величие, на любую власть и силу человеческую.

О единстве Церкви

Неделя 8-я

Мф. 14:14–22

1Кор. 1:10–18

Сегодня мы читали, как Господь пятью хлебами накормил пять тысяч человек. Обратим внимание, как это происходило. Ученики обратились к Нему, прося обычного, человеческого: *«место здесь пустынное, и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селение и купили себе пищи»*. В ответ Господь обратился к ученикам со странным предложением: *«Вы дайте им есть»*. То есть сказал заведомо неисполнимое. Очевидно, желая сделать их учениками того, что задумал сделать, Он предварительно хотел приготовить их. Но если в человеческих предприятиях подготовиться, значит оценить свои способности и возможности, то здесь Господь хотел услышать от них как раз исповедание полнейшей неспособности к предстоящему делу. Он и услышал безнадежное: *«У нас здесь только пять хлебов и две рыбы»*. И тогда Он сказал: *«принесите их Мне сюда. и велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики – народу»*. Вот так, Апостолы послушно принесли Господу всё, что у них было, смиренно предстали пред Ним, приняли из Его рук то, что Он освятил Своей молитвой и благословением, и раздали народу. *«И ели все, и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных»*.

Здесь мы видим прообраз Евхаристии, заповеданного нам Господом Таинства Его Пречистых Тела и Крови. Ведь желая насытиться Небесным Хлебом, и мы тоже приносим к Жертвеннику то, что у нас есть: жалкое подобие Небесного Хлеба, хлеб земной, «просфору» (что значит «приношение»). Мы молимся о всех людях, через Святое Крещение пришедших вместе с нами ко Господу Иисусу Христу. Мы молитвенно воспоминаем Его могущество, Его любовь, Его обетования и на основании этого просим, чтобы Он и на этот раз пресуществил

хлеб в Своё Пречистое Тело и вино в Свою Пресвятую Кровь. И через тех же предстоятелей Церкви народу возвращается не количественно умноженный, а качественно пресуществлённый Хлеб, чтобы люди приняли его во оставление грехов и в жизнь вечную.

Так и любое наше служение: к Нему, пред Ним и от Него. И непрестанно – с Ним. В данном случае, конечно, нельзя себе и представить, чтобы Апостолы могли забыть, из Чьих рук они приняли чудесно умножающийся хлеб. Но на людей, получивших хлеб из рук Апостолов, уже была опасность думать о них выше, чем подобало. Для нас же спустя две тысячи лет эта опасность несравненно больше, и не только для мирян; но уже и предстоятели могут согрешать высоким мнением о своих личных качествах, считать себя великими пастырями, целителями и чудотворцами, забыв о Едином Раздавателе всех даров; народ же церковный может смотреть на своего почитаемого пастыря и говорить: *«Кто подобен зверю сему?»* (Откр. 13:4). И пусть эти слова относятся к последним временам, к антихристу, который некогда придёт для последнего обольщения мира, – но ведь и Апостол Иоанн ещё две тысячи лет назад писал применительно к своему времени, что *«и теперь появилось много антихристов»* (1Ин. 2:18). Ведь антихрист – это не тот, кто прямо против Христа, но – страшнее: тот, кто хочет поставить себя вместо Христа. Поэтому с такой тревогой и пишет Апостол Павел к Коринфянам, услышав, что у них *«есть споры»*, что у них говорят: *«Я Павлов»; «Я Аполосов»; «Я Кифин»; «а я Христов»*. Эти споры для Апостола – как треск покачнувшегося дома. Разве сам Апостол не старался даже благовествовать *«не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова»*? *«Разве делился Христос? – с ужасом пишет он, – Разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?»*. *«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но, чтобы вы соединены были в едином духе и в одних мыслях»*. Так, уважая и ценя своих пастырей, всегда надо помнить о Том, Кто Один только даёт им силу. А также и пастырям не забывать,

от Кого они получили все... Потому что иначе – при всей нашей праведности, при всей нашей премудрости – мы можем остаться без Христа, а значит, остаться при своих жалких человеческих силах, остаться при одних своих пяти хлебах, которые без Христа годятся только на то, чтобы тайно от всех съесть их и набирать своё чрево.

Седмица 9-я по Пятидесятнице

О детском и взрослом

Понедельник

Мф. 18:1–11

1Кор. 11:31–12:6

Однажды в ответ на спор учеников, *«кто больше в Царствии Небесном»*, Господь Иисус Христос сказал: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»*. Конечно же, Господь имел в виду не младенческое неразумение, не младенческую неспособность к серьёзному делу. Апостол пишет: *«Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое»*. Бог дал человеку и тот, и другой возраст, и для Царствия Небесного надо не оставаться младенцем и не впадать в детство, а именно – сознательно обратиться и стать, как дети.

Ребёнок, например, чуть что – сразу плачет, чувствуя свою незащищённость; но он спокоен и уверен, когда держится за родительскую руку. Ребёнок обо всём просит родителей и верит, что они всё могут. Так и Божий человек, трезвым взрослым умом поняв зыбкую сущность мира, – перестаёт чувствовать себя самоуверенным взрослым: он непрестанной молитвой и послушанием хватается за руку Небесного Отца с детской верой в Его любовь и могущество...

А для тех, кто ещё не настолько повзрослел, чтобы совершить такое обращение, Господь продолжает, указывая на то же дитя: *«... И кто примет одно такое дитя во имя Моё, тот Меня принимает»*. Но и принять дитя во имя Христова требует немалой зрелости. Потому что есть в детях своя внутренняя, не похожая на взрослую жизнь, своя непостижимая логика; есть в детях особое упорство, и часто ребёнка ничем не заставишь делать то, чего он не хочет. Взрослый негодует: как так? из меня произошёл, всем мне обязан, во всём от меня зависит и вдруг имеет нечто для меня недостижимое?! Так и Божьи дети: бесребреники, странники, молитвенники, –

чрезвычайно раздражают «взрослых», «серьёзных», «деловых» людей и постоянно слышат от них упёки: «лучше бы сделал что-нибудь полезное, вместо своих благоглупостей». Так даже и «взрослую» Марфу раздражала Мария, по-детски севшая у ног Христа и забывшая о делах. Но приходит время, человек становится действительно взрослым во Христе и вдруг понимает, что без этих Божьих детей жизнь пуста и бессмысленна. Как, порой, вдруг поймёшь, что не столько ты нужен для воспитания твоего ребёнка, сколько он необходим для твоего воспитания.

Каждый да вместит то, что может вместить. Невозможно сразу вдруг обратиться и умалиться. Но возможно умалять себя в каждом отдельном случае: не спешит защищать свою правоту; не спешишь занять первое место. Невозможно вдруг вовремя Христово принять дитя, – как своё, так и Божье. Но возможно всякий раз хотя бы не спешить с упрёками, с раздражением; а – несколько мгновений помолчать, подумать, помолиться. Иными словами, и в том, и в другом случаях прежде всего необходимо умение зрелым, взрослым умом судить свои дела, слова, намерения, судить либо за не достоинство, либо за незрелость, потому что, по словам Апостола, *«если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы»*, а значит, и не лишились бы Царствия Небесного. А ведь кому что понятнее: или обратиться и стать как дети, или принять дитя во имя Христово. И то, и другое ведёт к одному. Ибо «дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь Один и Тот же; и действия различны, а Бог Один и Тот же, производящий все во всех».

О пути к согласию

Вторник

Мф. 18:18–22, 19:1–2, 13–15

1Кор. 12:12–26

Господь дал великое обетование: *«Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них»*. но как трудно не то, что многим, а именно троим или даже двоим – прийти в согласие и единомыслие! Мне нет удачи, а ближнему есть, и я за это сержусь на него; мне грустно, а ему весело, и это меня раздражает; мне весело, а ему грустно, и это тоже причина для обиды, и так до бесконечности. И даже среди учеников Христовых поначалу не все было просто. Не зря же Пётр именно после этих слов спросил: *«Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня?»* – Пётр попал прямо в точку, сразу определив, что нужно людям, чтобы «согласиться», «собраться» вместе: нужно прощать. Это-то ясно. Но не ясно – сколько прощать. Неужели *«до семи раз»*, – спросил Пётр. А Господь ответил: *«не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз»*. Число «семь» – число полноты, а тут Господь заповедал прощать превыше всякой полноты, превыше всякого предела. Чтобы всегда было просто, надо всегда прощать. И Господь поставил в пример детей, потому что дети, хотя и часто ссорятся, но быстро забывают обиды.

Итак, причина наших разделений в том, что мы не похожи друг на друга. Но ведь полное однообразие, это – не что иное, как физическая смерть; в полное однообразие приходит только то, откуда отлетела живая, неповторимая душа. В стихире Иоанна Дамаскина в чине погребения поётся: *«Рассмотрех во гробех и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник...»* Но пока мы живы, мы все разные. У каждого свой характер, свои способности, свои дарования, своя внешность. И не причиной

раздоров это должно быть, а ка раз причиной стремления друг к другу. Об этом и пишет Апостол к Коринфянам: *«Как тело одно, но имеет многие члены... так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи и эллины, рабы и свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны». Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге».*

И вот так, бесконечно прощая, радуясь с радующимися, сострадая страждущим, шаг за шагом, стремясь к единению во Христе, мы незаметно для себя даже научимся и желать, и просить у Господа лишь то, что способно помочь нам на этом пути, то есть, просить лишь то, *«что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала»* (Флп. 4:8). И если уж *«двое из вас»* пройдут такой путь друг к другу, если уж они *«согласятся на земле»*, то поистине, без всякого сомнения, *«чего бы ни просили, будем им от Отца Небесного»*.

О справедливости и о любви

Среда

Мф. 20:1–16

1Кор. 13:4–14:5

Сегодня мы читали притчу Господню о хозяине виноградника, который несколько раз с утра выходил на торжище и нанимал всё новых и новых работников. Последних он призвал уже незадолго до вечера, но заплатил им столько же, сколько и самым первым... Притча эта – о Божественной любви и о том, как трудно человеку понять и принять.

Вообще даже и человеческая любовь всегда непостижима и, по-видимому, несправедлива. Непонятна и любовь матери к самому худшему, самому безнадёжному сыну; непонятна и самоотверженная любовь жены к недостойному мужу; непонятно, как она может жить с «таким» мужем или муж с «такой» женой. И уж совсем возмутительно, когда человек, сделавший зла во много раз больше, чем я, так же, как и я, подходит на исповедь и так же, как и я, получает прощение. Вот так же возмутились и самые первые работники, договорившиеся с хозяином за динарий и честно, сполна получившие своё. Они укорили хозяина в несправедливости: «эти последние работали один час, а ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной». Но часто наши укоры в несправедливости: на самом деле грубо попирают справедливость; мы нарушаем право хозяина свободно распоряжаться тем, что ему принадлежит. И в этих исканиях справедливости обычно доходим даже до Самого Бога и указываем даже Ему, что Он должен, а что не должен делать в Им же созданном и только Ему принадлежащем мире!.. Хозяин из притчи совершенно справедливо возразил: *«Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми своё и пойдёшь: я не хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своём делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?»*

Страшно отстать, страшно не выполнить своего урока; но не страшнее ли быть первым, честно и много потрудиться, поднять

высоко и в своём, и в общем мнении? Потому, что не многие из таковых смогут выдержать, когда в последние времена потоки Божией любви хлынут на весь мир, на всех, кто из последних сил, не успев сделать ничего доброго, рванётся навстречу пришедшему Христу и будет помилован. Трудно, очень трудно будет выстоять в этом потоке любви всем, перенесшим «тягость дня и зной». *«Так будут последние первыми, а первые последними»*. Потому что *«Если я... любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»* (1Кор. 13:1–3). И когда Господь приглашает нас быть свидетелями Своего милосердия к недостойным, на наш взгляд, людям, как приглашены были первые работники разделить нечаянную радость последних, то Он даёт нам возможность сделать первый шаг в любви, которая *«долготерпит, милосердствует... не завидует... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине»*.

И можно ли сомневаться, что если бы рабочие, призванные первыми, были бы первыми и в любви, то и они получили бы больше, – не случайно же хозяин начал с последних. Но они решительно осудили любовь и остались при своём жалком динарии и при осквернённой завистью душе...

Поэтому, чем больше работаешь Господу, тем более будь внимателен, чтобы в один миг не потерять наработанного за всю жизнь!

О даре языков

Четверг

Мф. 20:17–28

1Кор. 14:6–9

Среди многих даров Святого духа в древней Церкви был так называемый дар языков, когда человек по вдохновению свыше вдруг начинал молиться на ином языке. Причём, это не были просто иностранные языки, ведь Апостол о получивших такой дар говорит, что *«никто не понимает его, он тайны говорит духом»* (1Кор. 14:2).

Обилие в древней Церкви всевозможных даров понятно. Апостолы сообщали людям основы веры благочестия и шли дальше. А в жизни созданной общины возникало потом много частных проблем, и их нужно было решать. Письменные евангелия появились не сразу; посланиями Апостолы не могли часто назидать свою паству, а посещать ещё – реже. И поэтому Дух Святой непосредственно назидал верных. И дар языков – это было как раз первой ступенью схождения Духа. Это было как бы громогласное стучание в дверь души, в дверь сознания. Это было первым свидетельством присутствия Духа. И человек в состоянии невыразимой радости от прикосновения с небесным начинал молиться словами, неизвестными даже ему самому. Это был личный дар только этому человеку, и поэтому: *«Кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу»* (1Кор. 14:2), *«тот назидает себя»* (1Кор. 14:4). Этот дар очень способствовал личному возрастанию в вере, и люди так увлекались, что приходилось напоминать и о последующей ступени: *«Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали... чтобы церковь получала назидание»*. *«Благодарю Бога моего, – пишет он о себе, – я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке»* (1Кор. 14:18–19).

Вошедшее в сердце должно быть принято разумом через разъяснение *«или откровением, или познанием, или*

пророчеством, или учением». «А потому, – пишет Апостол, – говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1Кор. 14:13). Но как бывает, что разум не понимает огненного биения Духа, звучащего в сердце; так же порой и сердце молчит, не поняв или не приняв то, что услышал и понял разум, услышал тоже от Бога. Вот сегодняшний пример. Однажды, «восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет». И тут же, сразу после этих слов, двое из двенадцати подходят к Иисусу со своей матерью, и она от лица их, к всеобщему негодованию, говорит: «Скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоём». Так, мимо их сердец прошли слова Господни о Его грядущих страданиях и смерти!

В наше время, когда всё, что нам надо знать, уже сказано Духом через святых мужей, записано в книгах, истолковано и объяснено, – истина входит в человека, в основном, дверью ума. И нам надо молить Господа уже не об истолковании, а о том, чтобы всё, чему мы учимся из Писаний, запечатлелось бы и радостно звучало бы в наших сердцах; чтобы этот язык стал и нашим языком, и чтобы при чтении Божественных слов в наших церковных собраниях мы всем сердцем устремлялись бы горе, а не приступали бы ко Господу со своей человеческой суетой, со своими человеческими пристрастиями.

О духовных дарах

Пятница

Мф. 21:12–14,17–20

1Кор. 14:26–40

Священное Писание показывает удивительную жизнь древней Церкви, показывает, как проходили богослужебные собрания христиан. *«Итак, что же братия? – пишет Апостол, – когда вы сходитесь, и у каждого есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – всё сие будет к назиданию».* Не говорит Апостол о недостатке чего-то, о необходимости что-то приобрести, но заботится, как привести в должный порядок всё множество даров Святого Духа, как из рога изобилия изливающееся не Церковь. *«Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу. И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение. И духи пророческие послушны пророкам; потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквях у святых».*

Но надо помнить, что и языки, и откровения, богодухновенные молитвы, и дар истолкования – всё это лишь чистые действия Самого Духа Святого. И всё это, щедро данное Богом, ещё должно пройти путь, подобный тому пути, которым плодородие земли и вода совершают своё действие в живом растении. Любые дары будут тщетны, если не принесут плодов Духа, которыми являются *«любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание»* (Гал. 5:22).

Чем сильнее, чем очевиднее действие Духа, тем страшнее оставаться без плода, и Господь показал это на примере смоковницы, которая красовалась богатой листвой, но не имела

плодов. Господь проклял её, и она засохла. Но это предупреждение не только для древней Церкви, богатой яркими дарами, но и для нас. Ведь и нам очень много дано. У нас есть Священное Писание, Предание, богатая христианская письменность. Есть у нас огромный двухтысячелетний опыт христианской жизни и спасения. Все наши молитвы, поучения, назидания – от того же духовного корня, от которого шли откровения и пророчества в собраниях первых христиан. Но кто же виноват, что всё это у нас лежит как бы в сундуке, который мы ярко раскрасили, но открываем так редко, что поистине отсекаем себя от живоносного корня и даже до того, что в конце забываем, для чего нам нужны храмы, для чего христиане должны сходиться вместе. И зачастую у нас вся духовная жизнь сводится к тому, что одни просто только приходят в храм покупать за деньги здоровье, успех, душевный комфорт, а другие просто приходят торговать этим. А Господь и насчёт этого наглядно предупредил, когда однажды *«выгнал всех продающих и покупающих в храме»*, напомнив им написанное: *«дом Мой домом молитвы наречётся, а вы сделали его вертепом разбойников»*.

Не будем же никому завидовать, а лучше станем дорожить и пользоваться тем, что у нас есть. Чем больше даёт Господь, тем больше Он и спросит; а чтобы усвоить данное Богом и спастись, древним христианам надо было приложить ничуть не меньше усилий, терпения и молитв, чем нам с вами.

О взаимной терпимости

Суббота

Мф. 15:32–39

Рим. 14:6–9

Сегодня нашему вниманию предложены такие слова из послания к Римлянам: *«Кто различает дни, для Господа различает; кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога. И кто не ест, для Господа не ест и благодарит Бога...»*

Господь один, а у каждого человека свой темперамент, свой строй души, свой подход к жизни. Иной в одном цветке увидел всю премудрость Божию и навеки преклонил колена пред Творцом. А другой с умилением ходит по полям и лугам, открывая всё новые оттенки этой бесконечной премудрости. Один посещает свой храм, и для него достаточно, чтобы быть с Богом. А другой любит ходить и в другие храмы, на престольные праздники, любит ездить по монастырям, по святым местам; для него надо видеть богатство церковной жизни, созерцать всё многообразие человеческой святости.

Один «различает дни», старается как можно полнее переживать годовые священные воспоминания земной жизни Господа, Богородицы и прочих святых. А для кого-то всё – один день Господень: для него и в каждой литургии во всей полноте – и Рождество Христово, и Крест, и Воскресение, и слава святых.

Один «ест», помня при этом, что еду посылает Бог, что возможность насытиться всякий раз – такое же чудо, как и когда Господь несколькими хлебами насытил несколько тысяч человек. И он ест, как на вечери Господней, как перед Его очами, благоговейно, тихо и, конечно, благодарит Бога. А другой «не ест», ради подвига воздержания. Он понимает, что воздержаться ради Господа – это ещё больший дар, чем возможность пользоваться Божьими дарами. Он понимает, что дар подвига никогда не дастся гордому, превозносящемуся перед другими; и вот он «благодарит Бога» за то, что «не ест».

Так, чтобы человек ни избрал, самое главное – чтобы это непременно не «для себя», а для Господа. Тут легко проверить себя. Делающий поистине для Господа, выбрав одно, испытывает при этом искреннее уважение и сочувствие к тому, кто выбрал другое. Например, он ни чужую воздержанность не будет осуждать, ни к чужому воздержанию не будет придирааться. Ему одинаково не придёт в голову хвалиться не тем, что он «ест», ни тем что он – «не ест». В общем, во Христе всем найдётся место. Уж настолько живой чужд мёртвому, а Христос Своей любовью смог объять и тех, и других – ведь *«Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мёртвыми, и над живыми»*. Он Своей любовью, подобно молнии, прошёл сквозь всё: сквозь преисподню, сквозь землю и сквозь небо, и теперь во всём, как в наэлектризованном пространстве, след Его присутствия. Всё приобрело новый смысл, всё получило спасительную силу, и никто из нас *«не живёт для себя, и никто не умирает для себя, а живём ли – для Господа живём, умираем ли – для Господа умираем. И поэтому, живём ли, умираем ли, – всегда Господни»*.

О узнавании друг друга

Успение Божией Матери

Лк. 10:38–42:11:27–28

Флп. 2:5–11

Сегодня Церковь празднует Успение Божией Матери. Предание рассказывает, что Ей за три дня было возведено о предстоящем отшествии, и Она к этому времени празднично украсила Свою горницу. Апостолы проповедовали в разных краях земли, и Дух Святой восхитил их отовсюду и принёс в Иерусалим, чтобы они могли проститься с Марией. На третий день горница исполнилась благоухания и света, и Сам Господь явился за Ней. Изобразительное предание показывает: вот Её тело лежит на одре, вокруг Апостолы, а рядом стоит Христос и держит в руках Её душу, имеющую вид маленького спеленатого младенца. И мы думаем об Её душе, какая она собранная, сосредоточенная, цельная. А потом мы знаем – родившемуся младенцу надлежит возрасть и укрепляться. И действительно: прошло почти две тысячи лет, и как возросла слава Богоматери! Сколько за это время открылось повсюду источников Её милости в Её таинственно явленных чудотворных иконах! Сколько людей Она Сама привела к Своему Божественному Сыну! Но самое главное и самое интересное, что во всех Её делах после Успения мы узнаём Её, какой знаем Её по Евангелию. И там Она почти незаметна, немногословна, всегда в тени Своего Божественного Сына. И после Успения Она не изменилась: тоже не любит шума и суеты; если Она является Сама, то лишь достойным избранныкам. А если перед всеми, то – всегда в тени Своих икон.

Но вдруг иногда услышишь, что где-то Она стала являться постоянно, и каждый любопытный может прийти и посмотреть. Или кто-то объявляет себя Её пророком, Её особым избранныком, и вот у него уже целые книги будто бы Её поучений... Как к этому относиться? – А надо исследовать, – Она это или не Она? Похоже это на Неё, или не похоже? Вторых, неужели может пренебречь Словом Божиим Та, которая

слагала в сердце каждое такое слово? А ведь в Священном Писании сказано, что *«учить жене не»* позволено, *«но быть в безмолвии»* (1Тим. 2:12). Она же никогда при жизни не нарушала Закона; например, в сороковой день она пришла в храм принести жертву, *«когда исполнились дни очищения»* (Лк. 2:22), хотя и не имела в этом необходимости. Неужели Она хочет подорвать в нас доверие к Слову Божию, которое *«живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого»*? Неужели Она хочет выбирать у нас из рук этот меч? – Мы не можем в это поверить. Да, Она всегда учила и учит нас, но учит Своей жизнью, Своим целомудренным немногословием. Несколько необходимых слов к благовествующему Архангелу: один вопрос и одно согласие. Пророческая песнь безмерной радости о Боге Спасителе, сотворившем Ей милость. Материнское беспокойство, когда отрок Иисус потерялся в Иерусалиме. Несколько слов на браке в Кане Галилейской: одно ходатайство за людей, и один совет им сделать то, что Он скажет. И на иконах Своих Она почти всегда с Богомладенцем: держит Его, указывает на Него, как бы снова и снова повторяя свою единственную заповедь: *«Что скажет Он вам, то делайте»* (Ин. 2:5). И это – Она. А как бы ни было интересно то или иное явление, какие бы там ни говорили мудрые вещи, какие бы захватывающие чудеса ни показывались, но это – не Она, потому что не похожа на Себя, тихую и целомудренную, свято чтущую Божий Закон.

Как сам Господь *«Иисус Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же»* (Евр. 13:8), так и всякий человек во Христе тот же и в этой, и в будущей жизни. Бессмертна именно человеческая личность, во всей совокупности своих личных дарований. Так и святые после отшествия ко Господу помогают нам теми же дарованиями, какими помогали при жизни. Так и Божия Мать. Такая, какой мы знаем Её по Евангелию, именно такая Она *«во Успении мира не оставила»*, и мы обязаны знать и узнавать именно Её, как мы знаем и будем узнавать друг друга и в этой, и в будущей жизни.

О хождении над бездной

Неделя 9-я

Мф. 14:22–34

1Кор. 3:9–17

Однажды Господь Иисус Христос понудил *«учеников Своих войти в лодку и отправиться на другую сторону»* Геннисаретского озера, а Сам *«взошёл на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и её било волнами, потому что ветер был противный. В четвёртую же стражу ночи пошёл к ним Иисус, идя по морю...»*

Страшно видеть нарушение привычного хода вещей. Страшно, когда бездействуют гражданские законы; но когда перестают действовать физические законы, в незыблемость которых мы верим, то в сердце начинается неопишуемая паника. Вот и Апостолы, когда увидели Господа, идущего по воде во время бури, *«встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали»*.

А между тем, что более соответствует сущности мира: вера в твёрдую незыблемость материи и её законов или ощущение текучести и эфемерности всего, ощущение готовности мира раздаться и поглотить, смешать, стереть, сжечь? Тем более, если Сам Господь прямо сказал, что некогда так и будет, что *«вдруг... солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»* (Мф. 24:29). И это, по словам Господа, может произойти в любой момент, и никому не дано знать о временах и сроках. Так что каждый шаг – не то, что по воде, но – над огненной бездной. Как и саму землю, по свидетельству Священного Писания, Бог *«повесил... ни на чём»* (Иов. 26:7), так и всякий шаг – есть чуда Божьей любви и Божьего могущества.

Но когда Бог приоткрывает эту правду, то каждый шаг становится ещё и чудом веры в Того, Кто *«не попустит вам быть искушаемым сверх сил»* (1Кор.10:13). И далеко не каждый может сразу вынести всю правду. Пётр думал, что

сможет, и сказал: *«Господи! если это Ты, повели мне придти к тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Пётр пошёл по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня»*.

Каким же твёрдым должно быть основание нашей веры. Тот дом, в котором нам предстоит жить, и тот камень, который лежит в его основании! О строительстве этого дома и пишет Апостол: *«Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание»*, то есть открыл истину, возвестил всё, что нужно знать для спасения. *«...А другой строит»* на этом основании, помогает истину усваивать. *«Но каждый смотри, как строит»*, – продолжает Апостол. Вот эти слова надо особенно запомнить. Мы – Божий народ, и мы не имеем права быть слепым, бессмысленным стадом. Каким бы мудрым и знающим не казался наш «духовный строитель», – конечная ответственность всё же лежит на каждом из нас. И каждый обязан проверять всякое услышанное учительское слово – и Священным Писанием, и общецерковным преданием, и соображением разума, и голосом совести; чтобы никакой волк в обличии пастыря не мог *«положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»*. Ведь не кому-то, а самому тебе идти по мосту твоего спасения через бездну твоей гибели, и поэтому ты обязан всё сделать, чтобы быть уверенным, что очередной твой шаг не будет в пустоту и что спасительный Крест Христов всегда будет твоей опорой.

Седмица 10-я по Пятидесятнице

О духовном бесплодии

Понедельник

Мф. 21:18–22

1Кор. 15:12–19

Однажды возвращаясь из Вифании в Иерусалим, Господь *«взаскал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошёл к ней, и ничего не найдя над ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла»*.

Желающие обвинять Господа очень возмущаются этим случаем: им очень жалко бедную смоковницу, как жалко и утонувших гадаринских свиней. А вот у Христовых учеников не возникло чувства несправедливости, и в их вопросе видим только удивление точным исполнением слов Господних. Они *«удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница?»* Вообще в современном человечестве, почти полностью утратившим Бога, всё перевернуто и искажено. Так, непомерно выросла сентиментальная любовь к растениям, к собачкам, к кошечкам, к свинкам, и почти исчезло чувство абсолютной, исключительной ценности человека, созданного по образу и подобию Божию. А Господь, чтобы вернее спасти нас, часто на низшей твари наглядно показывал, какие пути куда ведут.

Господь заскал, а смоковница не напала Его; она имела густую листву, и Господь вправе был искать на ней плода, потому что с таким признаком плодоношения сотворил Он смоковницу. А всё, что извращает пути свои, нарушает замысел Творца, сразу выпадает из круга бытия и, естественно, подлежит уничтожению. На примере смоковницы Господь хотел запечатлеть в сознании учеников, что духовное бесплодие человека или человечества есть свидетельство его умирания, несмотря на внешний блеск и благолепие.

На такое бесплодие наткнулся и Апостол Павел. Вникая в жизнь внешне процветающей коринфской церкви, он вдруг на некоторых ветвях не нашёл ожидаемых плодов, не нашёл самого главного, чем и для чего Церковь существует. И он в

недоумении восклицает: *«Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мёртвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мёртвых?»* А действительно, что может издавать более смертоносный запах? – И Апостол спешит показать тщетность христианского имени, если посеянное семя – факт воскресения из мёртвых Господа нашего Иисуса Христа – не приносит в каждом члене Церкви, в каждой ветви этого ствола обильного плода: ожидая каждым и своего личного воскресения из мёртвых и своего личного участия в жизни будущего века. И если в нас нет этой веры и этого чаяния, если *«нет воскресения мёртвых, то»*, – с неумолимой последовательностью заключает Апостол, – *«и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... вы ещё в грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы»* не просто заблуждаемся или ошибаемся, но – просто-напросто оказываемся *«несчастнее всех людей»*.

Вот так мы часто своим внешним благообразием привлекаем людей, алчущих правды и жаждущих победы над смертью; а они, подойдя ближе, вместо радости о воскресшем Господе, видят уныние, суету и животный ужас перед смертью. Куда же им идти? Где искать? И чего мы после этого заслуживаем?.. на примере смоковницы Господь именно это и показал нам, именно от этого и предостерёг.

О последовательности

Вторник

Мф. 21:23–27

1Кор. 15:29–38

Однажды, когда Господь учил в храме, *«приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какую властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?»* Господь же не ответил, но Сам обратился к ним с вопросом: *«спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какую властью это делаю; крещение Иоанново откуда было: с небес или от человеков?»* и вот, Святой Дух приоткрывает нам ход размышления этих людей: *«если скажем: «с небес», то Он скажет нам: «почему же вы не поверили ему?», а если сказать: «от человеков», – боимся народа, обо все почитают Иоанна за пророка»*. Их не интересует истина. Как сначала они были между гордым нежеланием принять крещение покаяния и опасением потерять авторитет в народе; так и теперь они между стыдом быть обличёнными в безумной непоследовательности (*«если скажем: «с небес» ...»*) и страхом народного гнева (*«если сказать: «от человеков» ...»*). И они так и не нашли, что сказать, кроме как *«не знаем»*. Господь же, услышав, что они не усвоили предыдущего, не отвечает и на их любопытство о последующем и говорит: *«и Я не скажу, какую властью это делаю»*.

Не случайно же Господь послал пред Собою Иоанна Предтечу. Значит, пройдя мимо Иоанна, пройдёшь мимо и Самого Христа. Не поверив словам Предтечи, не поверишь и Его словам. У Господа всё точно, всё – важно, всё идёт своей чередой. В лестнице на небо важна каждая ступень, и на любом этапе подъёма должна соблюдаться строгая последовательность. Господь говорил, например: *«Кто будет веровать и креститься, спасён будет»* (Мк. 16:16). Имеется ввиду, конечно, вера и воскресение мёртвых. И Апостол Павел показывает бессмысленность крещения без этой веры: *«Иначе что делают крестящиеся для мёртвых?»* Бессмыслица,

положенная в основание, не исчезает, но на всё накладывает свою печать. Бессмысленной оказывается и праведная жизнь, не основанная на правой вере. Апостол продолжает: *«Для чего мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю... По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мёртвые не воскресают?»* – и Апостол возводит крышу над домом, в основание которого положено неверие: *«Станем есть и пить, ибо завтра умрём!»* – Вот куда приходим, пройдя даже через крещение, и через праведную жизнь, если перескочим через ступень веры.

Бессмысленно говорить о последующем, если не усвоено предыдущее. Например, если человек не признает Богооткровенности Писания, бесполезно в разговоре с ним ссылаться на Писание как на авторитет. Если человек не признаёт Священного Предания, то напрасно мы будем доказывать святость тех или иных обычаев Церкви. И если человек даже не верит в существовании Бога как Творца Вседержителя, то бесполезно говорить и о суде, и о добре и зле, и о промысле Божиим, да и вообще обо всём.

Да, поможет нам Господь в наших беседах о Божественных вещах соблюдать такую постепенность, чтобы вместо душевной пользы не подавать повода для пустословия, насмешки и богохульства.

О послушании и непослушании

Среда

Мф. 21:28–32

1Кор. 16:4–12

Сегодня мы слышали коротенькую притчу об одном человеке, у которого *«было два сына; и он, подошед к первому, сказал: сын! пойди, сегодня работай в винограднике моём! Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись пошёл. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «иду, государь»; и не пошёл»*.

Обратим внимание, как ответил первый. Он не сказал «не могу», или «сейчас не могу», или «не могу по такой-то причине». Он прямо сказал «не хочу!» А когда человек говорит: «Не хочу», – тут нечего возразить, нечего уточнять, нечему помочь. «Не хочу» – это прорыв человеческого эгоизма сквозь все Божеские и человеческие преграды.

А второй – с какой готовностью согласился! Своими устами он назвал отца «государем», то есть исповедал полное признание его власти над собой, показал свою преданность и благочестие. И вдруг первый, *«раскаявшись, пошёл»*; второй просто взял, да и *«не пошёл»*. Тот, кто грубо и нагло воспротивился, вдруг совершил великую победу над собой, совершил великий труд ещё даже до начала работы в винограднике. А тот, кто казался послушным и верным, вдруг стал последним предателем.

Рассказав эту притчу. Господь спросил у фарисеев: *«Который из двух исполнил волю отца?»* Фарисеи ответили: *«первый»*. И так ответил бы каждый. Кроме разумеется, самого этого сына. Как и фарисеи – даже не подумали, что эта притча про них, пока Господь не сказал прямо: *«Истинно говорю вам, что мытари и блудницы впереди вас идут в Царство Божие. Ибо пришёл к вам Иоанн путём праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видя это, не раскаялись после, чтобы поверить ему»*. Так, внешне благочестивым и всеми уважаемым Господь уже не в первый

раз противопоставляет всеми презируемых, одержимых низкими страстями. Потому что есть у этих последних одно серьёзное преимущество, если только это назвать преимуществом. Дело в том, что сказавший «не хочу» сразу приблизился к самому краю адской бездны. У него уже нет иллюзий и надежд, он сразу со всеми порвал, всем бросил вызов. А сказавший «иду, государь» внешне показывает своё знание и признание законов Божьего мира; но «не хочу» живёт у него внутри и постепенно вылезает наружу; и тем это происходит сильнее и упорнее, чем яснее видно внешнее послушание. Такой тихий предатель уже привык быть всегда правым и, найдя, что ответить отцу на его просьбу, он несомненно найдёт и чем оправдаться, когда отец просит у него отчёта. И так часто бывает. Один ли человек, целый ли народ, сказавший Богу «иду, государь», – где вдруг может оказаться? Всё идёт тихо и мирно, и вдруг наступает какой-нибудь 1917 год, – и откуда что берётся? Что вдруг вылезает из-под внешнего покрыва благочестия?.. И как бы ты ни оправдывался, как бы ни мотивировал своё предательство, как бы ни был прав в своих глазах, но суд-то Божий на тебя уже изречён: *«Который их двух выполнил волю отца?..»*

И особенно соблазнительно сказать «иду, государь», когда всё вокруг грубо и нагло отвечают: «Не хочу!» Тут особенно легко подумать, что, дав согласие, ты уже выполнил волю Небесного Отца, на мгновение выделяясь из толпы богопротивников. Переход от поверхностной верности к глубочайшему предательству порой трудноуловим. Как же проверить себя: пошёл ты или не пошёл? – А способ один. Отец послал тебя не куда-то, а именно трудиться. А ты трудишься или находишься в праздности? Понуждаешь ли себя на борьбу именно со своим грехом и на делание угодного Богу, хотя и не приятного тебе? Охотно ли терпишь тяготы и скорби жизни? С радостью ли принимаешь от людей укоры и обличения?

И если ничего подобного нет, то, может быть, работа в винограднике Отца Небесного уже давно идёт без тебя? Ты же, дав обещание, сказав «иду, государь», забрёл куда-то не туда,

и вот стоишь, считая себя абсолютно правым, а суд Божий уже изречён.

О краеугольном камне

Четверг

Мф. 21:43–46

2Кор. 1:1–7

Какими бы именами мы ни пытались определить Бога – во всём будет только часть правды. Он и – свет, потому что просвещает наш ум; Он и – тепло потому что согревает наши души; Он и вода живая, пьющий которую никогда не будет жаждать; Он и хлеб, который, если кто принимает, не взалчет вовеки. А в сегодняшнем евангельском чтении Господь и Бог наш Иисус Христос сравнивается с камнем, поставленным в основании здания всей нашей жизни, и сказано, что *«тот, кто упадёт на этот камень, разобьётся, а на кого он упадёт, того раздавит»*. И в этом нетрудно убедиться. Посмотри на карту мира: Палестина, где воплотился Христос, находится в самом центре земных материков. И время тоже – хочешь ты этого или не хочешь, отчитывается – во всём мире именно от Рождества Христова, как два луча: вперёд и назад. И вся ветхозаветная история была лишь подготовкой к принятию сошедшего с небес Христа Спасителя. И кто узнал и принял Христа, тот обрёл новую жизнь, а кто отверг, тот остался при омертвевших обрядах религии древних иудеев. И главный смысл истории с тех пор, как пришёл Христос, – в распространении по всей земле благой вести о Его победе над смертью.

На Христе, как на краеугольном камне, покоится здание Его Церкви, и, как видим из Писания и из истории, – врата адовы не могут одолеть её. Христос – это и главная опора всякого храма. Славят в храме Христа, значит, это – живой, благодатный дом Божий. А если перестают, то ранее славное место становится мерзостью запустения, трупом, которого покинула жизнь, и вся её внешняя красота теряет смысл, становится непонятной и не нужной.

Но Христос, это и – краеугольный камень души христианина. И пока Он стоит в душе, Он будет утешать нас *«во*

всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби». Но как только Он рухнет, то, действительно, «на кого он упадёт, того раздавит». Душа почувствует давящее чувство уныния, жизнь станет бессмысленной и ненужной, а вечная смерть – неотвратимой и жуткой. В душе, как в разрушенном, осквернённом храме, водворится мерзость запустения... и порой сразу не поймёшь – откуда пришла беда? – но на самом деле «вдруг» она никогда не приходит. Где-то согрешил и не покаялся, когда-то проявил небрежность к молитвенному правилу; в другой раз в чём-то предпочёл свою волю Божиим заповедям. Думаешь: ничего страшного, мелочь! А ведь на самом деле это страшно сказать! – пренебрежение к Творцу. Дескать, подождёшь, обойдёшься: у меня есть дела поважнее... И вот то, что было твёрдым основанием твоей жизни, вдруг начинает нависать над тобою, как скала, готовая рухнуть. Мы сами порой не видим, а вот со стороны это видно хорошо. И одно из средств духовно выжить, это – научиться принимать обличения. Причём, принимать их в любой форме: даже когда тебя бранят, укоряют отчитывают потому что во всяком, даже в самом недоброжелательном обличении есть доля истины. Какая тебе разница, с какой целью тебя укоряют, и кто делает это, друг или враг: тебе важнее вовремя увидеть свою беду. И если ты ещё живой человек, ты в конце концов смиришься и примешь с благодарностью. Лишь духовно мёртвые противятся до конца: даже тогда, когда их предостерегают, что «отнимется» от них «царство», – их ответ один: схватить и уничтожить своего обличителя и спасителя.

Будем же и сами бодрствовать на страже своей души и держать её открытой для всякого обличения, – чтобы незыблемо стоял в ней краеугольный камень спасения – Господь наш Иисус Христос. А если Он будет в наших душах, то будет и в наших храмах, будет и в нашей Церкви; будет на всей нашей земле.

О воскресении из мертвых

Пятница

Мф. 22:23–33

2Кор. 1:12–30

Господь Иисус Христос всё время говорил о грядущем воскресении мертвых и жизни будущего века, Апостолы тоже постоянно напоминали об этом. Но и в книгах Ветхого Завета сказано, что душа по разлучению с телом продолжает существовать в каком-то ином состоянии. *«И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его»* (Еккл. 12:7). Есть там указания и на грядущее воскресение всего человека. Святой Иов Многострадальный говорил: *«Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его»* (Иов. 19:25–27). А чего стоит одно только видение пророка Иезекииля, где множество мёртвых костей на огромном поле вдруг покрылось плотью и ожило во славу Господню. Этот отрывок читается на утрени Великой субботы (Иезек. 37). Но была секта саддукеев, отрицавшая всякую возможность вечной жизни. Они учили, что нет ни *«воскресения, ни Ангела, ни духа»* (Деян. 23:8). Видя же, что Иисус проповедует и одно, и второе, и третье, решили задать мудрёный вопрос, который, как они были уверены, поставит Его в тупик: *«Учитель»*, – обратились они к Иисусу, — *«Было у нас семь братьев. Первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену брату своему»* подобно и второй, и третий и даже до седьмого; после же всех умерла и жена. Итак, в воскресении, которого из семи братьев будет она женою? ибо все имели её». Действительно, мудрёная ситуация; и разрешить её, конечно, невозможно, если предположить, что по воскресении люди снова станут жить, как и в этой жизни. «Мудрые» саддукейские головы не могли даже помыслить, что возможно что-то иное, и Господь, не отвечая на их вопрос, сразу сказал: *«Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией»*. Потому что и в Писании говорится о

воскресении; и простой здравый смысл говорит нам, что сила Божия не могла исчерпать себя в творении мира. Неужели создать из ничего легче, чем потом воскресить? Неужели Бог столь премудро создал человека лишь для того, чтобы опять превратить в ничто?.. А что будут делать люди по воскресении? – Только Тот, Кто сотворил нас и, Кто воскресит нас, – может знать и поведать об этом, например, что в воскресении мертвых *«не женятся, не выходят замуж, но пребывают как Ангелы Божии на небесах»*.

И в заключение Господь привёл саддукеям ещё одно свидетельство Писания. Он напомнил, как Бог явился Моисею в пламени горящего и не сгорающего куста, чтобы призвать его к пророческому служению. Моисей услышал: *«Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова...»* А между тем, все трое к тому времени уже 400 лет как оставили земную жизнь, и, казалось бы, какая разница: был у них Бог мертвых, но живых». И действительно, бессмысленно было бы называть Себя Богом тех, кто мёртв и телом, и душою, Богом тех, кого нет. Потому что, если мертвые не воскресают, то бессмысленны и вообще все дела, не только человеческие, но и Божеские...

Отвергать воскресение мертвых – безумие; и в этом отношении у нас не должно быть никаких колебаний; никакой двусмысленности. *«Верен Бог, – что слово наше к вам не было то «да», то «нет».* Ибо Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас нами... не был «да» и «нет», но в Нём было «да». – Ибо все обетования Божии в Нём «да», – во славу Божию, чрез нас».

О воспитании учеников

Суббота

Мф. 17:24–18:4

Рим. 15:30–33

Святой Апостол Павел писал к римлянам: *«Умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться мне от неверующих в Иудее, и чтобы служение моё было благоприятно»*. Вот истинно детское умаление себя, о котором говорил Господь. Ведь дети у благоразумных родителей даже не подозревают, насколько они дороги родителям, и какую силу имеют их просьбы! Так и Павел, как будто не видит своих трудов и не надеется на силу своих молитв, но смиренно просит всю церковь ходатайствовать о нём пред Богом.

К этому блаженному ненадеянию на себя Господь и старался привести Своих учеников. И Он не столько объяснял, сколько давал возможность пережить и почувствовать. Особенно много таких случаев связано с Петром. Вот Пётр высказывает сочувствие: *«будь милостив с Себе, Господи!..»* А в ответ слышит: *«отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!»* (Мф. 16:23). Вот он, по-видимому, выказывает незаурядную веру, идёт по воде, и вдруг скрывается, и тонет, в отчаянии крича: *«Господи! спаси меня»* (Мф. 14:30). Вот он заверяет Господа в совершенной преданности, а в ответ слышит о своём скором предательстве... Сегодня читаем ещё об одном подобном случае.

Однажды, когда Господь находился в доме, к Петру подошли *«собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы?»* (Дидрахма – это две драхмы, милостыня на храм). Пётр не сомневался, что сказавший: *«Блаженны милостивые»*, и Сам подаст милостыню, и ответил: *«да»*. Но войдя в дом, он вдруг услышал: *«...как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих или посторонних? Пётр говорит Ему: с посторонних»*. *«Итак, сыны свободны»*, – сказал на это Иисус. Пётр, конечно,

тут же вспомнил, как сам же незадолго перед этим исповедал: *«Ты Христос, Сын Бога Живого»*. И, конечно, Пётр не мог не согласиться, что, действительно, противоестественно Богу – жертвовать на Божий же храм. Желая исправить свою поспешность, он, наверное, хотел тут же выйти и прямо отказать. Но Господь снова остановил Петра. Тщетно было бы объяснять сборщикам, почему Иисус не должен давать подать на храм. Его всё равно не поняли бы, обвинив в жадности, а то и в богохульстве. И Господь говорит Петру: *«но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уд, и первую рыбу, которая попадётся, возьми; и, открыв у ней рот, найдёшь статир (монета в четыре драхмы); возьми его и отдай им...»* Так Господь и подал, и не подал; не соблазнив сборщиков, Он и глазах Петра не пренебрёг Своим Божественным достоинством. Пётр же ещё раз ощутил свою малость, своё неумение сделать без Божией помощи даже простое дело, сказать даже простую вещь.

Так Господь готовил Петра к званию первоверховного Апостола. Так помогал ему умалиться как дитя. Потому что, кто достигает такого умаления на земле, тот на столько возвышается в Царствии Небесном, что Господь и с него, как и с Себя, как будто с двух равных детей Небесного Отца, снимает обязанность платить подать на храм. А во избежание сугубого соблазна и ему посылает дидрахму таким же образом, как и Себе: *«отдай за Меня и за себя»*.

О вере, посте и молитве

Неделя 10-я

Мф. 17:14–23

1Кор. 4:9–16

Однажды подошёл к Иисусу некий человек *«и преклонив пред Ним колена, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду; я приводил к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращённый! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот же час»*.

Когда потом ученики спросили, почему они не смогли этого сделать, то Господь сказал: *«по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», – и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас; сей же род изгоняется лишь молитвою и постом»*.

Ученики, по-видимому, поняли Его слова. Но когда вскоре Господь открыл им, что Он *«предан будет в руки человеческие, и убьют Его»*, то ученики *«весьма опечалились»*. Из этого видно, что они тогда всё-таки не поняли, что значит вера, пост и молитва. Потом, когда Дух Святой просветил их, они не только перестали печалиться пути Христову, но и сами пошли с радостью этим путём и другим указывали на этот путь как на единственный: *«нам... Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти; потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради... мы немощны... мы в бесчестии. Даже до ныне терпим голод жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне»*. Вот – истинный пост как отвержение власти мира над собой; вот – истинная молитва как всецелое посвящение себя Богу; и вот – истинная вера, от

которой рождается и то, и другое. Потому Апостолы и смогли выходить против *«мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6:12), что они перестали опираться в этом мире на всё то, к чему бесы имеют доступ и что могли бы выбить из-под их ног.

Но мы также знаем, как постыжают бесы того, кто, будучи мирским и плотским, дерзает выходить против них. В Деяниях Апостолов описывается, как в Ефесе некоторые иудейские заклинатели пытались изгонять духов, говоря: *«Заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует»*. *«Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они нагие и избитые выбежали из того дома»* (Деян. 19:13–16). И такое случается: ты поднимаешь руку, чтобы крестным знамением разрушить бесовское наваждение, а бесы говорят: *«Знаем Иисуса, знаем, что такое Крест, а ты кто?»* И ведь, правда: посмотри на свой пост. Пусть ты не ешь мясного и молочного, но зато остальное ты ешь вдоволь и часто, ты не можешь довольствоваться хлебом и водой один раз в день. Ты боишься за себя, жалеешь свою плоть, и, как правило, не столько даже своё тело, сколько – твоя душа желает телесной пищи, потому что ей скучно, тоскливо без еды! А какая тут может быть молитва, если наша надежда не на Бога, а на чрево, и если мы только от насыщения чрева научились получать радость... потому-то в наше время так много одержимых бесами и так мало тех, кто их может изгонять. А между тем, все христиане призваны побеждать бесов, и Апостол обращался ко всем, когда писал: *«Подражайте мне, как я Христу»*.

И вот беда: перед Апостолами был живой пример Христа, перед первыми христианами – живой пример Апостолов; а перед нами, порой, одни только книжные примеры веры, поста и молитвы. Не видя того, кто подал бы руку и сказал: *«подражайте мне, как я Христу»*, – мы вступаем в Церковь как во тьме, наощупь, а всё вокруг стремится соблазнить и сбить с пути. Мы идём как по болоту и сразу начинаем тонуть, едва только сделаем резкое, непродуманное движение.

Поэтому, ощутив в себе хоть какую-то веру, не будем, по крайней мере, замахиваться сразу передвигать горы, бросать вызов бесам, переустраивать вокруг себя жизнь. Будем браться только за дела, соразмерными с нашими силами, с тем, насколько мы ещё зависим от мира и насколько мы уже прилепились к Богу, иными словами, каковы наши пост и молитва.

Седмица 11-я по Пятидесятнице

О православном миссионерстве

Понедельник

Мф. 23:13–22

2Кор. 2:14–3:3

Сегодня мы слышали гневные слова Господни к духовным вождям народа: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам: ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»*. Врата Царства Небесного всегда есть на земле, и на страже их всегда стоят люди, а точнее, собственно люди и составляют эти врата; и желающий чтить Бога непременно должен войти в семью Богочтителей. Так было и в Ветхом Завете. В книге «Руфь» овдовевшая иноплеменная невестка говорит своей свекрови: *«твой народ будет моим народом, и твой Бог моим Богом»* (Руфь 1:16). Тем более в христианстве: обратиться ко Христу всегда значило принять в свою семью, ввести в круг своей любви, своей заботы: *«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называли своим, но всё у них было общее»* (Деян. 4:32). Принимая к себе человека, община брала и ответственность за него. И если истинный хранитель врат Царствия Небесного видел для кого-то опасность отпадения, то он писал об этом *«от великой скорби и стеснённого сердца»*. А если ему пришлось на время отлучить кого-то за смертный грех, то он страдает вместе с грешником и при первой возможности сразу советует *«простить его и утешить, дабы он не был поглощён чрезмерной печалью»*. Истинный хранитель врат Царствия Небесного, опираясь на Бога, одновременно опирается на всех членов Церкви: *«Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью (чтобы не сказать много) и всех вас... А кого вы в чём-то прощаете, того и я: ибо и я, если в чём простил кого, простил для вас и от лица Христова»*. И он всё делает, чтобы не утратить ни единого члена из народа Божия, *«чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам неизвестны его*

умыслы», потому что, отторгая кого-то, сатана наносит ущерб и всей Церкви Христовой.

Ну а те, которые *«лицемерно долго»* молятся и в то же время поедают дома братьев, – навлекают на себя *«тем большее осуждение»*. Потому что отношение к Богу и отношения внутри Божьего народа настолько неразрывны, что нарушивший второе неизбежно нарушит и первое. Поедающие дома детей Божиих непременно придут к уничтожению и Самого Бога и будут говорить: *«если кто поклянётся храмом, то ничего(то есть, можно и не выполнять клятву); а если поклянётся золотом храма, то повинен (если не выполнит клятву)»*. Или: *«если кто поклянётся жертвенником, то ничего; если же кто поклянётся даром, который на нём, то повинен»*. Но что же больше: *«золото или храм, освящающий золото?»*, *«дар или жертвенник, освящающий дар?»* – А у них получается, что приносимое ими в дом Божий больше Самого Бога и их жертва больше Того, Кому она посвящена! Поистине – *«безумные и слепые»*. И вот людям, имеющим такое извращённое понятие о Боге, но дерзающим учить других, Господь говорит: *«Горе вам... лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас»*. Господь не хочет, чтобы люди погибали вместе с лицемерами; и поэтому только тогда он даёт удачу в подвиге миссионерства, только тогда даёт *«торжествовать во Христе, и благоухания познания о Себе распространяет нами во всяком месте»*, когда в нашем церковном доме порядок, правая вера, мир и любовь.

О раскрашенных гробах

Вторник

Мф. 23:23–28

2Кор. 2:14–3:3

Господь продолжает обличать ложных чтителей Бога: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даёте десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставляют. Вожди слепые, оцеживающие комара и верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как они внутри полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их»*. Обратим внимание, что Господь начинает укорять не за то, что не сделано, а за то, что как раз сделано: потому что при невыполнении главного тщательное выполнение второстепенного не смягчает вину, но навлекает ещё большее осуждение. Писание говорит, что тому, кто совсем не знает Бога, будет легче на суде, чем тому, кто знает, но при этом хочет отделаться издевательски малым, дескать, и так сойдёт! А ведь Божьему народу прямо было сказано через пророка Давида: *«Не о жертвах твоих обличу тя... Моя бо есть вселенная и исполнения ея... Пожри Богови жертву хвалы, и воздасть Вышняму молитвы твоя. И призови Мя в день скорби своея, и изму тя, и прославиши Мя...»* Ждал Бог от своего народа прежде всего того, что выражается словами: «суд, милость и вера», а Ему пытались подсунуть десятину с каких-то огородных трав.

Так же и об очищении чаши и блюда. Казалось бы, хорошо и то, что человек очищает хотя бы внешнее. Но Господь как раз и ставит это ему в укор. Потому что удача во внешнем при забвении внутреннего не есть даже малая, частичная удача. Если вид предмета побудил приобрести его, а потом оказалось, что сердцевина гнилая, то мы ещё более будем досадовать, что ложной внешностью были введены в пустую трату.

Апостол пишет: *«Благодарение Богу, Который всегда даёт нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу...»* Благоухает лишь то, что живо, здорово, свежо от самой сердцевины. Всё же остальное издаёт лишь запах тления, более или менее терпимый. Христово благоухание свойственно лишь тому, что и внутри, и вне посвящено Христу. Лицемерам же Господь говорит: *«Горе вам... что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты»*. Страшно подумать, какая иногда мерзость кроется за внешним благочестием. А как часто в своём самообольщении мы берёмся судить по внешнему виду, думая, будто что-то понимаем в таинственном соотношении внешнего и внутреннего! Но ещё страшнее, когда люди дерзают играть на сцене или в кино святых, а то и самого Господа и Его Пречистую Матерь! Мы судим о святости или представляем святость по каким-то своим фантастическим понятиям, порождённым в нашей чуждой истинной святости душе. И мы любимся каким-нибудь *«гробом повапленным»* или представляем его, и за Христово благоухание принимаем или выдаём просто запах краски. И в то же время истинное благоухание святости, истинное Христово благоухание воспринимается нами как *«запах смертоносный на смерть»*.

И нет другого пути, чтобы ценить чужую святость, как самому стать на путь святости: перестать украшать себя для мира, начать очищать своё сердце, и любое дело делать не для человеческой похвалы, но – *«как от Бога, перед Богом, во Христе»*.

О отцах и детях

Среда

Мф. 23:29–39

2Кор. 3:4–12

Продолжая укорять ложных читателей Бога, Господь говорит: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, и украшаете памятники праведников, и говорите: «если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков»»*. Что же здесь могло послужить поводом для укора? В том, что они чтут память святых, плохого нет. Похвально и то, что они не хотели бы быть сообщниками в пролитии крови. А значит, остаётся только одно: что они называют пророкоубийц своими отцами. *«Таким образом, – говорит Господь, – вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших...»* Так, уже в самом факте произношения слова «отец», в самой возможности этого, сразу обнаруживается не порванная связующая нить. И выходит, чтобы до конца угодить Богу, надо даже перестать считать отцом того, кто умер в явном противлении Богу. Какой он тебе отец, если он проливал кровь посланцев Отца Небесного и не раскаялся в этом? И здесь нет ничего жёсткого и несправедливого. Перед лицом Бога даже закон, данный Самим Богом, теряет свой прежний смысл. Перед лицом животворящего Духа он становится лишь смертоносными буквами. И если служение этим *«буквам, начертанным на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей...»*, то теперь это *«прославленное даже не оказывается славным... по причине преимущественной славы последующего»*.

Вот то, что ранее называлось жизнью, то, что было спасением, освобождением, теперь называется *«смертоносными буквами»*, *«служением осуждения»*, преходящем, потерявшим свою славу. Вот как выглядит даже

святое, если оно окажется рядом с самим источником святости. Кем же становятся вступившие в противоборство с Ним? – *«Да приидет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле –* Говорит им Господь.

Так что с осуждением называя кого-то отцом, мы прежде всего сами объявляем себя членами определённого рода. И не дай нам Бог оказаться в том роде богопротивников, о котором, перечислив всевозможные беды, Господь говорит, обращаясь к Иерусалиму: *«истинно говорю вам, что все сие придёт на род сей... Сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»*.

И надо выходить из всего того, над чем тяготеет проклятье, уходить от тех, кому Господь сказал: *«Се, оставляется вам дом ваш пуст»*, – и выходить из рода нечестивых и входить в род праведных, *«которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились»* (Ин. 1:13).

О прозревании

Четверг

Мф. 24:13–28

2Кор. 4:1–6

У Апостола Павла читаем: *«...Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа»*. Апостолы были призваны нести этот свет *«во всю землю»*, потому что, по слову Господню, до того, как придёт конец, Евангелие Царствия должно быть проповедано *«по всей вселенной, во свидетельство всем народам»*. И если закрыто это благовествование, то *«закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего (то есть враг Божий, сатана) ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования»*. Сатана, конечно, не может противиться Богу. Едва он некогда помыслил об этом, как тут же был свергнут с небес. Но совсем иное дело, когда полем битвы становится человеческая душа. Тут может победить и сатана, и не потому, что он действительно может одолеть Бога, а потому, что душа свободна, и она сама добровольно может выбрать добро или зло, свет или мрак, Бога или дьявола. И до того, как душа определится, Бог и дьявол стоят перед ней: Бог старается просветить, а дьявол ослепить и свести человека *«во ад жива»*. Не имея истины, и лишённый даже силы дьявол, чтобы обольстить, хитро использует всё: и наши страсти, и наши естественные желания, и наши привычки, и нашу леность, и своих уже верных слугителей из числа нас же самих. Он пугает, показывает свою мнимую силу, делает всё, чтобы неразрывными путами привязать нас к миру.

И совсем по-другому действует на душу тихий свет Христов. Он не давит, не ломает, не жжёт. Он тихо и кротко светит пред внутренними очами души. И истинные благовестники Христовы тоже бережно, с уважением подходят к душе: *«Мы... не прибегая к хитрости, и не искажая слова Божия, а открывая*

истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом» ...

Но если Господь ждёт нашего обращения, то нам-то самим ждать некогда. Кто знает, может быть уже завтра – *«как молния исходит от востока и бывает видна даже до запада, так и будет пришествие Сына Человеческого»*. А нам надо успеть не только обратиться, но и во многом разобраться. Например, надо отличать Божественный свет от болотного мерцания самозванцев, ведь Господь предупредил, что перед наступлением дня *«восстанут лжехристы, лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»*. Поэтому надо научиться слушать свою совесть: когда является Христос или Его посланник, то на душе спокойно и радостно. А если – сомнение и смута, то – каким бы ярким ни был видимый при этом свет, – надо удержаться и не открывать двери души. Надо постепенно ослабить и те путы, которыми держит нас мир: потому что – когда придёт время, – *«кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои»*.

А ещё предстоит уразуметь, что такое *«мерзость запустения... стоящая на святом месте»*. Мерзость запустения – это, очевидно, исчезновение с земли святых мест, куда мы приходим для встречи с невидимым Богом. И когда это прекратится, – искать уже будет негде. *«Тогда, если кто скажет вам: «вот, здесь Христос», или «там» ... «вот, Он в пустыне» ... «вот, Он в потаённых комнатах», – не верьте»*. Очевидно, выйдя однажды из потаённых мест, Церковь уже не может возвратиться туда. Став доступной всем, – и верующим, и маловерным, и суеверным, – она уже не может уходить от них, проводить внутри себя черту, прежде суда Христова делить всех на овец и козлищ. Вот – наши храмы со всем, что в них, есть эти святые места, и других уже не может быть. Что-то в них лучше, что-то хуже, но, наверное, когда в них водворится мерзость запустения, – это для всех будет несомненным и очевидным.

И вот, надо спешить укреплять своё духовное зрение, просвещаться *«познанием славы Божией в лице Иисуса Христа»*, а иначе – как видимый свет, если вспыхнет внезапно, может навсегда лишиться зрения, так и внезапно наставший День Господень может обернуться для нас вечной тьмой.

О видимом и невидимом

Пятница

Мф. 24:27–33:42–51

2Кор. 4:13–18

«Видимое временно, а невидимое вечно», – говорит Апостол. Так, он разделяет весь мир, всё творение на видимое и невидимое. Но разве есть что-нибудь невидимое само по себе? Разве есть что-либо невидимое для Творца? Разве Сам Творец невидим для Себя? А разве для человека в раю было хоть что-нибудь невидимо? Ведь даже Бог являлся для него ходящим «*в раю, во время прохлады дня*» (Быт. 3:8). Так было до грехопадения. Но, нарушив Божью заповедь, человек сам не захотел видеть, и, в первую очередь, – Самого Бога. Он захотел скрыться «*от лица Господа Бога между деревьями рая*». С этого момента, преступив заповедь, человек умер, и началось его стремительное падение из области света в область тьмы. И это падение было бы бесконечным, но Господь Бог по Своей милости не дал низвергнуться в окончательную тьму неведения и невидения. Господь пожертвовал частью творения, пожертвовал землёй; Он сказал: «*Проклята земля за тебя*» (Быт. 2:17). И вот только с этих пор мир раскололся на видимый и невидимый: видимый – поражённый грехом и смертью вместе с нами; и – невидимый, сохранивший первозданную славу и совершенство. Бог сделал землю соразмерной человеческому несовершенству, попустил ей отпасть вместе с нами, остаться невидимой для нас, чтобы нам хоть на чём-то видеть хотя бы помрачённую, но всё же – печать нашего Творца; чтобы, отталкиваясь от видимого, мы могли бы снова постепенно восходить к тому, что стало для нас невидимым... Но слуги диавола принуждают нас смотреть только на видимое. Они говорят, гордо указывая: «Вот, сам видишь! Вот – камень, вот – дерево. Вот, сам видишь, что все люди умирают! Вот, сам видишь, что «таков вам положен предел, его же никто не преступает...»»

Да, видеть, это – вершина, торжественный предел знания. Но вот, что скажут они, когда вдруг придёт время и из всего видимого даже *«солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются...»*? что скажут они, когда вдруг невидимое непобедимо войдёт в нашу жизнь, в наше поле зрения, когда, *«как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»*? Тогда уж ничего не скажут, тогда только *«восплачут все племена земные»*, когда *«увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою»*. Восплачет и тот, кто совсем не хотел знать о невидимом и взирать на него. Восплачет и тот, кто хоть и верил отчасти, но сказал *«в сердце своём: не скоро придёт господин мой»*. Восплачет и тот, кто, хотя и ждал всеми силами души, всё равно заплачет, потому что все наши силы, вся наша любовь – ничто по сравнению с Ним Самим, с Его славой, с Его любовью. Он же *«пошлёт Ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырёх ветров, от края небес до края их»*. А другие, *«орлы»*, поклонники видимого, соберутся там, *«где будет труп»* разлагающегося видимого мира, поражённого печатью греха.

Да, надо учиться сквозь видимое смотреть на невидимое, взирать мысленным взором веры, чтобы у нас *«перед глазами предначертан был Иисус Христос»*, как бы у нас *«распятый»*, чтобы в конце концов даже самое ужасное в этом видимом мире – страдание, – начало бы производить в нас *«в безмерном преизбытке вечную славу»*.

О венчании

Суббота

Мф. 19:3–12

1Кор. 1:3–9

Однажды к Иисусу приступили фарисеи и, в который уже раз *«искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?»* Уж не знаем, на какой ответ они рассчитывали, *«искушая Его»*, но Господь, как всегда, указал им на самое начало: *«Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не два, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает»* ... В растленном грехе человечеству Бог разрешал и множество, и развод. Но теперь, придя освободить от греха, снова вернуть к началу, в рай, Господь и норму даёт такую, какая была в начале. И вот в храме перед Крестом и Евангелием стоят мужчина и женщина, избравшие друг друга, чтоб навсегда быть вместе. Священник молится за них и, обращаясь к Богу, молитвенно воспоминает, как Тот сотворил Адама, потом из ребра его – Еву, и привёл к нему; как Адам, впервые увидев её, сразу узнал и, движимый Духом Божиим, сказал, что должно человеку прилепиться к *«жене своей, и будут два в плоть едину, и яже Бог сопряже, человек да не разлучает»*. «Сам и ныне, Владыко Господи Боже наш, – молится далее священник, – А Господь ведь обещал: «просите – и дастся вам». – И священник просит трижды: «Господи Боже наш, славою и честью венчай их», – и происходит чудо: уже для них – никого – ни других мужчин, ни других женщин, ни отца, ни матери, но на всей земле они единственные друг для друга. И если в таинстве Крещения заново творится человек, то и в таинстве брака из него впервые творится и даётся ему жена. На них – царские венцы, как и на первых и главных, как на родоначальниках, от которых может заселиться новая земля; как на победителях, победивших мир с его множественностью,

как на склонивших свою выю под благой первоначальный Божий закон... И какой тут может быть развод? «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Но что для христиан стало нормой, того иудеи тогда не могли вместить. И даже ученики Христовы робко сказали: *«Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться»*. Что же, *«не все вмещают слово сие, но кому дано»*, – сказал Господь. Если не можешь принять закона брака, – поднимись на ступень выше, подойди ближе к началу бытия, прикоснись к самым творящим рукам Божиим, когда ещё не была создана жена. Тогда человек только что вышел из рук Божиих и, корме Бога, у него никого не было. Он славил Бога, познавал мир и всему давал имена. И сейчас открыт этот славный путь безбрачного, нерассеянного служения Богу, *«ибо есть скопцы, которые из чрева Матери родились так; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит»*. Причём, Церковь никогда не понимала это выражение буквально, как Церковь никогда не занималась вырыванием соблазняющих глаз и отсечением соблазняющих рук (Мф. 5:29–30). Потому что, если поотсекать искушающие члены, если позаглушать лекарствами бушующие страсти, то это вовсе не путь в Царство Небесное, но – выведение особой породы рабов для царства земного, которые бы и работу свою исправно совершали, и лишних хлопот хозяину не причиняли бы.

Все в нас должно быть совершенным, а значит, свободным: и брак, и безбрачие. Потому что, где нет свободы греха, там не может быть и свободной, славной победы над грехом.

Что бы человек ни избрал – всё должно быть плодом труда и молитвы, и на всё у Господа готова для нас всякая помощь, ибо, говорит Апостол, во Христе *«вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, – ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, – так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании»*.

О злом должнике

Неделя 11-я

Мф. 18:23–35

1Кор. 9:2–12

Сегодня Евангелие приводит пример удивительной слепоты и удивительного бесчеловечия. Некий раб задолжал своему господину огромную сумму: десять тысяч талантов. И ему грозила продажа и его самого, и его семьи, и всего, что у него есть. Тогда рабу ничего не оставалось, как обратиться к милости господина: *«государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу»*. Государь понимал, что заплатить он никогда не сможет; видел, что он в отчаянии и говорит, сам не зная что... И вдруг он, *«умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему»*. Какое чудо! Какое великое, неожиданное счастье! Как после этого всё должно перевернуться в душе бедного раба; он должен бы чувствовать себя поистине воскресшим из мертвых! Весь мир должен бы стать для него другим и все люди другими...

Но вот что произошло дальше. *«Раб же тот, вышедши, нашёл одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Товарищ же его «пал к ногам его» и теми же словами, как и сам он несколько минут назад, стал умять: «потерпи на мне, и всё отдам тебе»*. И это уже были не пустые слова: сумма была несравненно меньшая, и он действительно отдал бы. *«Но тот не захотел, а пошёл и посадил его в темницу, пока не отдаст долга»*. Государь, узнав об этом, сказал: *«злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упротил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?»* И теперь государь совершенно справедливо *«отдал его истязателям, пока не отдаст всего долга»*. Рассказав эту притчу, Господь пояснил: *«Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его...»*

Возмущение господина глубоко понятно. Всякое дело должно приносить плоды. *«Кто, насадив виноград, не ест плодов его?.. ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое»*. Тем более посеявшему добро невыносимо видеть его затоптанным и не принесшим никакого плода.

А уж сколь невыносимо, наверное, для Ангелов Божиих видеть, как посеянное в нас Господом Иисусом Христом – порой остаётся совершенно бесплодным! Причём, посеянное в нас несравненно выше: *«Если мы посеяли в вас духовное»*, – говорит проповедник христианства, *– велико ли то, если пожнём у вас телесное?»* Нам прощаются все наши грехи в крещении, нам постоянно прощаются новые грехи в таинстве исповеди, нам возвращается вечная жизнь. И если мы после этого не готовы от всего сердца простить и своим должникам, то, значит, мы ничего не поняли в христианстве; значит, мы ни во что ставим то, что произошло на Голгофе и чему участниками мы стали во Святом Крещении. Постараемся же представить себе, что нам вдруг, ни с того, ни с чего, прощён огромный и неоплатный денежный долг, который грозил полным разорением, потерей всего имущества и всех близких, из-за которого ещё вчера думали покончить с собой от предстоящего позора и безнадежности. Представим себе, что мы постоянно идём от нашего милостивого благодетеля. Гора свалилась с плеч, солнце снова светит и для нас, и неужели избытка нашей радости не хватит на того, кто с какой-то малой просьбой попадётся в этот миг на дороге?

Седмица 12-я по Пятидесятнице

О умершем за меня

Понедельник

Мк. 1:9–15

2Кор. 5:10–15

Апостол говорит: *«Если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего...»* Вообще всё, что связано с уходом из жизни, всегда окружено тайной. И особенно есть над чем подумать, когда кто-то добровольно принимает смерть за другого. Вот он лишился возможности жить, любить, работать. Он на несколько лет укоротил своё и так короткое пребывание на земле, чтобы моё пребывание здесь удлинилось на несколько лет, которые тоже пролетят в один миг. Казалось бы, нормальный обмен: один на один. Но почему-то я чувствую, что он, ушедший, стал недосыгаемо выше меня, а я, живущий, остался вечным его должником. И даже если моя жизнь особо нужна для человечества, всё равно совесть не даст мне покоя. И жутко читать рассуждения известного писателя, что, дескать, преступно отправлять на войну тех, кто составляет, так сказать, «мозг нации»: пусть-де простые людишки гибнут. И любое нормальное сердце откликнется на слова другого писателя, что даже ради всеобщего счастья недопустимо замучить хотя бы одного человека.

Отдавший за меня жизнь в какой-то мере становится судьёй всех моих дел. Потому что каждый шаг я теперь оцениваю его жизнью и смертью. И если буду смотреть внимательно, то увижу, что ничего нет во мне такого, за что было принять в жертву чужую жизнь; и, в конце концов, это настолько морально подавляет, что, поистине, получается, будто вместе с ним как бы и я умер. и это даже если за меня заплачено таким же, как я, смертным человеком.

Ну, а если за меня умер Тот, о Ком Сам Бог торжественно свидетельствовал: *«Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение»?* Мысль об этом – в какую бездну самоуничтожения должна низвергнуть меня? Апостол говорит,

что «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое». Так вот, если получим мы по своим делам во второе пришествие Христово, то являемся мы на этот суд уже сейчас, а именно в наших размышлениях о Христовой смерти. И чтобы устоять на этом суде, необходимо измерять свою многогрешную жизнь земной жизнью Единого Безгрешного. Всё наше существо должно погрузиться в Его смерть, как мы погружаемся в воды Святого Крещения (как Он погрузился в наш грех, войдя в воды Иордана). Нам надо погрузиться в ту истину, что *«если один умер за всех, то все умерли»*. Тогда только, вместе с водами Крещения, *«любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так»*; и только после этого просвещённым Духом Святым мы сможем, наконец, понять, а что же значит: жить *«не для себя»*, *«но для умершего за нас и воскресшего»*?

О любви и смерти

Вторник

Мф. 1:16–22

2Кор. 5:15–21

Сегодня Церковь снова вспоминает апостольские слова: *«...а Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, а для умершего за них и воскресшего»*. Ведь умерший за меня, даже если это обычный человек, поистине рождает меня в новую жизнь. Моя прежняя вот-вот обрывалась, и новая никогда не наступила бы. Даже если речь идёт о нескольких годах – все они до последней минутки принадлежат умершему за меня. Он мне больше, чем отец по плоти. Последний, полагая мне начало, вовсе не думал обо мне, а этот – сознательно ради меня лишился жизни со всеми её радостями. Ну, а уж Тот, Кто умер за меня и воскрес, – Он и при земной Своей жизни был для меня как никто другой. После Его ухода стало окончательно ясно, что представляет собою мир без Него. И всякое знание кого бы то ни было и чего бы то ни было, пусть даже самое полное знание, но лишённое знания Христа, вдруг оказывается полным невежеством и абсолютным мраком. С уходом Иисуса из мира для меня уже нет никого по плоти, от кого бы я мог услышать о спасении, о вечной жизни: услышать именно как от власть имеющего, как от Учителя и Наставника, как от Отца в собственном и единственном смысле этого слова (Мф. 23:8–10), от Которого берёт начало всякое истинное учительство и наставничество. И кто это понял, тот говорит: *«Отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем»*. кто это принял, *«тот новая тварь»*; для него всё *«древнее прошло, теперь всё новое»*.

Но самое главное, в чём даже страшно признаться: ведь сам я виноват в том, что должен был умереть! Мне был открыт закон сотворённого Богом мира: жизнь – только в послушании Творцу; а отпадение от Его воли, это – смерть. Я захотел жить для себя, забыв о Творце, и, естественно, обрёл смерть. И Господу пришлось умереть за меня, чтобы я снова стал жить

для Него и через это вернулся бы к вечной жизни. *«Всё же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою... Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям прегрешений их... Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех...»* В Своём стремлении спасти нас Он не останавливается даже на точке смерти, но, всё сделав за нас, умерев за нас, Он же и умоляет нас через Своих слугителей: *«Примиритесь с Богом!»*

Почему именно так всё произошло? – Вообще ни одного из законов, по которым составлен и существует Божий мир, заведомо невозможно объяснить, потому что их источник – свободная воля Творца. Законы только открывают, познают и применяют. В основе же всего мира, да и в основе всего доброго в мире лежит любовь. Потому что *«Бог есть любовь»* (Ин.4:16). А являет себя миру и познаётся любовь только через жертву, через страдания, через смерть, и *«нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15:13). Только неизмеримой глубиной Своего жертвенного служения Господь смог уловить души даже со дна преисподней. В таком же духе улавливать человек послал Он и Своих Апостолов. И только таким терпеливым, жертвенным служением можем и мы улавливать жестокие сердца наших ближних и созидать вокруг себя мир.

О признаках Божьего служителя

Среда

Мк. 1:23–28

2Кор. 6:1–16

Полагая все силы на проповедь Евангелия, Апостол Павел больше всего опасался, как бы своей личностью не заслонить славы Христовой и не помешать людям принимать слово спасения. Сам-то Господь сделал всё, что надо, сделал тогда, когда надо, сделал так, как надо: *«Во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе»*. И *«вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения»*. Своих слушателей как своих господ Апостол только смиренно просит: *«Умоляю вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами»*. Всё же его внимание с пристрастием обращено на себя: всё ли, что надо, он исполнил, и так ли, как надо? И хотя он ничего не знает за собой, и ему было бы достаточно одной фразы: *«Мы никому ни в чём не полагаем преткновения, чтобы не было порицаемо служение»*, но, учитывая неизмеримую важность дела, он далее начинает очень тщательно и подробно отчитываться перед всем миром. И главные признаки Божьего служителя он видит *«в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах»*. И только потом начинает перечислять другие, славные признаки служения, которые открываются *«в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицеприятной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке»*. Почему при такой высокой самооценке мы всё-таки не можем говорить о самоуверенности и хвастовстве? – А именно по тому, что он начал со своих скорбей, которых более чем достаточно. Ложный служитель всегда начнёт с чудес, с силы своей молитвы, с уважения к нему людей, с неизменной удачи во всех делах. А ведь только с испытания скорбями обнажается истинность и чистота служения.

Продолжая вглядываться в свою жизнь, Апостол видит, что он не изменял своему служению, был постоянен в самых противоположных обстоятельствах: *«в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах»*. Он видит бессилие мира сломить его: *«нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»*.

И вот, оглядев себя, чувствуя в себе готовность до конца противостоять злобе и смерти, Апостол с дерзновением обращается к своим адресатам: *«Уста наши отверсты к вам, коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас»*. Апостол ждёт от них не похвалы, а только одного, чтобы и они стали такими же: *«В равное возмездие»*, – говорю, как детям, – *«распространитесь и вы»*. А для этого надо, во-первых, изгнать из сердца всё постороннее, лишнее, чуждое: *«Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными; ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога Живого, как сказал Бог: «вселюся в них, и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом»*.

Господь на протяжении Своей земной жизни много изгонял бесов. Они кричали: *«Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришёл погубить нас!»* Но не могли противиться и, *«сотряши»* человека *«и вскричав громким голосом»*, выходили. И Господь делал это не для того, чтобы люди просто удивлялись и ужасались или распускали о нём волну, но чтобы люди, ощутив сладость своей первозданной чистоты и свободы, теперь сами бы уже старались с Божьей помощью хранить свои сердца от тьмы, от идолов, от бесов; и чтобы голос каждого человека звучал так же чисто и свободно, от любящего сердца, от чистой совести, как звучит голос Апостола Павла.

О человеческом сиротстве

Четверг

Мк. 1:29–35

2Кор. 7:1–10

Апостол пишет: *«Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием». «А обетования – ни много, ни мало – такие: «И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми», – говорит Господь Вседержитель» (2Кор. 6:18).* Чтобы как должно оценить эти слова, нужно по-настоящему почувствовать себя сиротой. Ведь что нужно сироте? Может быть, подарки, развлечения, угощение?.. да ему нужны отец и мать! Добрые люди и подарки принесут, и внимание окажут, а потом уйдут к своим детям. И вдруг – кто-то пообещает сироте усыновить его, пообещает не по головке погладить, а всецело принять в свою жизнь, пообещает все твои заботы сделать своими заботами, а всё своё достояние сделать твоим, и это навсегда, навеки!

А разве все мы не сироты? Что мы имеем, чего бы у нас не могли в любой момент отнять? А в духовном отношении, что мы имеем, если мы постоянно вопрошаем: «что есть истина? где справедливость? в чём подлинное благо?» Но и тут, если вдуматься, разве мы хотим самих по себе этих ценностей: истины, добра и справедливости? Ведь сами по себе эти понятия безлики. А от всего безликого, пусть даже и высокого, и прекрасного, веет холодом, как от ледяных вершин. Нам нужен именно Отец Небесный, Который был бы и премудрым, и добрым, и справедливым, Который Сам есть мыслящая любовь и любящая истина; Который мог бы просто войти в мой дом и в дом моей души; Который и близкого мне человека мог бы просто поднять с одра болезни, и душу мою многогрешную исцелил бы.

Ещё надо сказать, что и поиск истины, и борьба за справедливость, и делание добра только на время могут соединять людей. И только живое чувство сыновства Богу способно породить живое чувство братства между людьми как

детьми Единого Небесного Отца. Вот перед нами пример Апостола Павла. Как у него бьётся сердце от безмерной благодарности к Небесному Отцу, от безмерной любви к братьям, как он готов всего себя отдать всем. *«Вместите нас, – пишет он, – мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. Не в осуждение говорю: ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть, и жить...»* Тут не общие интересы, не общее дело, но – общая вечная жизнь! Для Павла это его сыновство и братство настолько важно, что способно перевесить всё в мире, способно победить любую скорбь. *«Когда мы пришли в Македонию, – пишет он, – плоть наша не имела никакого покоя, но были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи».* Но *«Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешал о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я ещё более возрадовался».* Апостол утешился тем, что они опечалились, потому что опечалились не от тесноты страхов жизни, а от страха потерять Небесного Отца, *«опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога... Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению».*

Потому что печаль ради Бога и есть то острое чувство человеческого сиротства, когда человек, вдруг получив обетование усыновления и страхась утратить его, ревностно оберегает *«себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием».*

О печали к смерти и о печали к жизни

Пятница

Мк. 2:18–22

2Кор. 7:10–16

Каждому ясно, что если человек умеет ходить, это ещё не значит, что он пойдёт на доброе дело. Но и вообще не бывает дела, хорошего и достойного самого по себе, если мы не видим цели, на которую оно направлено, и если не различаем духа, в котором оно совершается. И это касается даже видимых дел благочестия. Вот, например, человек постится. Господь сравнивает пост с мехами. Он говорит, что мехи бывают новыми или ветхими, и что вино в них может быть молодым или старым. А ведь может быть и в добрых мехах вино совершенно негодное. Вот приходит человек на исповедь. Священник спрашивает: «В чём грешен?» – «Ни в чём». – «Пост соблюдаешь?» – «А как же: все сорок дней и вообще ничего не ем». – «Может быть, кого осудил?» – «А как же их не осуждать, такую рвань и пьянь?!» – Вот и видишь, какое питьё содержится в этих, по-видимому, крепких и даже удивления достойных мехах.

Или вот, например, человек опечален. Что может быть в этом плохого? Но, оказывается, и содержание печали может быть настолько противоположным, что одно «производит неизменное покаяние ко спасению», а другое «производит смерть». Ибо, что такое печаль? – Это как бы стон всего существа о потере чего-то главного в жизни. Печаль – это уже не просто забота. Забота всё-таки занимает, в основном, только голову. Господь дал заповедь: *«не заботьтесь и не говорите: что нам есть?»* или *«что пить?»* или *«во что одеться?»* – Не заботься, переключи свои мысли на что-нибудь другое. Но нигде нет заповеди: «не печалься», потому что, очевидно, давать эту заповедь бесполезно. Печаль охватывает всю душу; она уже без слов. Печаль – это чувство, что нет и не может быть на свете ничего, кроме желаемого мною, и чего я лишён. И мирская печаль – это тоска о том, что проходит, о том, что

тлеет, о том, что не есть истинное благо и чего по существу даже вообще нет. Это погружение ещё заживо в смерть, когда в душе нет точки опоры, чтобы из этого состояния выбраться, и нет даже желания – это сделать. Потому-то «печаль мирская производит смерть».

С мирской печалью не путаешь печаль «ради Бога». Это, последняя, – не о потере пустоты, но о потере истины; это острое ощущение отдаления от Бога. И она всегда не безжизненна, а деятельна. В своё время Апостол опечалил коринфян, указав им на беззаконие в их среде. Он разрушил их былую самоуверенность, когда писал: *«И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать... Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит всё тесто?»* (1Кор. 5:2–6). И теперь Павел увидел, какие плоды это принесло: *«Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле»*.

Преподобный Иоанн Лествичник писал: «Псалмопение, милосердие и нестяжание суть убийцы печали» (26:195). Печаль ради Бога сама тянется к этим орудиям. Но чтобы они были действенны и против мирской печали, нельзя беречь их лишь на тот случай, когда печаль уже охватит тебя. Тогда будет поздно. А надо постоянно упражняться в этом: чтобы и чтение Псалтыри, и милосердие к нуждающимся, и неприлепление к богатству стали постоянными и неременными правилами жизни.

О блаженной слепоте

Суббота

Мк. 20:29–34

1Кор. 1:26–29

Однажды Иисус шёл из Иерихона, за Ним же *«следовало множество народа. и вот двое слепых. Сидевшие у дороги, услышавши, что Иисус идёт мимо, начали кричать Ему»*. Ведь слепые они и есть слепые: они не видят, где предмет их желаний, – может быть, далеко, может быть, совсем рядом. Они не видят, кто вокруг Него, не видят, великие или малые это люди, не видят, занят Он сейчас или свободен. Они знают только одно – что им совершенно необходимо быть услышанными, а для этого надо крикнуть так, чтобы Он услышал, и чтобы в кратком восклицании выразить всю свою нужду, всю суть дела: *«Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!»*

Но суд Божий – совсем не то, что суд человеческий. Господь не пренебрёг ими, и уделил им Своё Божественное внимание, и помиловал, и дал просимое. Это далеко не первый случай, когда всеми униженные и всеми отверженные становятся Богу ближе. Апостол обращает на это внимание христиан: *«Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом»*. И для христианина никогда не покажется обидным, если его сочтут немудрым, немощным и ничего не значащим. Потому что он знает, в чём его истинная, никому невидимая, но и никем не сокрушимая сила: он познал, как смиренная, сердечная молитва проходит сквозь стену мирского, так называемого «здорового смысла». Истинная сила христианина – в этой внутренней вере, в этом горячем желании вопреки всему пробиться к Небесному Отцу. Такой «немудрый и

незначащий» не разыскивает, где именно Бог; он просто взывает к Нему и верит, что будет услышан.

Слова Апостола как будто обращены прямо к нам, к нашему современному фактическому убожеству и вместе к нашей беспредельной гордыне. Мы лезем во все дела мира, гонимся за мирской премудростью *«по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2:8)»*, стараемся говорить на их якобы «учёном» языке, судить и рядить о всех предметах. Мы хотим быть мудрейшими, чтобы победить мудрых века сего. А в результате силы наши тратятся не на то, и мы в сравнении с ними всё равно выглядим жалкими дилетантами с большими претензиями; и теряем своё, главное, то, что возвысило даже простых, всеми уничиженных слепцов.

О отсечение главы

Усекновение главы Иоанна Предтечи

Мк. 6:14–30

Деян. 13:25–31

Сегодня Церковь молитвенно вспоминает завершение славного земного пути Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, усекновение его честной главы. Иоанн возвещал пришествие Господа Иисусу Христу, *Который есть истина и жизнь* (Ин. 14:6). Он говорил: *«Вот, идёт за мною, у Которого я недостоин развязать обувь на ногах»*. Но ведь не за проповедь же Христа был убит Иоанн, а как раз, по видимому, за то, что отвлёкся от этого: связался с Иродом, вмешался в его личную жизнь, говоря: *«Не должно тебе иметь жену брата твоего»*. И всё-таки пострадал он именно за истину, по свидетельству Церкви: *«...Тем же за истину пострадав, радуясь...»* Потому что, если Господь и Бог наш Иисус Христос есть совершенная истина, то уж, конечно, истина и всё то, что Он в Своем единосущии с Отцом и Святым Духом от века возвещал через пророков. А среди прочего было некогда сказано: *«Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего»* (Лев. 18:6). Сказано также: *«Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чём-нибудь, тот становится виновным во всём»* (Иак. 2:10).

Вот и Ирод предстаёт перед нами, в общем, благочестивым человеком и любителем истины. Ведь он, хотя и заключил Иоанна в темницу, но имел благоговейный страх пред ним, *«зная, что он муж праведный и святой, и берёт его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его»*. Но хоть и слушал его и во многом поступал, по его словам, но вот одного своего греха, за который, собственно, и был обличаем, не исправил: не разорвал преступного брака и через это сделал бессмысленным всё остальное. И грех, как своего раба, потащил его, куда он сам не хотел; и теперь даже его видимая добродетель стала ему сетью: желая всегда быть верным своей клятве, он стал пророкоубийцей, «ради клятвы» послушно

выполнив злую волю. Так, согрешивший в одном, переступивший порог праведности, уже отсекается от Того, Кто есть истина; и если не покается, то его падению не будет предела.

Но если сознательное пренебрежение одной единственной заповедью ведёт к гибели, то, когда мы видим в духовно обезглавленном человеке всего одну, и при том ярко выраженную, добродетель, это выглядит совсем противоестественно и даже страшно. Вот дочь Иродиады – ярчайший пример послушания. Вот – она посреди пирующих, в центре внимания; и она так угодила всем, что Ирод обещает ей даже полцарства. У кого тут не закружится голова, кто тут не забудет обо всём? Но то, что в ней главное, не даёт ей забыться: в ответ на обещание Ирода она сразу *«вышла и спросила у матери своей: чего просить?»* – и не ужаснулась просить по послушанию «головы Иоанна Крестителя».

И не случайно зло старается поразить именно главу: потому что главная мечта дьявола поразить главу мира, Главу Церкви, отсечь от нас Господа Иисуса Христа, чтобы без Него и все добродетели наши извратились бы и превратились в пророки. И не случайно Господь попустил Своему Предтече умереть именно такой смертью; именно такую смерть потом попускал многим Своим свидетелям. Это для того, чтобы все остальные, видя, что происходит с телом, лишённым главы, обратились бы на себя и увидели бы, что происходит с душой, потерявшей истину.

О скрытом лукавстве

Неделя 12-я

Мк. 19:16–26

1Кор. 15:1–11

Однажды Иисусу Христу подошёл некий человек и спросил: *«Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?..»* Иногда Господа спрашивали, искушая, то есть желая найти повод для обвинения. Но тут сознательного лукавства не было, ибо Евангелие свидетельствует, что *«Иисус... возлюбил его»* (Мк. 10:21). Но было в нём какое-то скрытое, невольное лукавство, от неверного взгляда и на Иисуса, и на самого себя. Уже в самом обращении *«Учитель благий»* крылась ложь, на которую Господь сразу и указал: *«Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог»*, потому что он не считал Иисуса Богом, но хотел этим, подобающим только Богу, эпитетом выразить своё глубокое уважение к человеку Иисусу. А затем уже Господь дал и прямой ответ на его вопрос: *«Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди... не убивай, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя»*. Человек ответил: *«Всё это я сохранил от юности моей. Чего ещё недостаёт мне?»* И тогда Господь *«сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение своё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошёл с печалью, потому что у него было большое имение»*. А что значит «отошёл»? неужели он отошёл только от возможности высшего совершенства, а вечную жизнь всё же обеспечил себе выполнением заповедей? Конечно же, нет. Потому что отойти от Господа Иисуса Христа, Который есть истина и жизнь, – это значит отойти не только от совершенства, но и от Царствия Небесного, и от вечной жизни: *«Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царствие Небесное; и ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное»*.

Отошёл он, видимо, потому, были в нём и самоуверенность, и легкомыслие, и невниманье к себе. Вот и спрашивает, вот он говорит о себе; а действительно ли он сохранил все заповеди, как он утверждает? А действительно ли он готов выполнить всё «доброе», что повелит ему Господь? Очевидно, он подошёл с целью показать: вот, мол, какой я хороший, ни в чём не имею недостатка!.. И потом он, конечно, не понимал, что перед ним не тот, кто просто показывает путь к вечной жизни, а Тот, Кто один только и может дать её. Очевидно, и вечная жизнь не была для него такой реальностью, ради которой стоит отказаться от реальности жизни временной.

Для этого человека ещё не пришло время, и ему дан повод подумать о том, что с ним сейчас случилось; насколько он через своё богатство привязан к этой жизни, и насколько скудно его представление об истинном совершенстве. Но, ведь, И Самому Господу Иисусу Христу тоже предстояло завершить Своё дело, чтобы потом его посланники могли возвестить тому же человеку, *«что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился»* Своим ученикам, исполнив их невиданной силы и радости... И если этот человек, наконец, убедится, что *«спастись... человекам... невозможно»* ни своей праведностью, ни, тем более, своим богатством, то он тоже примет протянутую ему спасающую руку воскресшего Господа и пойдёт за Ним. А уж *«Богу... всё возможно»*.

Седмица 13-я по Пятидесятнице

О христианской благотворительности

Понедельник

Мк. 3:6–12

2Кор. 8:7–15

Сегодня мы читаем, как Апостол побуждает коринфских христиан помочь иерусалимским братьям. Но обратим внимание, что забота Апостола, как это ни покажется странным, – не столько даже о самих нуждающихся: он не старается принудить, потребовать, психологически надавить, лишь бы выполнить «план по милостыне». Он снова и снова подчёркивает: *«Говорю это не в виде повеления»; «я даю вам совет. Ибо это полезно»*, и полезно не кому-то, а, в первую очередь, именно «вам» самим. И вместо того, чтобы рисовать бьющую по нервам картину голода и нищеты, Апостол старается воскресить в память коринфян Всемилоостливый образ Господа Иисуса, Который, *«будучи богат, обнищал ради вас, чтобы вы обогатились Его нищетою»*. Апостол также приглашает полюбоваться духовной красотой македонских христиан, *«ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия»*. Апостол пишет, что македоняне не просто послушались его, не просто согласились, но даже *«сами просили... принять дар и участие их»*. И даже не просто просили, но просили *«весьма убедительно»*. Апостол радуется, что они были доброхотны *«по силам и сверх сил»*, что они совершили *«не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, а потом и нам по воле Божией»*. И это, повторяю, среди собственного *«великого испытания скорбями»* и собственной *«глубокой нищеты»*!

Так, причиной добродетели должно быть не только внешнее, плотское – прямое или косвенные – побуждение, сколько – свободный духовный выбор пути подражания Господу и Его святым. Но не должно быть и усердия не по разуму. Господь безграничен в Своем могуществе; Он и без нашей помощи может всё: *«ибо многих Он исцелил, так что имевшие*

язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним». Господь в силах и Один всех накормить, как когда-то Свой народ в пустыне, как написано: «кто собрал много, не имел лишнего; а кто – мало, не имел недостатка». Но такова уж Его воля о нас, что «нищие всегда будут среди земли твоей; потому Я повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему, и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15:11). И хорошо, когда ты делаешь это с радостью, от чистого сердца. Но бывают такие ревнители, которые, желая во чтобы то ни стало «организовать» кому-то помощь, начинают суетиться, приставать ко всем желающим и вместо пользы создают смуту и в себе, и вокруг себя. Корень же такого исторического усердия кроется всё в том же первогреховном желании наших прародителей «стать как боги» (Быт. 3:5), то есть вытеснить Бога, заменить Его во всём, в том числе и в заботе о ближних. И вот, сдерживая такую ревность не по разуму, Апостол пишет, что жертвовать надо «по достатку». «Ибо если есть усердие, то оно принимается, смотря по тому, кто что имеет, а не тому, чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, Но чтобы была равномерность». Апостол и обратился к коринфянам, потому что видел в них нормальный духовный рост во Христе, видел, что они изобилуют «всем: верою и словом, и любовью», и к тому же сами «желали того ещё с прошлого года». А о совершенстве македонской церкви он пишет вовсе не в укор и вовсе не для того, чтобы тут же они подпрыгнули до такой же высоты; он просто указывает на прекрасный, совершенный плод, до уровня которого – он верит – и коринфяне достигнут в своё время.

О взаимодействии воли

Вторник

Мк. 3:13–19

2Кор. 8:16–9:5

Апостол пишет коринфянам: *«Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам. Ибо, хотя и я просил его, впрочем, он, будучи весьма усерден, пошёл к вам добровольно».*

Отметим видимую противоречивость этого высказывания. Первой фразой, казалось бы, сразу определяется первопричина совершившегося: Сам Бог вложил в сердце Тита благое намерение. Но если так, то почему Павел продолжает? Почему он тут же пишет и о своём старании побудить Тита к этому делу? И мало того: далее мы узнаём, что и при Божьем определении, и при Павловых трудах, Тит всё же совершил то, что совершил., единственно по решению своей воли. Но если делает Бог, – человек может ли прибавить? А если делает человек, то причём тут ещё кто-то?

Но вспомним, что вот уже и Иуду Господь тоже избрал и призвал: у всех евангелистов, когда перечисляются Апостолы, с ними непременно именуется и Иуда. И в его сердце Господь влагал верность; и он видел всё, что творил Иисус, и слышал, чему Он учил. И всё-таки везде, где перечисляются Апостолы, после имени Иуды у всех евангелистов стоит: *«...который и предал Его».* То есть воля человеческая и здесь с самого начала не в согласии, а в упорном противостоянии. Бог сделал всё, чтобы обратить и спасти Иуду. И пастырь должен сделать всё, чтобы взыскать и привести к Богу заблудшую овцу, и, во-первых, – всё, чтобы не дать повода в чём-либо обвинить себя, и через это положить пятно на Божье дело. Поэтому, отправляя Тита за милостыней, Павел посылает с ним некоего *«брата... остерегаясь, чтобы... не подвергнуться от кого нареканию, при таком обилии приношений... ибо мы, – пишет Павел, – стараемся о добром не только перед Господом, но и пред людьми».*

Обратим также внимание, что и брата он посылает не случайного. А как бы и без него всеми избранного, *«во всех церквях похваляемого за благовествование»*; что добровольное усердие одного, хотя неоднократно испытанное, – многократно усиливается *«по великой уверенности»* в остальных братьях; что удачу и своих дел Апостол видит только *«в соответствии усердию»* других; и, видя это усердие, он даже констатирует как бы совершенную ненужность своих тем не менее непрестанных трудов: *«Для меня, впрочем, излишне писать вам о вспоможении святым, ибо я знаю усердие ваше...»*

Таинственно всякое самоопределение человеческой воли, таинственно и взаимодействие волей. Безусловно, что без Божьей воли не можем ничего творить; но безусловно, что и без человеческой доброй воли Божья воля не будет исполнена. Нужен и тот, кто возвестил бы Божью волю, ибо *«как веровать в Того, о ком не слышали? Как слышать без проповедующего?»* (Рим. 10:14). Цель же доброго пастыря – чтобы человек сам, добровольно пришёл к Богу; и если человеческой доброй воли не получилось, то бессмысленно и пастырю говорить о своих трудах...

И вот – вершина, когда все три воли соединяются вместе, когда ни одна – в начале, ни одна – в конце; ни одна – причина, ни одна – следствие, – когда можно, наконец, удовлетворённо вздохнуть: *«Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам. Ибо хотя я и просил его, впрочем, он, будучи весьма усерден, пошёл к вам добровольно...»* Ведь именно об этом и молился Иисус перед Своими крестными страданиями: *«Да будут едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня»* (Ин. 17:21).

О двуедином служении

Рождество Богородицы

Лк. 1:39–49:56

Лк. 10:38–42, 11:27–28

Почти на все богородичные праздники на литургии читается Евангелие, которое, казалось бы, не имеет прямого отношения к Божией Матери. Читается о том, как Господь однажды был в доме женщины по имени Марфа, и как сестра её Мария *«села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа не заботилась о большом угощении»*. А в конце этого чтения присоединяется отрывок из другой главы, где, действительно, упоминается о Божьей Матери, но вроде бы даже и не о славе Её; некая женщина, слушая Господа, воскликнула: *«Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!»*, – но Господь ей возразил.

Тексты эти далеко не случайны. В Марфе и Марии воплотились два пути, которые всегда стояли перед человеком в христианском обществе: либо трудиться в миру во славу Божию, либо всецело посвятить себя Богу. И на том, и на другом пути можно спастись, если, трудясь в миру, постоянно укорять себя за нерадение о духовном делании; а, предстоя перед Богом, тем более, постоянно считать себя недостойнее всех. Как у одного подвижника некий человек спросил: «Почему ты, отче, такой молитвенник и чудотворец, столь почитаемый у людей, считаешь себя хуже всех? – А тот в ответ спросил: «Скажи мне, кто ты в своей деревне?» – «Самый богатый человек». – «А кем ты себя чувствуешь в Антиохии?» – «Одним из равных». – «А в Константинополе?» – «Одним из бедных». – «А кем бы ты чувствовал себя при царском дворе?» – «Последним нищем», – ответил тот. Вот так и в лучах Божьей славы особенно видна собственная духовная нищета.

Но и для Марфы, и для Марии есть опасность считать свой путь единственным угодным Богу. Причём, духовное увидеть и оценить не каждому дано, и чаша весов человеческой славы обычно склоняется в сторону внешнего. Укорила именно Марфа

Марию, сказав: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» – и поэтому Господь укорил именно Марфу: *«Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется от неё»*. До этого же Господь ничего не говорил Марфе, не осуждал её трудов. И несомненно, если бы Мария вздумала укорить Марфу, дескать, скажи ей, Господи, пусть всё бросит и тоже посидит послушает, – то Господь и её укорил бы, мол, ты сидишь, а она трудится...

А Пресвятая Дева Мария своей чистотой и святостью смогла во всей полноте вместить и то, и другое. Она сподобилась и послужить Человечеству Иисуса Христа: носить Его во чреве, питать грудью, одевать, готовить Ему еду; и в то же время Она с самого начала молитвенно и созерцательно предстояла пред Его Божеством. И то, и другое служение одинаково важны, потому что для нашего спасения одинаково необходимы и спасающее Божество Господа Иисуса, и Его жертвенное Человечество. И, возражая женщине, возвеличившей только чрево и сосцы, Господь вовсе не принизил этого, но просто утяжелил другую чашу весов, сказав: *«Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его»*. Как то, что сказала женщина, так и то, что сказал Господь, – всецело относится к Пресвятой Деве, ибо Она с самого начала *«сохраняла все слова сии в сердце Своём»* (Лк. 2:52). И как Господь подчеркивает не увиденное людьми, точно также и Сама Мария, когда пришла к Елизавете и услышала восторженную похвалу Своему избранничеству, – в ответ на это воспела хвалу Богу: *«Величит душа Моя Господа, возрадовался дух Мой о Бозе Спасе Моем!...»*

И вот сегодня мы празднуем Её рождение, появление на свет Той, Которая одна только во всём мире смогла соединить в Себе два великих, ни для кого более не совместимых служения – Марфы и Марии – служение Божественное и Человеческое; как и Сам Господь Иисус Христос, рождённый Ею, Один только во всём мире соединил в Себе Бога и Человека.

О духовном воинствовании

Среда

Мк. 3:20–27

2Кор. 9:12–10:7

Указывая на конечную цель каждой милостыни, да и вообще всякого доброго дела, – Апостол говорит, что милостыня *«не только восполняет скудность святых, но и производит во многих обильное благодарение Богу; ибо, видя опыт этого служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми»*. Потому-то Апостол и старался так совершать дело сбора милостыни, чтобы оно было по истине *«как благословение, а не как побор»* (2Кор. 9:5), чтобы оно было не столько из кармана в карман, сколько от души к душе.

Но всё же ему, очевидно, не удалось избежать обвинения, что он и его сотрудники поступают только *«по плоти»*. И ему снова приходится оправдываться, доказывать, что он, ходя во плоти, не по плоти воинствует, и что *«оружия воинствования нашего не плотские»*, и цель – не поражает плоти, но – *«разрушение твердынь»* окаменённых сердец. *«Этим оружием»*, – продолжает Апостол, – *ниспровергаем не то, что дела, но – бьём в самый корень, ниспровергаем самые «замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушании Христу»*.

А далее мы видим, как сражается Апостол. Во-первых, и защищаясь, он старается видеть пред собой не врагов, а добровольно заблуждающихся, искренне ревнующих о победе духа и искренне боящихся победы плоти. Апостол просит, чтобы они, прежде чем осуждать других, всмотрелись бы в себя: *«на личность ли смотрите? – говорит он. – Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы»*. Посмотри на свою веру, на свою преданность Христу и посмотри, как трудно духовное намерение воплотить в дело, чтобы в каждом твоём служении столь же

прославлялся Христос, как Он царствует в твоём сердце. Взгляни на себя и изнутри, и со стороны и тогда не осудишь другого.

И в самом деле, как легко ошибиться в соотношении духа и плоти, если даже внешние проявления Божественного духа Христова люди могли истолковать, что вот: «Он вышел из себя!». А когда Его дела своей силой и благостью прямо-таки вопияли о себе, то люди даже дерзали говорить, что «Он имеет в себе веельзевула», князя бесовского, и его силой творит чудеса!

Имея власть – и по плоти производить суд, Павел не спешит прибегнуть *«к той твёрдой смелости, которую»* надо было бы *«употребить против некоторых»*; он старается до конца исчерпать духовное оружие. Обратим внимание, что он до последнего момента старается никого не обвинять в лицо в непослушании; в своём послании он считает непослушание чем-то невозможным и немыслимым. Он обещает наказать *«всякое непослушание»*, – как бы абстрактное, внеличностное, когда *«ваше послушание»*, то есть послушание живых, конкретных людей, – *«исполнится»*. Он до последней возможности избегает прямого спора, прямого противостояния по плоти человека человеку, потому что *«если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот»*. Он до последнего момента не отталкивает человека, стараясь, чтобы он сам ожил, пробудился, опомнился бы... Ну а уж если человек весь безнадёжно превратился в живое непослушание истине, то он без всякой пощады подлежит отлучению от Церкви, потому что – и так перестал быть частью дома, живущего покорностью «Евангелию Христову».

О хуле на Святого Духа

Четверг

Мк. 3:28–35

2Кор. 10:7–18

Господь сказал: *«Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы не хулили. Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению».*

Бог Дух Святой – третье Лице Святой Троицы. Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух – Троица единосущная и нераздельная. Все три Лица всецело участвуют во всех Божественных делах. Нам открыто, что единственное различие Божественных Лиц в том, что Бог Отец не рождается и не исходит; Бог Сын предвечно рождается от Отца; а Бог Святой Дух предвечно исходит от Отца; а Бог Святой Дух предвечно исходит от Отца. В остальном – нет такого свойства, которое было бы присуще только одному Лицу; нет такого дела, которое совершало бы только Одно Лицо. Но просто некоторые свойства единого Божества наиболее открыты для нас: иное – в Отце, иное – в Сыне, иное – в Святом Духе. Так, в Символе веры только Бог Отец называется: «Вседержителем, Творцом неба и земли», – хотя, конечно, это присуще во всей полноте и Сыну, и Святому Духу. Исповедуя веру в Бога Сына, Символ веры говорит о Его сошествии с небес, о Его воплощении, распятии, воскресении и т.д. Но конечно же, сходя с небес, он по Божеству ни на миг отлучился от Отца, и ни на миг не был вне Святого Духа. Дух же Святой в Символе веры назван: «Духом животворящим, глаголавшим пророки». То есть, во-первых, Он всем и всему даёт жизнь, и во-вторых, Святым Духом через Пророков и Апостолов написаны Священные книги Ветхого и Нового Заветов. Конечно же, и Отец, и Сын столь же животворящи, и столь же Они через тех же Пророков и Апостолов возвещают истину. Но всё же по неисповедимой премудрости Божией именно Святой Дух назван животворящим и глаголавшим через пророков.

Таким образом, и окружающий нас мир, и Священное Писание, это – две раскрытые книги, написанные Духом Святым, яркими словами говорящие о Боге и зовущие к Нему. Обе эти книги всегда перед нами. Это и как бы две лестницы, которыми мы можем подниматься в познании тайн Божества. Таким образом, благая деятельность Бога Духа Святого наиболее открыта для нас, как бы первична для нас. *«Ибо мы не напрягаем себя, как недостигшие до вас»*, – говорит Божественное Писание, – *«потому что достигли до вас благовествованием Христовым»*. А где больше дано, там больше и спросится. Он – Дух истины, а значит, тот грешит хулой на Святого Духа, кто считает Священное Писание лишь делом рук человеческих, лишь измышлением человеческого ума. Бог Святой Дух – Господь животворящий, а значит, тот грешит хулой на Него, кто считает окружающую нас природу лишь «диким совпадением диких случайностей», а не прекрасным произведением Премудрого Творца. И крайним выражением хулы на Святого Духа является самоубийство, когда человек по своей воле раз и навсегда захлопывает обе книги, раз и навсегда отказавшись найти в них смысл...

Бог прощает всё, в чём человек искренне касается, в чём просит прощение. Но если не просят – кого прощать? Господь говорил: *«Верьте Мне... а если не так, то верьте Мне по самым делам»* (Ин. 14:11). А если мы и слов Его не хотим слышать, и дел не хотим видеть, то чем ещё возбудить в нас веру, чем подвигнуть к покаянию?..

О кознях сатаны

Пятница

Мк. 4:1–9

2Кор. 11:5–11

Дух Святой не только направлял Апостолов, куда им идти проповедывать, но и подсказывал, где как вести себя, где как сеять. Так, если в одних церквях Апостол Павел *«причинял издержки, получая от них содержание на служение»*, то в Коринфе он не стал этого делать. Он, как говорит книга Деяний, придя в Коринф, нашёл там неких Акилу и Прискилу, и *«по одинаковости ремесла остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток»* (Деян. 18:2–3). *«Почему же так поступают? – объясняет Павел, – Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались бы такими же, как и мы»*. Очевидно, Павлу было открыто, с какого рода противниками предстоит столкнуться в Коринфе: с претендующими на особую аскетичность и поэтому готовыми обвинять всех и в корысти, и в угождении плоти. *«Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели принимают вид Апостолов Христовых»*. Но Павел говорит, что это вовсе *«неудивительно, потому что сам сатана принимает вид Ангела света»*. Ведь и сатана, и его бесы – бесплотные духи: они и вовсе не нуждаются ни в пище, ни во сне. И слуги сатаны стараются пленять людей, изумляя их своим ложным аскетизмом, а потом уже берут над ними жесточайшую тираническую власть.

Да, *«горе живущим на земле и на море, потому что к ним сошёл диавол в сильной ярости, зная, что немного остаётся им времени»* (Откр. 12:12), – говорит Откровение Иоанна Богослова. И в двойне – горе, потому что и чувственным, и мысленным очам он способен являться именно в виде Ангела. В житиях святых сохранилось много тому свидетельств. Однажды он явился святому Симеону Столпнику как бы сходящим с неба на огненной колеснице и на огненных конях, и

говорит: «Слушай, Симеон! Бог неба и земли послал меня к тебе, чтобы взять тебя, подобно Илии на небо. Ибо святостью твоего жития ты достоин такой чести!» Симеон не распознал вражеского прельщения и сказал: «Господи! меня ли грешного хочешь взять на небо?» И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на огненную колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знамением. Тогда диавол с колесницею исчез, как пыль, сметённая ветром.

И когда он является невидимо, чтобы внушить греховное желание, то он представляет грех как нечто высокое и достойное. Никогда никакой соблазнитель не скажет: я пришёл погубить тебя. И нет в мире такого злодеяния, которого нельзя было бы так или иначе объяснить и оправдать. Послушаешь, что говорят или пишут о себе величайшие злодеи, и удивишься, какие они все, оказывается, замечательные, чувствительные люди, какой жертвой людской несправедливости видят они себя, получив суровый приговор, но «конец их будет по делам их».

А нам всегда всё надо рассматривать со всех сторон. Истина всегда целостна, а ложь однобока, хотя этот единственный бок и может сильно выпячиваться. И за одним только аскетизмом, и за одним только чудотворством, и за одним только знанием Писания, и за одним только тщательным соблюдением богослужебного устава, – за всем этим в отдельности взятым может таиться враг нашего спасения. А истинный служитель Христов обо всём добром и достойном может сказать: и я это могу. Но только если вы предпочитаете, *«когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто бьёт вас в лицо»*, то здесь служитель Христов с горькой иронией говорит: *«к стыду, говорю, что на это у нас не доставало сил»*. Потому что и, по словам апостола Иоакима, *«мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»*.

О божественной мудрости

Суббота

Мф. 22:15–22

1Кор. 2:6–9

Апостол пишет, как важно, чтобы в новообращённых вера утверждалась *«не на мудрости человеческой, но на силе Божией»* (1Кор. 2:5). И он радуется, что благовествование его в Коринфе было *«не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»* (1Кор. 2:4). Но, положив такое основание, Апостол говорит, что от верующих не закрыта и мудрость; но мы, – пишет Апостол, – *«проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей»*. Премудрость эта даётся *«не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого»* (1Кор. 2:15). Премудростью в собственном смысле является Сам Господь наш Иисус Христос, Сын Божий. И всё, что Он говорил, будучи на земле, отличается, с одной стороны, удивительной простотой: вот, всё ясно, всё на поверхности; казалось бы, каждый и сам может увидеть и понять. И в то же время всегда чувствуешь, что под этой простой, как под гладкой поверхностью моря, – неисчерпаемая глубина...

Однажды фарисеи, в очередной раз желая уловить Господа в словах, придумали очередной хитрый вопрос: *«Учитель! – начали они, – мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо...»* – так они начали издалека, стараясь лестью притупить бдительность. А самый вопрос был такой: *«Итак... как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?»* Любой прямой ответ был бы против Иисуса. Если платить нельзя, то – возмутитель против римской власти, а если платить надо, значит – соглашается с рабством богоизбранного народа. И вот обычный человек либо пустился бы в длинные рассуждения, либо польщённый, что он-де не взирает на лица», – сказал бы что-нибудь необдуманное. А

Господь начинает с того, до чего мы с вами никогда не додумались, но что является совершенно очевидным, с чего просто невозможно не начать. Он говорит: *«Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»*. Не путайте одно с другим.

В писаниях богопросвещённых отцов Церкви мы видим тот же дух: неожиданный поворот, и в то же время – совершенно точное раскрытие сущности вопроса. Один подвижник изгонял беса из человека, а бес сказал ему: «Не выйду, если не скажешь мне, кто праведники, а кто грешники?» А подвижник и говорит: «Грешник я, а кто праведник, – знает Бог» ... Читаешь такое, и думаешь: как всё просто! В следующий раз и я так же смогу, и у меня так же получится! Но и в следующий раз не получится, потому что тут нужно не просто остроумие, не просто опытность и начитанность; нужно стяжать самое начало премудрости, которое есть *«страх Господень»* (Притч. 1:7), то есть, чтобы всегда жить пред очами Божьими. Поэтому и пишет Апостол: *«Мудрость же мы проповедуем между совершенными»*, – между научившимися всегда ходить пред лицом Господним. Если бы эта премудрость была раньше в людях, *«то не распяли бы Господа славы»*. А кто стал причастником этой премудрости, тому Господь говорит: *«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать: ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»* (Мф. 10:19–20).

Ну а кто же готовится к исходу из этой жизни, тому Апостол, ещё при жизни испытавший, что нас ждёт, – тоже премудро, коротко и исчерпывающе свидетельствует: *«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»*.

О злых виноградарях

Неделя 13-я

Мф. 21:33–42

1Кор. 16:13–24

Сегодня мы читали притчу о хозяине, который сдал свой виноградник в аренду. Что же это за хозяин и что это за арендаторы? Мы видим, что хозяин этот, безусловно, могущественный человек, если уж он в силах, в конце концов, предать злодеев *«злой смерти»*. Но он и долготерпелив: посылает одних слуг, потом других. Видим, что он бесконечно верит в силу добра: хотя из предыдущих посланников кого били, а кого и убивали, он всё же посылает напоследок сына; он надеется, он даже уверен (а иначе бы он сына не послал), что тут-то у них проснётся совесть, и они *«постыдятся сына моего»*. Мы видим, что и сын одного духа с отцом: он послушно идёт туда, где неоднократно проливалась кровь. И лишь когда окончательно обнаруживается, что совесть у злодеев мертва, – только тогда хозяин предаёт их злой смерти, а виноградник отдаёт другим.

А что же за люди эти виноградары? Не будем уже говорить об их совести, – но неужели они не знают силы хозяина? и не боятся ни его самого, ни законов своей земли? Может быть, очень уж выгодно для себя они арендовали виноградник, может быть, думали, что хозяин у них в руках и не посмеет оплатить за зло? А может быть, они не признавали за ним права собственности на виноградник? Как тот злой должник, который ни во что поставил прощение ему огромного неоплатного долга, очевидно, потому, что не считал своего хозяина вправе владеть, а потому и вправе прощать? Как и другие завистливые работники, фактически не признававшие за хозяином права распоряжаться своим добром, и платить кому и сколько он считаем нужным? – Ни те, ни другие, ни третьи просто-напросто не признавали права собственности. И тем, и другим, и третьим так или иначе говорится: *«Друг!.. разве я не властен в своём делать, что хочу?»*, – то есть и платить кому и сколько хочу,

прощать кому сколько хочу, но и требовать своё, сколько мне положено. Это – моё, и я никому не должен в нём отчитываться.

И если Писание со всей определённоcтью утверждает, что *«не любящий брата, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?»* (1Ин. 4:20), – то если я не признаю права собственности за человеком, за братом моим, то как я смогу признать право Верховного всемирного Собственника? Как я смогу оценить милость Его прощения, как я признаю за Ним право каждому уделять, сколько Он сам считает нужным, и как я смогу считать себя должником Божиим, обязанным что-то давать Ему в своё время? Не случайно же всякому насильственному переделу собственности обязательно сопутствует и борьба против Бога.

А значит, на пути к Богу надо научиться и уважать чужую собственность и даже считать право собственности священным: не подсчитывать чужие доходы и не судить, как кто ими распоряжается; и не требовать, а смиренно просить и не обижаться, когда нам не считают нужным дать.

Седмица 14-я по Пятидесятнице

О праве собственности

Понедельник

Мк. 4:10–23

2Кор. 12:10–19

Уча народ, Господь рассказывал много притч, где в основе сюжета лежит право собственности, где действуют хозяин, наемные рабочие, арендаторы, заимодавцы и должники. Вообще – что такое притча? – это когда через всем понятное и повседневное стараются объяснить невидимое и труднопостижимое. Значит, право собственности столь же естественно и очевидно, как жизнь птиц и растений. А рассказывать подобного рода притчи тому, кто ни за кем этого права не признаёт, – всё равно, что сеять при дороге: он не понимает даже самого языка притчи и едва услышит, «тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в его сердце».

Кто же признаёт право собственности на земном уровне, тот сможет понять его и на небесном. Он понимает, что такое земной господин, хозяин, – сможет понять и Кто Такой наш Бог, наш Господь: Он сотворил небо и землю, и нас с вами, и поэтому Он наш полновластный Хозяин. И истинный работник Христов, обогативший Божественной благодатью, всё называет своими именами. Он и другим всегда напомним: *«Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?»* (1Кор. 4:7). Такой истинный Божий арендатор никогда не присвоит ни крупички, порученный ему, но всё обратит к пользе и славе Господина, вовремя отдаст положенную Ему долю. Он перед всем миром свидетельствует: *«У меня ни в чём нет недостатка против высших Апостолов»*, – но тут же прибавляет: *«хотя я ничто»*. И даже, если ему приходится защищаться, он делает это не ради личного достоинства: *«не думаете ли ещё, что мы... оправдываемся перед вами?»* – ибо как может оправдаться «ничто»? Но – *«всё это, возлюбленные, к вашему назиданию»*. То есть, и видимо оправдываясь, Апостол поступает как *«верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими,*

чтобы давать им пищу вовремя» (Мф. 24:45). Сам же он постоянно пребывает «в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа», но поистине помня, что он – ничто, он принимает это с радостью, как справедливое и достойное, иначе говоря, «благодушествует».

Так, он чётко знает себя и знает Бога: знает, что в нём собственное, а что – Божье. И на своём жизненном опыте он убедился, какая огромная выгода лежит в этом знании. Он многократно испытал, как сила Божия моментально сказывается, едва исповедуешь перед Ним безнадёжность своих обстоятельств. И он вывел такую безусловную закономерность: *«когда я немощен, тогда силен»*. Ибо не для того принёс Господь свечу Своей благодати, чтобы поставить её «под сосудом» человеческого эгоизма, но чтобы она стояла «на подсвечнике», выкованном из твердейшего вещества человеческого смирения.

О точке и лугах

Суббота пред Воздвижением Честного и Животворящего Креста Господня

Мф. 10:37–11:1

1Кор. 2:6–9

Сегодня суббота, а завтра воскресенье пред Воздвижением, а после будут тоже особые суббота и воскресенье. Это – чтобы нам подольше постоять перед Крестом: не коснётся ли и нас, наконец, «премудрость Божия, тайная, сокровенная». В словах же о Кресте всегда: либо – более удачная: показать несравнимость ни с чем.

Сегодня, например, читаем: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»*. Любовь к нам Господа Иисуса не сравнима ни с какой человеческой любовью, поэтому и сила ответной любви не должна быть сопоставима ни с чем. Но как пробиться к сердцу того, кто знает лишь любовь родивших нас, или рождённых нами?

Ещё сказано, что идти за Христом можно только взяв свой крест. Кто же *«не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»*, – говорит Господь. И для тех, кто не понимает этих слов, – вот живая картина: Единый Безгрешный, измученный и окровавленный, несёт тяжёлый деревянный крест, на котором будет распят. Крайняя жестокость и крайняя несправедливость. Но сострадающим Ему иерусалимским женщинам Он говорит: *«Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших»* (Лк. 23:28).

А как уразуметь последующие слова Господни: *«Сберегший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её»*? – ведь не что-то на что-то предстоит поменять, но – всё на всё: всего себя отвергнуться, чтобы всего себя, и уже навсегда, – приобрести!..

А вот и честь, которой сподобишься, если изберешь Христа и возьмёшь свой крест: *«Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»*. Но

даже если эта цель покажется недостижимой, если у нас выбор? Ведь о тех, кто упорно противится Божией премудрости, сказано, что, *«если бы познали, что не распяли бы Господа славы»*. Значит: либо перед Крестом, либо – заодно с распинателями, с этими «властями века сего».

И хотя средоточие Креста кажется недоступным и как бы нематериальным, но лучи его простираются до бесконечности и в широту, и в высоту, и в глубину, чтобы охватить и привлечь весь мир, чтобы даже самое отдалённое сдвинуть с мёртвой точки. И даже до такой степени, что *«кто напоит из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей...»*. Уж куда проще и доступнее? – только с такой простоты конкретности и начинается путь к истинной премудрости: именно с простого дела, с простой милости, оказанной ради Христа, а особенно тому, кто несёт нам слово Христово.

О точках и контуре

Неделя перед Воздвижением

Ин. 3:13–17

Гал. 6:11–18

Продолжая стояние перед тайной Святого Креста, мы читаем, как «один из начальников Иудейских» по имени Никодим пришёл к Иисусу ночью и сказал: *«Равви! мы знаем, что Ты – Учитель, пришедший от Бога: ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог»*. Господь же стал говорить о необходимости заново родиться, о Духе, который «дышит, где хочет». Никодим спрашивает: как? Почему? – но ответы Иисуса не опираются на живой духовный опыт слушателя, и поэтому они – как вехи, как точки, которые ещё не обведены контуром и не стали рисунком.

Вот Господь ставит первую такую точку: *«Никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын Человеческий, Сущий на небесах»*. Но для Никодима вся новозаветная история ещё впереди. Поэтому Господь просто ставит точку: теперь Он напоминает один эпизод из прошлого, *«как Моисей вознёс змию в пустыне...»* Тут уже Никодим должен вспомнить, как евреи в очередной раз возроптали, и *«послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых. И пришёл народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтобы Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей Господу о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него, останется жив»* (Чис. 21:4–8). И в исторической памяти запечатлелось: вот уже неминуемая смерть, и вдруг – взгляд на медное пособие смертоносного источника, и – исцеление. Взглянул, – и заново живёшь. Вот этот-то странный факт Господь теперь напоминает и объясняет. Но объясняет фактом... ещё не совершившимся: *«и как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну*

Человеческому». То есть не медное подобие, водружённое на знамя, принесёт избавление, но вознесённый на крест Человек, Сам не имеющий греха, но во всём подобный человеку, через которого пришли грех и смерть.

И далее Господь, опять не объясняя, кто такой Сын Человеческий, ставит третью точку, открывая уже о Сыне Божьем: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»*. Для Никодима и это – загадка, но Господь всё же сказал то, что сказал. Потому что слово истины, даже вне исторического и духовного опыта, всё равно – слово истины, исполненное внутренней силы. Вот и Никодим: сначала пришёл ночью, скрываясь от всех; потом не побоялся в синагогине сказать слово в защиту Иисуса; и вот уже он вместе с Иосифом дерзает просить у Пилата тело своего Учителя для погребения. Совсем как в притче Господней: бросит человек *«семя в землю; и спит, и встаёт, ночью и днём; и как семя всходит и растёт, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе»* (Мк. 4:26–28). Пусть ты ещё мало чего понимаешь в Евангелии; всё равно: читай и запоминай. Придёт время, и сам от всего сердца скажешь вместе с Апостолом: *«А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, Которым для меня мир распят, и я для мира»*.

О православном сознании

Воздвижение Креста Господня

Ин. 12:28–36:19:6–11

Ин. 19:13–20:25–28:30–35

1Кор. 1:18–24

Праздник Воздвижения связан с именем Елены, святой матери равноапостольного императора Константина. В начале четвёртого века, после прекращения гонения на христиан, ей пришла мысль – посетить ту землю, по которой ходил когда-то Господь Иисус Христос, и отыскать крест, на котором Он был распят. С трудом нашли хранителей тайны. Разрушили построенный на этом языческий храм, раскопали насыпанный холм и нашли три креста. Царица верила, что Господь не допустит поклониться кресту разбойника, и дерзновенно велела возложить каждый из трёх на проносимую умершую девицу. От прикосновения одного из них девица ожила. И не у кого не возникло сомнений, чей это крест. Тут же он был воздвигнут над толпой, и все только могли без конца восклицать: «Господи, помилуй!». Впервые орудие страшной казни (а ведь и тогда, спустя триста лет, ещё казнили на крестах) было воздвигнуто не для позора и смерти, а для всемирного прославления.

Воздвижение креста как бы воскресило день казни Господа. И Евангелие сегодня напоминает жестокие подробности. Поскольку *«тогда была пятница, то иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, ибо та суббота была день великий, просили Пилата»* снять их. А поскольку двое ещё были живы, то *«пришли воины и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени; но один из воинов копьём пронзил ему рёбра, и тотчас истекла кровь и вода»*. Об этом и свидетельствует и стоявший тут же ученик, которому Господь в предсмертных мучениях поручил заботу о Своей Матери: *«Жено, се сын Твой... се Мать твоя!..»*

Царица же Елена – яркий пример живой православной души. Апостол Иоанн Богослов писал: *«Духа Божия...*

узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1Ин. 4:2). И православное сознание отличается особым, сердечным вниманием к факту воплощения Христа, ко всему, на чём остался след Его пребывания на земле. Христианин стремится увидеть всё, что связано во плоти нашего Господа. И вовсе не для того, чтобы убедиться и более поверить, а просто – из любви к Нему как Богу и как к Человеку, из желания впитать до капли всё, что связано с Ним. В этом – православная полнота отношений к Господу Иисусу Христу, которая порой так раздражает однобоких рационалистов. «Ибо, – пишет Апостол, – слово о кресте для погибающих юродства есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну...Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие; для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков».

О даре и жертвеннике

Суббота по Воздвижению

Ин. 8:31–30

1Кор. 1:26–29

В Первом послании Коринфянам апостол Павел пишет: *«Немудрое Божие премудрее человеков, а немощное Божие сильнее человеков»* (1Кор. 1:25). И в подтверждение предлагает взглянуть на самих себя: *«Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных...»* А тут вдруг услышишь: *«В наш храм ходит какого-то великий мира сего!»* Или от священника: *«Я крестил такого-то знаменитого, богатого и значащего человека!»* Или увидишь надпись: *«В этом храме крестился такой-то великий поэт»*. И начинаешь понимать слова Господни: *«Горе вам... которые говорите: если кто поклянется жертвенником, то ничего [то есть может не исполнить клятву], если же кто поклянется даром, который на нём, то повинен [то есть обязан исполнить]. Безумные и слепые! что больше: дар или жертвенник, освящающий дар?»* (Мф.23:16–19).

Ведь о ком Господь отзывался с похвалой? Кого Он Сам, ещё при Своей земной жизни, как бы возлагал на жертвенник Святого Креста? Петра, который в лодке припал к ногам Иисуса со словами: *«выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный»* (Лк. 5:8). Сотника, который счёл себя недостойным не только не принять Господа в своём доме, но даже – лично обратиться к Нему с просьбой. Хананеянку, которая желала лишь напиться крохами со стола учеников Господних. О каком богаче с похвалой отозвался Господь? О Закхее, который сам выразил готовность отдать нищим и обиженным почти всё своё богатство... То есть как Своих самых близких Господь отличал тех, кто понимал, что своей персоной не только не может ничего прибавить к славе Иисуса, но даже и омрачает эту славу. Потому что истинный ученик познаётся так же, как истинный Учитель: Когда вознесёте [на Крест] Сына Человеческого, тогда

узнаете, что это Я». А тем, кто уверен, что есть другой путь, Господь говорит: *«Я отхожу, и будете искать Меня; и умрёте во грехе вашем; куда Я иду, вы не можете прийти»*.

Более всех достоин удивления сотник. Ведь он был и жертвователем, и благотворителем; за него ходатайствовали иудейские старейшины. Много ли таких, как он, кто при действительной значимости сохранил бы и глубочайшее смирение? Благодетели Церкви, или нечто значащие люди, как правило, уже не могут стоять со всеми в храме; они норовят быть или в алтаре, или, по крайней мере, на клиросе. Простому рыбаку или всеми презираемому грешнику легче ощущать, кто мы есть пред Богом. Потому-то «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». И если апостол Павел не боится обидеть коринфян, указывая, что не много среди них мудрых, сильных и благородных, значит он не сомневается, что они обладают сокровищам веры, которое исключает чувство социальной ущербности и ставит ни во что всякое социальное превосходство.

О стыде

Неделя по Воздвижению

Мк. 8:34–9:1

Гал. 2:16–20

В последнем чтении, посвящённом Кресту, Господь говорит: *«Кто постыдится Меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами»*. Впервые чувство стыда люди испытали, когда нарушили Божью заповедь, вкусив от запретного плода. *«В тот миг открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания»* (Быт. 3:7). То есть едва отступили от Бога, как тут же потеряли некий контроль, и почувствовали себя и друг перед другом, и пред Богом обнажёнными, незащищёнными, хоть сквозь землю провалиться. Как и ныне чувствует себя пойманный и обличённый.

Но стыдящийся потому и стыдится, что всё-таки признаёт законы, по которым живут окружающие. А ведь бывают и такие, о которых пророк говорил: *«Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют»* (Иер. 6:15).

Бывает же и так, что человек старается жить по заповедям Христовым, а все не только делают противоположное, *«но и делающих одобряют»* (Рим. 1:32) ... А ведь в каждом живёт инстинкт общечеловеческого братства, желание быть со всеми и как все. И если я лишь умом христианин, то прикосновение к грешным, прелюбодейным миром может ввергнуть в сильное уныние. Как говорит поэт, «теория суха, а древо жизни зеленеет». Жизнь бьёт ключом, а я тут со своим юродством Креста и «сказками» о Воскресении! А за спиной у меня – что? Наша внешняя церковная жизнь, если взглянуть сторонним, придирчивым взглядом, очень уязвима для критики. И вот появляется тайная зависть к тем, кто живёт просто и весело; а также – стыд; и за свою веру, и за своих социально

неустроенных братьев. стыдно сделать добро, стыдно быть целомудренным. стыдно быть честным. А если так, то значит мир не только внешне побеждает: значит ты и по совести принимаешь его правоту. И, понимая опасность такого стыда, Господь не ограничился словами. Он тут же пообещал: *«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе»*. И вскоре действительно сделал некоторых свидетелями Своего Преображения, чтобы они своими глазами увидели: что на самом деле реально, а что – призрачно; и чтобы сами могли воскликнуть: *«Господи! хорошо нам здесь быть»* (Мф. 17:4). И не только стыдиться Креста Христова, но и стыдиться своей бедности, своих родных, своей внешности, своего возраста, значит – тоже стыдиться Того, кто создал тебя или попустил тебе стать таким, зная, что именно такое состояние для тебя спасительно.

И дай нам Бог, чтобы наш стыд работал не на нашего врага, а на нас: чтобы стыдиться, когда нас хвалят, чувствуя себя вором, укравшим похвалу у Господа; чтобы стыдиться своих «мудрых» богословских речей, чувствуя несоответствие их твоей жизни. И чтобы стыд за свои грехи не от исповеди отвращал, но не допускал бы снова возвращаться к уже исповеданным однажды грехам.

О сиянии, росте и жатве

Вторник

Мк. 4:24–34

2Кор. 12:20–13:2

Сегодня Господь рассказал ещё одну притчу о Царствии Небесном. Он сказал, что оно *«подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встаёт ночью и днём, и как семя всходит и растёт, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе»*. Здесь говорится о таинственном взаимодействии человеческой души с семенем слова Божия. бывает, что даже не вполне осознал услышанное слово, но оно всё равно упало в душу и принялось. Один человек, хотя довольно поздно стал верующим, но – с шести лет помнил, как бабушка рассказывала ему об Иосифе, которого братья из зависти продали в рабство, и что было потом. Всё остальное, прочитанное или услышанное в детстве, забылось, а это – запомнилось. Потому что душа создана Богом, создано для истины, и всякое слово истины падает в душу, как в родную землю. И вот, проходит время, человек живёт, как жил раньше, и вдруг он видит: появился зелёный росток, и душа уже требует более углублённого знания; появляются вопросы: что делать? как жить? что можно, а что нельзя?..

Но иногда хотя и хочет, но ещё не может жить по истине, и задаёт эти вопросы не для того, чтобы выполнить, но – спрашивает со скрытым страхом, что ему запретят и насильно заставят отказаться от чего-то привычного. Он спрашивает: а можно ли смотреть телевизор? А можно ли красиво одеваться? А можно ли работать на такой-то работе? И так далее. Тяжело слышать такие вопросы и тяжело на них отвечать, потому что к христианству тут подход сразу не с того конца. Ведь христианство, это – не тюрьма, порог едва переступишь, как сразу лишаешься всего дорогого и привычного. В землю твоей души упало зерно Царствия Небесного. Ты жил, делал свои дела, ничего не зная о нём, и вот, без твоего старания оно дало

росток. Никто тебя не заставляет бросать привычного тебе, и только по поводу прямого греха слово Божие говорит резко и определённо: «ибо опасаясь, чтобы не найти... у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков ... чтобы не оплакивать... многих, которые согрешили прежде и не покаялись». Таковым Апостол даже говорит: *«когда опять приду, не пощажу»*. А об остальных делах человеческих он же говорит: *«Все мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною»* (1Кор. 6:12).

Твоя главная теперь задача – не затоптать появившийся росток: читай слово Божие и соблюдай молитвенное правило, хоть понемногу, но обязательно каждый день. Хотя бы на два часа в неделю (из ста шестидесяти восьми!) приди в храм Божий для совместной со всей Церковью молитвы. А во всех своих мирских делах внимательно смотри: всё ли тебе идёт на пользу и не стал ли ты рабом чего-либо?.. А Господь в своё время произведёт и колос, и чудесное зерно в колосе. И вкусив этого доброго плода, почувствуешь и горечь других плодов, и бесплодие многих своих дел. И сам вдруг потеряешь вкус к тому, что ранее любил, и сам отвратишься от того, от чего ранее любил, и сам отвратишься от того, от чего ранее считал невозможным отворотиться. Твоя душа, принявшая семя и пронизанная пущенными им корнями, сама захочет доброго и истинного, и с удивлением увидишь, как это самое малое зерно стало *«больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные»*.

А дальше Господь говорит, что едва только *«созреет плод, немедленно»* посылается *«серб, потому что настала жатва»*. Для нас всякая смерть – случайна, несправедлива, жестока. Но на самом деле она всегда – Божье дело. Сказано: *«Немедленно»*, – чтобы не перезрело и не осыпалось... Будем же уповать на силу принятого нами семени Царствия Небесного. И даже если у нас ещё нет решимости выбрать спасительный тесный путь, будем по крайней мере готовы к тому, что Господь Сам протащит нас этим тесным путём зерна и вытащит из тьмы к свету. И будем помнить, что жатва для земледельца всегда –

долгожданный праздник! – ведь ни минутой раньше, ни минутой позже посылает Владыка Свой серп.

О стойкости в бурях

Среда

Мк. 4:35–41

2Кор. 13:3–13

Однажды Господь с учениками переправлялся через Геннисаретское озеро. «Поднялась великая буря, волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою», а Господь спал. Ученики, поражённые такой безмятежностью, будят его и укоряют: *«Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?»* А Он, встав, *«запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих»*. И вдруг после такой великой бури сделалась в один миг ещё более *«великая тишина»*. А ученики ещё более *«убоялись страхом великим и говорили между собою: кто это, что и ветер, и море повинуются Ему?»*

По нашему разумению, страх учеников во время бури был вполне обоснованным, но тем не менее – Господь укорил их: *«что вы так боязливы? как у вас нет веры?..»* Следовательно, хотя лодка *«уже наполнялась водою»*, и смертельная опасность была уже пред их глазами, – они имели права бояться. Значит, Господь к этому времени дал им достаточно доказательств Своей Божественности; значит, человек обязан знать, что очи Господни всегда отверсты на Своё творение; а тем более если ты посвятил себя Богу, сказав: *«да будет воля Твоя»*, – ты должен быть спокоен, равно готов и к жизни, и к смерти, помня слова Апостола: *«Жизнь, или смерть... все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий»* (1Кор. 3:22–23).

Во всех стихийных и житейских бурях Господь устами Апостола говорит нам, называющим себя христианами: *«Испытывайте самих себя, в вере ли вы? Самих себя исследывайте»*. Что же вышли из себя или упали духом? *«Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? разве только вы не то, чем должны быть»*. Да, *«разве только вы не то, чем должны быть»*. Нельзя быть христианином и жить в страхе. Преподобный Иоанн Лествичник писал: *«Кто сделался*

рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится» (Слово 21).

Но иные не боятся смерти просто по причине окаменённого нечувствия, а некоторые под тяжестью испытаний даже сами её желают. Но вот как раз чего я должен бояться при мысли о смерти, так это – с какими глазами я предстану пред Богом, если здесь не испытаю себя, если не претерплю до конца, если не усвою всех Его уроков, которые Он мне посылает?..

Нет, смерть не снимает с меня обязанности – до самого конца иметь полноту жизни во Христе: и любить врагов, и не отвечать злом на зло, и даже накормить врага, когда он голоден – с меня никто и ничто не снимает этих обязанностей, – хотя бы и весь мир отступил от Христа, хотя бы и те, кого почитаем столпами Церкви, поколебались, и некому было бы ни подать мне примера, не похвалить, ни наказать. *«Молим вас, – пишет Апостол, – чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть»*, *«ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину»*. А в другом месте об этом же говорится даже сильнее: *«Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»*. – Вот, даже такие бури должны мы переносить; вот, такая должна быть в нас сила веры. И оснований для этого более, чем достаточно и вне и внутри нас. Ибо Христос хотя и *«распят в немощи, но жив силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нём»*. И хотя порой покажется, что уже вода залила ковчег нашей Церкви, но вопреки всему *«будем живы с Ним силою Божиею»*.

О легионе бесов

Четверг

Мк. 5:1–20

Гал. 1:1–10:20–25

Сегодня мы читали, как Господь исцелил бесноватого в стране Гадаринской. Этот человек был необыкновенно страшен. *«Он имел жилище в гробах (то есть в пещерах, где хоронили мертвецов). И никто не мог его связать даже цепями; потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разбивал цепи и разрывал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днём, в горах и гробах кричал он и бился о камни».* И вдруг этот человек, наводивший на всех ужас, едва увидев *«Иисуса из далека, прибежал и поклонился Ему...»* Можно себе представить, каков был этот поклон: наверное, как спичка от огня, – так этот одержимый скрючился пред Царём неба и земли, пред страшным врагом бесов и всякого зла! – Потому что и просьба его была в таком же роде: *«Что тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!»* – Тот, кто непрестанно и безжалостно мучил свою жертву, имеет наглость просит о себе: *«не мучь меня!»* – Когда же Иисус спросил: *«Как тебе имя?»*, – то в ответ услышал: *«Легион имя мне, потому что нас много».* Бесы просили, чтобы Иисус позволил им войти в стадо свиней, которое мирно паслось недалеко, и когда Иисус позволил, всё стадо бросилось с крутизны в море и потонуло.

Вскоре подошли жители той земли, которым пастухи поспешили возвестить о случившемся. Они сами убедились, что наводивший на них страх – теперь *«сидит и одет и в здравом уме».* И вот, эти, в отличие от одержимого бесами, свободные и нормальные люди стали просить Господа фактически о том же, о чём просил весь легион бесов: *«чтобы отошёл от пределов их».* Значит, и бесам и этим людям одинаково чужд Иисус: Он им не нужен, Он им враждебен, им плохо с Ним, Источником жизни и бессмертия.

Но бесноватый хоть просил не сам, а бесы из него. Гадаринцы же просили сами, свободно и сознательно, исследовав дело. И Господь изгнал целый легион бесов в один миг, а от гадаринцев Сам смиренно отошёл. Потому что, если человек не свободен, его можно освободить, а если человек – свободен, от кого освобождать? Может быть, именно поэтому весь легион бесов, посланный своим владыкой сатаной на всех гадаринских жителей, вселился в единственного ещё живого человека, чтобы и его добить. А все остальных жителей бесы оставили в покое как духовных мертвецов, которые и сами сделают бесовское дело: отгонят от себя Господа Иисуса, *«Который отдал Себя самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века»*, отгонят, а значит, сами добровольно станут достоянием ада. И Господь отошёл. И один только бывший бесноватый, ранее казавшийся более других чуждым Богу, оказался Божьим человеком, и просил Иисуса, *«чтоб быть с Ним»*. Но *«Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя»*. Значит, этот человек настолько окреп в многолетнем противостоянии целому легиону бесов, что Господь счёл возможным, как закваску, бросить его в среду мёртвого, духовно неподвижного народа: может быть, вскиснет хоть что-нибудь, может быть, придёт в спасительное движение.

О сохранении и исправлении веры

Пятница

Мк. 5:22–24:36–6:1

Гал. 2:6–10

Сегодня мы читали о воскрешении дочери Иаира, одного из начальников синагоги. Он нашёл Иисуса, пал к ногам Его и умолял, говоря: *«дочь моя при смерти; приди и возложи на неё руки, чтобы она выздоровела и осталась жива»*. Но Господь почему-то не спешит. Он ещё и останавливается, чтобы выяснить, кто в толпе прикоснулся к Нему, и терпеливо ждёт, пока неизвестный откроется... А в этот момент прибегают из дома Иаира и говорят: *«дочь твоя умерла; что ещё утруждаешь Учителя?»*. Но Иисус тотчас говорит ему: *«не бойся, только веруй»*, говорит тотчас, как бы стараясь обогнать слова скорбного вестника, предотвратить их разрушительное действие. *«Не бойся, только веруй!»* – как будто только в вере отца залог жизни дочери! Как и другому несчастному отцу Господь сказал: *«Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему»* (Мк. 9:23).

И вместе с тем видим, что Господь не всегда требовал веры, чтобы совершить чудо. Иногда Он как раз чудесами, как ударами кремня, возжигал веру людях: *«так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской... и уверовали в Него ученики Его»* (Ин. 2:11).

Такие разные причинно-следственные сочетания веры и чуда в делах Господних – оттого, Господь бесконечно ценит и самую малую веру, которую находит в человеке. И как, желая накормить пять тысяч человек, Он не стал творить хлебы из ничего, а умножил то малое, что нашлось в наличии, – так и в вопросе веры: видя в человеке, хотя малую, хотя даже неправильную веру, Он не пренебрегает ею; Он не начинает сразу бить огнём чуда, но раздувает и исправляет её. Потому что вера Иаира была неправильной: он как бы учит Господа, что Тот должен делать: *«возложи на неё руки»*. Он верит, но как бы не в Иисуса, а в определённый метод, в «возложении рук»,

которым Иисус, по его мнению, в совершенстве владеет. Вот Иисус и остановился, чтобы Иаир своими ушами услышал исповедь кровоточивой, как она получила исцеление, даже ничего не прося, просто с верою прикоснувшись сзади к Его одежде.

Но, исправляя и усиливая, Господь ни в коем случае не ставит непосильных задачи, придя в дом, Он первым делом вселяет в Иаира сомнение в страшной реальности: *«девица не умерла, а спит»*.

Так Господь учит ничего не разрушать до основания, чтобы потом строить на пустом месте. Он учит во всём находить хоть малое доброе и, стараясь не задуть его совсем, с Божьей помощью исправлять и приумножать.

О учителях, наставниках и отцах

Суббота

Мф. 23:1–12

1Кор. 4:1–5

Сегодня мы слышали такие слова Господни: «... не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы братья; и отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос». Это одно из мест, за которые любят цепляться сектанты. Опираясь на этот текст, они укоряют нас за то, что у нас принято священников называть «отцами». Но сектант, он и есть сектант: он видит усечённо, видит только непосредственно перед собой. А если бы они действительно хотели познать истину, то, во-первых, увидели бы, что здесь одинаково говорится как об отцах, так и об учителях, и о наставниках; они легко нашли бы в Писании, что этот невидимый запрет Христов нарушается Его же Апостолами, ибо ясно сказано: «Иных Бог поставил в церкви... учителями» (1Кор. 12:18). Находим мы в Писании и такое: «Поминайте наставников ваших» (Евр. 13:7) и «Повинуйтесь наставникам вашим» (Евр. 13:17). Наконец находим и такое: «Ибо, хотя у вас во Христе Иисусе благовествованием». Вспомним ещё один текст из Апостола Павла: «... преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отчество на небесах и на земле» (Еф. 3:14–15). Как, оказывается, всё просто и ясно!

Дело в том, что свой запрет Господь положил по поводу фарисейской гордыни, когда они именно себя, как таковых, именovali и учителями, и наставниками, и отцами народа, и величались этим. А должно быть истинное отечество, и наставничество, и учительство – во Христе: и учить не своему, а словами Христовым; и наставлять на жизнь во Христе; и рождать во Христе святым крещением и покаянием. Такой истинный отец, учитель и наставник всегда мыслит о себе с

глубочайшим смирением. Он помнит слова Господни: *«Больший из вас да будет вам слуга»* – и – *«кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»*. Он и учит, что каждый должен разуместь подобных ему не иначе, *«как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих»*. Он подчёркивает. Что единственное, что требуется от домостроителей, – *«чтобы каждый оказался верным»*. Он не ищет угождения людям, не ищет похвалы от них: *«Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе»*. *«Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь»*, – Которому он и служит, посланником Которого он и является, как и Сам Господь был посланником Своего Отца.

О званых, призванных и изгнанных

Неделя 14-я

Мф. 22:1–14

2Кор. 1:21–2:14

Сегодня мы слышали притчу Господню о том, как некий царь сделал *«брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир»*. Но они *«не хотели прийти»*. Царь посылает новых посланников. Может быть, предыдущие что-то не так поняли, так объясните им: *«вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и всё готово; приходите на брачный пир»*. Подчеркнём: царь звал их не на работу, не на службу, а на пир. Но они погнушались чужой радостью, у них сразу нашлось *«дело поважнее»*, и они пошли, *«кто на поле свое, а кто на торговлю свою»*. Пренебречь любовью, ничего не требующей взамен, пренебречь заботой и стараниями, – что может быть обиднее и бесчеловечнее? Но они именно так и поступили.

Почему же? – Позванные царём, они, очевидно, были достойны царского приглашения. Но, похоже, они так раздулись в этом своём достоинстве, что сочли его абсолютно своим, забыв, что всякое достоинство в царстве – только от царя! И насколько раздулись, что те, у кого не нашлось под рукой никакого дела, – поступили ещё более откровенно: *«схвативши рабов его, оскорбили и убили их»*.

И тогда царь решил дать достоинство другим, призвать на пир тех, кто ещё не имеет никакого достоинства. Он теперь говорит своим рабам: *«пойдите на распутия и всех, кого найдёте, зовите на брачный пир»*. И рабы собрали всех, кому совсем уж делать нечего, у кого нет ни поля, ни торговли, ни даже дома или родных, кому уж совсем некуда идти. И вот, *«брачный пир наполнился возлежащими»*. Казалось бы, какое чувство поистине нечаянной радости, какое чувство благодарности должны они испытывать, с каким вниманием и предупредительностью должны вести себя! И вдруг *«Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел человека, одетого не*

в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошёл сюда не брачной одежде?» А правда, как он мог войти без неё? Ведь брачную одежду давали всем проходящим. Ведь он же видел, что все берут её, видел, что на нём такие лохмотья, к которых нехорошо входить в дом радости. И сколько надо было дерзости и пренебрежения ко всему и ко всем, а главное – к самому царю, чтобы оказаться на пиру всё же без брачной одежды! Ему и оправдаться-то было нечем, поэтому обличаемый царём, он только молчал. Но при этом он и прощения просить не хотел, и даже угодить, по-видимому, не собирался. И царю ничего не оставалось, кроме как сказать слугам: *«связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов»*.

Вот – наша надменность, наша слепота, наша неблагодарность, – когда Господь ещё призывает нас в Свою Церковь, на брак Сына Своего, на Его спасительную Вечерю. Мало того, что не отложили мы ради Господа своих дел, не оставили своих грехов: в лучшем случае грехи сами уже оставили нас по нашей старости или немощи, сделав с нами в своё время всё, что хотели; но мы ещё и пренебрегаем не только церковными правилами, но зачастую и самим духом учения Христова, самыми основными Его заповедями, не желаем даже видеть того, что явно написано. И вроде бы мы тоже на брачном пиру, вроде бы не во тьме, вроде бы нам не плохо. Но это лишь до поры, пока подойдёт к нам не плохо. Но это лишь до поры, пока подойдёт к нам хозяин и потребует отчёта. *«Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил...»* – говорит посланец этого хозяина, и после всех увещаний предупреждает: *«когда опять приду, не пощажу»* (2Кор.13:2).

Ведь есть только Бог и безбожие. И только быть либо с Богом, на брачном пире Его Сына, быть в светлой одежде добродетелей, в радости, в палатах Царствия Небесного. А если не там, то, значит, – за пределами жизни и радости, где тьма «внешняя», где поэтому *«плач и скрежет зубов»*, где не богатые и бедные, а – *«псы и чародеи, и любodeи, и убийцы, и*

идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду»
(Откр. 22:15). А третьего не дано.

Седмица 15-я по Пятидесятнице

О прикосновении к ризам Господним

Понедельник

Мк. 5:24–34

Гал. 2:11–16

Когда Господь шёл с Иаиrom к его умирающей дочери, по дороге вдруг случилась заминка: *«Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила всё, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла ещё в худшее состояние, – услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его; ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у неё источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни»*. Физически Иисус никак не мог ни увидеть, ни почувствовать этого прикосновения, – и вдруг она слышит Его вопрос: *«Кто прикоснулся ко Мне?»* Ученики тоже удивились: *«Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне?»* к тому же и Иаир торопит Его к умирающей, да и саму исцелившуюся зачем бы вытаскивать из толпы, ведь она и так уже получила по вере своей? Но Господь один знал, какую пользу принесёт Он этой остановкой. Примером кровоточивой Он хотел очистить веру Иаира, – чтобы этот человек услышал, как от Господа Иисуса вот так, единым прикосновением с верой, и без всякого возложения рук, можно получить исцеление. Но также и женщина, получив здоровье, получила далеко не всё. Да, она прикоснулась с верой к ризам Иисуса. Но мы знаем, что и приходящие с верой к колдунам зачастую, по-видимому, получают то, что ищут. И с верой носящие амулеты, и с верой произносящие бессмысленные заговоры, – тоже, казалось бы, получают желаемое. Но ведь человеку нужно не просто что-то временное получить, но – всецело спастись, всецело оправдаться пред Богом, всецело соединиться с Ним. Веровать надо не во «что-то» и не в «кого-то». Вера должна быть осмысленной и конкретной; верою мы принимаем конкретную Личность Бога и Человека Господа Иисуса Христа, Его

спасительную земную жизнь и Его спасительную смерть. Истинно уверовавший говорит: *«...узнавши, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа»*, – уверовали и пришли к Нему, чтобы на веки быть с Ним.

А иные приходят в церковь как для каких-то лечебных процедур, и стоят, хотя и с какой-то верой, но не молятся, а просто как бы прикасаются сзади к Его ризам, а, говоря на их языке, «заряжаются энергией». И кому-то это попускается до времени. А вот кровоточивой женщине Господь не дал оставаться сзади, в тени, но сразу потребовал её пред Свои очи. *«Кто прикоснулся ко мне?»* – и ждал, пока объявится этот человек. А ей как нелегко было сознаться: и объявить характер своей болезни, и что она в этой своей нечистоте дерзнула к Нему прикоснуться! Но вот, больше нельзя отмалчиваться, и она *«в страхе и трепете, зная, что с ней произошло, подошла, пала пред Ним и сказала всю истину»*...

Сила, которая взаимодействует с нами при нашем прикосновении к святыне, – не безликая сила. Это всегда – личный дар. Господь всегда, в любом случае чувствует, как исходит из Него сила для каждого из множества прикасающихся к Нему с верой, и мы не получим истинной и совершенной пользы, если, наконец, не встанем пред очами Господними со страхом и трепетом, если не падём пред Ним в покаянии и сокрушении о своей нечистоте и о своём недостойнстве.

О Божестве и о Человечестве Иисуса Христа

Вторник

Мк. 6:1–7

Гал. 2:21–37

Однажды Господь, уже побывав в разных городах и селениях, пришёл и в Назарет, где святое семейство поселилось после возвращения из Египта. По Своему обыкновению, в день субботний Он зашёл в синагогу и стал учить. Но что же Его слушатели, Его земляки? – А они «с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нём?» ... И вот сквозь эту невозможность для земляков Иисуса увидеть в Нём Божественного Учителя и Чудотворца – мы можем увидеть нечто важное. Мы можем увидеть всю жизнь Иисуса от детства и до Его тридцатилетия. Евангелист Лука характеризует весь этот период такими краткими и ёмкими словами: «и был повиновении у них» (Лк.2:51), то есть у Своей Пречистой Матери и у Своего мнимого отца Иосифа. Эти слова говорят о том же, о чём и изумление Его земляков: насколько же Иисус до Своего тридцатилетия и выхода на проповедь, то есть до явления людям Своей совершенной Божественной силы, – и это вопреки измышлениям апокрифических книг, рассказывающих о чудесах, будто бы содеянных Им ещё в детстве; и, конечно же, вопреки современным басням, будто Он ездил в Индию и там учился у йогов. Ни в какой Индии Он не мог учиться, потому что иначе Он никак не мог бы быть «в любви у Бога и человеков»: для иудеев не было места святее их Богом данной им земли; и не было большей премудрости, чем данный им Богом закон. А всё, что за пределами, было для них внешним и нечистым. Господь «преуспевал в премудрости и возрасте» чисто по-человечески, и не больше: соседи не ожидали от отрока Иисуса даже того, чего ожидали от младенца Иоанна Крестителя, о котором уже с

самого рождения говорили: *«что будет младенец сей?»* (Лк. 1:66). Люди приучены к тому, что всё медленно прорастает, медленно набирает силу, постепенно формируется и приходит в свою назначенную меру. А тут всё время было одно, было как у всех, и вдруг – совершенно другое, превышающее всякую меру. Потому и *«не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродника в доме своем»*.

Так что Бог во Христе поистине соединился с человеком. И человек во Христе был истинным, то есть обычным, как все мы, но, конечно, кроме греха. А чтобы не было сомнений, что Божество было во Христе всегда, и во время Его смиренной жизни, Евангелие приводит один единственный случай из этого периода. Однажды двенадцатилетний отрок Иисус отстал от Иосифа и Марии во время их ежегодного паломничества в Иерусалим на Пасху. Они лишь на третий день нашли Его – в храме, *«сидевшего среди учителей, слушающего их и спрашивающего их. Все слушавшие Его дивились разуму Его и ответам Его»*. На беспокойство Матери Он ответил: *«зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»* Но *«они не поняли слов Его»*. Не поняли, однако же запомнили и сохранили, донесли до нас.

И Церковь устами отцов Четвертого Вселенского собора исповедует веру в *«Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в Человечестве; истинного Бога и истинного Человека... единосущного Отцу по Божеству, и единосущного нам по Человечеству; по всему нам подобного, кроме греха; рожденного прежде всех век от Отца по Божеству, в последние же дни – ради нас и нашего спасения, – от Марии Девы Богородицы по Человечеству; единого и того же Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого или разделяемого, не единого и того же Сына, и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, – как древле пророки о Нём, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передали нам отцы наши»*.

О истинных посланниках Господних

Среда

Мк. 6:7–13

Гал. 3:15–22

Посылая Апостолов на проповедь, Господь довольно сурово высказывался о всех, кто не примет их и не будет слушать. Он сказал, что в этом случае: *«выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу»*. Читаем мы эти строки, вспоминаем, что и нам приходится говорить разным людям о Христе и христианстве, – и возникает соблазн: тоже порой отряси прах от своих ног во свидетельство на каждого, кто не хочет нас слушать, и – с гордым чувством своей правоты и выполненного долга. Но – всякое ли слово о Христе, всяким ли сказанное, – имеет одинаковую силу и влечёт одинаковую ответственность? – Ведь Господь не просто так послал учеников. Он послал их одновременно и с пустыми, и – далеко не с пустыми руками. Он обогатил их силой, чтобы, прежде чем говорить, они могли бы освободить человека от власти нечистых духов и уже вместе с этой свободой возложить и ответственность. А с другой стороны, Господь всё отнял у них. Он заповедал *«ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь, и не носить двух одежд»*, а также, живя в городе, не переходить из дома в дом в поисках большого комфорта. И это опять же – чтобы люди своими глазами видели в них истинных рабов Божиих, которые ищут не богатства и корысти, а только славы своему Господу и спасения каждому человеку.

Вот такая двойная печать – духовного богатства и материальной нищеты – должна отличать истинных Божьих посланцев. Об этом Господь заботился всегда. И когда Он давал Израилю закон, Он давал его *«через Ангелов, рукою посредника»*. А мы знаем, как Ангелы мгновенно и неискаженно передают волю Божью. И знаем, каким посредником был

Моисей, этот *«кротчайший из всех людей на земле»* (Чис. 12:3). Вот кто вправе после своих неслышанных слов отрясти и прах от ног своих.

А тому, кто ещё не стяжал ни духовных даров, ни совершенного бескорыстия, – таковым не стоит спешить хлопать дверью. Лучше обратить сначала на себя. Может быть, ты просто пришёл показать «удаль молодецкую», попробовать свои интеллектуальные силы? И не столько тебя заботит спасение человека, сколько ты хочешь сразиться с ним, пусть и за правое дело, но всё же именно сразиться, победить, переспорить, загнать в угол, а потом величаться этим. Если так, то и не мудрено, что у тебя ничего не получается, и никто тебя не слушает. Поэтому – отступи и со смиренным осознанием своего бессилия просто помолись об этом человеке. И через какое-то, может быть, даже очень продолжительное время, – ты вдруг узнаешь, что он всё-таки обратился! А это – Господь постепенно наполнил Своей внутренней силой твои только внешне правильные слова.

О ветхозаветной праведности

Зачатие Честного Славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

Лк. 1:5–25

Гал. 4:22–31

Ветхий и Новый Заветы апостол Павел сравнивал с двумя сыновьями Авраама. Один из них, Измаил, рождённый от рабыни Агари, был изгнан вместе с матерью; а другой, Исаак, рождённый от свободной, наследовал обетования, данные Богом его отцу. *«Это два завета, – продолжает Апостол, – один от горы Синайский, рождающей в рабство, ... и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он мать всем нам».* И сколь велика разница между рабством и свободой, насколько же отстоит от новозаветной праведности ветхозаветная, даже в лучших её представителях.

О родителях Иоанна Крестителя говорится, что *«оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно».* Но вот однажды, когда Захария *«в порядке своей чреды служил перед Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения».* Он вошёл, конечно, не только с каждением, но и с молитвой, и молитва его была, конечно, не о чадородии (что видно из последующего), но о спасении Израиля, о чём и *«всё множество народа молилось вне во время каждения».* Вдруг Захарии является *«Ангел Господень, стоя по правую руку жертвенника кадильного»*, чтобы объявить, что молитва его услышана. А что же Захария? А мгновенно как бы потерялся, *«смутился, и страх напал на него».* Почему же так? Ведь знал он, куда входит: туда, где Господь обещал Моисею *«открываться»*, являться для беседы с ним. Он вошёл в то место, которое в былые времена наполняла видимым образом слава Господня. Он вошёл просить, и прошение услышано; а в душе вместо благодарности – смущение и страх. Значит, и служение его, и молитва его, хотя и

были, очевидно, исполнены, как и всё у него, *«по всем заповедям и уставам Господним беспорочно»*, но не было в них должной, живой веры, должного страха и благоговения.

Далее – Ангел начинает говорить: *«Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елизавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие»*. То есть этот ребёнок не только просто будет утешением бездетной семье, но придет как орудие Божьего Промысла, и *«многие о рождении его возрадуются»*.

А что же Захария? – А он говорит Ангелу: *«по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных»*. И не вспомнил он историю почти столетних Авраама и Сарры, будто Священное Писание – само по себе со своими чудесами, а жизнь – само по себе со своей обыденностью и суетой ... Поэтому и укорил его Ангел: *«И вот ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время»*. В Ветхом Завете можно было считаться непорочным, и в то же время – не знать Живого бога. Так, и Савл до своего обращения был «по правде законной – гонитель Христа. Поэтому и говорил Господь Своим ученикам: *«Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 5:20).

Бог есть Личность. И общение с Богом, как и со всякой личностью, состоит в том, что мы и говорим, и слушаем. Наша молитва, это – наше слово Богу, а чтение Слова Божия, это – наше слушание Его ответа. И поэтому становиться на молитву надо с мужественной готовностью, что Господь услышит нас и даст свидетельство об этом.

Ну а Слово Божие во всём, что случается с нами, во всех задачах, которые ставит перед нами жизнь, должно быть нашим первым наставником и руководителем.

О ереси жидовствующих

Четверг

Мк. 6:30–45

Гал. 3:23–4:5

В эти дни в церкви читается послание апостола Павла к Галатам. Оно было написано по поводу того, что галатийской церкви появилось некое заблуждение, которое периодически в разных местах и до сих пор возникает в сознании христиан. Русская Церковь особенно остро переживала в конце пятнадцатого века, и названо оно было тогда ересью жидовствующих. Сущность этого заблуждения всегда одна: придание чрезмерного значения Священному Писанию Ветхого Завета. В галатийской церкви некоторые начали учить, что для спасения необходимо совершать обрезание и выполнять некоторые другие обряды Моисеева закона, например, связанные с иудейским освящением времени: *«наблюдаете дни, месяцы, времена и годы»* (Гал. 4:10). Вразумляя галатов, Апостол среди прочего даёт чёткую формулу соотношения Ветхого и Нового Заветов. Он пишет, что тогда мы *«заключены были под стражей закона»* и что *«закон был для нас детоводителем ко Христу»*. А ведь у детей всё «понарошке», и все настоящие вещи – в виде игрушек. И многие заповеди Господь дал Своему народу просто как упражнение в послушании, и самое Богослужение у них было установлено тоже как бы не настоящее, а игрушечное. Ведь ядро Богослужения – принесение искупительной жертвы, – а разве возможно, *«чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи»* (Евр. 10:4)? И как ветхозаветные заповеди, подобно воспитателю, детоводителю, готовили народ к сознательному, сыновнему послушанию Богу, так и «игра в жертвоприношения» готовила к участию в жертвоприношении истинного Агнца Божия, действительно способного очистить грехи всех верующих в Него.

И *«наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего»*, так и все вообще дохристианские

религии внешне похожи друг на друга: тоже – какие-то заповеди, тоже – храмы, тоже – жертвенные животные. Каждый народ поклонялся своему «богу» или своим «богам», которые, конечно же, «в существе не боги». И так до пришествия Христова все были в послушании у каких-то детоводителей, истинных или ложных, самозванных или законно поставленных. Но – знает Верховный Отец и Господин, кого и откуда призовет Он в Свои наследники и поставит Господином всего. И когда пошло это время, все религии полностью изжили себя; люди уже выросли из детских одежд; и даже воспитанники законного детоводителя – беспомощно метались, *«как овцы, не имеющие Пастыря»*. И *«когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление»*. И теперь, – обращается Апостол к христианам, – *«все вы – сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»*, – облеклись, как в царскую ризу истинного наследника. Всё детское прошло, все временные, условные разделения миновали, и теперь для тех, кто облёкся во Христа, – всё новое: *«Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»*; и иудеи призваны к истинному, совершенному служению; и язычники, невольно чтившие *«неведомого Бога»* (Деян.17:23), теперь, наконец, познали Его.

А еретики призывали возвращаться назад, гордиться детскими внешними преимуществами и играть в прежние детские игры! Интересно, что Апостол не принуждал природных иудеев, принимавших христианство, сразу бросать установления ветхозаветной религии. Он и других призывал быть терпимыми к этим *«неможным в вере»* (Рим.14:1). Человеку трудно сразу оставить прежний образ жизни. Но проповедовать необходимость ветхозаветного культа, это значит – умалять Христову жертву, как будто бы к ней ещё что-то надо прибавить, чтобы она стала совершенной и спасительной! Тут только сделай первый шаг: в пятнадцатом веке наши жидовствующие дошли вообще до отрицания догматов

Божественности Христа и Святой Троицы. Поэтому со всей решительностью должны мы восставать вместе с Апостолом, когда нам говорят о необходимости чем-то дополнить Христову жертву или что-либо поставить рядом с ней.

О окамененном нечувствии

Пятница

Мк. 6:45–53

Гал. 4:8–21

Евангелие рассказывает, как однажды Господь после насыщения пяти тысяч пятью хлебами *«понутил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперёд на другую сторону»*. Сам же Он взойшёл на гору помолиться. Но увидев, что они терпят бедствие по причине сильного ветра, пошёл к ним прямо по воде. Они же, увидев Его, *«идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: это Я, не бойтесь. И вошёл к ним в лодку; и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились. Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено»*.

Значит вот что называется окаменением сердца: когда мы не способны усваивать уроки, когда события нашей жизни, едва выйдя из поля телесных чувств, сразу же уходят в небытие, когда окамененное сердце, подобно окаменевшим рукам, неспособно что-либо удержать. Так бывает и по отношению к Богу. Когда при всякой новой беде мы начисто забываем, как в прошлом Господь спасал нас. Так бывает и по отношению к человеку, когда при первой же неприятности мы начисто забываем, что перед этим долгое время нормально жили, нормально общались, и – бросаемся как в бой, как на самого лютого врага, – как будто в этом вольном или невольном дурном поступке проявилась вся сущность человека!.. Для окамененного нечувствия есть только настоящий момент. На страшное оно отвечает только страхом, на удивительное – только удивлением, на несправедливость – только возмущением, на боль – только криком, на зло – только злом.

И совсем не так – Божий человек. Вот, например, Апостол Павел столкнулся с искажением веры в галатийской церкви: с умалением всеобъемлющего значения крестной жертвы Христовой. И всё, что касается Христа, для Павла было глубоко

личным делом. *«Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас»*, – с беспокойством пишет он галатам: сколько труда он вложил в их просвещение, а они, выходит, всё попрали. Окаменённое нечувствие, если в подобном случае и начинает вспоминать прошлое, то – вот, мол, вы и всегда были такими, – что с вас взять! А человек с живым сердцем, видя настоящее зло, вместо возмущения, – с тёплым чувством вспоминает прошлое добро и самим же отступникам напоминает об этом. Он пишет: *«Вы ничем не обидели меня! Знаете, хотя я и в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгали бы очи свои и отдали мне...»* Ведь было же это! И именно сюда возвращались Павел, и сюда же он хочет вернуть галатов, чтобы помочь им преодолеть тупик, в который они зашли, и именно отсюда снова повести их по истинному пути.

«Прошу вас, братия, – пишет Апостол, – будьте как я» и в истинности веры, и в жизни по вере, – несмотря на все ваши нынешние заблуждения, *«потому что и я, как вы»*, потому что и я с Божией помощью выбирался из такой глубины зла, из такого противления истине, которые вам и не снились.

О последних временах

Суббота

Мк. 24:1–13

1Кор. 4:17–5:5

Однажды, когда ученики выразили свой восторг по поводу Иерусалимского храма, Господь неожиданно сказал: *«Видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне: всё будет разрушено»*. Справедливо рассудив, что это относится к последним временам, ученики задали, казалось бы, естественный вопрос: *«Скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?»* Но Господь увидел здесь нечто, побудившее сразу предостеречь: дело в том, что ученики захотели одного только чистого знания: *«Когда?.. Какой призрак?..»* А мы помним, что и наши прародители именно на этом и попались: запретный плод показался им вожделенным, *«потому что даёт знание»* (Быт. 3:6). Вот Господь и предостерегает, видя, куда и ученики потянули руки: *«Берегись, чтобы кто не прельстил вас»*. и Господь начинает говорить не просто о том: что? где? когда? но о том, к чему надо себя активно готовить. *«Услышите и войнах, и военных слухах»*, – говорит Он. А что такое война? Это – крайняя степень взаимной нетерпимости; это – абсолютное воплощение причины своих бед в образе врага, и порой – до такой степени, что *«все, как один, умрём в борьбе за это!»* И так, конце концов, *«восстанет народ на народ и царство на царство»*, и, как всегда, за человеческие грехи, восстраждет земля, и *«будут глады и моры, и землетрясения по местам»*. И надо быть готовым не отчаяться и не упасть духом: *«Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть»*, – говорит Господь.

А дальше, в бесконечных поисках виноватых, – потому что ведь сколько не убивай, а проблем своих не решишь, – мир, наконец, найдёт своего настоящего врага, того, кто хотя и никогда не поднимал меч, но всегда был внутренне чужд ему: он обрушится на Христову Церковь, и *«тогда будут предавать»*

вас на мучение и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасется». И вот, чтобы любовь вдруг не погасла, её надо постоянно возгревать; и чтобы не иссякло терпение, в нём надо постоянно упражняться. А если не так, то, имея даже совершенное знание, будешь, как щепка, втянут в водоворот зла, в пасть сатаны. Поэтому как Господь тогда, так и Церковь после Его отшествия на небо, продолжает учить своих верных чад всегда бодрствовать и непрестанно собирать сокровище на небесах.

А тому, кто пребывает в беспечности и пагубном бесстрашии, – иногда даётся возможность почувствовать, что его ждёт, если так и будет плыть по течению вместе с погибающим миром. Однажды Апостол Павел писал к Коринфянам по поводу одного нераскаянного грешника: *«А я, отсутствия телом, но присутствия у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа... предать сатане во измождении плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа»*. Мы не знаем, как именно это происходило и в чём именно заключалось, но нам известно, что грешник, о котором писал Павел, конце концов, пришёл в себя и отпрянул от показанной ему бездны.

Так что, если кто-то уже сейчас делает всё, чтобы погибнуть, то христианину уже сейчас надо делать всё, чтобы спастись. И зачем тебе знать, «когда это будет? и какой признак» этого? Чтобы успеть примериться с врагом? – примиришься сегодня... Чтобы исполнить не исполненный долг? – раскайся сегодня... Чтобы раскаяться в грехе? – раскайся сегодня... Чтобы бросить пагубную привычку? – брось сегодня же... Тогда с Божьей помощью невредимым пройдёшь сквозь всё, каким бы страшным оно ни было и в какой бы день ни наступило.

О наибольшей Заповеди

Неделя 15-я

Мф. 22:35–46

2Кор. 4:6–15

Однажды некий законник спросил Иисуса, искушая Его: «Какая наибольшая заповедь в законе?» ... Трудно придумать более каверзный вопрос. Кроме того, что тут – огромный простор для рассуждений и споров, но даже и самая попытка ответить – являет немалую дерзость: как может человек судить, что в Божьем законе главное, а что – второстепенное, что нужно выполнять, а что можно и оставить? Но Господь ответил так, что назвал не только действительно главное, но и одновременно дал ключ к каждой заповеди закона. Он сказал: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»*. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: *«возлюби ближнего твоего, как самого себя»*. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». То есть дело не только в том, чтобы выполнить те или иные заповеди, сколько в том, чтобы любовь была сердцевиной всякого дела. А сами дела могут выглядеть очень противоречиво.

Например, преподобный Феодосий Печерский ушел в монастырь вопреки запрету своей матери; а Иоанн Златоуст по просьбе матери сделал это только после её кончины. Закон повелевает мужу не оставлять жены, а преподобный Алексий Божий человек сразу после свадьбы тайно ушёл и от молодой жены, и вообще из дома. Епископу предписывается не оставлять своей паствы, а святой Павлин Ноланский надолго бросил всех вверенных ему Богом людей и продал себя в рабство, чтобы освободить всего лишь одного человека. Апостол Павел писал: *«Не подавайте соблазна ни иудеям, ни еллинам, ни церкви Божией»* (1Кор. 11:32), – а преподобный Симеон Столпник так перетягивал верёвкой своё тело, что оно начало гнить, и такой распространяло смрад, что его даже изгнали из монастыря. А сколько мы знаем примеров, как

Христа ради юродивые своим поведением побуждали людей и к осуждению, и к осмеянию, и к поношению себя. А иные тайные великие постники даже при людях ели мясо в пост, чтобы лишиться себя человеческой славы. Один принимает смерть, чтобы не отречься от Христа, а другой говорит: *«Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти»* (Рим 9:3) ... Кто им всем судья, кроме Господа, Который Один только видит их сердца и которого они возлюбили всею душою своею и всем помышлением своим?..

Всегда поступающий по любви – всегда идёт среди мира как по острию меча и свидетельствует о себе: *«Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаленных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей»*.

И как в человеке зарождается любовь? Апостол пишет, что у иных *«бог века сего»*, то есть диавол, *«ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа; а иным «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил... сердца... познанием славы Божией в лице Иисуса Христа»*. Но не с Бога надо спрашивать, почему одним Он попустил быть ослеплёнными, а другим повелел прозреть; Бог каждому говорит: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»*, – а также: *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»*. Господь обращается к каждому, потому что каждый наделён свободой и, с Божией помощью, может всё. И не почему-либо, а только по своей свободной воле один даёт себя ослепить, а другой тянется к прозрению и свету.

Седмица 16-я по Пятидесятнице

О свободе

Понедельник

Мк. 6:54–7:8

Гал. 4:26–5:10

«Итак, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства», – писал Апостол тем христианам, которых прельщал образ ветхозаветного богопочитания. Ведь исход евреев из Египта был не усыновлением, а именно порабощением Богу. Сколько сложных и непонятных предписаний свалилось на их плечи! Почему, например, эта пища считается чистой, а эта – нет? Или почему именно через обрезание, именно таким странным образом человек посвящается Богу? Поистине, *«раб не знает, что делает господин его»* (Ин. 15:15). Рабам поручают самое простое, то, что легко проследить: не убивай, не кради, не прелюбодействуй... И наказание тоже вполне рабское: смерть. Как же, обрета свободу и усыновление во Христе, оглядываться назад? Апостол считал это духовной катастрофой: *«Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати»*.

А дальше мы видим, как Апостол умеет всякую болезнь обратить в лекарство. Чувствуя упорное стремление некоторых в ветхозаветные времена, он вдруг и сам неожиданно поворачивает туда: *«Скажите мне вы, желающие жить под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной»*. Здесь Апостол напоминает, что прежде рождения Исаака от жены Сарры у Авраама родился сын от рабыни Агари. Апостол обращает внимание ревнителей закона, что тот, *«который от рабыни»* рождён по плоти, рождён по отчаянию; а родить *«по обетованию»*, с чудесной Божьей помощью, долгожданного наследника – суждено было именно свободной (Быт. 16:17).

Но кроме исторического факта, здесь – иносказание. В этих двух матерях – прообраз двух заветов: *«один от горы Синайской [у которой евреи получили закон], рождающей в*

рабство, который есть Агарь. Ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве. А вышний Иерусалим свободен: он – мать всем нам» (Гал. 4:21–26). Так что Ветхий Завет остаётся для христиан Священным Писанием, которое повествует о временном священном рабстве и в то же время пронизано образами грядущей свободы и указывает на абсолютную ценность. И, опираясь именно на Ветхий Завет, Апостол радостно возвещает: *«Мы, братия, дети обетования по Исааку»!* и пусть сейчас, как и прежде, *«рождённый по плоти»* гонит *«рождённого по духу»*, но всё-таки уже в Ветхом Завете звучит приговор предпочитающим рабство: *«Изгони рабу и сына её, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной»*. И снова Апостол высказывает нашу общую радость: *«Итак братия, мы дети не рабы, но свободной»!*

Ведь свобода – самый главный дар Бога человеку. Свободный, значит – живой. Один философ сказал: *«Я мыслю, следовательно, я существую»*. А мыслить, это – свободно сравнивать, свободно выбирать и нести полную ответственность за свой выбор. Только в свободе всякий поступок имеет нравственную ценность. Только в свободе возможна любовь. И когда Бог свободно явил Свою любовь в творении человека, то Он и человеку дал возможность свободно принять её или отвергнуть через невкусение или вкушение запретного плода.

Поэтому так важно чувствовать и осознавать свою Богоподобную свободу, дорожить ею, стоять в ней и, везде видеть её отблеск, не подвергаться никакому рабству.

О врагах свободы

Вторник

Мк. 7:5–16

Гал. 5:11–21

«К свободе призваны вы, братия ...» – пишет Апостол. Но одновременно предупреждает. Что у нашей свободы есть враги. Во-первых, это – чужая злая воля. Господь говорит: *«всякий, делающий грех, есть враг греха»* (Ин. 8,34). Но не один грех не обходится без учителя. Лишь грех диавола, этот самый первый грех, можно считать абсолютно беспричинным, грехом ради греха. Грех Евы уже был не без искушителя, и она в какой-то мере могла оправдываться: *«злой змий обольстил меня»* (Быт. 3:13). Поэтому *«кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил»* (1Ин. 3:8). От сих пор и пошла в человеческом роде эта «наука», эта «школа» греха. Так же, впрочем, как и школа праведности. Только вот цепочка праведников, хранителей заветов с Богом, узенькая, едва заметная ниточка – от человека к человеку: Адам – Сиф – Енос – Ной – Авраам и так далее (Лк. 3:38,36,34). А грех катится широкой, всепоглощающей волной, о чём Господь говорил: *«Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти к соблазнам»* (Мф. 18:7). Об этом же скорбит и Апостол, одновременно и желая, и видя невыполнимость своих желаний: *«О, если бы удалены были возмущающие вас!»*

А о второй опасности Апостол говорит: *«Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти...»* Плоть – это не просто тело, которое, как и душа. Есть премудрое Божие. Плоть – это таинственный внутренний голос поражённого грехом ветхого человека; это воля к разрушению, к небытию, к злу; это то, что извращает, уродует и душу, и тело. *«Дела плоти известны: они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражды, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное»*. Это – и наше, потому что оно в нас; и – не наше,

если мы видим его, судим и стараемся победить. Этому ужасался и апостол Павел, когда в отчаянии восклицал: «Когда хочу делать доброе, прилежит мне злое... Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:21–24).

Пришествие Господне не только явило абсолютную ценность свободы, но и обнажило врагов её. С пришествием Господним все ветхозаветные путы упали, «детоводитель» отпустил руку. Ничто уже не связывает. Но ничто и не поддерживает. Всё множество заповедей сошлось в одну точку, как в начале творения: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя»* (Лк. 10:27), или ещё короче: *«Будьте совершенны, как совершён Отец ваш Небесный»* (Мф. 5:48). И образ совершенства дан: вот, перед вашими глазами *«предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый»* (Гал 3:1). И свобода.

А внутри голос плоти и голос духа. О плоти мы уже говорили. А дух – это то, что в нас не поражено плотью, что хранит ещё печать Божьего образа и подобия. Это то, что проявляется и через голос совести, и через жажду истины, добра и красоты. Когда торжествует дух, являются и его плоды: *«любовь, радость, мир. Долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание»* (Гал. 5:22–23). И – *«плоть желает противного духу, а дух – противного плоти»*. И дух, и плоть – во мне. А есть ещё я сам. И ни дух, ни плоть не могут сами насильно завладеть мною. Что же мне делать? Послушать Бога или «возмущающих нас»? поступить по духу, плоды которого известны, или по плоти, дела которой тоже вполне ясны? О чём размышлять? Как свободные, *«поступайте по духу, и вы не будете»* как рабы *«исполнять вожделение плоти»*.

О сердце

Среда

Мк. 7:14–24

Гал. 6:2–10

Господь сказал: *«Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека... Ибо изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы...»* Сердце – это как средоточие креста. Это – самое неуловимое, но и самое драгоценное. Это – то, где начинается путь либо к спасению, либо к гибели, либо к жизни, либо к смерти. Сердце – твердыня, которая может противостоять любому натиску извне, ибо буквально «ничто», как говорит Господь, *«не может осквернить его»*. Но из сердца ж, вопреки всему доброму, могут исходить и потоки скверны.

В четвертом веке в Церкви был спор о том, что имеет решающее значение для спасения человека: его свободное самоопределение или Божья всемогущая, спасающая благодать? И иные утверждали, что только свобода, а иные – что только благодать.

И действительно, в иных местах писания мы найдём свидетельства о безусловном значении благодати, о том, что только *«Бог производит в нас хотение и действие по Своему благоволению»* (Флп. 2:13). А в сегодняшнем «зачале» говорится о безусловном значении сердца, о его свободе и ответственности; о том, что человек должен опираться только на самого себя: *«Каждый да испытывает своё дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом»*. Как будто на свете есть только человек, его дело и плоды этого дела: *«Что посеет человек, то и пожнёт»*.

А истина в том, что ни Бог, при всём Своем всемогуществе, не спасает против воли, ни сам не спасёшься без Божьей благодати. Как и спасающая благодать, свободное произволение человека имеет абсолютное значение. Скажут: как это может быть? мол, всемогущество, ограниченное человеческой свободой, не есть всемогущество; как и свобода,

ограниченная Божьим всемогуществом, не есть свобода... Но всё это лишь гимнастика ума. А ты свободно выбери Бога, выйдя навстречу Ему, – и тебе постепенно откроется всё Его всемогущество.

Так и все логические противоречия Священного Писания существуют только в отвлечённом уме и очень легко разрешаются практически. Вот и сегодня, например, сначала читаем: *«Каждый понесёт своё бремя»*, – и тут же видим противоположное: *«Носите бремена друг друга»*. А дело в том, что Слово Божие, как всегда, обращено к тебе как единственному свободному и ответственному слушателю. Тебе не дано, ты всё можешь, и поэтому ни на кого не рассчитывай и не оглядывайся: никто твоего бремени не понесёт. Но ты носи бремя своего ближнего!

А чтобы наш первый шаг к Богу был решительнее и твёрже, последуем сначала совету Церкви, совету, который слышим в чине погребения: *«Приидите, братия, во гробе узрим пепел и персть, из негоже создахомся...»* Вот каково всемогущество Бога, вот из чего смог Он нас сотворить. И с другой стороны, – вот куда ведёт свободное отвержение Бога.

О Церкви и святости

Четверг

Мк. 7:24–30

Еф. 1:1–9

Послание к Ефесянам начинается так: *«Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе...»* В наше время «святым» именуется тот, кто уже достиг совершенства, переплыл житейское море и явно прославлен Богом. Но ведь в то время практически все христиане были ещё на земле. Граница же между несвятым и святым, то есть между принадлежащим миру и принадлежащим Богу была довольно чёткой. Потому что Церковь была гонимой, и, входя в число христиан, человек делал действительно серьёзный и ответственный выбор.

Итак, обращаясь к святым, к тем, кто внутри, Апостол продолжает: *«Бог... во Христе... избрал нас... прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви»*. То есть людям, избравшим Бога, Апостол возвещает, что они, оказывается, уже сами избраны Богом и даже *«прежде создания мира»*. Как однажды желая выразить силу Божественной любви, Апостол даже сказал, что *«всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать»* (Рим. 11:32), – так и теперь он хочет показать, что эта любовь не имеет предела и во времени.

Первые христиане, любящие Бога и чувствующие Его любовь, были поистине солью... Но со времени святого Константина эта соль растворилась в океане христианской империи. Этот период продолжается и ныне. Мы тоже называем себя христианами, но как-то так получилось, что название «Церковь» постепенно перешло на ... здание, куда мы собираемся для молитвы, а совершенная святость окончательно перешла на небеса. И нравится нам или не нравится, но процесс этот необратим. Однажды у митрополита Московского Филарета (Дроздова) спросили, можно ли мирянам быть в алтаре. Митрополит ответил, что, хотя канонами это

запрещено, но сам он, чувствуя своё недостойнство, не может выгнать из алтаря никого, кто – по праву или не по праву – сюда вошёл... Так, хотя многое в нашей церковной жизни может вызывать и смущение, и возмущение, но устроить такую всецерковную чистку, разделить всех на «чистых» и «нечистых», на «полных» и «неполных» членов Церкви, уже невозможно. Самому же уйти отсюда значит – уйти в раскол.

Но зачем же уходить? Кто мешает тебе увидеть Божию любовь и ответить на неё? Кто мешает стать совершенным, образованным, святым? И кто мешает помочь в этом ближним? Как важно, приобретая христианское образование, приобретать столько же христианского смирения! А если, учась, всё более противопоставляем «наше» знание «ихнему» невежеству, и если не помогаем тому, кого обучаем, одновременно приспособиться к церковной реальности, то наука эта не от Господа Бога. *«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто»* (1Кор.13:2). Слава Богу, что отдавшие своё имя зданию храма, всё же ходят туда для молитвы, и, отправившие святость на небеса, всё же чтут её и поклоняются ей.

Всё посеянное должно вырасти, и Господь запретил Своим ревностным, но не имеющим совершенной мудрости Ангелам до жатвы вырывать плевелы, потому что так легко незаметно выдернуть вместе с ними и пшеницу (Мф. 13:24–30).

О Церкви и церквях

Пятница

Мк. 8:1–10

Еф. 1:1–17

Одно из действий благодати Божией, *«каковую Он в преизбытке даровал нам»*, Апостол видит в том, что Бог открыл некую *«тайну Своей воли»*. А тайна в том, что Бог положил *«в устранение полноты времён»* всё небесное и земное соединить во Христе иудеев и язычников. Ведь то, что для нас сегодня является общим местом, тогда было поистине откровением. И евреи не могли предположить, что когда-то перестанут быть единственным богоизбранным народом; и язычники, смотревшие на евреев как на чужих и навсегда закрытых, не могли помыслить, что когда-то им придётся принять что-то еврейское. И поэтому настоящим переворотом в сознании было, когда Господь вдруг повелел апостолу Петру идти к язычнику Корнилию.

Точно также для тех людей, которые однажды пришли вслед за Иисусом в пустынные места, было абсолютной тайной то, что произошло спустя несколько минут. Никто не мог и предположить: *«откуда мог бы кто взять здесь, в пустыне, хлебов, чтобы накормить»* несколько тысяч? А Господь только и *«велел народу возлечь на землю»*, и вдруг – чудесно умножились единственные пять хлебов и немного рыбок, и все *«ели и насытились»*, и даже *«набрали оставшихся кусков семь корзин»*.

Конечно, Господь через пророков приоткрывает будущее, но слышат ли люди этот голос? Интересно. Что даже когда собрался собор в Иерусалиме по поводу принятия в церковь язычников, то сначала апостол Пётр сообщил о факте обращения Корнилия, и как Бог дал при этом *«свидетельство, даровав им Духа Святого»*. Потом Павел и Варнава рассказали, *«какие чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников»*. И лишь после этого и апостол Иаков привёл пророчество Иеремии, что некогда будут призваны и *«прочие*

человеки и все народы, между которыми возвестится имя» Господне (Деян.15:17).

А пока все должны были идти своими путями. И иудеи – крепко беречь для всего мира веру в единого бога; и другие народы – до конца пройти путь безбожия и многобожия, чтобы, с одной стороны, явить миру плоды этого пути, а с другой – показать высоту и пределы чисто человеческой мудрости...

А мы сегодня стоим перед трагическим фактом разделения людей, исповедующих имя Христово. И хотя мы понимаем, что это плохо, и даже противоестественно, но что мы, православные христиане, можем сделать? Не можем же мы ради объединения с римокатоликами подчиниться вместо Христа Римскому Папе, признав его непогрешимым наместником Христа на земле, и почитать его учительное слово наравне со словами Священного Писания. Не можем мы и ради объединения с протестантами отказаться от молитвенного общения с Божией Матерью, с Ангелами и духами *«праведников, достигших совершенства»* (Евр.12:23). Не можем мы отказаться ни от чего, чем живёт наша Церковь вот уже две тысячи лет. Зачем прибавлять к своим и так многочисленным грехам ещё и грех отступления от явной истины?

Конечно, и к правоте часто примешивается греховное чувство гордости своей правотой; и далеко не всё делаем мы, чтобы облегчить им возвращение в Церковь; конечно, не стоит спешить отправлять в ад и всякого человека, а тем более исповедующего имя Христово. Просто надо твёрдо и по совести, спокойно и смиренно идти своим путём, не гоняясь за призраками, за суррогатами единства, и верить, что когда-нибудь Господь откроет нам и эту тайну. Может быть, Он чудесным образом наплатит всех любовью, как когда-то наплатил хлебами в пустыне; и то, что сейчас кажется совершенно невозможным, когда-нибудь станет само собой разумеющимся, и никто даже не сможет поверить, что когда-то было иначе.

О сне и бодрствовании

Суббота

Мк. 24:34–44

1Кор. 10:23–28

Многих занимает вопрос: когда будет второе пришествие Христово? И много по этому поводу бывает суеты. Одни дерзают предсказывать год, месяц и даже день, а другие легкомысленно верят. Забывая, что «о дне том или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец». И вместе с тем, многие великие проповедники в разные времена указывали на своё время, как на последнее: мол, видите, какие стихийные бедствия, какое падение нравов, народ восстаёт на народ, царство на царство, – неужели не ясно, что уже *«близко, при дверях»* (Мк. 13:29)? И хотя конец так и не наступал, всё же тут они были правы, потому что помогали – каждый своим современникам – живее ощущать другие слова Христовы: *«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придёт»*.

Господь говорил также: *«не преидет род сей, как все сие будет»*. и хотя многие десятки родов исчезли с тех пор, но ведь человек проживает только одну, свою жизнь. Отходит душа от тела; что сделано, то сделано, ничего уже не прибавишь, не убавишь; в миг проносятся столетия, и вот уже душа снова в теле, но уже для последнего суда. Поэтому надо бодрствовать, на всякий час готовясь к пришествию Господню...

Бодрствованию учат все, но обратим внимание, как это делает Богодухновенный Апостол. Он говорит:

«Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но не всё назидает».

«Всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1Кор.6:12). Как мягко старается он разбудить спящего: *«Всё мне позволительно»*, – то есть всё нормально, всё хорошо, Господь с нами! И дальше он тоже как бы ничего не требует, но заботливо вникая в мои же собственные интересы, говорит: *«... но не всё полезно»*, *«...но не все назидает»*, *«...но*

ничто не должно обладать мною». – А кто не хочет пользы и назидания, кто хочет быть рабом?..

А если человека разбудить грубо, резко, то он со страху иногда начинает всюду подозревать колдунов, боится по неведению съесть что-нибудь не то. Таких, не по разуму разбуженных, Апостол успокаивает: не волнуйтесь, *«всё, что продаётся на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля и что наполняет её».* Также *«если кто из неверных позовёт вас, и вы захотите пойти, то всё предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести»* – потому что никакая пища не может принести духовного вреда. И если кто-то при этом скажет: *«Это идоложертвенное»*, – то тут уже бодрственно остановитесь, *«не ешьте»*, и не ешьте ради того немощного, кто объявил вам. Потому что в твоих же интересах соблюдать и такой принцип бодрствования: *«никто не ищи своего, но каждый пользы другого».*

Жизнь христианина часто сравнивается с жизнью воина, а бывалые воины говорят, что в условиях военной жизни отдать последний кусок ближнему, это даже не добродетель, а единственная возможность выжить. И есть такое испытанное правило штыкового боя: защищать не себя, а того, кто рядом, и только тогда – общий успех.

И вот, когда человек заботится, чтобы ему сейчас выжить, сейчас победить в бою, – ему не до предсказаний, когда этот бой кончится. Ему надо отразить удар, надо моментально принять единственно правильное решение.

А всякая конкретная дата или усыпляет, если она отдалена, или, если слишком близка, наоборот, парализует ужасом, как больного, которому необдуманно сказали о неизлечимости его недуга. Конечно, правда – прежде всего... Но правда-то как раз в том, что, сколь очевидным ни казался бы смертный исход, Бог может посрамить все самые научные предсказания. Просто и больной, и здоровый должны, пользуясь случаем, вспомнить, что оба смертны, и что Господь ни тому и ни другому завтрашнего дня не обещал. Значит, и тому, и другому надо, не

откладывая на завтра, сделать то, что он обязан сделать сегодня и как христианин, и просто как человек.

О талантах

Неделя 16

Мк. 25:14–30

2Кор. 6:1–10

«Умоляем вас, – пишет Апостол, – чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами...» Значит, цель христианской жизни – не просто в том, чтобы получить, «стяжать» некую «благодать», но чтобы благодать эта принята была «не тщетно», то есть не напрасно, не впустую. Благодать же, это – свободный Божий дар. И каждый человек, кроме того, что он сотворён, кроме того, что он искуплён Христовой Кровью, имеет ещё и другие дары. Один, например, с детства не скажет грубого слова, не повысит голос; для другого просто немыслимы блудные грехи; третий готов всё отдать ближнему, всё сделать для него... В сегодняшней притче эти дары сравниваются с талантами, которые некий господин, отправляясь в чужую страну, поручил своим рабам, ожидая, что, возвратясь, получит своё с прибылью. И действительно, безгневный может быть блудником, независтливый – пьяницей, а бескорыстный – убийцей. Но Господь же говорил, что нарушающий одну заповедь нарушает весь закон. И кто об этом помнит, тот не будет уповать на то, чего у него нет. Про то, что есть, он как бы забывает, как бы отдаёт это торгующим; всё это работает само по себе. Но то, что он приобретёт трудом, терпением, непрестанной молитвой, – он положит к ногам Господа. И хотя в своём труде он как бы забывал про полученное даром, но тут он первым делом с благодарностью скажет: *«Господин! пять талантов ты дал мне...»* А потом со смирением прибавит: *«вот, другие пять талантов я приобрёл на них»*. И хозяин, радуясь за него, скажет: *«Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войти в радость господина твоего»*.

Так в притче поступили два раба. А третьему тоже было дано, и дано строго по его силе. И если бы он хоть один талант принёс на один, то и он бы заслужил похвалу и благоволение.

Но этот раб, прекрасно зная, чего ждёт от него господин, сознательно не принимает его законов. Он видел, как поступали верные рабы, и это было ему противно. Очевидно, он по совести считал, что обязан отдать только то, что в него вложено: *«Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнёшь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошёл и скрыл талант твой в земле; вот, тебе твоё»*. Иными словами, ты дал мне лишь это, а ждёшь ещё и то, на что не дал сил и к чему не вложил расположения. И поэтому я только твоё считаю справедливым отдать тебе. Ты же ещё должен признать мою правоту и даже похвалить мою прямооту и принципиальность...

А господин ответил: *«Лукавый раб и ленивый! [потому что, действительно, за лукавой «принципиальностью» часто скрывается простая лень] ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро моё торгующим, и я, придя, получил бы моё с прибылью; и так возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неумеющего отнимется и то что имеет»*. Потому что, действительно, приобретающий в поте лица одни добродетели и сам не замечает, как попутно приобретает ещё и другие. А строптивому рабу господин как бы говорит: *«Будь ты хоть семь пядей во лбу, но я – твой господин по природе, и нет у тебя другого. И как бы ни казался ты себе правым, но живёшь ты на моей земле и мне принадлежишь, а в моих владениях – мои законы и других не может быть...»*

Так и в Божьем мире – только Божьи законы, как бы я к ним ни относился. И как я могу спорить с Богом? *«Ибо Он не человек, как я, чтоб я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним на суд! Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас»* (Иов. 9:32–33), – так восклицал праведный Иов, которому Бог дал очень много и от которого получил очень большое приращение.

И нет у нас другого пути, как познать Божью волю и выполнить её. И не можем мы укорять Его и обвинять во зле.

Потому что и самое добро, это не что иное, как то, что нам повелевает Бог. А зло, это лишь то, что Он нам запрещает.

Седмица 17-я по Пятидесятнице

О полноте света и полноте тьмы

Понедельник

Мк. 10:46–52

Еф. 1:22–2:3

У апостола Павла был удивительный дар: говорить о неизречённом, говорить кратко и исчерпывающе. И для такого же, как он, чистого и великого мужа этот язык понятен и достаточен. Нам же, чтобы уразуметь сказанное. Поневоле приходится многословить. Так, сказав о Христе *«воскресив Его из мертвых и посадив одесную себя на небесах... поставил Его выше всего, главою Церкви...»* (Еф. 1:20–22), – Апостол пишет о Церкви, что она есть *«Тело Его, полнота Наполняющего всё во всём»*. Казалось бы, определение Бога, как *«Наполняющего всё во всём»*, исключает всякие оговорки и дополнения. «Всё во всём» – куда полнее? А между тем, сначала Апостол всё же сказал о Церкви, что именно она, и только она есть *«полнота Наполняющего»*. Хотя и о самой Церкви нельзя сказать, что она всё наполняет. А далее это противоречие ещё более углубляется: оказывается, что при *«Наполняющем всё во всём»* находит себе место ещё и *«мир сей»* с его обычаями, и, кроме того, – даже *«князь, господствующий в воздухе»*, дух, противящийся Богу. И у этого князя тоже есть полнота господства и тоже есть *«сыны»*, в которых он действует и которых заставляет вместе с собой противиться Богу. То есть оказывается, что при безусловно *«Наполняющем всё во всём»* может существовать не просто какая-то незаполненность, но и противоположный, враждебный этой полноте мир.

И Апостол напоминает христианам, что как раз оттуда, из этого враждебного мира, они пришли в эту полноту: *«и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желание плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие»*.

Так, перед нами – тайна сосуществования полноты спасения и полноты гибели. И это – как тайна света и тайна

тьмы. Сегодня в Евангелии и говорится о Вартимее, слепом, который *«сидел у дороги»* в то время, как Иисус проходил по ней *«с учениками Своими и множеством народа»*. Вокруг слепого – свет, а он один – во тьме. Все вокруг все видят, видят и его самого и могут видеть и даже самое устройство его глаз, до последней клеточки, а он не видит даже самого себя, и так получается, что он – вне всё наполняющего, всё пронизывающего света, и в нём всецело господствует и всего его наполняет тьма. Но вдруг он *«начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня»*. Иисус же велел подвести его к себе, чтобы слепой перед всеми засвидетельствовал своё желание, свой выбор, своё предпочтение света тьме: *«Чего ты хочешь от меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тот час прозрел и пошёл за Иисусом по дороге»*. Мгновенно и без следа рухнуло господство тьмы, и Вартимей тоже со всеми оказался в полноте света.

Так свет и тьма, спасение и погибель в этом мире находятся рядом, как бы в одной точке. И достаточно оступиться, чтобы вдруг ввергнуться во тьму, и достаточно от всего сердца возопить к Богу, чтобы тьма рассеялась, и чтобы оказаться в Церкви, в этой полноте *«Наполняющего всё во всём»*.

О святыне храма

Вторник

Мк. 11:11–23

Еф. 2:1–3:7

На следующий день после торжественного входа в Иерусалим Господь вошёл в храм и *«начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронёс через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли, дом Мой домом молитвы наречётся для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников...»* Наблюдая это, апостол Иоанн Богослов вспомнил слова из пророка Давида: *«Ревность по доме Твоём снедает Меня»* (Ин. 2:17). Господь видел на земле много греха, но лишь небрежение к святыне храма побудило Его к таким действиям. Ведь что такое храм? Царь Саломон при освящении Иерусалимского храма так молился: *«Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил. Но... призри на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой... да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь... Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем; услышь на месте обитания Твоего, на небесах, услышь и помилуй»* (3Цар. 8:27–30).

Храм необходим, потому что бессмертная, нематериальная душа человека заключена в ограниченное пространство тела. И поэтому надо не только воспарить душой к Богу, но ещё прийти вместе со своими единоверцами особое, освящённое молитвой место.

В Ветхом Завете это место было строго единым. Чтобы не возник соблазн допущение многих богов по числу храмов. Но когда Сам Господь пришёл на землю, Он сказал: *«...поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... когда истинные*

поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе.» (Ин. 4:21–23).

В новозаветных книгах часто говорится о новом, духовном храме, который в духе и истине должны созидать из себя христиане, *«быв утверждены на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем», «слагаясь стройно»,* возрастая *«в святой храм в Господе».* Но, и чтобы созидать из себя это *«жилище Божие»*, ученикам Христовым с самого начала надо было и собираться где-то вместе, что они и делали (Деян.2:42). И пока стоял Иерусалимский храм, они *«каждый день единодушно пребывали»* в нём (Деян.2:46), а специальное христианское *«преломление хлеба»* совершали *«по домам».* С разрушением храма всё перешло в дома. Свои же храмы стали строить уже потом, когда гонения прекратились. Эти здания и изнутри и снаружи были проникнуты христианской символикой, украшены росписями, напоминающих о священных лицах и о священных событиях.

Но храмы становились всё величественнее, всё богаче, а христианский дух собиравшихся в них людей оскудевал: называться христианином в христианской империи стало нормой, а вера, конечно, была далеко не у всех. И Господь промыслительно устраивал, чтобы дух, оскудевающий в христианах, отпечатывался в их молитвенных зданиях. Храм становится мощной поддержкой для того, кто приходит сюда недостаточно осознанно; он без слов даёт ощущение присутствия Божия, как без слов возвещает и своим Творце весь Божий мир. И этот дух ощущается даже в осквернённых, полуразрушенных храмах. Поэтому многие архитекторы и реставраторы, работая с этими развалинами, постепенно и сами становились камнями в духовном здании Христовой Церкви.

Таким образом, для обращения иного человека храм может стать последней надеждой. И как Господь очистил тогда Ветхозаветный храм, так Он очищает и наши храмы. И когда это действительно делает Сам Господь, внешне это выглядит примерно так: в храм, где творится беззаконие, приходит

благочестивый слугитель. Он просто исправно делает своё дело, терпеливо перенося всякие поношения. Но когда зло покажется особенно несокрушимым, вдруг исчезает то один, то другой беззаконник. И получается по словам Псалмопевца: *«Видех нечестивого превозносящася, и высящася яко кедры ливанския; и мимоидох, и се не бе, и взысках его, и не обретеса место его»*. Итак, *«храни незлобие и виждь правоту»* (Пс.36:35–37), а бич Господень не замедлит, как только окончательно будет поправлено Господне долготерпение и как только будет кому заполнить опустевший дом.

О движении и покое

Среда

Мк. 11:23–26

Еф. 3:8–21

Однажды Господь в ответ на удивление учеников, что по Его слову тотчас засохла бесплодная смоковница, сказал: *«Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет про горе сей: «поднимись и ввергнись в море», и не усомнится в сердце своём, но поверит, что сбудется по словам его, будет ему, что ни скажет»*. После этих слов может возникнуть желание проверить либо свою, либо чужую веру. Но – остановимся: вспомним, как когда-то сатана, возведя Иисуса на высоту, тоже сказал Ему: *«если Ты Сын Божий, бросься вниз...»* (Мф4:5–7). Господь же тогда ответил всем желающим ставить такие опыты: *«Не искушай Господа Бога твоего»*. И в то же время, когда, например, мальчик Прохор, будущий преподобный Серафим Саровский, случайно упал с высокой колокольни, Ангелы действительно поддержали его и избавили от смерти. Забота же и молитва христианина должны быть не о том, чтобы без толку двигать горы, но, чтобы самому найти своё неподвижное место в мире. Потому что и так всё находится в непрерывном движении. Вот даже огромные небесные тела, как пылинки, носятся во вселенной. Но чтобы разобраться в их движении, чтобы вычислить их орбиты и скорости, тоже необходимо где-то поставить точку и объявить её неподвижной. И началом такой точкой в христианском, воспитанном на Библии человечестве, была, естественно, земля. Солнце же, луна и звёзды вращались вокруг неё, потому что и возникли они лишь в четвёртый день творения (Быт.1:14–19). Потом соблазнились величием солнца, пригвоздили его к пустоте, и заставили нас вместе с землёй вертеться вокруг него и вокруг своей оси, – чего человек, конечно, никогда не примет и никогда не будет говорить: *«земля перевернулась»*, но – всегда, как и тысячи лет назад: *«солнце взошло!»* Итак, поскольку неподвижных точек во вселенной нет, то – утвердиться на

земле, как на неподвижном центре вселенной, это дело не науки, но – свободной, здоровой, просвещённой словом Божиим, воли. Дело же науки – потом пересчитать все орбиты по отношению к земле.

Точно также и с человеком. Бог вдунул душу живую и сказал: *«...наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте... над всею землею, и над всяким животным...»* (Быт.1:28). То есть и душа человеческая должна быть, по замыслу Творца, в центре. А всё остальное – для человека и вокруг него. Но если душа по своей воле сдвинулась с данного ей Богом места, то она начинает всё сильнее и сильнее вертеться вокруг всего в мире, вокруг вещей и проблем; за всем устремляется, всё хочет догнать, а не догнав, – приходит в уныние и отчаяние. Душа может как бы разделиться по всему миру и совершенно забыть себя.

Но когда она вдруг проснётся и трезво взглянет на себя и на мир, то непременно придёт к выводу, что *«суета сует – всё суета!.. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»* (Еккл.1). Нет ничего в этом видимом мире, что могло бы по праву заставить её вертеться вокруг себя. Как и Господь говорит: *«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»* (Мк.8:36–37).

Итак, душе надо прежде всего понять свою абсолютную ценность и несравнимость ни с чем в мире; и, подобно как на земле надо просто встать на своё законное место, так и душе необходимо перестать вертеться вокруг всего в мире, вернуться «на круги своя», и – *«крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке»*. Потому что только здесь – точка пересечения миров, видимого и невидимого, и только здесь, наконец, становится возможным *«верую вселиться Христу в сердца»* наши. И только здесь, – *«укоренённые и утверждённые в любви Христовой»*, то есть обретя точку отсчёта, мы уже сможем и в показавшемся нам пустым и бессмысленным мире почувствовать смысл, увидеть иерархию ценностей, то есть *«постигнуть... что широта и долгота, и*

глубина, и высота», а главное, всё более и более уразумевать «превосходящую разумение любовь Христову», чтобы в конце концов «исполниться всею полнотою Божества».

О укоренённости

Четверг

Мк. 11:27–33

Еф. 4:14–19

Итак, Апостол молится, чтобы Господь дал нам «по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердце» наши, чтобы мы, «укоренённые и утверждённые в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы исполниться всею полнотою Божества» (Еф.3:14–19). И далее продолжает: «Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения...»

Ибо младенец очень зависим от внешних воздействий: его легко напугать; рядом с ним могут звучать высокие речи, но не находить отзвука ещё не зрелой душе, подобно как носимые ветром семена растений в иных местах не задерживаются и не могут пустить корни. У некоторых людей такое младенчество затягивается до глубокой старости. Афиняне, к которым однажды пришёл апостол Павел, «ни в чём охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян.17:21). Но едва эти люди слышали нечто, как бы пытающееся пустить корни в их душах, они стали насмехаться и говорить: «Об этом послушаем тебя в другое время!» А Понтий Пилат в ответ на слова Христовы об истине, презрительно отмахнулся: «Что есть истина!»

А если истина не укоренилась в душе, то там – мерзость запустения. Как может такой человек руководить другими, как может соединить и примирять. Вести ко благу? Куда могли. Например, фарисеи вести народ, если самая цель их законнической системы была именно в том. Чтобы одновременно сделать и по своей воле, и вроде как бы по Божьей? По этой системе, например, достаточно было сказать:

«Дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», – и – со спокойной совестью пройти мимо отца и матери. А однажды Господь спросил их: *«Крещение Иоаннова с небес было, или от человеков?»* отвечайте Мне.

Они рассуждали между собою: если скажем «с небес», то Он скажет: *«почему же вы не поверили ему?»* А сказать «от человеков» – боялись народа, что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем». и это не было смиренным признанием своего неведения; они не заинтересованы в истине; их просто то колеблет боязнь потерять авторитет, обнаружив свою непоследовательность, то увлекает физический страх разойтись с общенародным мнением. И всякого, кто не хочет укорениться и утвердиться во Христе, не хочет быть в центре, во внутреннем человеке, – неизбежно постигает участь всех колеблющихся и увлекающихся, всех, поступающих по суетности ума своего: его всюду уловит и лукавство человеков, и хитрое искусство обольщения. И, в конце концов, он доходит до полного бесчувствия, делая «всякую нечистоту с ненасытимостью» ...

А в центре мира, во Христе, идёт творческая, созидательная работа. Он – Глава всего. И от Него всё тело Его Церкви, «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви».

О безумных виноградарях

Пятница

Мк. 12:1–12

Еф. 4:17–25

Однажды Господь рассказал притчу, как некий хозяин насадил виноградник, устроил всё для успешного труда, и сдал виноградарям, договорившись об арендной плате. Но едва виноградары заключили договор, как сразу повели себя крайне нагло: сколь ни посылал к ним хозяин слуг за положенной долей, – виноградары *«то били, то убивали»* их. *«Имея же ещё одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего»* ...

Общеизвестно, что хозяин, это – Бог Отец; слуги, это – пророки, посылаемые напоминать, что над нами есть Хозяин, и что мы сотворённые Им и живущие Им, – нечто должны Ему. Ну а сын хозяина, это – Единородный Сын Божий. Отец послал Его уже не просто напомнить, но – коснуться самого сокровенного в человеке, разбудить его совесть: *«может быть постыдятся сына моего»*. Ведь со стороны Бога всё честно выполняется: *«Отец Мой до ныне делает, и Я делаю»* (Ин.5:15). И мало того: Бог Сам пришёл к отступившим от Него людям. Чего же более? Что можно ещё сказать?! Но что происходит? Бог воплощается; всемогущий и непреступный становится соразмерным и доступным человеку. Но эта соразмерность и доступность даёт неожиданную возможность борьбы с Богом, и не какой-то духовной борьбы, но – до оплёвания распятия. Последняя надежда Бога вывести человека со дна погибели – это одновременно и последняя безумная надежда богоборческих сил совсем уничтожить Бога и получить мир в полное владение. Крайняя попытка устыдить становится поводом явить крайнее бесстыдство.

Фарисеи, например, сразу *«поняли, что о них сказал притчу»*. И не стали даже выяснять, а каких именно плодов ждёт хозяин? Они тут же приткнули к виноградарям, и тоже *«старались схватить Его»*.

Но тому, кто считает себя на стороне Хозяина, совершенно необходимо выяснить: а сам я плачу положенное или нет? Рассмотрим хотя бы один вид платежа, о котором ясно говорит Пророк: *«Принеси в жертву Богу хвалу»* (Пс. 49:14), и повторяет Апостол: *«За всё благодарите»* (1Фес. 5:18). Что же, когда в нашей жизни всё идёт гладко, мы с удовольствием это сделаем (если, конечно, не забудем). Но вот Господь посчитал благовременным призвать к себе наших близких (которых Сам же и сотворил). И счёл полезным лишить нас имущества (которое Сам же в Свое время дал). И вот, как всегда, присылает слуг с обычным напоминанием: *«За всё благодарите!»* И мы, не раз слышавшие и сами говорившие эти слова, теперь вдруг воспринимаем их как издевательство над нашим горем! И много ли найдётся таких благочестивых арендаторов, которые могли от всего сердца сказать, как сказал потерявший всё Иов своей жене: *«Ты не говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»* (Иов.2:10). Последнее же утешение страждущему, это – это напоминание о Сыне Божиим, Который *«не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному; Он грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились»* (1Пет. 2:21–24). И если эти слова мертвы для нас; если они не облегчают наших мирских страданий, то, что мы делаем, ка не убиваем и не выбрасываем Его «вон из виноградника», выбрасываем за пределы нашей жизни, как ничто в ней не значащий и ничего не определяющий факт?..

О мудрых и неразумных девах

Суббота

Мк. 25:1–13

1Кор. 14:20–25

Закончив говорить о необходимости бодрствования, о злой участи того раба, который легкомысленно скажет: *«не скоро придёт господин мой»* (Мф.24:48–49), Господь Иисус Христос рассказал ещё притчу о десяти девах, из которых *«пять было мудрых и пять неразумных»*. Все со светильниками ждали небесного Жениха, но мудрые ещё и *«взяли масло в сосудах своих»*. А так – и у тех, и у других одинаково горел огонь, и всё для всех казалось благополучным. *«И как жених замедлил, то задремали все и уснули»*. Но вдруг *«в полночь раздался крик: вот, жених идёт, выходите навстречу ему!»*... Приближение Небесного Жениха сразу всё просветляет, всему обозначает цену. И неразумные девы вдруг забеспокоились, почувствовали, что им чего-то не хватает, что им не устоять перед грядущим, увидели. Что огню благодати нечем питаться в них, и – в панике обратились к мудрым: *«Дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут»*. А мудрые ответили: *«чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе»*. И Господь, учивший не заботиться о завтрашнем дне и всегда давать просящему, на этот раз назвал мудрыми тех, кто поступил наоборот.

Дело в том, что елей этот особого рода: его никогда не может быть достаточно, и тем более с избытком. Не может быть у человека никаких «сверхдолжных заслуг», которыми можно было бы поделиться. И истинные праведники, день и ночь проводя в трудах, – ни во что не ставят эти труды, всё время видя перед собой Божию любовь и Божие совершенство. Именно – день и ночь, потому что – вот, уже полночь, когда, казалось бы, какая торговля? – а они искренне советуют неразумным: *«чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе»*. И неразумные послушались, пошли, и даже, и кажется, преуспели. Но всё-таки

они безнадежно опоздали, потому что приобретать надо не тогда, когда тебя уже обжигает приближение Небесного Жениха: тут уже надо припасть к Нему и омыть Ему ноги слезами. Тут же не о нищих надо заботиться, продавая для этого драгоценное миро, но – помазать этим миром ноги дорогому гостю (Ин. 12:2–5). А неразумные как раз именно тут и бросились спешно продавать миро и раздавать нищим, приобретая тем самым билет на гордое и независимое право входа!..

Но ведь всё-таки горел огонь у неразумных дев! Значит, всё же было в них чему гореть, значит, всё-таки не совсем чужды Господу были они... Да, Господь и подавшего стакан воды обещал не оставить от награды. Награда же – и есть огонёк радости в душе и чувство успокоенной совести. И беда наша, что – теплится огонёк – и ладно! Так и от добрых дел ищем лишь человеческой благодарности, и от молитвы – лишь благодарных ощущений. И ухитряемся так же относиться даже к высоким духовным дарам. В древней Церкви, например, были разные степени даров Святого Духа: дар вдохновенного говорения иными языками, дар истолкования языков, дар пророчества. Говорение языками было великим утешением для христианина. Говорит!.. – радостно ощущал он, когда неведомая сила исторгала из уст неведомые ранее слова. и Апостолу приходилось возвращать таковых к реальности: А что, если в это время, – говорит он, – *«войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?»* *«А потому говорящий на незнакомом языке» не успокаивайся на этом, но «молись» о большем, о даре истолкования»* (1Кор. 14:13). И тогда, если вы пророчествуете, *«и войдёт кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится, и таким образом тайны сердца его обнаруживаются; и он падёт ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог!»*

Да, только если твёрдо знаешь и постоянно чувствуешь, что «с нами Бог», то и елея всегда хватит, и переоценивать его не будешь; и будешь знать, что делать, когда приблизится Небесный Жених.

О прохождении сквозь стену

Неделя 17

Мк. 15:21–28

2Кор. 6:16–7:1

Господь говорит тем, кто хочет быть с Ним, кто хочет быть в Его Церкви: «Выйдите из среды их и отделитесь... и не прикасайтесь к нечистому, и Я прииму вас, и буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями...» Но как часто подошедший к церковной ограде видит перед собой непроходимую стену. И иногда это – просто стена непонятности. Но иногда может показаться, что это – стена прямой враждебности. Иногда эта стена пугает чрезмерной высотой требований, а иногда отталкивает кажущейся примитивностью... Но поскольку всех отталкивает разное, постольку очевидно, что дело вовсе не в стене. То же, что и с Евангелиями: иные не считают их подлинными, потому что они якобы противоречат друг другу, а иные – потому что они, мол, слишком схожи...

Но особенно неприступной эта стена казалась в ветхозаветные времена, и тут уже – по достаточно объективной причине: тогда овцами Божьими были лишь потомки по плоти святого праведного Авраама. Но для истинно желающих войти эта стена и тогда не была непроходимой.

Однажды к Иисусу Христу подошла язычница, хананеянка, и взмолилась: *«Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется!»* И так она, очевидно, повторяла много раз, потому что ученики не выдержали упорного молчания Учителя и сказали: *«Отпусти её, потому что кричит за нами»*. Но Иисус на это как отрезал: *«Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»*. Но она с какой-то слепой, безумной надеждой продолжает вопить: *«Господи! помоги мне!»* и тогда Господь сказал ещё более жестоко и беспощадно: *«Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам»*. Ну кто после таких слов не отошёл бы прочь со стыдом и смертельной обидой?.. А что же хананеянка? – А она говорит: *«Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их»*. И

Господь воскликнул: *«О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему»*. И в тот же миг исцелилась – даже не она сама, здесь стоящая и просящая, а дочь её, за которую она пришла просить, и о которой нам ничего не известно. Сама же эта женщина в один миг прошла сквозь стену религиозной и национальной отчуждённости.

И невозможно войти в Церковь Христову. Если до конца не осознаёшь, что там, за невидимой оградой, – дети Божьи; что если я не войду туда, то так и останусь псом, никому не нужным и всеми презираемым; и что крохи там – дороже сокровищ здесь. Задумаемся, проверим себя: смог бы выстоять до конца, как эта женщина? и если нет, то может быть до сих пор ещё и не вошёл в овчий двор Церкви Христовой, хотя видимо и находишься в её ограде.

Седмица 18-я по Пятидесятнице

О совлечении ветхого человека

Понедельник

Лк. 3:19–22

Еф. 4:25–32

Человеку, вставшему на путь Христов, необходимо, по слову Апостола, *«отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, ... обновиться духом ума, ... и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины»* (Еф. 4:22–24). И правда, как хотелось бы: вдруг совлечь с себя старое и грязное, и раз и навсегда облечься в чистое, новое, светлое!.. Но ключ к этой задаче в том, что *«нового человека»* должны составить все вместе мы, исповедующие имя Христово. Ибо *«мы члены друг другу»*.

И первое, что здесь мешает, это – ложь. Солгал – и ушёл от ответственности; солгал – и вроде бы всё спокойно... Но хотя путём лжи иногда удаётся избегать конфликтов, – с каждым разом неумолимо, как по стеклу, расплзается трещина в человеческих отношениях. А *«посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему»*.

Но, если ложь постепенно перетирает связующие нити, то гнев – сразу рвёт их. Гнев и кротость, как ложь и истина, – тоже ветхое и новое, как тьма и свет. *«Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдёт в гневе вашем»* ... Но можно ли, гневаясь, не согрешать? Иоанн Златоуст так поясняет это место: *«Хорошо не гневаться; но если кто впадёт в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время... Да не зайдёт солнце, оставив вас врагами»*. И апостол Павел, опасаясь, чтобы не подумали, будто иной гнев может и не быть грехом, – далее уточняет: *«Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобою да будут удалены от вас»*. *«Всякое»*. Даже когда формально прав. И если до захода солнца не победишь гнев и не примиришься, то сам почувствуешь, как для тебя заходит солнце разума, солнце любви, и уже не сможешь молиться Богу, как будто и Бога уже не стало.

Также и отношение к богатству. У ветхого человека инстинкт – грести к себе; новый же – даже трудится не столько для себя, но *«чтобы было из чего уделять нуждающемуся»*. А если упорно хочешь приобретать только для себя, то постепенно будешь всё более разборчив в средствах; и Апостол, зная, куда ведёт этот путь, прямо и резко говорит желающим быть христианами: *«Кто крал, впредь не кради»*.

А как важно следить за тем, что говоришь! *«Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим»*. И хотя уста говорят *«от избытка сердца»*, но облекать в слова и не выпускать наружу, это несомненно будет способствовать обновлению и самого сердца. Ну а потакающий своим страстям, *«истлевающий в них»* – не остаётся сам по себе: он *«даёт место диаволу»*. И всякое отступление христианина от истины, это – не просто его личное дело, не просто его личная ошибка; это – личное оскорбление «Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления». Того же Духа, Который сошёл на выходявшего из Иордана Иисуса при разверзшихся небесах и свидетельствующем Божьем гласе.

И, наконец, очень важно, чтобы все наши благие желания проистекали из одного и того же благого источника. Когда наши наставники напоминают о христианских обязанностях, они не просто уговаривают, не просто прельщают чем-то, но всегда указывают на Того, Кто – Начало и Конец. Кто путь и цель жизни: *«...прощайте друг другу...»* – А только потому. Что *«Бог во Христе простил нас»*.

О нашей родословной

Вторник

Лк. 3:23–4:1

Еф. 5:20–26

«Иисус, начиная Своё служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев, Матфатов...» – И евангелист Лука перечисляет семьдесят шесть имён, заканчивая цепочку: *«... Сифов, Адамов, Божий»*. Удивительно читать это бесконечное перечисление имён, особенно нам, знающим лишь своего деда, редко прадеда.

Как же сложилось и дошло до нас это родословие? Из истории самой первой семьи мы знаем, что первым у Адама и Евы родился Каин. Потом – Авель. Каин из зависти убил Авеля и заслужил проклятие. После этого Адам прожил *«ещё восемьсот лет и родил сынов и дочерей»* (Быт.5:4). До грехопадения Адам был с Богом, так что ему было что поведать своим детям. Но, очевидно, не все хотели знать о сотворении мира, о жизни в раю, о грехопадении и надежде на грядущее избавление. Очевидно, лишь Сиф услышал, потому что именно его имя стоит после имени Адама.

О Сифе сказано, что он *«жил сто пятьдесят лет и родил Еноса. По рождении Еноса, Сиф жил восемьсот лет сынов и дочерей»* (Быт.5:6–7). Очевидно, и Сиф передавал своим детям, что узнал от Адама, но – только Енос принял это и сохранил в памяти, одновременно запомнив и имена предков, донёсших эти знания.

И так далее. И закономерно, что именно человек из этой цепочки, Ной, десятый от Адама, *«обрёл благодать пред очами Господа»*, и был единственным. Чьё потомство заново после потопа продолжила человеческий род. Остальная же земля, потерявшая духовную и историческую память, *«растлилась пред лицом Божиим, исполнилась ... злодеяниями»* (Быт.6:11) и погибла.

Духовным преемником Ноя стал Сим. И в дальнейшем, несмотря на многочадие, цепочка благочестивого предания

была столь же узенькой. И, как всегда, не случайно именно Аврааму, одиннадцатому от Сима, однажды сказал Бог: *«пойди из земли твоей, от родства твоего, из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ»* (Быт.12:1).

Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, а Иаков – двенадцать сыновей, от которых пошёл целый народ, помнящий своё родословие. Но тут уже у очень немногих памятование предков совпало с личным благочестием. Потому что помнить стало выгодным. Это уже не только вселяло уверенность, что являешься прямым наследником благословений, данных Аврааму, но и давало право на владение участком в земле обетованной. Да и другие права: например, те потомки Левия, которые после Вавилонского плена не могли предъявить своих родословий, лишились права священнослужения.

Но какое отношение к этому родословию, оборвавшемуся две тысячи лет назад, имеем мы, современные христиане, из всех народов пришедшие ко Христу? А самое прямое: от Иисуса Христа, Которым завершилось родословие по плоти, начинается столь же осязаемая цепочка родословия по духу. Господь, благовествования родив Своих Апостолов, послал их в мир. Они проповедовали и в таинстве священства рукополагали своих преемников, епископов. История хранит имена всех епископов по преемственности во всех землях. Епископы рукополагали священников, священники крестили людей. И так каждый христианин через новое рождение восходит к самому Христу, а через Христа по плоти и к самому Адаму. Вот что такое для нас, христианин, библейское родословие. Некоторым становится скучно читать эту вереницу имён. Но по-настоящему-то от этого чтения должно захватывать дух: вот оно – все здесь! И начало, и конец; и – духовное, и в то же время – осязаемое; и твёрдо стоит на земле, и одновременно касается неба. И – никакая обезьяна не вклинится в эти накрепко соединённые звенья. А главное, чувствуешь себя неотрывным листком на древе Богом сотворённого и спасённого человечества, «благодаря всегда за всё Бога и Отца во имя Господа нашего Иисуса Христа».

О силе Священного Писания

Среда

Лк. 4:1–15

Еф. 5:25–33

Господь Иисус Христос после Своего крещения был сорок дней в пустыне, *«искушаем от диавола»*. Диавол задал Ему три вопроса, вернее, сделал три предложения. Мы сегодня не будем касаться ни сущности этих предложений, ни ответов на них; мы обратим внимание только на один момент, на то, какое одно слово говорил Господь перед каждым ответом. А говорил Он: *«написано...»* или *«сказано...»*. То есть Сам Бог, Чьим Духом через пророков было дано Священное Писание, подтверждает вечное значение этого Писания для успешной борьбы с диаволом.

Мы видим, что и сам диавол знает эту силу и даже иногда пытается использовать её, чтобы вернее погубить человека. Так, предложив Спасителю броситься с крыши храма. Он ссылается на девяностый псалом: *«...ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею»*. Но Господь отвечает этому лукавому «знатоку» Писания: *«Сказано: «не искушай Господа Бога твоего»*. То есть Бог, конечно, если что, – не даст преткнуться Своему избраннику; но специально бросаться с высоты, проверяя верность Божьего слова, недопустимо. И на все эти «написано» и «сказано» диаволу уже нечего отвечать, и он отлетает, как пух от ветра. Итак, Господь Своими ответами показывает, в чём наша сила против диавола, против его заманчивых, лукавых предложений. У нас всегда наготове должно быть слово из Писания, на все случаи жизни. «Написано», и это – последний суд, последняя, высшая инстанция.

Обратим внимание ещё и на то, что Господь не говорит: *«написано тебе»*. Все Его ответы имеют смысл: написано Мне, как единственному человеку; и я должен делать это, независимо от того, делают ли другие то, что написано им...

Например, в отношениях мужа и жены. Жене написано: «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как и Господу. Потому что муж есть глава жены, как Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф.5:22–23). А мужу заповедано ещё более трудное: «Мужья, любите своих жён, как Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё... Так должны мужья любить своих жён, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя, ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как Господь Церковь». Поэтому как бы диавол ни искушал жену, дескать, муж твой не прав, сделай по-своему, – жена должна сказать: «написано: «повинуйтесь своим мужьям, как Господу». Послушайся ради Христа, уступи. Бог увидит твоё желание выполнить заповедь, и не останешься посрамлённой. И даже, если от твоего послушания будет неудача в делах, всё равно скажи: слава Богу, я сделала своё главное дело, выполнила заповедь, а удача или неудача, – всё от Господа!

А когда мужу диавол внушает требовать от жены покорности полицейскими мерами, то муж должен ответить: «написано: «любите своих жён, как свои тела». Ведь если, например, нога застряла, её не бьют, не отрывают, а наоборот: остановятся и освободят, да ещё чтобы боли не причинить. И руку больную не спешат отсечь, а ещё более заботятся о ней. И не напоминать друг другу о его обязанностях надо, а помогать их выполнять. И жена должна помочь мужу видеть в ней действительно его плоть, которая за ним, как нитка за иголкой. И муж должен помочь жене увидеть, что он действительно – глава, для которой равно значима боль их обоих; что действительно любит жену, как Христос – Церковь, будучи готов быть распятым за неё, и ради неё распять свой эгоизм.

Да, «тайна сия велика». Но ключ к ней всегда в твоих руках: несмотря ни на что, делай то, что именно тебе предписано Господом. А Он Сам сделает всё остальное.

О рабах и господах

Четверг

Лк. 4:16-22

Еф. 5:33–6:9

Однажды в синагоге Господь Иисус Христос, открыв книгу пророка Исаии, прочёл: *«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу»*. Прочитав это вслух, Он прибавил: *«Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами»*. А это было ещё только в начале земного служения Господа Иисуса. Но вот дело Его завершено, по всей земле проповедуется имя Христово, и вдруг – ученик Христов не только не выпускает на свободу рабов, но ещё и побуждает их повиноваться господам, и даже не как раньше, *«не с видимою только услужливостью, как человекоугодники»*, но *«со страхом и трепетом, ... как Христу»*. И не только власть господ над рабами, но и власть мужа над женой Апостол усиливает, повелевая: *«жена да боится своего мужа»*.

Но Господь же своим ученикам прямо говорил: *«В мире будете иметь скорбь»* (Ин.16:33). А когда *«некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство»*, Господь ответил: *«кто поставил Меня судить или делить вас?»* (Лк.12:13–14). Насчёт же всякого насильственного передела Он говорил: *«Все, взявшие меч, мечём погибнут»* (Мф.26:52).

Ведь тяжесть любых социальных связей со временем смягчается привычкой. И когда какой-нибудь «заступник народный» начинает с плеча рубить эти узлы, то – всё обнажается и обостряется, на каждом конце возникает по новому узлу, и часто это последнее бывает хуже первого. Господь же, не трогая существа социальных отношений, просто бросает в каждую из сторон семя своего учения. Причём, одно говорит господам, другое – подвластным; одно – мужу, другое –

жене; одно – родителям, другое – детям. Чтобы каждое поле постепенно принесло плоды на общую пользу. Ведь сказано, что *«любящим Бога ... всё содействует ко благу»* (Рим.8:28). Господь и хочет, чтобы всякий христианин извлёк предельную пользу из своего социального положения. Рабам слово Божие повелевает подчиняться господам, *«как Христу»*, потому что смирение пред видимой человеческой рукой помогает смириться пред видимой рукой Божьей, чтобы потом в рабстве ли, в свободе ли, – острее чувствовать над собой Божественную власть.

Но и господину, уверовавшему во Христа, Апостол не предписывает тут же отпустить на волю рабов. Потому что это значит – одновременно и снять с себя ответственность за них. Кто долго был рабом, тот долго среди свободных людей с сожалением вспоминает минувшие времена, как вышедшие из рабства евреи ещё вспоминали ту относительную стабильность, к которой они привыкли в Египте. Поэтому Апостол указывает господам активный, творческий путь: *«И вы, господа, поступайте с ними, также умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицепрятия»*. То есть и в рабах Апостол старается воспитать чувство подвластности Небесному Господу, и в земных господах – чувство причастности милосердию и любви Небесного Отца. Так же и мужу, так же и жене. Так же и детям: *«Дети, повинуйтесь своим родителям, ибо сего требует справедливость. «Почитай отца твоего и мать», это – первая заповедь с обетованием: «да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле»*. А родителям сказано: *«И вы, отцы, не раздражайте детей ваших»*, а в послании к Колоссянам прибавлено: *«...дабы они не унывали»* (Кол.3:21), *«но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем»*. И, конечно же, не просто словесным наставлением, но своей жизнью, своим примером.

На жизненных ситуациях царства земного Господь хочет вырастить граждан Царствия Небесного, чтобы нам войти в истинную свободу жителей этого Царствия, чтобы уже ничто не

могло поработить вас, боящихся только своего Господа и служащих только Ему одному.

О разных молитвах

Пятница

Лк. 4:22–30

Еф. 6:18–24

Часто возникают споры: как лучше молиться? Апостол Павел отвечает: *«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом...»* Есть у нас и книга псалмов Давида; есть и молитва «Отче наш», которую дал Сам Господь; есть и краткие молитвы разных людей, которые Господь одобрил и на которые ответил, например, молитва мытаря: *«Боже, милостив буди мне грешному»* (Лк.18:13), или – *«Верую, Господи, помоги моему неверию»* (Мк.9:24); есть у нас и молитвенные правила, связанные с именами, например, Василия Великого или Иоанна Златоуста. Есть и древние церковные чинопоследования, есть и более поздние каноны, и акафисты. Есть, наконец, общепринятые краткие призывания: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» или просто: «Господи, помилуй!» А также – краткие молитвенные призывания Божьей Матери и других святых. Сказав «всякую молитвою», Апостол не запретил, конечно, молиться и своими словами. Но для православного сознания свойственна смиренная готовность учиться молитве. Ведь именно от гордости не любит человек наши духоносные молитвенные правила, дескать я сам умею! Или – от ещё неискоренённого язычества: быстро оттараторить положенное и, наконец, перейти к самому главному: «Господи! дай моему сыну поступить в институт! Господи! дай ему благополучно жениться и устроить свои дела!» И тому подобное...

А смиренный понимает, что всему надо учиться: и как вести себя в обществе, и тем более – как говорить с Богом, как к нему обращаться, за что благодарить и о чём просить. Не зря же Господь удовлетворил просьбу учеников – научиться их молиться, – дав «готовую» молитву «Отче наш».

А что касается протяжённости и краткости, то – не всякий имеет такую святую простоту, такое совершенство, чтобы

вложить всю душу в простое «Господи, помилуй!» Душа начинающего ещё не организована, многосложна, и протяжённые молитвы позволяют подробно задеть каждый уголок души, припомнить каждый грех, выразить разные благие движения сердца. Со временем же душа меняется. Преподобный Амвросий Оптинский в старости на вопрос, какое у него молитвенное правило, отвечал: «раньше много у меня было правил, а теперь – одно: Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Так что всякой молитвой надо молиться: и пространной, чтобы охватить все уголки души, и краткой, пытаюсь всю душу собрать в несколько слов. Главное – чтобы «со всяким постоянством», и обязательно с «молением о всех святых», помня, что я не один, но есть – мы, вся Церковь (Отче наш...), и – не только словами, но – «духом», чтобы молитва исходила из сердца.

Можем молиться и о послаблениях в земной жизни, и о избавлении от страданий, в чём Сам Господь подал пример. Он знал, что пришёл испить Свою Чашу, и всё же молился Отцу накануне: *«Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия!»* Но, главное, чтобы наше прошение мы заканчивали, как и Он: *«..., впрочем, не как Я хочу, но как Ты»*.

И ещё важно при самых усердных молитвах всё же не на себя надеяться, дескать вот, я помолился, и Господь дал мне! Но – на молитвы наших братьев о нас. Ведь и сам великий труженик, и молитвенник апостол Павел при всяком случае смиренно просил всех молиться *«и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, ... дабы я смело проповедовал, как мне должно»*.

О радостном утре

Суббота

Лк. 4:32–36

1Кор. 15:39–45

В пятнадцатой главе Первого послания к Коринфянам апостол Павел обличает тех, которые, хотя и считали себя христианами, но не верили в грядущее воскресение всех умерших. И сначала он пишет о воскресении Самого Господа Иисуса. Ведь факт, что *«Христос умер за грехи наши, ... что Он погребён был, и что воскрес в третий день»*, – подтверждается многими свидетелями: воскресший Христос Сам *«явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых...»* (1Кор.15:3–6). А грядущее всеобщее воскресения, это как раз то, ради чего Христос и умер, и воскрес. И если этого не будет, *«то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. При том мы оказались бы лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают»* (1Кор.15:13–15). Апостол говорит и о логичности, и о нравственной необходимости воскресения; а потом обращается и к самым пытливым, которые дерзновенно интересуются подробностями, мол, а как именно все это произойдёт?.. Таковым Апостол говорит: *«Безрассудный!..»* И как же не безрассудный, когда думаешь, что всё понять, вместить, представить себе?! Ты допытываешься о том, какую будет воскресшая плоть, – но разве ты уже разобрался с той обычной плотью, в которой существуешь и ты, и то, что вокруг тебя? *«Безрассудный! то, что ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог даёт ему тело, как хочет, и каждому семени своё тело»*. И действительно, мы сеем именно «голое» зерно; мы сеем из года в год, и знаем, что вырастет из посеянного. Но ведь если бы любое зерно попало в наши руки впервые, то никто из людей не мог бы не то, что

предсказать, что именно из него вырастет, но и вообще не мог бы сказать, что это такое. Потому что тело этому зерну, способность расти и плодоносить даёт Сам Бог, даёт *«как хочет, и каждому семени своё тело»* (1Кор.15:38). Так и в растительном мире, так и – в животном, и в человеческом, ибо *«не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц»*. И так не только на земле, но и на видимом небе, ибо *«есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных; иная слава солнца, иная слава луны, иная звёзд; и звезда от звезды разнится в славе»*.

Тайна нынешней плоти ничуть не меньше, чем тайна будущей. Но одно их объединяет: и в том, и в другом случае – *«сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в унижении, восстаёт во славе; сеется в немощи, восстаёт в силе»*. Мы знаем, что тления, немощи и унижения не избежать никому. Но мы верим, что, силою Воскресшего Христа, это – единственный путь к нетлению, славе и силе. *«И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного»*.

А пока перед нами лишь могилы, да могилы. Но когда мы посещаем их, особенно, как в последнее время вошло в обычай, – на Пасху, – то даже неверующие испытывают кроме грусти какую-то торжественность и праздничность. Мы идём, как только что засеянное поле. Всё сокрыто в земле – в тлении, в унижении, в немощи, и всё кажется мёртвым. Но в воздухе всё сильнее чувствуется весна. И в душе оживают слова, что так часто писали на могильных плитах и в которых заключена абсолютная правда, глубокая вера и глубокая нежность: *«Покойся, милый прах, до радостного утра!»*

О неоскудевающей руке

Неделя 18

Лк. 5:1–11

2Кор. 9:6–11

Побуждая христиан давать милостыню, Апостол открывает такую закономерность: *«Кто сеет скуп, тот скуп и пожнёт; а кто сеет щедро и пожнёт»*. И указывает на Того, Кто Сам лично заботится, чтобы щедро сеющий получал достойную жатву: *«Бог силён обогатить вас всякою благодатью»*. А насколько Он действительно «силен», видим хотя бы из сегодняшнего Евангелия.

Однажды, ещё в самом начале Своего земного служения Господь пришёл на берег Геннисаретского озера. Народ теснил Его, а у берега стояли лодки. Господь вошёл в лодку Симона-Петра, велел немного отплыть от берега и стал учить из лодки. *«Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова»*. Это было время дня, когда рыба в тех местах не ловится. А они и в ночное, благоприятное время ничего не поймали. *«Но по слову Твоему, – говорит Петр, – закину сеть»*. И они тут же *«поймали великое множество рыбы»*. Как из рога изобилия эта рыба хлынула из бездны, и сети прорывались, и даже в четвером, позвав товарищей, не могли справиться, так что и лодки их начали тонуть...

И этот рог изобилия может по воле Божией открыться в любое время, в любом месте. Ведь Бог среди нас. И многие могли бы рассказать и о чудесах в своей жизни, и о том, как щедро посеянное приносило богатые плоды. Бог же, по словам апостола, хочет, *«чтобы вы, всегда и во всём имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело»*.

А самое первое доброе дело – это знать Господа Бога и во всём видеть Его промыслительную руку. Те иудеи, которые после чудесного насыщения пятью хлебами, толпой хлынули за Иисусом, сделали это *«не потому, что видели чудеса, а потому, что ели хлеб и насытились»* (Ин.6:26). А Петр, забыв

о рыбе, в ужасе *«припал к коленам Иисуса и сказал: «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный»*. И когда Господь сказал ему: *«не бойся; отныне будешь ловить человеков»*, то Симон и его друзья, *«вытащив обе лодки на берег, оставили всё и последовали за Ним»*. И в конце концов получили ни много ни мало, – ключи от Царствия Небесного (Мф.16:19).

Так что если хочешь пожать богатую жатву, то, как сказано, сей щедро, отдай, иногда даже последнее, как та евангельская вдова, и вручи себя в руки Божии, покажи, что всецело надеешься на Него. А когда будет богатая жатва, то поступи хоть в какой-то мере, как Петр, посвяти Богу хотя бы начатки твоих доходов, чтобы рука Божия не оскудевала для тебя, и чтобы ты всегда со священным ужасом чувствовал её рядом.

А если просишь богатства ради самого же богатства, то и тут Господь может уступить твоей упорной воле, но получится – как у прихотливых израильтян, которым во время странствования надоела манна, и возжелали они мяса, и стали плакать и сетовать, и вспоминать, как они ели его в Египте. И тогда Господь сказал через Моисея: *«так как вы плакали вслух Господа и говорили: кто накормит нас мясом? хорошо нам было в Египте»*, – то и даст вам Господь мясо и будете есть. Не один день будете есть, не два дня, не пять дней, не десять дней и не двадцать дней; но целый месяц, пока не пойдёт оно из ноздрей ваших, и не сделается для вас отвратительным, за то, что вы презрели Господа, Который среди вас...»

Седмица 19-я по Пятидесятнице

О последовании событий

Понедельник

Лк. 4:37–44

Флп. 1:1–7

Вчера мы читали, как Господь призвал первых Апостолов, а сегодня – как Он пришёл в дом Петра и исцелил его больную тещу. У Матфея и Марка эти события располагаются именно в таком порядке. А у Луки наоборот: Иисус сначала был у Петра, а уже потом призвал его у Геннисаретского озера, обещая сделать ловцов человеков. Как же было на самом деле?

Известно, что Лука писал позже Марка и Матфея. Своё Евангелие он так и начинает: *«Как уже многие начали составлять повествование о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, – то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего начала, по порядку описать»* всё важнейшее и достовернейшее. Каждое время ставит свои задачи. Сначала надо обратить, потом – углубить обращение. Всё, что мы читаем в Евангелии, сначала вменялось в одно слово: «Покайтесь!..» Апостолы учитывали духовный возраст слушателя. Сначала – *«не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»* (Кор. 2:4). А потом – «между совершенными» проповедовали духовную мудрость. Так и Матфей, и Марк, во-первых. Показывают силу слова Господа Иисуса Христа, а также, что Апостолы были сразу призваны и были свидетелями всего того, о чём возвещают миру. Поэтому эпизод у Геннисаретского озера у них сразу после искушения в пустыне. а Лука пишет уже несколько лет спустя: он обращается к некоему Феофилу, уже наставленному в учении Христа, и цель Луки – укрепить Феофила, дать ему *«твёрдое основание»* веры (Лк.1:4). А основание тем твёрже, чем на большее количество вопросов «как?» и «почему?» даётся ответ. Так и на вопрос – почему Пётр сделал такой решительный выбор у Геннисаретского озера, – пришло время дать предельно возможный ответ (равно, как пришло время

рассказать некоторые притчи Христовы, более глубоко раскрывающие суть Его учения). Заметим, что Иоанн Богослов, который писал намного позже, счёл нужным сообщить и ещё один факт, предшествовавший окончательному призванию Симона-Петра. Сразу после крещения Христова, ещё в Иудее, первозванный Андрей *«находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: «Христос», и приводит его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречёшься Кифа, что значит: «камень» (Пётр)»* (Ин.1:41–42). Так, ещё до прихода Христа в Галилею, Пётр увидел Его чудесную прозорливость и услышал пророчество о себе. Но время ещё не пришло, и они расстались. Когда же Иисус пришёл в Галилею, то Он зашёл в дом уже знакомого Ему Петра и исцелил его тещу. И хотя Пётр и тут ещё не последовал за Ним, но уже у Ганисаретского озера он по слову Иисуса закидывает в море сеть в то время дня, когда по человеческим понятиям это делать бессмысленно. И только после чудесного улова Пётр припал к ногам Учителя и навсегда остался с Ним.

Так, не умоляя ни призывающей силы Господней, ни чудесной решимости учеников, Лука даёт и возможное психологическое обоснование этой решимости, облегчая возможность верить. Вообще мы видим, что Петру, который должен будет некогда *«обратившись, утвердить братьев своих»* (Лк.22:32) – Господь и времени уделял больше, и тщательнее, и даже суровее воспитывал его, чтобы Пётр, ступенька за ступенькой, поднимался по лестнице Богопознания. Потому что лишь тот, кто прошёл более тщательный и последовательный путь обращения, может успешнее утверждать в вере других.

О Боге и Божьем человеке

Вторник

Лк. 5:12–16

Флп. 1:8–14

Когда Господь исцелил прокажённого, Он велел ему, во-первых, *«никому не сказывать»*, а во-вторых – *«пойти и показаться священнику и принести жертву свою, как повелел Моисей»*. *«Но тем более распространялась молва о Нём, и великое множество народа стекалось к Нему – слушать и врачеваться у Него от болезней своих. Но Он уходил в пустынные места и молился»* ...

В жизни последующих учеников Христовых, преподобных и Богоносных отцов, видим нечто подобное. Как только подвижник достигает духовной высоты, Бог открывает дорогу в его уединение. И приходят не только те, кто хотел бы научиться идти тесным путём, но и те, кто, напротив, хотел бы расширить свой путь, стеснённый Божьей волей. И, как прежде Христос, так и во все времена – божий человек не отвергает и таких.

Сам порой несущий добровольное бремя болезни – других он исцеляет. Сам стремящийся предстоять Богу в уединённой молитве, – он снисходит к самым обыденным людским делам. Так, однажды к преподобному Амвросию Оптинскому пришла крестьянка с просьбой помолиться о её индюшках, и он обещал. И сказал окружающим: ведь в этих индюшках вся её жизнь!.. Это сочетание духовной высоты с состраданием ко всем страждущим, – важнейший признак Божьего человека. В нём нет высокомерия и презрения к слабому.

И как сам Господь, так и Божий человек, – не хочет, чтобы о нём шла молва. И поэтому чудеса он старается совершать прикровенно, например, посылает омыться в таком-то источнике, как и Сам Господь однажды послал слепорождённого к Силоамской купели (Ин.9). а если уж невозможно скрыть силу своей молитвы, то он, как и Господь, искренне просит не разглашать об этом.

Ну а исцелённым он тоже говорит, как в разных случаях говорил Господь: *«вера твоя спасла тебя!»* (Мф. 9:22), или: *«вот ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой ещё хуже»* (Ин. 5:14). И главное, как сегодня мы слышали, Господь велел очистившемуся прокажённому *«пойти показаться священнику и принести жертву за очищение своё, как повелел Моисей»*.

И не какому-то особенному, великому и выдающемуся священнику, но – просто священнику. Конечно, задачи ветхозаветного священника не сравнимы с возможностями новозаветного, который имеет благодать поистине, а не условно, – прощать грехи, и поистине соединять с Богом. Конечно, своей жизнью он должен являть образ Иисуса Христа; но всё-таки священство не порождается личными качествами, а даётся в епископском рукоположении. И Божий человек, который раз осуществил в себе образ Христа, – и всё равно, вразумив и исцелив человека, посылает его *«показаться священнику»*, тому, который служит близости, и у которого можно будет регулярно исповедоваться, просить совета и молитв о себе.

Конечно, далеко не от всякого услышишь то, что Филлипийцы слышали от истинного священника и Апостола Павла: *«Бог свидетель: что люблю всех вас любовью Иисуса Христа»* и *«молюсь о том, чтобы любовь ваша ещё более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности Иисусом Христом в славу и похвалу Божию»*. Наконец, у нас есть и Священное Писание, и множество примеров жизни истинных христиан. Посмотри во всё это, как в зеркало, и постарайся вынуть бревно из своего глаза. И снова *«покажись священнику»*. Ведь известная пословица: *«каков поп, таков и приход»*, имеет и обратное действие. Над всеми нами Всеведущий и Всемогущий Господь. И Он силён дать достойным людям достойного пастыря. Одного мудрого старца прошлого века спросили: *«Почему сейчас нет таких наставников, как раньше?»* Он же

ответил: «Потому что сейчас нет истинных послушников, готовых принимать наставления и жить по ним...»

Поэтому, по словам Господним, и веруй, и не греши, и будь со священником. И если сам будешь усерден, то Господь подвигнет и твоего пастыря серьёзно относиться к своим обязанностям. А если он будет упорен в нерадении, то Господь отвергнет его и хоть из камней воздвигнет тебе другого, которого ты достоин, и который достоин тебя во славу Божию и во спасение вам обоим.

О делающем, Помогающем и мешающем

Среда

Лк. 5:33–39

Флп. 1:12–30

Все мы ощущаем, что ни на миг не отстаёт от нас враг нашего спасения, что он постоянно строит козни, стараясь или увлечь на путь гибели, или извратить добрые начинания. Но и Господь ни на миг не отходит, помогая на благом пути и обращая на пользу все замыслы врага.

Вот – послание апостола Павла к Филиппийцам. Он пишет из Рима, куда Господь удивительным образом направил его благовествовать. Ведь прямого намерения идти в Рим у Павла не было. Но по прибытии в Иерусалим он был схвачен иудеями и чуть не растерзан. Его отбили римские воины и тоже чуть не придали пытке. Но он оказался римским гражданином, и поэтому был отправлен в Рим, на суд императора. Казалось бы, враги могут торжествовать. Но вспомним, как среди этого мрака, ночью, в иерусалимской темнице, Сам *«Господь, явившись ему, сказал: дерзай Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме»* (Деян. 23:11). И вот уже из римской тюрьмы Павел пишет: *«Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие»*. Ободрились не победой, не успехом, а – видимым поражением! И это – обычно в истории христианства. Всегда сила Божия действовала в человеческой немощи. Сколько примеров, когда мучения исповедников веры и самих мучителей устрашали, и слабых укрепляли, и язычников заставляли объявлять себя христианами, – настолько в этих страданиях видна была победа жизни над смертью, победа Христа над миром!

Но видя пользу своих уз, Апостол видит и другое. Он видит, что одни, ободрённые его узами, *«с должным расположением проповедуют Христа»*, а иные – хотя тоже проповедуют, но делают это *«по зависти и любопрению»*. То есть, не имея сил заглушить слово о Христе, диавол проникает в души некоторых благовестников и извращает их начальное побуждения, вселяя страсть к первенству. А одержимый этой страстью – всё равно: за или против, – лишь бы бороться, побеждать и потом величаться победами. У них бывает и зависть к тому, кто делает то же дело более успешно. И даже знал Апостол, что у некоторых есть прямое желание *«увеличить тяжесть уз»* его, ка более славного собрата во Христе! Но, понимая, что не в его силах добиться абсолютной чистоты помыслов сотрудников, Апостол пишет: *«Но что до того? Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренне, я и тому радуюсь и буду радоваться»*.

Поэтому и мы не должны смущаться, если рядом порой трудятся не совсем добросовестные люди, и тем более – не бросать дела по этой причине, – как будто мы одни на свете такие чистые и честные люди. В любом искушении необходимо найти, о чём порадоваться и за что поблагодарить Бога, как это делает Павел. А Господь, *«как и всегда»*, – рядом; как и всегда, Он придёт на помощь, едва иссякнут твои силы; и *«как всегда»*, Он возвеличится к Своей славе, и ко спасению всякого искреннего, добросовестного и смирённого труженика.

О совершенной свободе

Четверг

Лк. 6:12–19

Флп. 1:20–27

Что такое свобода? Все ощущают её первостепенную важность. Но для одних свобода – это исполнить любое своё желание. Другие, наоборот, считают наши желания причиной нашего порабощения, и для них путь к свободе – в умерщвлении желаний. Есть и такие, для которых важно лишь переживание своей свободы, ощущение безграничности возможностей; сделать же выбор – значит отказаться от свободы. В Ветхом Завете о свободе говорится лишь как о свободе от физического рабства. И только в Новом завете открывается торжество истинной свободы.

Воплотившийся Бог освобождает людей от власти бесов. От оков болезней, чтобы дать возможность сделать свободный выбор: либо пойти за Освободителем, либо – продолжая грешить, вернуться в прежнее рабство. Господь даже освобождает людей от ветхозаветных предписаний, освобождает от этого «детоводителя ко Христу» (Гал. 3:24). Даётся даже возможность самим выбрать суд. Которым хотим быть судимы: окажешь или не окажешь милость, и получишь либо «суд без милости не оказавшим милости» (Иак. 2:12–13), либо – наоборот. Но это свобода, свобода выбора, – ещё не есть совершенная свобода; в ней ещё опасность, чтобы она не стала «поводом к угождению плоти» (Гал. 5:13), или не послужила «соблазном для немощных» (1Кор. 8:9). Да и под «суд без милости» не долго угодить.

А ведь Господь обещал полную, совершенную свободу. Он говорил: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). А что такая совершенная свобода возможна, – свидетельствует апостол Павел в послании, написанном из римской тюрьмы. Когда-то уже сделавший с Божьей помощью свой главный выбор, он теперь снова стоит на развилке, стоит и говорит, как говорят люди, объятые

нерешительностью: *«Не знаю, что избрать...»* Но между чем и чем остановился он? Оказывается между жизнью и смертью. Обычный человек в такой ситуации, если он в этой жизни преуспел, – при мысли о смерти трепещет, видя в ней конец всякой свободы. А если он здесь поработён и загнан в угол, то начинает стонать: *«скорей бы меня Бог призвал!»* Или рабская привязанность, или столь же рабское желание сбежать. А что выбирает Павел? Откуда его нерешительность? Страшит ли его дыхание смерти, или тяготит жизнь, полная бесконечных трудов и бед? Оказывается, его *«влечёт... то и другое»!* Да, тут даже не *«если Бог даст и живы будем, то сделаем и то и другое»* (Иак. 4:15); тут уже именно *«влечёт меня и то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас»* ...И он, в конце концов, ничего не выбирает, но с радостью принимает открытую ему Божью волю: *«И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере»*.

Вот – истинная свобода, победившая смерть; это действительное избавление *«тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2:15). И отсюда – совершенная радость Апостола и – гонениям, и даже желанию некоторых лжебраций *«увеличить тяжесть»* его уз: *«я и тому радуюсь, и буду радоваться. Ибо знаю. Что это послужит мне ко спасению по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа»*. И отсюда – его уверенность и надежда, *«что я ни в чём посрамлён не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как всегда. Возвеличится Христос в теле моём, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение»*. И один вид такого человека достаточен *«для успеха и радости в вере»* и *«для умножения славы во Христе»*. И все ищут даже просто прикоснуться к нему, потому что и от него исходит сила, как от Иисуса Христа *«исходила сила и исцеляла всех»*.

Апостол и всех призывает *«жить достойно благовествования Христова»*, – и чтобы это было в свободе, независимо от похвал или порицаний, *«чтобы мне, приду ли я*

... или не приду, слышать вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру евангельскую». Тогда и гонения вдруг становятся знаком высочайшего доверия нам нашего Господа: «потому что вам дано(!) ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне».

О нищих, алчущих и плачущих

Пятница

Лк. 6:17–23

Флп. 1:17–24

Как мы помним, евангелист Матфей так начинает излагать одну из бесед Господа Иисуса Христа: *«И увидев народ, Он взошёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста свои, учил их...»* Согласно Матфею, эта беседа и получила название «нагорной». А между тем, евангелист Лука пишет, что она была произнесена *«на ровном месте»*. Кому отдать предпочтение? Похоже, что Матфей дал лишь краткое вступление, стараясь поскорее перейти к изложению главного. Лука же, как обычно, *«по тщательном исследовании всего сначала»* (Лк.1:2–3), точнее восстановил подробности. Всё осталось, но всё встало на свои места. Осталась и гора, на которую Господь взошёл, чтобы по своему обыкновению провести там *«всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день»*, Он призвал *«учеников Своих»*, *«избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами»*. А потом уже, *«сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его»*.

Но почему-то из девяти блаженств, приводимых Матфеем, Лука приводит только первые. Начинает же он так же, как и Матфей: *«Блаженные нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие»*. Кто же такие «нищие»? – Нищих мы постоянно видим на улице. Они стоят и просят: подайте на пропитание!.. Не требуют, и ничего не обещают взамен, зная, что ничего у них нет и не будет, и ни на что они не имеют законного права, и нет у них сил, чтобы заработать своими руками. Они готовы терпеть всякое унижение, лишь бы их не прогнали. Точно также и ощущение своей духовной нищеты побуждает день и ночь стоять как бы с протянутой рукой пред очами Божьими и просить, бия себя в грудь и не смея поднять глаз, как просил мытарь: *«Боже, милостив буди мне грешному!»* (Лк.18:13). Иными словами, ощущение своей духовной нищеты есть прямое

побуждение к истинной молитве. И как нищему не придёт в голову гордиться тем, что он попрошайничает, так и истинному молитвеннику не придёт в голову хвалиться тем, что он постоянно молится. И нет у истинного молитвенника такого момента, когда он мог бы сказать: я всё получил от Господа, и больше просить незачем!.. И даже когда он почувствует приближение Господа, его молитва не прекратится, но – станет ещё горячее.

И плачущие только те блаженны, которые плачут о своей нищете духовной. Потому что ведь плакать можно по-разному, и хотя слезу от слезы не отличишь, но не всякая слеза к утешению. Есть слёзы и к смерти, если они о потере земных благ (2Кор.7:10). Есть *«плач и скрежет зубов»* (Мф.24:5), безысходный плач как бы в себя, когда мы плачем не с молитвой и надеждой пред Богом, но терзая себя воплями: «Как мог я так поступить! Как мог я, такой замечательный, так пасть! Нет мне пощады! И я никогда не прощу себя!» Есть и плач просто сочувствия плотскому страданию, как и о Иисусе, шедшем на казнь, *«плакали и рыдали о Нём. Иисус же, обратившись к ним, сказал: «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших»* (Лк.23:27–28). Да, вспоминая страдания Господни, надо плакать о себе и о своих детях, – даже не тогда, когда они в беде, а когда они успешны, благополучны, счастливы, внимательны к нам, но не хотят знать ни о Боге, ни о вечной жизни, ни о крестной жертве Спасителя. И алчущие блаженны лишь те, кто даже среди изобилия всяких благ не насыщаются, но непрестанно ищут то, что *«единое на потребу»* (Лк.10:42), что одно только может насытить человеческую душу.

Таким образом, как всегда, «по тщательном исследовании», – но теперь уже исследовав не обстоятельства, а сущность учения Христова, Лука приводит только те из евангельских блаженств, которые имеют фундаментальное значение, которые имеют фундаментальное значение, которые сами собой способны привлечь Божью благодать, а вместе с нею – и кротость, и милосердие, и чистоту сердца, и дар миротворчества. И если первая и главная заповедь

Десятословия, это – «Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из дома рабства» (Исх.20:2), то первая и главнейшая заповедь Нового Завета, это – «блаженны нищие духом...» И – торжество спасения, когда такой нищий, плачущий, взыскующий, наконец, находит своего Бога, Который и Сам давно уже ищет его, о Который обогатит, утешит, насытит, выведет из рабства греху и введёт в обетованную землю. В Царство Небесное.

О том, что легче сказать

Суббота

Лк. 5:17–26

1Кор. 15:58–16:32

Однажды некоторые люди положили перед Господом Иисусом расслабленного, и Господь, *«видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои. Книжники и фарисеи начали рассуждать, говоря: кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, уразумев помышления их, сказал в ответ: что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: «прощаются тебе грехи твои», или сказать: «встань и ходи»?..»* А правда, что легче сказать?.. С одной стороны, кто может похвалиться, что хоть раз в жизни услышал *«встань и ходи»* и тут же увидел свершение этих слов? – в то время, как слова *«... прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...»* церковный человек слышит довольно часто. А самому священнику трудно ли произносить их? Ведь он отпускает грехи, совершённые кем-то против кого-то, но – с такой ли лёгкостью простит он даже единственный грех лично против себя? Пусть всё так. но – попробуй сам произнести то, что произносит он... Церковный человек с ужасом отшатнётся от такого предложения, понимая, что никто, даже самый чистый и святой не сможет этого сделать, если не дано будет Самим Богом в таинстве священства. И фарисеи были формально правы, когда, когда искренне или притворно, ужаснулись: *«Кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?»* – Потому что все грехи, соделанные и против ближнего, и даже против самого себя, во-первых, против Бога, который всё сотворил и всему положил закон и порядок.

Но Самому-то Богу легко ли произнести эти слова? Ведь Бог не только – любовь и милость, но и – справедливость. А справедливость состоит в том, чтобы за всё было заплачено. И только кровью Единого Безгрешного можно было выкупить растленный грехом мир. Господь и пришёл на землю, и

воплотился, именно *«для того, чтобы взять грехи наши»* (1Ин.3:5), и Он *«умер за грехи наши»* (1Кор.15:3), а перед тем, как взойти на Крест, Он молился в Гефсиманском саду, и *«был пот Его, как капли крови, падающие на землю»* (Лк.22:44). Только Он в совершенстве знает, что такое жизнь, что такое смерть, что такое грех, и что такое – прощение грехов. И всё прощения, которые возвещались до и после Креста, всё это – отголоски того единого предсмертного прощения, с Креста, прозвучавшего: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк.23:34). так легко ли было это сказать, если вслед за этим *«возопил Иисус громким голосом: ...Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»* (Мф.27:46).

Прощение грехов возвращает вечную жизнь, примиряет и соединяет с Небесным Отцом. И расслабленный получил это. Но так как это произошло до Креста, – надо было как-то иначе показать и силу, и действенность Божественного слова. Поэтому Господь немного погодя сказал расслабленному: *«встань, возьми постель твою и иди в дом твой»* ...

Но как должно быть после Креста? – а после Креста это «прощаю и разрешаю» должно звучать с такой потрясающей силой, которая затмила бы всё, что слышал до или услышишь после, даже самое «встань и ходи». И свидетельством, что действительно услышал это «прощаю и разрешаю», будет то, что и не захочешь услышать «встань и ходи», и уже с радостью понесёшь крест болезни, чтобы справедливо заслуженными страданиями хоть как-то сострадать невинным, животворящим и спасающим страданиям Христовым.

О наградах

Неделя 19

Лк. 6:31–36

2Кор. 11:31–12:9

Евангелист Лука передаёт слова Христовы: *«И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые делают вам добро, какая вам за это благодарность? Ибо и грешники то же делают. И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники займы дают грешникам, чтобы получить обратно столько же»*. А евангелист Матфей приводит ещё и заповеди Господни о милостыне, молитве и посте (Мф.6), – и тоже с точки зрения ожидаемой награды. Там сказано, что, если кто даёт милостыню, молится или постится напоказ, тот уже получает награду свою от людей, в виде удивления или восхищения, а от Господа, значит, ему уже ничего не положено. А если хочешь, чтобы всё это было для Господа, то, когда творишь милостыню, пусть даже *«левая рука твоя не знает, что делает правая»* (Мф.4:3); когда молишься – *«войди в комнату твою»* и затвори *«дверь твою»* (Мф.6:6); а в пост *«не будьте унылы, как лицемеры»*, но *«помажь голову твою и умой лицо твоё»* (Мф.6:16–17). Так во всех наших делах точкой опоры должно быть желание угодить Господу, и больше никому, и получить награду только от Него, и больше ни от кого. Иной упрекает нас в корыстном подходе к доброделанию, хвалясь, что сам делает добро ради самого же добра; но попробуй не сказать ему спасибо, а тем более – заплатить злом!..

Как нормальные отношения между людьми невозможны без благодарности, так же точно и между человеком и Богом, потому что Бог – тоже Личность. И чтобы из окружающей нас тьмы выйти к Нему, просто надо делать всё так, чтобы ни от кого, ни за что не получать ни похвалы, ни благодарности. Как если что-то вышло не по твоей воле, – радуйся: значит, вышло

по воле Божией! Так и тут: если избежал благодарности от человеков, значит, сделал для Бога, и можешь ожидать награды от Него.

Вспомним житие святителя Николая. Вот он ночью крадётся по улице, как крадётся вор, чтобы украсть. А он для чего? – а чтобы подбросить в окно нуждающемуся узелок с золотом. Не дай Бог, чтобы увидели и похвалили, не дай Бог, через людей получить какие-то побрякушки! Не хочу от людей, хочу только от Бога. Вспомним и великих постников, которые чтобы не получить похвалы, – даже ели перед людьми скромную пищу, чтобы пост их был действительно в тайне, только для Бога, и больше ни для кого.

Но даже и высокие духовные дары, полученные в этой жизни от Самого Господа, не могут быть для истинного подвижника предметом похвалы перед людьми. С каким страхом, например, говорит Апостол о своём прикосновении к будущему блаженству. Он и говорит-то, как не о себе, а ком-то постороннем: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, – в теле ли – не знаю, вне тела ли не знаю: Бог знает, – ...был восхищён в рай и слышал неизречённые слова, которых нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими...»*

То, к чему лишь прикоснулся апостол Павел, – и есть окончательная награда, не только приготовленная, но и уже объявленная принадлежащей нам, ибо Бог *«нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Иисусе Христе»* (Еф.2:5). Ну а всё остальное. Это малое утешение капризному и нетерпеливому ребёнку: чтобы успокоился и перестал плакать.

Седмица 20-я по Пятидесятнице

О богатых, о ропщущих и о сомневающих

Понедельник

Лк. 6:24–30

Флп. 2:12–16

В пересказе евангелиста Луки Господь в Своей Нагорной проповеди изрекает кроме «блаженств» ещё и «горе»: *«Горе вам, богатые! ибо вы уже получили своё утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете...»* Как видим, горе не просто богатым, но при этом ещё и – пресыщенным, и – самодовольно радующимся. Поэтому что такой человек никогда не взмолится вместе с пророком Давидом: *«К Тебе возведох очи мои, Живущими на небеси. Се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своя: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дбндеже ущедрит ны. Помилуй, нас, Господи, помилуй нас...»* (Пс.122). самодовольный богач говорит: «Я богат, разбогател, и ни в чём не имею нужды...» Ему кажется, что он ухитрился найти удовлетворение всем своим запросам. Но Господь говорит ему: *«... а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ...»* (Откр.3:17). Премудрый Соломон в своих Притчах, видя соблазн богатства, молил Бога: *«... богатства не давай мне, – питай меня хлебом насущным, дабы, пресытившись я не отрёкся от Тебя и не сказал: «кто Господь?»»* (Притч.30:9). Действительно: *«Трудно богатому войти в Царствие Небесное»* (Мф.19:23).

Но достаточно ли быть бедным, достаточно ли внешне быть заповедей Божиих, чтобы войти туда? И бедных Апостол предостерегает: *«Всё делайте без ропота»*, и – делателям говорит: *«Всё делайте без ... сомнения»*. Ведь, если жизнь внешне не противоречит заповедям; если даже подставишь правую щеку после удара по левой, – но если при этом в сердце ропот и уныние, и нет радостного ощущения, что, терпя, делаешь великое дело своего спасения, – то никакой ты не подвижник, а просто – жалкий раб, и только бессилие заставляет тебя покоряться. Известен рассказ из Патерика, как

жили мать и две дочери. Жизнь матери прошла в бедности и страданиях. И вдруг после её смерти было открыто, что она в аду! – потому что несла свой крест с постоянным ропотом. Спасительна лишь добровольная жертва. Потому-то, когда мы читаем о христианских исповедниках, то всегда чётко видим момент свободного выбора: мучители предлагают – поступи против своей христианской совести, и – живи. А он свободно избирает смерть, нежели измену Христу.

А сомневающийся, по словам апостола Иакова, *«подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой»* (Иак.1:6). Сомневающийся, если и делает что-то, по-видимому, доброе, то – не столько по сознательному и свободному выбору, сколько – под напором внешних сил, или с элементом корысти. Господу же угодна жертва чистая и непорочная.

Так что богатому надо почаще размышлять о бренности всего земного, вспоминая слова апостола Иакова: *«Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни»* (Иак.5:1–3).

Сомневающемуся надо почаще спрашивать свою совесть: что же я делаю? Если доброе, то почему я сомневаюсь? А если злое, то почему делаю?.. Однажды преподобному Савве, Освященному в пустыне, явился диавол в виде льва, который то насккивал, то пятился от него. Савва спросил: если Бог укрепил тебя на меня, то что пятишься? а если нет, то что понапрасну насккиваешь?.. И посрамлённый враг исчез.

А ропотному и унылому терпеливцу, может быть, иногда полезно воспротивиться обстоятельствам и, «ополчась на них, сломить противоборством» – всё-таки будет труд, победа над своей инертностью и трусостью, и не будет лицемерного обмана других, да и в первую очередь – самого себя.

О искании своего и угодного Иисусу Христу

Вторник

Лк. 6:37–45

Флп. 2:17–23

Сообщив Филиппийцам о намерении послать к ним Тимофея, апостол Павел так мотивирует это решение: *«Ибо я не имею никакого равно усердного, кто бы столь искренне заботился о вас: потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу»*. Однако же, хотя Апостол и говорит «все», но ведь есть же у него и иные сотрудники, о которых он порой с любовью вспоминает и которых приветствует... Очевидно, искать «своего» и искать «того, что угодно Иисусу Христу», – не исключает друг друга. ведь Господь сотворил нас, чтобы мы разделяли с Ним радость вечного блаженного бытия. Так что желать себе блага, искать «своего», – естественно для человека и угодно Творцу. Другое дело, что грех, извратив понятие об истинном благе, расколол сознание человека надвое. И одно почему-то стало называться «моё», а другое «не моё». Господь же и тут не отрицает права искать «своего». Он не ускоряет за то, что не хотим быть судимыми, хотим, чтобы нам всё прощалось, и чтобы нам в изобилии подавалось необходимое для жизни. Господь просто подсказывает, как этого достичь: *«Не судите, и не будите судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам; мерою, утрясённую, нагнетённую и переполненную отсыплют вам в лоно ваше: ибо какой мерой мерите, такую же отмерится и вам»*. То есть, когда нить моей воли начинает искать «моё», Господь заводит её через «не моё», через моего ближнего.

Но что происходит дальше. Вот, следуя Божьим словам, почувствовал некоторую привязанность к ближнему, почувствовал, что «не моё» на самом деле не совсем не моё, и захотел устранить то, что, по-видимому, мешает ему стать совсем «моим», и сказал: *«брат! дай я выну сучок из глаза твоего»*. И вот тут уже Господь завершает ваше соединение,

замыкая на тебя самого нить твоей по-видимому благой воли. Он говорит: *«Что смотришь на сучок в глазе брата твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего»*. Только через общение с ближним, всегда непростое, открывается, что в твоём глазе – бревно, которое не кому-то, а именно тебе может загородить вход в Царство Небесное. И, пока его не вынешь, и ближнему не поможешь. Потому что *«нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый»*. А всякое доброе дерево, прежде чем напитать кого-то плодами, столько-то времени само должно укореняться в земле и набирать силу. И лишь приобретя опыт в борьбе с собственными страстями, увидишь, как помочь брату. А может быть, после твоей победы над собой его сучок и сам выпадет. А может быть, своим уже чистым оком увидишь, что никакого сучка в глазе брата твоего и вовсе не было и ничто по-настоящему вас никогда не разделяло...

Истинное единение достигается только таким, глубоким и основательным путём. В его основе – естественное искание своего личного блага, и – естественное искание своего личного блага, и – открытое Богом знание – каким путём этого блага достичь. И тогда даже в самых тяжёлых обстоятельствах скажешь своим ближним: *«... если я и соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сём и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне»*.

О строительстве домов

Среда

Лк. 6:46–7:1

Флп. 2:24–30

Господь говорит: *«Всякий, приходящий ко мне и слушающий Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен: Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое...».*

Тут, конечно, имеется ввиду не просто слушающий и не разумеющий, но – слушающий активно: запоминающий, успешно сдающий экзамены, умеющий рассуждать на божественные темы, вовремя и к месту сказать нужное слово, дать верный совет. Ведь построенное им будет тоже зданием, настоящим, в котором можно жить, которое внешне ничем не отличается от построенного на камне. Но жить-то в нём можно только до первого наводнения. И вдруг, при первом же искушении – где он? то осталось от его «мудрости»? – *«... и разрушение его было великое».* И тем более великое, чем тщательнее он строил, чем складнее говорил, чем больше им было услышано, но не исполнено собственной жизнью! И при всех своих отличных дипломах, он вдруг услышит: *«Что вы зовёте Меня «Господи! Господи!» и не делаете того, что я говорю?...»*

Причём Господь говорит, что тут опасно нарушить даже *«одну из заповедей сих малейших»* (Мф.5:19). И апостол Иаков пишет о том же: *«Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всём»* (Иак.2:10). Ибо Тот же, Кто повелел одно, повелел и другое... Но не будем отчаиваться, потому что Господь осуждает не тех, кто

просто «*нарушит одну из заповедей сих малейших*», но кто «*и научит так людей*». Одно дело, когда мы нарушаем по немощи, по невниманию, в чём от всего сердца раскаиваемся. И совсем другое – когда мы хладнокровно и сознательно заявляем, что нечто, сказанное Господом, можно и не соблюдать, что это – либо заведомо невозможно, либо – относится совсем не к нам. Вот именно тут мы начинаем строить на песке. Именно такие, не столько сами нарушающие, сколько одобряющие нарушающих (Рим.1:32), – своими неизблемости и непререкаемости всего сказанного Господом Иисусом Христом.

И это, конечно, касается не только нраво-, но и вероучения. Наш Никео-Константинопольский Символ веры тоже основан на Божественном откровении. И сознательно искаживший, изъясвивший или заменивший какой-либо из двенадцати членов Символа веры, – становится «виновным во всём», становится потенциальным разрушителем и всего остального, взорвав Божественную неприкасаемость содержания всей нашей веры. Как бы грандиозно, разумно и красиво ни было построено это новое учение, оно будет на песке человеческого мнения, предпочтительного камню Божественного предания. Как и в отношении нарушившего одну из статей гражданского закона: суд не занимается рассуждением о том, а какие статьи он не нарушил, и что нас с ним ещё объединяет; суд исследует – насколько он не раскаивается в своём нарушении, и в зависимости от этого – отлучает его от сообщества людей. Признающих одинаковую важность всех малейших заповедей.

О истинном обрезании

Четверг

Лк. 7:17–30

Флп. 3:1–8

Рассказав Филиппийцам о своих узах, апостол Павел, как всегда, прибавляет: *«Впрочем, братия мои, радуйтесь о Господе. Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно»*. Но и снова, как всегда, он призывает к бодрствованию, напоминая, что любая нынешняя радость, даже радость о Господе, не есть ещё окончательная радость вхождения в Царствие Небесное. Пока мы здесь, забываться нельзя, и Апостол пишет: *«берегись псов, берегись злых делателей, берегись обрезания»*. «Псов», то есть нападающих на Церковь извне; «злых делателей», то есть не по истине строящих церковную жизнь. И особенно он останавливается на угрозе «обрезания». Обрезание, этот ветхозаветный обряд посвящения Богу, для первых христиан стал символом всякой ложной надежды, будто бы нечто, когда-то нами или над нами совершенное, может, несмотря на все последующие, – гарантировать вход в Царство Небесное. Обрезание стало символом на деяния на какие-либо дела, – дела ли это ветхого закона, или даже дела личной праведности. Апостол противопоставляет такому, ложному и плотскому, – истинное, духовное обрезание. Он пишет: *«... берегись обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся»*. То есть не что-то отсекаем от себя и не какими-то делами откупаемся от Бога, но самих себя вырываем из всего и посвящаем Ему.

Апостол вспоминает, что, когда с ним самим это произошло, – всё остальное сразу потеряло цену: *«... хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности гонитель церкви Божией, по правде*

законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почёл тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа».

«Всё почитаю тщетою», – говорит Апостол. «Всё» значит не только то, что чуждо Господу, но и то, что сделано ради Него. Ведь даже в отношении Иоанна Крестителя сказано, что, хотя «из рождённых жёнами нет ни одного пророка больше» его, но если Сам Господь единственно по Своей милости не введёт в Царство Небесное, то «меньший» там будет «больше его», великого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня.

Поистине, приходящий к Богу во Христе говорит: я пришёл и прошу принять меня не потому, что я сделал что-то доброе и достойное; дерзаю приходить только по тому, что Господь мой Иисус Христос всё сделал за меня. Он Своею жизнью и смертью заслужил мне вход в Царствие Небесное. Не на себя надеюсь, не собой хваюсь, но – Им. «Ему должно расти, а мне умиляться» (Ин.3:30).

Сыны века скажут: ну хорошо, Он сделал, а ты-то тут причём?! Да, это удивительно, и необъяснимо, и несправедливо. И отвечают на этот вопрос только те преподобные и мученики, которые, узнав о Христе, сочли, подобно Павлу, тщетою своё знатное происхождение и богатство; а когда им ещё и посылались страдания, они не восклицали: а когда им ещё и посылались страдания, они не восклицали: «за что?! разве мало я сделал?», – но и это считали лишь каплей в безнадежно пустую чашу благодарности своему Спасителю.

О мышлении совершенных

Пятница

Лк. 7:31–35

Флп. 3:8–19

«Кто из нас совершен, так должен мыслить...» – пишет Апостол. Заметим, что не «... так должен делать», но именно «так должен мыслить». Значит, именно в мыслящей душе, в самом сердце находится тот признак, по которому «познал Господь Своих» (2Тим.2:19). А любое дело можно истолковать по-разному. Об Иоанне Крестителе, который с детства жил в пустыне, ел крайне скудную пищу, говорили «в нём бес». А что же? и служители бесов порой отличаются крайним аскетизмом. Вспомним священикомученика Киприана, который до своего обращения ко Христу был колдуном. И он на горе Олимп, в этом обиталище бесов, сорок дней и сорок ночей ничего не вкушал. А какой власти над своим телом достигают индийские йоги! С другой стороны, за обликом человека, который общался с грешниками, ел с ними и пил вино, – многие ли увидели Единого Безгрешного, воплотившегося Бога?..

Но как же должен мыслить совершенный христианин?

«... Стремлюсь, – пишет Апостол, – не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперёд, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе. Итак, вот в чём совершенство: не в том, чего мы достигли и какими видимся людям; но как раз в том, чтобы искренне забывать всё, чего достигли; чтобы ни во что вменять свои подвиги и заслуги, простираясь вперёд, в надежде всё-таки достичь Господа своей любовью, как Он Своей любовью достиг нас, чтобы нам «познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мёртвых». Бывало, что Господь отмечал как совершенных тех, кто ещё ничего доброго не успел сделать, а только рванулся из тьмы греха, как, например, Закхей мытарь (Лк.19). Закхей только

высказал намерение сделать нечто, а Господь уже засвидетельствовал о нём: *«Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама»* (Лк.19:9). А люди в это время осуждали не только Закхея, известного грешника, но и Самого Господа, Который, на их взгляд, осквернил Себя вхождением в его дом. И разбойнику, лишь на кресте возопившему *«помяни меня, Господи...»* – Господь сразу ответил: *«Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк.23:43). А все вокруг считали обоих последними злодеями, по делам принимающие казнь.

«А кто ослаблял силу своей первой любви ко Господу, – тот независимо от пройденного пути – сразу заслуживал порицание: *«Вспомни, откуда ты ниспал»*, – говорит такому Господь, – *и покайся, и твори прежние дела, а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься»* (Откр.2:4). Кто оставил своё первое горение и стал тёплым, того Господь грозит извергнуть *«из уст Своих»* (Откр.3:16).

Помня всё это, будем осторожны в суждениях, кто совершен, а кто – нет. Особенно когда поднимаются споры о чьей-то святости, о возможности канонизации. И особенно страшно тут говорить против. Представим себе, что вдруг встал вопрос о канонизации благоразумного разбойника. Ну кто, кроме Самого Господа, слышал его последние слова на кресте? И кто мог поведать их нам, кроме того, кому открыл Сам Бог? Но тут же нашлись бы противники, которые поставили бы на вид всю его действительно гнусную разбойничью жизнь, дескать, сколько он людей своими злодеяниями, разумеется, не без воли Божией, отправил в Царство Небесное!.. А ведь наше дело – лишь свидетельствовать о том, что сами видели и слышали, смиренно представляя это на суд тех, кто в Церкви облечён властью, кто «другдругоприимательно» получил от Самого Господа право «вязать и решить».

О самоприговоре

Суббота

Лк. 5:27–32

2Кор. 1:8–11

Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел сообщает о некотором искушении, бывшем с ним и его спутниками, искушении до того тяжком, что они *«не надеялись остаться в живых»*. И чтобы научить нас, как поступать в таких случаях, Апостол рассказывает, как они поступили. А они *«сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых»*.

«Сами в себе имели приговор к смерти...» но что же тут удивительного? Разве мы и так уже словом Божиим не приговорены к смерти? Разве не было сказано Адаму после грехопадения: *«прах ты, и в прах возвратишься»?*.. (Быт.3:19) да, это было сказано. Но сказано и то, что *«нет праведного ни одного... все соverted с пути, до одного негодны»* (Пс.13:1–3). Однако же некоторые до того безнадежно не слышат, что Господу, пришедшему для спасения всех человеков, приходится говорить: *«Я пришёл призвать не праведников, а грешников к покаянию...»* Сказано также: *«...и познаёте истину, и истина сделает вас свободными»*. А люди отвечали: *«Мы ... не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: «сделаетесь свободными?»* (Ин.8:32–33).

Есть сказанное Божье слово, есть открытая в нём истина, и надо сделать её как бы своей истиной: самому понять. Что ты грешен, самому понять, что ты – раб, самому приготовить себя к смерти... И чтобы помочь в этом, Господь и попускает такие искушения, как, например, смертельная опасность. Это удобный случай вдруг увидеть свою полную беспомощность; увидеть всю убийственную силу греха, и что надеяться уже не на кого, кроме Бога, воскрешающего мертвых. Что и сделали от всего сердца Павел и его спутники. А Господь вдруг избавил их *«от столь близкой смерти»*. И мало того; Апостол в назидание

нам свидетельствует, что и всегда Господь *«избавляет, и на Которого надеемся, что и ещё избавит»*.

Но, приговорив себя к смерти, нельзя лукаво ожидать немедленного помилования. А ещё более надо опасаться другой крайности. Дьявол может шепнуть: если уж ты, и притом совершенно справедливо, приговорил себя к смерти, то сам немедленно и исполни приговор, наложи на себя руки... Ведь он всегда старается столкнуть с царского пути; влево или вправо, вперёд или назад, вверх или вниз, – лишь бы столкнуть. И всегда под благовидным предлогом. Вот очень яркий пример, как это происходит. Один человек по совету священника пришёл в храм. А у него был дар видеть то, что другие не видят. Он постоял на Литургии, посмотрел, а потом говорит: «причащаться я никогда не пойду, и вообще не понимаю, как люди имеют наглость подходить к Чаше. Ведь это такая святыня, от неё исходит такой Божественный свет!..» А когда, спустя долгое время, он всё же пошёл на исповедь, то потом с восторгом рассказывал: «только я встану на ступеньку, чтобы подойти к священнику, как сразу почувствовал, что уже прощён! И даже можно было бы не подходить и не исповедоваться!..» отсюда и видно, что дар его был не от Бога: враг то не давал ему подойти, вопреки словам Христовым: *«пейте из неё все»* (Мф.26:27), то – старался опередить, не дать свершиться другим Господним словам: *«Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин.20:23).

Слово Божье надо внимательно слушать и тщательно исполнять. Приговорил себя к смерти, значит жди её как торжества справедливости. И если угодно будет Господу, то сподобишься и отсрочки. Потому, что лишь приговоривший себя к смерти поистине знает, на что употребить и временную, земную жизнь.

О наинской вдове и царе Давиде

Неделя 20

Лк. 7:11–16

Гал. 1:11–19

Однажды, когда Господь приблизился к воротам города Наина, из них *«выносили умершего, единственного сына матери, а она была вдова»*. Так, навстречу друг другу шли две толпы: и за Иисусом *«шли многое из учеников Его, и множества народа»*; и за покойником и его матью *«много народа шло... из города»*.

Вот эти толпы соприкоснулись своими главами: впереди одной – Иисус Христос, впереди другой – мертвец. И разве могли они так и миновать друг друга? даже если бы Иисус был просто одним из очередных учителей человечества, Он всё равно не имел бы права обойти смерть, эту главнейшую проблему человеческой жизни; Он всё равно должен был остановиться, и, хотя бы сказать несколько слов на эту тему... Только разве бедной вдове нужно было философское осмысление смерти? – Ей нужен был её единственный сын! и только Сам Бог мог его вернуть. И Иисус, *«подошед прикоснулся к одру; несшие остановились; и Он сказал: юноша! Тебе говорю: встань. Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его. И всех объял страх, и славил Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой»*.

Но прежде, чем вернуть сына, Господь потребовал от вдовы: *«не плачь!»* Зачем было это? – Верни сына, и плач сам претворится в радость... Но Господь, ранее сказавший *«блаженны плачущие»* (Мф.5:4), теперь сказал так. потому что *«естественные»*, *«природные»* люди, которых Господь называет *«язычниками»*, и плачут и радуются не так, как Божьи люди. Вдова лишилась сына, и – неутешно плачет.

А вот, что рассказывает Писание о царе и пророке Давиде. Когда у него заболел ребёнок, то *«молился Давид Богу о младенце, и постился Давид, и уединившись»*, лежал на земле.

«На седьмой день дитя умерло, и слуги Давидовы боялись донести ему, что умер младенец; ибо, говорили они, когда дитя было ещё живо, и мы уговаривали его, и он не слушал голоса нашего; как же скажем ему: «умерло дитя»? он сделает что-нибудь худое. И увидел Давид, что слуги его перешептываются между собою, и понял Давид, что дитя умерло, и спросил Давид слуг своих: умерло дитя? И сказали Давиду: умерло. Тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и пошёл в дом Господень и молился. Возвратившись домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел. И сказали ему слуги: что значит, что ты так поступаешь: когда дитя было ещё живо, ты постился и плакал; а когда дитя умерло, ты встал и ел хлеб?» Но на самом деле – как всё просто: «доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помирует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне»(2Цар.12:16–23).

Секрет в том, что Давид знает, что есть Бог. А кто этого не знает, тот сначала в оцепенении, с ужасом глядит в разинутую пасть смерти; а когда её челюсти смыкаются над кем-то из близких, – предаётся безмерной печали. И в этом отчаянии есть нечто богохульное.

Человек вопит: да будет воля моя! не принимаю Твоей воли!.. А это пресекает возможность дальнейшего взаимодействия с Богом. Господь же и от свидетелей других воскрешений требовал веры. И Иаиру говорил: «не бойся, только веруй!», и – Марфе перед воскрешением Лазаря: «не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин.11:40).

Так что, если мы хотим участвовать в грядущем воскрешении мертвых и принять воскресшими наших родных и близких, то, расставаясь с ними на время, мы должны хоть в какой-то мере услышать это властное «не плачь!», сказанное нашим Господом Иисусом Христом, властвующим над живыми и мертвыми.

Седмица 21-я по Пятидесятнице

О том, что первично

Понедельник

Лк. 7:36–53

Флп. 4:10–23

Однажды некто из фарисеев просил Господа Иисуса Христа *«вкусить с ним пищи; и Он, вошед в дом фарисея, возлёг»*. Хозяин же тщательно наблюдал за Ним. Вообще фарисеям было свойственно наблюдать: руки ли кто перед вкушением пищи не омыл, или что другое сделал не по правилам. Очень важной стороной ритуальной дисциплины было требование не прикасаться ни к чему, способному осквернить. И вот, фарисей видит, что некая *«женщина того города, которая была грешница, узнавши, что он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром; и, ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и оттирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром»*. в другой раз фарисей прямо обвинил бы Иисуса, что он позволил грешнице прикоснуться к себе. Но тут задачей лукавых наблюдателей было иное: разоблачить Его как лжепророка, как самозванца, незаслуженно окружённого народным почитанием. И поэтому фарисей просто с удовлетворением отмечает в себе: *«Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница»*. Но Господь тут же отвечает в слух на этот не произнесённый укор, тем самым сразу указав на главное заблуждение фарисея. И начинает говорить по существу дела. Говорит же Он о грехе и прощении. Он показывает, что грех – это не какая-то несмываемая печать, вроде проказы, но – искажение должных отношений человека к Богу, искажение, которое может быть исправлено обоюдным усилием сторон. А чтобы раскрыть истинное соотношение этих усилий, Господь рассказывает притчу о двух должниках. Но интересно, что в этой притче причина и следствие занимают противоположные места, нежели в самой ситуации. Указывая на женщину, Господь сказал фарисею: *«Я пришёл в дом твой, и ты воды Мне на*

ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отёрла. Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор, как Я пришёл, не перестаёт целовать у Меня ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи твои». То есть, по-видимому, любовь к Иисусу – причина прощения ей грехов. Но в притче – наоборот: «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой – пятьдесят; но как они не имели чем заплатить, он просто простил обоим. Скажи же, который более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал: правильно ты рассудил...» То есть выходит, что любовь человека к Богу – вторична, и зависит от количества прощённых каждому грехов...

Дело в том, что этой притчей Господь всё ставит на свои места. Как бы нас не поражали свидетельства любви ко Господу истинных христиан, но на самом деле заслужить прощение своими делами никто не может, ибо «*В начале было Слово, ... и Слово было Бог*» (Ин.1:1) – со Своей Божественной созидающей любовью, со Своей Божественностью простить. И Господь не ищет ничего нашего, но – чтобы мы приняли Его дары и своими делами засвидетельствовали об этом. Подобно как апостол Павел отвечает Филиппинцам на их пожертвования: «*...Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающего в пользу вашу. Я получил... посланное вами. Как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу*»

Да, прощение невозможно заслужить, оно даётся даром. Сколько кому прощено, и кто должен более возлюбить в ответ, это – тайна Бога и человека. Ну а, чтобы не ошибиться, – надо просто-напросто понять, что тебе прощены не пятьдесят, а именно пятьсот динариев.

О женщинах, следовавших за Иисусом

Вторник

Лк. 8:22–25

Кол. 1:1–2:7–11

Сегодня в Евангелии узнаём, что кроме прочих учеников, за Господом следовали некоторые женщины. Причём евангелист Лука разделяет их на две категории. К первой относятся те, *«которых он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышло семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна»*. А ко второй – *«многие другие, которые служили Ему именем своим»*. Очевидно, среди этих последних, свободно посвятивших себя Господу, и – Пресвятая Дева Мария, и её родственница Саломия, мать апостолов Иакова и Иоанна.

Из первой категории – жестоко страдавших и исцелённых, – о Сусанне нам ничего не известно. Но о Иоанне говорится, что она была женой знатного человека, царского домоправителя. Если учесть, что женщина по Ветхому Завету всецело зависела сначала от отца, потом – от мужа, встаёт вопрос – как же они смогли оставить своих мужей и как мужья отпустили их? Может быть, чьи-то мужья тоже были в числе учеников Христовых. А может быть. Исцелённые женщины никогда не были столь тяжко больны, столь безнадежно одержимы, что между ними и их здоровыми родственниками поднялась стена отчуждённости. Как и в отношении Гадаринского бесноватого не говорится ни о его роде, ни о его близких, а лишь о том ужасе, который он наводил на всех. Когда же пришедшие к морю увидели, что он, исцелённый, *«сидит и одет, и в здравом уме»*, они «устрашились», наверное, не менее, чем его прошлыми дикими воплями. Он никому уже не был нужен и только просил Иисуса, *«чтобы быть с Ним»* (Мк.5:18). Так, может быть, и в отношении исцелённых женщин, их близкие, пережив первую остроту болезни или одержимости, отчаялись видеть в них человеческий облик, – как постепенно успокаиваются об умерших. И поэтому, когда Господь очистил и исцелил их, – им ничего не оставалось,

и ничто морально не препятствовало следовать за Иисусом. Но более всех в Евангелии говорится о Марии Магдалине. Некоторые предполагают, что она была та самая грешница, которая в доме фарисея омыла Иисусу Христу ноги своими слезами, отёрла волосами и помазала миром. Но, скорее, можно предположить, что именно Мария Магдалина однажды воскликнула: *«Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!»* – потому что Господь перед этим рассказал притчу, как изгнанный из человека бес *«берёт с собою семь других духов, злейших себя»*, и возвращается в прежний дом, если он не занят, *«и бывает для человека того последнее хуже первого»* (Лк.11:21–27). Может быть, Мария, из которой тоже, как сказано. Было изгнано семь бесов, увидела в этой притче историю своей жизни и вновь выразила благодарность Господу Иисусу за избавление от той беды, в которую впала по легкомыслию?.. Точно же известно, что потом она вместе с Пресвятой Девой стояла у Креста; и вместе с другими мироносицами *«зело рано»* пришла ко гробу. Евангелист Иоанн передаёт нам очень короткий, но – очень сильный и трогательный диалог, когда Мария пришла в опустевший после Воскресения гроб, и увидела Иисуса стоящего, но не узнала Его. *«Иисус говорит ей: жено! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему...»* О дальнейшей её жизни предание говорит, что она, разделяя с Апостолами труды, благовествовала в Риме императору Тиберию, и Церковь именует её не только *«мироносицей»*, но и – *«равноапостольной»*.

На иконах Мария Магдалина часто изображается с красным пасхальным яйцом в руке. По преданию, когда Тиберий, слушая Марию, усомнился в возможности воскресения мертвых, она и показала ему яйцо: во внешней окаменелости – торжество

смерти, но внутри – кроется жизнь, которая неотвратимо разрушит окаменелость, когда придёт время. И это всем известно. Но всем нам должно быть столь же несомненно известно, что та же жизнь кроется и за человеческим безумием, и за бесовской одержимостью, и за разъедающей человека проказой, и за многим, чего гнушаются и от чего отвращаются люди.

О корабле Церкви

Среда

Лк. 8:22–25

Кол. 1:18–23

Однажды Господь со Своими учениками переправлялся на другую сторону Геннисаретского озера. Поднялась буря, а Он спал. Ученики в страхе разбудили Его: *«Наставник! Наставник! погибаем»*. И Он, встав, единым словом укротил бурю, а затем укорил учеников: *«где ваша вера?»* ... *«Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: Кто же это, что ветрам повелевает, и воде, и повинуются Ему?..»*

Корабль, начиная от Ноева ковчега, – символ Церкви, образ единения людей, верных Богу. Ведь и тогда лишь те, кто был внутри ковчега, спаслись от водного потопления. А бушующее море – символ беззаконного. Враждебного Богу мира. И хотя каждый, прежде, чем войти в корабль Церкви, ходил по этим волнам и вроде бы вовсе не тонул, – однако, лишь войдя в Церковь, вдруг по-настоящему увидел истину: увидел, где шёл, и каким чудом было, – что не утонул.

И храм, где собираются верующие, – тоже подобен кораблю среди стихий мира, – храмы и строились часто в виде корабля. Храм тоже, как и корабль, захлёстывают волны, – ведь здесь, как и в ковчеге, – не только праведный Ной и его разумные сыновья Сим и Иафет; здесь и – Хам, и ему подобные. Здесь и жены, приведённые своими мужьями: здесь и мужья, тянущиеся за своими женами. И все мы, такие разные, все стоим и поём наш Символ веры. И мы не поём: *«...мы, Церковь...»* Но – все мы, не только далёкие от совершенства, но и самые совершенные, – все мы вместе поём: *«Верую ... во единую соборную и апостольскую Церковь...»* То есть веруем, что мы можем стать, и непременно станем – истинным телом Христовым, все члены которого страдают, когда страдает один, и радуются, когда радуется один. И то уже чудо, что мы. Столь разные, сходимся в этот корабль-храм, и, отложив вражду и злословие, какое-то время мирно стоим вместе, бок о бок,

обращённые лицом к востоку, ко Святому Алтарю, пока совершается Божественная служба. И все мы чувствуем, что ни для кого не могут пройти напрасно эти два часа.

И теперь наша задача, чтобы и, расходясь по домам, умудриться тоже всё же остаться в Церкви; выходя за борт корабля, всё же остаться в нём, сохраняя в сердце мир и благоговейную тишину Божьего присутствия. Выходя за пределы корабля, мы идём по тем же волнам, по которым пришла сюда. Но теперь уже идём не со слепой самоуверенностью, но – но со вниманием и страхом, держась за Господа рукой молитвы: «Спаси мя, Христе, спаси мя, Боже, яко Человеколюбец»! потому что эта грозная пучина настоящего жития страшна лишь бездною моих собственных зол, и моим забвением моего Спасителя.

И конечно же, я ещё не в Церкви, если мир ещё тянет меня, если он сам по себе кажется мне устойчивым и стабильным. И конечно же, я ещё не в Церкви, если, с другой стороны, меня страшат бури. Значит у меня нет ещё уверенности в силе и мудрости моего Кормчего, значит, я ещё по-настоящему не понял, Кто Он. А ведь *«Он есть Глава Тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых»*. И *«Он есть прежде всего, и все Им стоит»* (Кол.1:17).

О любознательности

Четверг

Лк. 9:7–11

Кол. 1:24–29

Господь избрал двенадцать Апостолов, ещё при Своей земной жизни послал *«проповедовать Царствие Божие»* (Лк.9:2). Он *«дал им силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней»* (Лк.9:1), а по Матфею, ещё и – воскрешать мертвых (Мф.10:7). Немного позже Господь избрал *«и других семьдесят учеников и»* тоже *«послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти»* (Лк.10:1). Потом, возвратившись, они с радостью рассказывали о своих успехах: *«Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоём»* (Лк.10:17). Но заметим, что никто из евангелистов не приводит ни одного примера такой их деятельности. Очевидно, Божьим промыслом было устроено, что, хотя они и наполнили чудесами всю ту землю и, хотя их было довольно много (двенадцать и семьдесят), но каким-то чудесным образом людям было ясно, что всё это – дела одного человека, что всё это *«делал Иисус»*. И у Царя Ирода тоже сложилось мнение, что действует лишь Один, и царь лишь *«недоумевал, ... кто же Этот, о Котором я слышу такое?»*

Во-вторых, удивительная всеобщая вера народа в возможность воскресения мертвых; *«ибо одни говорили, что это Иоанн восстал из мертвых; другие, что Илия явился, а иные, что один из древних пророков воскрес»*. Очевидно, слова великих пророков о грядущем воскресении прочно укоренились в сознании иудеев. *«Оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела!»* (Ис.26:19). *«И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление»* (Дан.12:2–3). *«А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого увидят Его»* (Иов.19:25–26). Помнил, наверное, иудейский народ и, как Илия

молитвой воскресил сына сарептской вдовы (3Цар.17), и – как воскрес мертвец, упавший случайно на кости пророка Елисея (4Цар.18:21). И особенно, как видим, люди верили в бессмертие именно своих праведников и пророков, верили, что они где-то и как-то рядом, могут в любой момент вернуться в эту жизнь.

Но особенно поражает третье. Несмотря на то, что дело Божье делалось так, что прославлялся только Иисус, несмотря на веру в воскресение мертвых, несмотря на почитание пророков, – иудеи упорно вопрошали: «Кто же Этот?», упорно не хотели увидеть в Нём Того, Кем Он был, о Ком говорили пророки. В лучшем случае Его принимали лишь за одного из пророков, ныне воскресшего. Вот так, даже многое зная и во многое веруя, и даже, может быть, зная наизусть всю Библию, можно не увидеть Того, на Кого она указывает, и ради Кого, собственно, написана. И это даже порой – при видимой любознательности, при видимой заинтересованности. Ведь и царя Ирода очень занимала личность Иисуса из Назарета. Он *«искал увидеть Его»*. И интересно, что желание Ирода, в конце концов, исполнилось. В двадцать третьем главе евангелист Лука рассказывает, что, когда Понтий Пилат узнал, что Иисус *«из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нём, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо. И предлагал Ему многие вопросы...»* Один священник рассказывал, как случилось ему быть в одном доме по какому-то случаю. Ему были рады, задавали много вопросов, и священник ушёл с чувством хорошо поработавшего сеятеля. Через год ему снова случилось быть в том же доме, и там же оказалось то же общество. Все снова были очень рады ему и стали задавать... те же самые вопросы. И Ирод ведь когда-то тоже *«с удовольствием слушал»* Иоанна Крестителя (Мк.6:20). Поэтому теперь Господь, зная, *«что в человеке»* (Ин.2:25), *«ничего не отвечал»* ему...

Так, иногда полезнее оставить человека наедине с его действительно серьёзным вопросом, чем дать ему повод сказать очередную глупость в ответ на твоё объяснение.

О жалобщиках

Пятница

Лк. 9:12–18

Кол. 2:1–7

Однажды Господь был среди народа в пустынных местах. *«День же начал склоняться к вечеру. И, приступив к Нему, двенадцать»* проявили, так сказать, заботу о людях. Они сказали: *«Отпусти народ; чтобы они пошли в окрестные селения и деревни ночевать и достали пищи...»* Вообще Апостолы очень долго не могли уразуметь, что их Учителе *«сокрыты все сокровища премудрости и ведения»*, и вот, даже пытались давать советы...

И тогда их Учитель, прекрасно зная, что у учеников *«нет более пяти хлебов и двух рыб»*, в ответ предложил: *«Вы дайте им есть»* ... Ведь что получается: Господь – здесь. Он всё знает. И Он есть Любовь (1Ин.4:8). А ученики этим словом *«отпусти народ»* как бы показали, что их любовь к людям опережает Христову любовь. А если так на самом деле, если вы лучше и видите, и знаете, и любите, то из этого естественно должно следовать, что вы можете лучше и сделать, и дать. Ну а если сделать и дать вы не можете, значит, ваша *«забота о людях»* в присутствии Господа – одно лишь гордое пустословие и недоверие к Тому, Который знает, *«в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него»* (Мф.6:7–8).

В такой ситуации мы оказываемся довольно часто. Например, священник в твоём приходе ведёт себя недостойно. И ты, исчерпав, как тебе кажется, все средства, идёшь жаловаться к начальству. И хотя внешне ты прав, и ситуация действительно вопиющая, так что кому ни расскажи, все за голову хватаются, но всё же, у жалобщика всегда будет ощущение своей неправды: в ответ на свою жалобу, он как бы слышит от Господа: *«вы дайте им есть»*. И совесть говорит: вот, Господь дал тебе настоящее дело, дал настоящий повод применить свои духовные силы, потерпеть, поплакать и помолиться; а твоего *«христианства»* достало лишь на то, чтобы

вызвать милицию или пожаловаться начальству... Что ж, смирись, пойми, что нет у тебя никакой любви, и в твоём стремлении к «торжеству справедливости» тобой руководили другие страсти. Потому что ведь можно и правильные слова говорить с раздражением, и правильные, по-видимому, дела делать со смущением сердца. А если *«в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину: это не есть мудрость, нисходящая свыше, во-первых, чистота, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»* (Иак.3:13–17).

О покрывале

Суббота

Лк. 6:1–10

2Кор.3:12–18

Во втором послании к Коринфянам апостол Павел пишет: *«Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей. Который полагал покрывало на лице своё...»* Ведь лицо Моисея, когда он с Синайской горы сошёл к народу, *«стало сиять лучами, оттого, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему.»* И тогда Моисей стал полагать на лицо своё покрывало, когда говорил с народом. *«Когда же входил Моисей пред лице Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил...»* (Исх.34:29–35). Так, хотя Моисей и принёс закон, но не мог передать самое главное: свою личную близость к Богу, свою личную праведность. Ибо о народе постоянно говорится, что он был *«жестоковыйный»* (Исх.32:9), а о Моисее – что он *«был человек кротчайший из всех людей на земле»* (Чис.12:3).

В этом эпизоде Священной истории Апостол видит вечный прообраз иудеев, не принявших Христа: *«умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остаётся не снятым при чтении Ветхого Завета; потому что оно снимается Христом»*. Поэтому, кстати, начинать изучение Священного Писания лучше не с Ветхого Завета, а с Нового, где Господь, в частности, показывает истинное соотношение двух Заветов. Например, в Нагорной проповеди Он сравнивает – что сказано через Моисея «древним» и что должно быть на самом деле: *«Древним сказано: не убивай»*. А на самом деле нельзя даже гневаться. *«Древним сказано: не прелюбодействуй»*. А на самом деле нельзя и в сердце допускать греховную, нечистую мысль. То есть Господь показывал, что ветхозаветные заповеди – не совершенная мораль, а лишь – первая ступень: воздержание от злых дел. А впереди – совершенное очищение сердца.

Господь показывал, что и все ветхозаветные ритуальные предписания – тоже первая ступень воспитания человека в послушании Богу. А совершенный – готов отвергнуться себя, взять свой крест и следовать за Христом, который *«смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп.2:8).

А два сегодняшних евангельских примера снимают покрывало с заповеди о субботе. Ведь суббота – это милость – и к себе, и к подвластным: *«...чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, и осёл твой, как и ты»* (Втор.5:14). И поэтому суббота не может быть препятствием, чтобы напиться голодный и исцелился больной.

Кроме того, на Ветхом Завете лежит покрывало самого страшного национализма – религиозного: ведь действительно, Сам Бог, Творец неба и земли когда-то повелевал Израилю в иных случаях безжалостно истреблять целые народы, мера беззакония которых переполнялась (Быт.15:16). И отсюда – на Ветхом Завете лежит ещё и покрывало двойной морали, когда одно предписывается по отношению к единоплеменникам, а другое – по отношению к чужим.

И только Христос ставит точку над всем временным и относительным. Отныне – новый Божий народ, новый Израиль – из всех людей, отовсюду приходящих ко Христу. Христос отвергает *«ум к уразумению писаний»* (Лк.24–45), показывая, что все пророки указывали на это, уже наступившее время...

А для религиозных поклонников одного только Ветхого Завета – на нём по-прежнему покрывало. Они продолжают считать себя раз и навсегда единственным Богоизбранным народом; они продолжают ожидать кого-то, кто снова соберёт их вместе, восстановит их храм и покорит им все народы. Они продолжают праздновать свою пасху, эту политическую победу над врагом, и не видят новой, истинной Пасхи – победы над грехом и смертью. И *«доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их»*. И только *«когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается»*.

Но иногда приходится слышать: как я могу обратиться ко Христу? Это значит – предать свой народ, отречься от него. Но

в этом случае ты сам клеветешь на свой народ, утверждая, что только ненависть ко Христу образует из твоего народа единое целое.

О бесплотных Силах

Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил
бесплотных

Мк. 13:24–30:36–43

Лк. 10:16–21

Евр. 2:2–10

Сегодня – праздник в честь Небесных Сил бесплотных, которых Господь Бог сотворил в самом начале, и которые уже «воскликали от радости», когда Он полагал основание Вселенной (Иов.38:7). Нам также открыто, что бесплотные Силы имеют разные дарования, разные служения и составляют некую иерархию. Пророк Иезекииль пишет о Херувимах, что *«всё тело их, и спины их, и руки их, и крылья их ... полны очей»* (Иез.10:22). Апостол Павел в своих посланиях упоминает Престолы, Начальства, Власти, Господства, Силы, Архангелов, Ангелов. Открыты нам также имена некоторых верховных Архангелов. Имя Архистратига всех Небесных Воинств – Михаил. Он же – хранитель сначала Богоизбранного народа Израильского, а потом – всей Христовой Церкви, этого нового Израиля. Имя второго Архангела – Гавриил. Он – великий Божий благовестник, который и пророку Даниилу объяснял смысл видений о грядущих судьбах мира, и Пресвятой Деве возвестил о рождении от Нее Спасителя, и – Захарии о рождении Иоанна Крестителя.

Писание говорит, что Ангелы «суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». У каждого есть свой Ангел-хранитель, и поэтому, когда мы обижаем человека, мы одновременно задеваем и небеса: *«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного»* (Мф.18:10). Служить Богу и людям – высшая радость для Ангелов, и они так это делают, что людям порой кажется, что действует Сам Бог. Когда Ангелы возвестили пастухам о Рождестве Христовом, те сказали: *«Пойдём в*

Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чём возвестил нам Господь» (Лк.2:15).

Ангелы ревнуют о славе Божией и об искоренении зла: «Господи! не доброе ли семя сеял Ты на поле Твоём? Откуда же на нём плевелы? ... Хочешь ли, мы пойдём и выберем их?» Но только Бог обладает полнотой ведения; только Он знает, когда сеять, когда жать и когда выбирать плевелы.

Открыто нам, что есть и падшие ангелы, называемые бесами, во главе с тем, кого именуют сатаной. Их тоже много, и их имел в виду Апостол, когда говорил, что *«наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф.6:12). Падение их совершилось тоже прежде создания мира. Тогда одни Ангелы сразу утвердились в верности Богу, а другие сразу отпали от Него. Отчего же эта нынешняя непоколебимость одних и невозможность восстановления других? Очевидно, по причине их чистой духовной природы. Дух прост. Он выбирает раз и навсегда, и в зависимости от своего свободного выбора, он или весь и навсегда в добре, или весь и навсегда во зле; и в нём уже нет точки опоры для изменения себя. Это – в отличии от человека, который кроме души имеет ещё и тело. Благодаря которому не может ни – как Ангел, сразу вознестись на небо, ни – как бес, сразу ниспасть во ад. Тело – как якорь, благодаря которому человек может остановиться на пути зла, может покаяться.

На пути же добра Бог всегда поддержит и Ангелов Своих пошлёт на помощь, *«сохранит и тя во всех путех твоих»* (Пс.90).

И мы сегодня радостно приветствуем бесчисленное множество наших бесплотных помощников в борьбе с грехом и диаволом и просим их: «да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественная ваша славы», – потому что подлинное их оружие именно – молитва. В своём послании апостол Иуда показывает, как воинствует Архангел Михаил. Он, споря с диаволом, *«не смел произнести укориженного суда, но сказал: «Да запретит тебе Господь»* (Иуд.1:9). И сквозь эти молитвенные слова – какой сокрушительный удар последовал:

«Я видел Сатану, спавшего с неба, как молнию. Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам», – говорит Господь. И как святому Андрею Юродивому было показано, насколько те, кто за нас, – сильнее тех, кто против нас, – сильнее тех, кто против нас, – сильнее тех, кто против нас, – так и мы должны быть уверены, что «ополчится Ангел Господень окрест боящихся» Бога «и избавит их» (Пс.33). и ещё должны мы помнить, какова сила ангельской молитвы, какова сила ангельского смиренного доверия Богу и какова сила ангельского смиренного доверия Богу и какова сила ангельского беззлобного противостояния врагу.

О плодоносном и об украденном семенах

Неделя 21

Лк. 8:5–15

Гал. 2:16–20

Сегодня мы слышали притчу о сеятеле и о возможной судьбе отдельных семян. И хотя иное падает при дороге, иное – в неглубокую землю, иное – среди терний, но ведь призваны-то мы все и предназначены все быть землёй, приносящей «плод сторичный», быть среди тех, «которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении».

Так, земля нашей души должна быть «доброй», то есть созвучной семени, подобной ему. Во-вторых, она должна быть «чистой», то есть не иметь в себе семян заблуждений и пороков, способных вырастать в страсти и заглушать всё остальное. И, наконец, она должна доверять силе принятого семени, не раскапывать его каждый день: нет ли уже чем похвалиться, или, напротив, нет ли от чего прийти в уныние. То есть она должна быть до конца терпеливой.

Ну а если эти три определения: доброе, чистое, терпеливое – недостаточны для нас, то копнём глубже. Священное Писание глубже вскрывает и показывает тайну плодородия, показывает, так сказать, образ сцепления Божественного семени с принявшим его сердцем. Такое сердце свидетельствует: *«Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»*. Вот те соединяющие узы, которыми так удивительно переплетается Слово Божие с живой душой: смерть со смертью, и жизнь с жизнью. В душе должна быть и жажда истинной жизни, и ощущение своей смерти, и понимание спасительной необходимости смерти и Воскресения Господа Иисуса Христа, и опять же – готовность сораспяться Христу, ради вхождения в Его жизнь. А если и жизнь, и смерть не воспринимаются как

ровно необходимые, то Божественное семя не принесёт плода, не выдержит жаркого солнца и не подавит терний.

Но наиболее печальна судьба того семени, которое *«упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его»*. Господь объясняет, что *«это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись»*. Почему *«похищает и уносит»*? разве мало, что оно и так в мертвой земле? Но диавол знает, что душа может ожить, прийти в себя и ухватить семя. Но что же он делает с унесённым? А он его искажает, примешивает ложь и возвращает назад через еретиков и сектантов. Как и Самому Господу Иисусу Христу диавол пытался подсунуть такое вырванное из Библии слово. Он вознёс Иисуса на высоту и сказал: *«бросься отсюда вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею...»* Господь знал, что на это ответить. Но ведь другой, имеющий в душе терния гордыни, жаждущий лести и похвал, мог бы и соблазниться, и броситься, забыв, что сказано также: *«Не искушай Господа Бога твоего»* (Мф.4:6–7).

Поэтому будем скоры на слышание, а, главное, – на исполнение (Иак.1:19:22). Потому что, если не услышим спокойно звучащего для нас Слова Божия, диавол тут же унесёт его, сделает увлекательным, приспособит к нашим страстям и подсластит им свою отраву. И это последнее, ложное, знание будет для нас хуже нашего первого, полного невежества.

Седмица 22-я по Пятидесятнице

О видах лжи

Понедельник

Лк. 9:18–20

Кол. 2:13–20

В послании к Колоссянам, которых смущали разные лжеучители, апостол Павел пишет: *«Бог ... вас, которые были мертвы во грехах ... оживил вместе с Ним, простив нам все грехи, истребив учением бывшее у нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою...»*. Это – реальность. Это – то, что с нами произошло; то, что всегда с нами. И эти слова сказаны не для заучивания, но, чтобы мы радовались о избавлении от неминуемой гибели, о сокрушении лютого врага и благодарили бы Господа нашего Спасителя. Враг как раз и старается любыми путями увести от реальности, от правды.

Например, он может предложить обратить пристальное внимание не на сам предмет, а на его тень. Что же, тень порой бывает довольно причудливой и занимательной. Но – что она по сравнению с самой реальностью – объёмной и многокрасочной! Ветхий Завет и был такой тенью новозаветных событий. А некоторые, даже приняв Христа, не только сами излишне увлекались наблюдением этой тени, но и других принуждали. И Апостолу приходилось освобождать смущённые совести: *«Итак, – пишет он колеблющимся, – никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело во Христе»*.

Но врагу не удаётся оттянуть вниз, он начинает манить круто вверх. Ведь ему всё равно: вверх, вниз, влево, вправо, – лишь бы от того, что есть на самом деле. Не желающим возвратиться к простым обрядам Ветхого Завета он может предложить интеллектуальную утончённость, открыть как бы сокрытые от прочих тайны, призвать чрезмерному, не по разуму,

аскетизму. Но – «никто, – предостерегает Апостол, – да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом». Ведь Апостолы как раз и проповедовали только то, что сами «слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки» их (1Ин.1:2).

Вне реальности – только ложь, как бы «высоко» или «низко» она не выглядела. И когда Господь спросил учеников: «за кого почитает Меня народ?» – в ответ посыпалось множество самых удивительных, но далёких от истины мнений: одни почитали Его «за Иоанна Крестителя, а иные за Илию; другие же говорили, что один из древних пророков воскрес». Но некоторые о Нём говорили и то, что Он просто-напросто обманщик и «обольщает народ» (Ин.7:12). Так что вне истины самые «возвышенные» варианты лжи смыкаются с самыми простыми и низменными. Но реальность – только тогда реальность, когда мы в ней всецело с душой, плотью и кровью, когда мы держимся «Главы, от Которой всё тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растёт возрастом Божиим». А говорить правильные слова, не живя ими, иметь вид благочестия, не имея его силы (2Тим.3:6), – значит подавать повод к глумлению над Христом и христианством. Поэтому, когда Пётр на вопрос Спасителя: а сами они за Кого Его почитают? – от лица всех учеников ответил: «За Христа Божия», – Господь всё же «строго приказал никому не говорить о сём»: ещё земной путь Христов не стал реальностью; ещё не пригвоздил Он ко кресту бывшее против нас рукописание; ещё не посрамил враждующие против нас начала и власти; и ещё не оживил нас вместе с Собою, простив нам все грехи.

О противоестественном

Вторник

Лк. 9:23–27

Кол. 2:20–3:3

В послании к Колоссянам Апостол пишет: *«Итак, если вы со Христом умерли...»* А через несколько строк читаем: *«Итак, если вы воскресли со Христом...»* И тут же снова: *«Ибо вы умерли...»* Итак, живы мы или мертвы? Умерли или воскресли? И вообще: что для нас жизнь и что смерть? В обычном мирском сознании они терпят друг друга рядом. Или одно, или другое. Пусть еле теплится, но это – жизнь. Пусть героическая, достойная удивления, но это – смерть. Но для христианина, по слову Апостола, *«жизнь, или смерть... – всё ваше»* (1Кор.3:22). Апостол и укоряет тех, кто как бы не до конца умер: *«если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире»*, делаете нечто, не свойственное этому состоянию? И тех же людей он укоряет как бы в неполном воскресении: *«если вы воскресли со Христом»*, то и делаете то, что безусловно доказывает подлинность вашего воскресения. Заметим, что не говорит Апостол: *«если вы хотите умереть»*, или *«если вы хотите воскреснуть»*, но в обоих случаях утверждает: *«вы воскресли»*, или: *«вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге»*.

Без смерти нельзя войти в жизнь. Господь однажды показал Царствие Божие ещё не вкушившим смерти (Мф.17). но видим, что Пётр, Иаков и Иоанн на Фаворской горе подобны щепкам, которые хотя и будешь силой погружать в воду, но вода всё равно вытолкнет их по неумолимым законам физики.

Господь говорит: *«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, то сбережёт её...»* А идти за Христом – это и есть стать причастником и Его смерти, и Его жизни.

Но в чём же обрести точку опоры, какой помысл может помочь взять и перевернуть себя?.. Пожалуй, вот какой.

Поскольку мы, по утверждению Апостола, *«умерли со Христом»*, действительно умерли, то значит: рабствовать стихиями мира, служить им, или излишне бояться их, как это бывает у нас, даже до того, что *«не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся»*, – всё это не просто нежелательно или ошибочно; это – совершенно невозможно и противоестественно для нас. Равно как и искать *«горнего, где Христос сидит одесную Бога»*, – это не совет, не предложение, не очередные наши задачи. Потому что *«вы воскресли»*. Уже воскресли. Смерть уже побеждена. А значит, не помышлять о горнем Отечестве, не искать его – тоже не просто наш недостаток, но – совершенное поправление своего христианского естества.

О преодолении плотского самоутверждения

Среда

Лк. 9:44–55

Кол. 3:17–4:1

Однажды Господь сказал ученикам: *«Вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие»*. Но ученики *«не поняли слова сего»*. Апостолы в своих писаниях не старались показать себя в лучшем свете, и мы отчётливо видим, какими они были до того, как Святой Дух сошёл на них. Мало того, что не могли они порой понимать простых слов Христовых; они ещё и *«спросить Его о сём слове боялись»*. А между тем, их стали занимать мысли: *«кто бы из них был больше?»* И однажды Господь, *«взяв дитя, поставил его пред Собою и сказал им: кто примет сие дитя во имя Моё, тот Меня принимает; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»*. И указал им прямой путь к истинному величию: *«кто из вас меньше всех, тот будет велик»*.

Ученики после этих слов. Кажется, перестали величаться друг перед другом; но сила плотского самоутверждения осталась и устремилась на чужих, на внешних: *«Наставник! мы видели человека, именем твоим изгонявшего бесов, и запретили ему, потому что не ходит с нами...»* Вот – плотской человек: невежество плюс предпочтение оставаться в этом невежестве, лишь бы не уронить себя в чужих глазах; плюс желание быть первым среди своих, или, по крайней мере, самоутверждаться перед чужими. И только когда Святой дух сошёл с Апостолов, они по-настоящему уразумели силу этих слов Господних: *«Кто из вас меньше всех, тот будет велик»*. И они стали учить этому всех христиан. Стали учить каждого применительно к его жизненной ситуации. Они говорили это и мужу, и жене; и родителям, и детям; и рабам, и господам. Они говорили: *«Жёны, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите свих жён и не будьте им суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всём, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших,*

дабы они не унывали. Рабы, во всём повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога... Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что, и вы имеете Господа на небесах».

И действительно, умягчающий себя вдруг обретает подлинную силу и власть. Искреннее смирение подвластных обезоруживает старших, буквально вырывает у них милость и снисхождение. Ведь давно было замечено, что *«кротостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык перемалывает кость»* (Притч.25:15). Но также и смиренная милость старших лучше всего способна вызвать усердие и добросовестность в подвластных. И это действует даже по отношению к внешним, к совсем, казалось бы, чужим. Известен рассказ, как ученик некоего старца, идя по дороге, встретил идольского жреца, несущего бревно, и со злостью обозвал его «демоном». Жрец тоже со злобой побил ученика. Вслед за учеником встречает жреца и сам старец, и ласково приветствует: «Спаси тебя Бог, трудолюбче!» Жрец был поражён, и сердце мгновенно расположилось слушать слова о Христе.

Истинный раб Божий не стыдится учиться даже до седых волос. Он невысокого мнения о себе и поэтому не смущается, когда высказывает своё незнание, спрашивая учителей. Он и, подчиняясь и господствуя, всегда помнит о своей подчинённости Богу. И, наконец, он постоянно чувствует благоговение перед образом Божиим в любом человеке.

О тех, кто с нами и, кто против нас

Четверг

Лк. 9:49–56

Кол. 4:2–9

Однажды один из учеников сказал Иисусу Христу: *«Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что не ходит с нами»*. Но Господь сказал ему: *«не запрещайте, ибо, кто не против вас, тот за вас»*. Этот отрывок часто приводят в доказательство, что вовсе не обязательно быть в едином стаде, в единой видимой Церкви.

Но ученики в то время были ещё плотскими, поэтому и Господь говорил с ними как с плотскими. Когда же Святой Дух сойдёт с них, то наставит на всякую правду: научит и как освобождать, и как вязать, и как присоединять к Церкви, и как отлучать от неё; научит и как определять: кто в Церкви, а кто вне её. В Деяниях Апостолов говорится, например, о некоем Аполлосе, который *«был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново»* (Деян.18:24–28). Когда же Акила и Прискилла *«точнее объяснили ему путь Господень»*, он, хотя и горел духом, что обычно вселяет особую самоуверенность, – но смиренно внял наставлениям. И через это выяснилось, что он *«не против вас»*.

Но в общении с сектантами видим совсем другое. Видим слепоту ко всем аргументам; они просто боятся взять в руки книгу по церковной истории; они не хотят знать фактов участия Божией Матери и святых Ангелов в жизни людей. Разговоры с ними мгновенно превращаются в споры. В учебных заведениях идёт прямое натаскивание против Церкви, без конца повторяются обвинения, которые уже давно и многократно освещены и объяснены в церковной литературе. Приходилось слушать от них такие сладкие слова, что, дескать, просто все люди разные: одни хотят молиться в храме, а другие – на травке почитать и пообсуждать слово Божие. Но в своих

собраниях они проповедуют, что Православная Церковь и есть тот самый зверь, в которого древний дракон, то есть диавол вдохнул свой дух (Откр.13). Потому что не возможно быть просто не с нами. Чтобы удержаться на плаву, им надо непременно активно быть против нас. Они обязательно должны прямо или косвенно нападать на нас, потому что им надо объяснить, почему, вопреки словам Апостола, что «едина вера» (Еф.4;5), у них всё же своя, иная вера, которой всего порой сотня-другая, а то и меньше лет. Им надо не ко спасению привести людей, но именно – отторгнуть от Церкви, и они учат, что крест, который высится над городом или посёлком, который на груди их сестёр и матерей, это – ни много ни мало – печать антихриста.

И уходят к ним люди в основном гордые и строптивые; ибо, можно ли себе представить, чтобы человек, соблюдающий, например, заповедь «будьте постоянно в молитве, бодрствуя в ней с благодарением», смущался бы от чьих-то недостатков и искал бы себе другого пристанища вне Единой Святой Соборной Апостольской Церкви?..

Слово Божие учит: *«С внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому»*. И духовный человек не будет желать, *«чтобы огонь сошёл с неба и истребил»* всякого, кто не ходит за нами или не принимает нас. Он подойдёт с любовью и вниманием, как Акила и Прискилла к Аполлосу. Он внимательно расспросит о вере, изложит свою веру. И оттого, отвергнут ли с гордостью его слова, или со вниманием выслушают, будет ясно: с нами здесь или против нас. А дальше тоже по слову Божьему: *«Еретика после первого и второго вразумления отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосуждён»* (Тит.3:10–11).

О послании Семидесяти

Пятница

Лк. 10:1–15

Кол. 4:10–18

Из сегодняшнего евангельского чтения мы узнаём, что кроме двенадцати Господь однажды избрал *«и других семьдесят учеников и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти...»* Но – как они ходили, как проповедовали, как принимали их люди, – нам неизвестно. Даже евангелист Лука, который, по церковному приданию, сам был в числе этих семидесяти, не приводит ни одного примера. Мы знаем только те краткие наставления, которые дал им Господь.

«Жатвы много, а делателей мало», – начал Он. И продолжил довольно неожиданно: *«итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»*. Выходит, что, хотя они и посланы на Божье дело, но ни в коем случае не должны думать о себе, как об истинных делателях. Во-вторых, Господь послал их *«как агнцев среди волков»*. «Агнец перед волком и так совершенно беззащитен, а Господь ещё и лишает их последней независимости: *«Не берите»*, – говорит, – *ни мешка, ни сумы, ни обуви...*» На пути они не должны соблазняться ничем душевным, ничем, так сказать, естественно человеческим, и даже *«никого на дороге не приветствовать»*, – что неизбежно будет лишним поводом для недоразумений и обид.

И вот, как агнцы среди волков, должны они входить в дома и приветствовать всех: *«Мир дому сему»*. Они должны бросать это приветствие как во тьму, как семя в неведомую почву, не зная, почиет ли их мир на хозяевах дома, или возвратится к ним в виде неприязни и злобы. Словами и чудесами должны они свидетельствовать, что *«приблизилось к ним Царствие Божие»*. Сыны Царствия узнают в этих агнцах голос пославшего их Пастыря. А волкам должно сказать: *«И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам»*. Мол, ничего вашего мы не

искали, а искали только самих вас, спасения ваших душ. И снова должны засвидетельствовать: *«Однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствия Божие»*. Потому что, хоть и изгнали благовестника, но Царствие Божие уже стоит и будет стоять у ворот. Посланец Царствия смиренно отойдёт прочь, но твоя ненависть, направленная на него, на тебя же самого возвратится.

Ещё надо сказать, что эти посланцы – до Пятидесятницы. Они ещё не просвещены Духом Святым. Всё, что делается через них, – дело Единого только Пославшего их Господа Иисуса Христа. И когда они возвратились, в них – радость детей, которым дали понажимать кнопки за пультом огромной машины: мол, получается! *«Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоём»*. После же Пятидесятницы всё по-иному. Апостолы получили дух ведения и уже смогли различать, кто имеет достаточную веру, чтобы быть исцелённым (Деян.14:9), а кто находится в узах неправды (Деян.8:23). Они уже знают, в какую землю бросить какое семя.

Но не у всех такие дары, а делать всё равно надо всем: идти, как агнцы среди волков, как некий старец сказал одному впавшему в уныние священнику: «Ты, иерей Божий, сей семя Слова Божьего. Сей и на доброй земле, и в тернии, и при дороге: может где и взойдёт». Но только всегда при этом надо чувствовать неловкость даже от чужого праха, прилипшего к нашим ногам, и всегда молить Господа, чтобы всё-таки послал Он на Свою жатву истинных делателей. А также надо быть готовым и отойти в сторону, когда Господь их действительно пошлёт.

О удивительной вере

Суббота

Лк.7:2–10

2Кор.5:1–10

Некоторые проповедуют могущество Господа Иисуса Христа, но при этом как-то не чувствуют своего недостойнства. А некоторые – наоборот: остро переживая свою убогость, как-то не находят при этом утешения в помыслах о могуществе и любви нашего Небесного Отца. А римский сотник, о котором повествует сегодняшнее Евангелие, и верит в силу Господа Иисуса и одновременно на считает себя достойным даже явиться пред Его очами. И заботится-то он даже не о себе, а своём слуге. И, вдобавок, иудейские старейшины, *«пришедши к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу»*. Вот таков был этот человек. Имея явные заслуги перед Богом и Его народом, он даже, когда Иисус уже подходил к его дому, выслал Ему навстречу своих друзей, и Иисус услышал ещё более удивительные слова: *«не трудись, Господи! ибо я не достоин, чтобы ты вошёл под кров мой; потому и себя самого не почёл я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой...»* И Господь похвалил его веру, потому что истинная вера всегда последовательна. Если, например, верующий человек говорит: *«знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный»*, то, следовательно, он и воздыхает, *«желая облечься в небесное наше жилище»*. И забота его будет лишь в том, чтобы *«нам и одетыми не оказаться нагими»* и чтобы и в теле, и вне тела – быть угодным Богу.

Так и сотник: чем сильнее была его вера в могущество Господне, тем острее чувствовал он и своё недостойнство. И осознание этого недостойнства не приводит его в отчаяние, но, в свою очередь, помогает ещё острее видеть Божественную силу: скажи *«только слово, – говорит он, – и выздоровеет*

слуга мой». «Ибо я и подвластный человек, – продолжает он, – но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «пойди», и идёт; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай то», и делает». И тут мы видим один из источников веры сотника: это – пристальное внимание к окружающему миру и способность удивляться. Ведь разве не удивительно уже то, что человек физически способен слышать сказанное другим человеком? Неужели не ясно, что и говорящего, и слушающего, и уста, и уши создал Единый и приспособил одно к другому? А то, что существуют человеческие общества, что одни люди подчинены другим, и что у каждого своего дарования, и все вместе способны делать одно дело? Может быть, при этом сотник особенно удивлялся, как это Бог подчинил ему людей, на его взгляд, более достойных, и они внимательно слушают и исправно выполняют, и даже на смерть идут по его слову! Каково же слово Того, Кто всё это сотворил и устроил? Сотник, по существу, повторяет слова пророка Исаии: «Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает её способную рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, – так и слово Моё, которое исходит из уст Моих, – оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего я послал его» (Ис.55:10–11).

И все эти Божьи чудеса всегда вокруг нас, и всем нам даны глаза и уши, так что удивляться надо скорее тому, что кто-то не видит и не слышит. Но Господь всё-таки «удивился» сотнику, «и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашёл Я такой веры». Потому что вера, как и любовь, – акт свободной воли, и поэтому всегда – чудо, всегда – подвиг, и всегда достойна удивления.

О Загробных тайнах

Неделя 22

Лк. 16:19–31

Гал. 6:11–18

Всех нас волнуют тайны загробного мира. Мы знаем, что одни люди пойдут «в муку вечную», а другие – «в жизнь вечную» (Мф.25:46). Но – как представить себе вечную муку, и неужели она угодна Богу, Который есть Любовь (1Ин.4:16)? Сегодняшнее Евангелие приоткрывает эти тайны.

Жили два человека. Один *«был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях»*. Так и проходила их жизнь. Для богача Лазаря как будто не существовало, и не было даже случая, чтобы он хоть что-то подал ему. Лазарь же никогда не питал ни злобы, ни зависти; не строил планы передела мира, не мечтал о «раскулачивании» жестокого богача и даже не надеялся на милостыню с его стороны, потому что убедился в невозможности этого. Мечты его были строго в пределах его возможностей: он желал лишь *«напитаться крошками, падающими со стола богача»*. Оба были постоянны в своей жизни. И богатый – в упорном нежелании считать Лазаря за человека, и Лазарь – в своём кротком принятии данного ему от Бога жребия.

Но вот оба умерли. И видим, что там их постигает тоже разная участь, только наоборот: Лазарь *«отнесён был Ангелами на лоно Авраамово»*, а богач оказался *«в аде... в муках»*. Итак, во-первых, отметим, что оттуда, где богач, видно то место, где находится Лазарь. А, во-вторых, – что и там люди не лишены свободы: они могут говорить, выражать те или иные чувства и пожелания.

Богач буквально своей шкурой ощущает, куда завели грехи, и в то же время он видит, чего удостоился Лазарь, но суд Божий для него – ничто: удостоившийся пребывать *«на лоне Авраамовом»* для него всё равно *«в струпьях»*, и он, как будто

Лазарь – бессловесное животное, обращается к Аврааму: *«Отче Аврааме! умиласердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем»*. Авраам терпеливо и кротко объясняет богачу то, что и так уже всякому ясно: *«Чадó, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь»*. И далее Авраам объясняет богачу ещё одну особенность загробного мира: *«между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят»*. То есть там, в отличие от нынешнего века, уже закрыта возможность деятельно помогать друг другу.

Но говорить же не запрещено, молиться не запрещено!.. А богач продолжает: *«Так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения»*. По отношению к Лазарю всё то же: пусть сбегает!.. Но неужели у богача проснулось нечто доброе, забота о братьях, желание наставить их на благой путь? Увы, нет. Тут не забота о братьях; тут – косвенное оправдание самого себя: дескать, если бы мне в своё время было послано чудесное знамение, я не был бы здесь. А так – я и не виноват, и каяться мне не в чем!..

Итак, дело не столько даже в прожитой жизни, сколько – в самооценке её пред Богом. Господь не просто подытоживает наши дела, но и даёт возможность последнего слова. Это видно и в притче о Страшном суде (Мф.25). несомненно, если бы праведники самодовольно согласились с Божией похвалой, а грешники не стали бы оправдываться, то участь и тех и других была бы иной. Так и в сегодняшнем чтении. Богач говорит одно, но что мешает ему сказать другое? Что мешает ему воскликнуть: *«Прости, Лазарь, мое жестокосердие! Помолись за меня, отче Аврааме! Господи помилуй меня!»* неужели в этом случае небожители не стали бы ходатайствовать за него, и неужели Господь не оказал бы милость? Ведь как не отнимается у нас за гробом свобода, так не может иссякнуть и Божественная любовь. Значит, в вечную муку идёт тот, кто сам

отталкивает спасающую Божью руку, кто отвергает всякую очевидность, всякое вразумление от Моисея, пророков и апостолов. И когда, например, видишь, как иной богослов, прижатый прямыми Господними словами (Мф. 25:46), буквально извиваясь, отвергает возможность вечных мук, тут-то особенно остро чувствуешь их неизбежность.

Седмица 23 по Пятидесятнице

О чудесах и о вере

Понедельник

Лк. 10:22–24

1Фес. 1:1–5

Однажды Господь сказал: *«Все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть»*. И хотя после этого Господь, *«обратившись к ученикам, сказал им особо: блаженны очи, видящие то, что вы видите»*, – но, конечно же, не только через очи, видящие то, что вы видите», – но, конечно же, не только через очи открывается Бог. Тех, кто, имея очи, не видит и, имея уши, не слышит, Господь укоряет таким странным образом: *«Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел пришел»* (Ин.8:42). По этим словам, выходит, что люди, обращающиеся к Господу Иисусу Христу, не то, что познают ранее чужое и незнакомое, но – узнают родное.

И апостол Павел тоже чувствовал это, когда писал фессалоникийцам: *«Всегда благодарим Бога за всех вас, ... зная избрание ваше...; потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе, и во Святом Духе, и со многим удостоверением»*. То есть – в чудесах, которые он совершил у фессалоникийцев, Апостол видит не столько причину обращения людей, сколько свидетельство, «удостоверение» того, что они уже избрали Бога, и сами уже избраны Им. Хотя чудо в Священном Писании часто и рождало веру. Например, после претворения воды в вино в Кане Галлилейской – *«уверовали в Него ученики Его»* (Ин.2:11). А если не так, то Апостол пишет с горьким укором: *«Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него»* (Ин.12:37). Но гораздо чаще видим, что прежде, чем сотворить чудо, Господь требовал веры. Прежде чем вернуть зрение слепцам, Он спросил: *«веруете ли, что Я могу это сделать?»* (Мф. 9:28). Также Иаиру в тот момент, когда принесли весть о смерти дочери, Господь сказал: *«Не бойся, только веруй»*

(Мк.5:36). А приходя в Своё отечество, Он «не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф.15:38) ...

Дело в том, что человек – не зеркало, просто отражающее нечто; и не бумага, на которой пиши, что хочешь. Человек приходит в мир, имея в себе таинственную печать Божественного просвещения; Бог есть *«Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир»* (Ин.1:9). Человек сотворён по образу и подобию Божьему; Бог вдунул в него душу живую, и эта душа может и должна помнить, ради чего создана, и с Кем должна быть вместе, в союзе любви. В том-то и ужас, что Сотворивший человека *«пришел к своим, и свои Его не приняли»*. Это непостижимо и противоестественно. Но зато *«тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими»* (Ин.1:12). Так, чудесами Господь старался пробуждать тех, кто забыл или почти забыл о своём небесном отечестве; но чудеса и свидетельствовали, что перед Господом души, которые помнят, из Чьих Уст вышли, которые вместе со всеми от века благочестивыми царями и пророками именно *«желали видеть ... и слышать»*.

Чудо и вера всегда рядом, как жизнь Божия и жизнь человеческая. Чудо, это – всё, что делает Бог. Это и – сотворение мира, и установление в нём определённого порядка, и особый промысел о людях и о каждом человеке. Но только вера способна опознать чудо как чудо, а не как просто «естественное», само собой существующее. И дай Бог, чтобы и вера наша и видела, и рождала бы чудеса, и чтобы чудеса эти ещё более и оживляли, и укрепляли нашу веру.

О молитве Господней

Вторник

Лк. 11:1–10

1Фес. 1:6–10

Однажды, когда Господь «в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как Иоанн научил учеников своих». И далее следует молитва «Отче наш...». По Матфею же, Господь Сам преподавал ученикам эту молитву, предварительно сказав: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф.6:7–8). В чём же особенность христианской молитвы и в чём её отличие от молитвы языческой?

Во-первых, я называю Бога Отцом, и в то же время исповедую, что живёт мой Отец не здесь, а в ином, и даже совсем ином месте: «на небесах». Тем самым я уподобляю себя блудному сыну из евангельской притчи (Лк.15), который в своих несчастиях вдруг пришёл в себя и вспомнил, что где-то далеко у него есть Отец, и что уже ничего более не остаётся, как начать свой путь к Нему. И я понял, что моё спасение только в бесконечном возрастании славы и милосердного могущества моего Отца, чтобы их хватило покрыть мои грехи. Об этом я молюсь прежде всего: «да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое».

Я уже понял, куда завела меня моя воля, и молюсь Отцу: «да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли». Хочу, чтобы отныне воля Небесного Отца и на земле, и во мне столь же безусловно осуществлялась, как и на небе, в мире бесплотных ангелов, беззаветно преданных Отцу.

Далее просим: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Возникает вопрос: почему сказано «наш»? в Притчах Соломона, например, сказано просто «насущный», и там всё понятно: «нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным

хлебом», то есть не давай мне лишнего, а только необходимого для существования. Но мы упорно просим именно «наш насущный» хлеб. То есть выражаем готовность принять как насущный хлеб даже то, если Господь сочтёт, что для нас насущно остаться «днесь» вообще без хлеба.

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». А этим прошением Господь в наши собственные руки вверяет наше спасение: как будем прощать, так и нам простится. Кажется, вот оно, в руках!.. Но с ужасом вижу, *«что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?..»* (Рим.7:21–24). И просим: «не введи нас во искушение...» И хотя знаем, что не Бог нас искушает, *«но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью»* (Иак.1:13–15), – всё же будем молиться, чтобы Господь избавил нас от этих последствий нашей злой греховной похоти. И хотя сказано: *«С великой радостью принимайте, ... когда впадёте в различные искушения»* (Иак.1:2), – что же, и будем радоваться, когда впадём, когда Господь попустит. Ну а пока не впали, будем молиться, чтобы избежать их. Ведь и Сам Господь, хотя и говорил: *«Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его»* (Ин.4:34), – но всё же молился в Гефсиманском саду: *«Отче Мой! если возможно, да минует Меня Чаша сия...»* (Мф.25:39). Нам ли дерзко напрашиваться на искушения?

И далее просим у Бога, чтобы окончательно избавиться от князя, от властителя мира сего: «но избави нас от лукавого». Не хотим ничего общего иметь с тем, кто нас, обнищавших, послал пасти свиней и заставил мечтать лишь о том, чтобы разделить со свиньями их пойло. Хотим быть только Твоими, потому что знаем: *«Твоё есть Царство и сила и слава во веки. Аминь»* (Мф.6:13).

По Матфею, Господь после всего ещё раз заострил внимание учеников на том прощении, исполнение которого всецело зависит от нас самих. Он подчеркнул: *«Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»* (Мф.6:14–15). И опытные наставники запрещали читать молитву Господню находящимся во вражде. Потому что, если, питая в душе планы мести, мы читаем: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим», – то мы или не понимаем, что читаем, или сознательно просим себе такого же зла, какое желаем врагу, или просто издеваемся над Тем, Кому молимся.

О чём просить

Среда

Лк. 11:9–13

1Фес. 2:1–8

Господь говорит: *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»*. Но на деле видим, что далеко не все прошения исполняются. Апостол Иаков объясняет: *«Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений»* (Иак.4:3). И в Евангелии можем найти достаточно указаний, какие прошения похвальны и будут непременно удовлетворены. *«Положим, – говорит Господь, – что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: «друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги пришёл ко мне, и мне нечего предложить ему»*. Он пришёл не потому, что ночью вдруг захотел есть; ему надо исполнить священный, заповеданный Богом закон гостеприимства, и ради этого он неотступно будет стоять и просить, слушая отказ за отказом и всякие укоризненные слова. И если тот не исполнит его просьбу сразу, то всё равно исполнит *«по неотступности его»* (Лк.11:5–8).

И другой пример. Евангелист Лука рассказывает про вдову, как она, загнанная в угол своими обидчиками, просила защиты у судьи, который так прямо и говорил о себе: *«я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь»* (Лк.18:3–7). Но так уж она допекла его своими отчаянными просьбами, что и этот бессовестный человек пошёл ей навстречу, только бы отвязалась. И Господь заканчивает: *«Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя медлит защищать их?»*

Апостолы Христовы, чтобы Бог был с ними, и чтобы их молитвы всегда были услышаны, – постоянно испытывали свои сердца, чтобы в них не было «ни заблуждения, ни нечистых помыслов, ни лукавства, ... ни слов ласкательства, ... ни видов корысти», ни искания «славы человеческой».

И ещё обратим внимание, что Господь даёт Свои обетования тем, кто считает Его своим Отцом. Конечно, если сын попросит хлеба, неужели отец даст камень, или, если попросит рыбы, неужели даст змею? или, если попросит яйцо, неужели даст скорпиона? Ну, а если сын попросит змею или скорпиона, не зная, какой яд кроется в них? или, если попросит камень, думая, что это и есть хлеб?..

Кого называют отцом, тому доверяют. Тем более, если это – Небесный Отец. Ведь, если даже человек способен обходиться со своими духовными детьми, «подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими», то – что же наш Небесный Отец? Как Он может смотреть на нас, как Он может относиться к нам, если даже Его слуги имеют дерзновение говорить: *«мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны» ?..*

Поэтому будем просить нашего Господа с сыновним доверием. И –не забывать благодарить Его за все исполненные просьбы. А ещё больше – благодарить за просьбы неисполненные. Потому что именно тут, может быть, больше всего сказывается Его любовь, которая *«не ищет своего»* (1Кор.13:5), не ищет славы и похвал, а ищет только истинной пользы и совершенного блага своему возлюбленному.

Аминь